

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NDI

HW БББУ J

110

ЗА БАЙКАЛОМЪ

И

НА АМУРЪ

ПУТЕВЯ КАРТИНЫ.

Д. И. СТАХЪЕВА.

749

Б. П.

С - ПЕТЕРБУРГЪ.
1869.

ЗА БАЙКАЛОМЪ

И

ф 25267

НА АМУРЬ

ПУТЕВЫЯ ВАРТИНЫ.

Д. И. СТАХЪЕВА.

749

Содержаніе: Прибайкальская природа, промышленность и нравы прибрежных жителей; путь отъ Байкала до Кяхты; Русская слобода Кяхта и Китайскій городъ Маймайтчинъ; торговая, общественная и частная жизнь китайцевъ и русскихъ; очерки бурятскаго быта, нравы и обычаи бурятъ; путь отъ Кяхты на Амуръ до г. Благовѣщенска; жизнь въ г. Благовѣщенскѣ; плаваніе въ лодкѣ по р. Амуру отъ г. Благовѣщенска до р. Усури; жизнь въ амурскихъ казачьихъ станицахъ.

Прозорено 1936 г.

В. П.

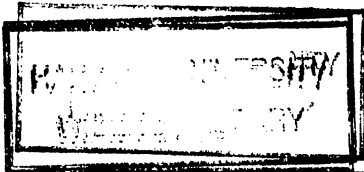
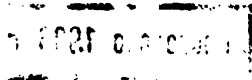
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

910.4 (C18)

Кр. 1040

Keller, Ed. Типография К. Вульга, Литерный просп. д. № 60.

У БАЙКАЛА.

I.

Озеро Байкаль лежитъ въ восточной Сибири, въ 65 верстахъ отъ гор. Иркутска. Оно извѣстно еще подъ названіемъ Святаго моря и это названіе, по всему вѣроятію перешло отъ Монголовъ, такъ какъ оно называется по Монгольски, «*Далай норзъ*» что значитъ въ переводѣ— «Святое озеро».

О немъ упоминають древнѣйшія китайскія лѣтописи, и въ одной китайской географіи, изданной въ царствованіе Монгольской династіи Юань, говорится о странѣ кулихановъ, гдѣ находилось множество лилій (*Lilium Marstogon* желтая сарана). Эта страна отъ столицы Китая простиралась далеко на сѣверъ, до моря *Бей-хай* (по якутски богатое озеро); за этимъ моремъ,—по словамъ географіи, — дни становятся долгими, а ночи короткими. Въ китайскихъ же историческихъ сочиненіяхъ упоминается о Байкалѣ, какъ о мѣстѣ ссылки важныхъ преступниковъ, и о томъ, что лучшіе соколы для императорской охоты привозятся отъ Байкала.

Изъ всего этого ясно, что около Байкала никогда не было ни городовъ, ни соединенной съ ними осѣдлости и что около него кочевали только полудикія бродячія племена, остатки которыхъ встрѣчаются еще и въ настоящее время.

Изъ русскихъ первый забравшійся на Байкаль былъ служивый человекъ Курбатъ Ивановъ; пробрался онъ

изъ Якутска и разузнавъ, что гдѣ-то по близости есть серебро, воротился назадъ за помощію. Черезъ нѣсколько времени, по слѣдамъ Курбата Иванова, къ Байкалу пробрались и другіе, потомъ нахлынули казаки и стрѣльцы, дѣти боярскіе, и промышленники и Байкаль сталъ русскимъ.

Байкаль имѣеть до 600 верстъ длины и отъ 75 до 100 верстъ ширины; его глубина и до сихъ поръ еще никѣмъ достаточно не изслѣдована, промѣряны только нѣкоторыя мѣста. Всѣ жители прибайкалья, на вопросы о глубинѣ озера, считаютъ долгомъ выразить на своемъ лицѣ таинственность и чуть не шопотомъ сообщаютъ, что «Святое море дна не имѣеть». За тѣмъ, при дальнѣйшихъ распросахъ, спрашивающій услышитъ отъ прибрежныхъ жителей, что близъ береговъ Святаго моря въ тихую погоду видны цѣлыя лѣса и скалы.

По измѣреніямъ, сдѣланнымъ въ 1859 году отъ рѣчки Бугульдеихи къ устью р. Селенги и отъ пристани Чертовкиной къ Посольску, найдено было до 1000 саж. глубины и больше ничего неизвѣстно. Кромѣ множества мелкихъ рѣчекъ Байкаль принимаетъ въ себя съ сѣв. Верхнюю Ангару, съ вост. Баргузинъ, съ ю-в. Селенгу, изъ него же вытекаетъ только одна рѣка Ангара. Она имѣеть начало на с-з. сторонѣ Байкала.

По характеру окружающихъ его горъ, можно съ достовѣрностію предположить, что Байкаль образовался во время сильнаго геологическаго переворота.

Быть можетъ, на мѣстѣ этого озера, въ отдаленное до-историческое время, пролегла гладкая степь, паслись стада, кочевали бродячія племена и вдругъ, въ одно изъ сильныхъ землетрясеній, мѣстность эта провалилась, на мѣстѣ провала образовалась громадная масса воды, выдвинулись со всѣхъ сторонъ гигантскія горы и окру-

жили озеро своими разнохарактерными сопками. Но какъ общее паденіе, по видимому, было къ сѣверу, то въ западномъ изгибѣ Байкала самый низкій путь, для стока водъ, могъ быть только по направленію узкихъ долинъ на сѣверо-западъ, совпадающему съ среднимъ паденіемъ мѣстности, и Ангара вылилась на сѣверо-западъ, пробивъ Лиственичныя горы.

Въ ста саженьяхъ отъ ея истока изъ Байкала, на самой срединѣ рѣки, высунулся изъ воды замѣчательный во многихъ отношеніяхъ камень, называемый Шаманскимъ. По глубинѣ Ангары у ея истока, по видимой величинѣ камня надъ поверхностію рѣки, можно съ достовѣрностію предположить, что этотъ Шаманскій камень имѣетъ весьма большіе размѣры и служитъ значительной задержкой воды, вырывающейся изъ Байкала съ замѣчательной быстротой.

Если бы когда либо, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, этотъ громадный камень или, выражаясь точнѣе,—эта подводная гора разбилась на нѣсколько частей и потеряла возможность сдерживать собою быстрый напоръ воды, то по всему вѣроятію для Иркутска день разрушенія Шаманскаго камня былъ бы днемъ наводненія. Объ этомъ часто подумываютъ со страхомъ туземные жители.

Уровень Ангары, въ 60 верстахъ отъ Байкала, ниже уровня его на 60 сажень, слѣдовательно до Иркутска на каждую версту приходится сажень паденія.

Вообразите себѣ, какую великолѣпную картину представляетъ эта масса воды версты въ двѣ шириною, несущаяся съ быстротою почти 20 верстъ въ часъ.

Но какъ бы ни была великолѣпна картина, а все таки сосѣдство Байкала для окружающихъ его мѣстно-

*

стей—сосѣдство весьма грозное и недружелюбное, что и доказало землетрясеніе 1861—62 года.

Землетрясеніе это имѣло центромъ своимъ Байкаль, отъ котораго и распространялось на 500—600 верстѣ въ окружности, ослабѣвая по мѣрѣ удаленія отъ своего центра.

Началось оно 30 декабря и, повторяясь въ день по нѣскольку разъ, продолжалось до 1 января; потомъ, значительно ослабѣвъ, оно давало еще знать о себѣ легкими колебаніями земли въ продолженіи почти двухъ недѣль.

Въ то время много погибло бурятскихъ юртъ, крупнаго и мелкаго рогатаго скота и самихъ бурятъ, почевавшихъ съ своими стадами по берегамъ Байкала.

Во время этого землетрясенія въ Иркутскѣ сами собой звонили колокола; въ одномъ селеніи провалился куполь церкви; въ деревняхъ, близъ Байкала, много свалило и поломало избъ; изъ глубокихъ колодцевъ исчезала вода и вмѣсто нея выбрасывало вверхъ песокъ и гальку.

Въ заключеніе всего, это землетрясеніе оставило по себѣ въ воспоминаніе новое озеро: верстахъ въ 25—30 отъ р. Селенги образовался провалъ земли верстѣ въ 20—25 въ длину и ширину, на этомъ мѣстѣ выступила вода и съ того времени это новое озеро все болѣе и болѣе увеличивается. (*)

На Байкаль, кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ

(*) О подробностяхъ этого замѣчательнаго землетрясенія см. въ послѣднихъ номерахъ 1861 и въ первыхъ номерахъ 1862 года газеты «Амуръ», издававшейся въ Иркутскѣ, а также въ особомъ приложеніи къ этой газетѣ, въ трудахъ ученой экспедиціи, командированной для изслѣдованія послѣдствій этого землетрясенія.

острововъ, есть островъ Ольхонъ, населенный бурятами. Онъ имѣеть до 60 верстъ длины и до 12 ширины. Живущихъ на немъ буряты, по рассказамъ, есть до 1000 семей; занимаются они рыбною ловлей, звѣроловствомъ и имѣють значительное скотоводство.

Я никогда не бывалъ на этомъ островѣ, но по описаніямъ бывшихъ на немъ, — видъ его чрезвычайно красивъ, и красота эта дикая, печальная и однообразная. Голыя скалы торчатъ изъ-подъ водъ Байкала, на нихъ гнѣздится сѣрый орелъ, хищникъ бурятскихъ овецъ; въ поляхъ кочутъ буряты; по камнямъ лѣниво ползаетъ безкрылая зеленая стрекоза; чайки и гагары одиноко сидятъ по утесамъ надъ своими гнѣздами, выжидая добычи изъ моря. Вездѣ, куда ни посмотришь, камни да камни, и кругомъ все какъ-то безжизненно, пусто и дико; Святое море однообразно и печально шумитъ, гремучій валъ его бьется объ утесы и выкатываетъ округленные зерна луннаго камня, имѣющаго синева-то-бѣлый цвѣтъ и радужный отливъ.

Кромѣ этого камня, говорятъ, выбрасываются изъ озера обломки желтоватаго опала, зерна кварца, горнаго хрустала, куски зеленой и красной яшмы, темно-коричневаго порфира, блѣднозеленаго аквамарина, изумруда и проч. и проч. Изъ утесовъ мѣстами вытекаетъ морской воскъ и естественное купоросное или горное масло. Это послѣднее въ особенности добывается бурятами вблизи одного улуса, называемаго Курма, и въ скалахъ тажерянскихъ. На склонахъ, обращенныхъ къ баргузинской или турканской сторонѣ, встрѣчаются глинистыя желѣзныя руды.

Вода Байкала холодная, прѣсная и при тихой погодѣ прозрачная почти на девять сажень глубины; она содер-

жить въ себѣ, по химическимъ изслѣдованіямъ, нѣсколько растворенной извѣсти.

Морской воскъ въ тихую погоду плаваетъ по поверхности воды, а во время бурь выкидывается на берегъ отъ верхней Ангары на юговосточную сторону Байкала. Видъ этого воска темно-коричневый. Въ музей императорской Академіи наукъ есть кусокъ его, доставленный, кажется, Палласомъ въ 1770 году. Онъ называется иначе — асфальтъ; въ Сибири онъ мало извѣстенъ и только около Байкала старухи знахарки лѣчатъ имъ больныхъ. Какъ они открыли въ асфальтѣ свойства изцѣлять человѣческія немощи, на чемъ основали это открытіе — Богъ знаетъ, а говорятъ, лѣченіе это дѣйствительно оказываетъ пользу въ ревматическихъ боляхъ.

Прибрежные жители до сей поры не могутъ придумать, что бы имъ дѣлать съ байкальскимъ асфальтомъ; для освѣщенія онъ не удобенъ тѣмъ, что при горѣніи отдѣляетъ очень много дыма, а болѣе примѣнить его не знаютъ къ чему. Иногда какой нибудь самородокъ химикъ изъ туземцевъ смотритъ на растопленный асфальтъ и толкуетъ своимъ товарищамъ, что этотъ асфальтъ есть тотъ, значить, самый керосинъ, который американцы приготовляютъ. Товарищи сомнительно покачиваютъ головами, химикъ доказываетъ и обѣщаетъ въ будущемъ отъ байкальскаго асфальта большіе барыши. Но химическіе опыты туземнаго химика на томъ и оканчиваются. (*)

(*) У Штукенберга о байкальскомъ воскѣ говорится что онъ показывается на поверхности воды въ продолженіи 10—15 лѣтъ только одинъ разъ, что собираютъ его до 25000 пудовъ, изъ коихъ, будто-бы, 10000 пуд. идетъ въ Иркутскъ. Свѣдѣнія эти не имѣютъ ничего вѣроятнаго.

Другое дѣло горное масло. Оно употребляется съ большою пользою при леченіи простыхъ и кровавыхъ поносовъ у людей, въ повальныхъ болѣзняхъ у скота и, кажется, вполне можетъ замѣнять купоросную кислоту и масло; но къ сожалѣнію, собирается оно въ весьма маломъ количествѣ и потому продается отъ 4 до 5 рублей за пудъ.

II.

Во время моего продолжительнаго пребыванія въ Забайкальской области, мнѣ много разъ случалось перѣзжать Байкаль во всѣ времена года.

Въ первый разъ я отправился изъ Иркутска въ Забайкалье осенью въ 1859 году. Въ холодный и вѣтреный день подъѣзжала моя повозка къ Лиственичной пристани. Былъ ноябрь въ половинѣ, время въ которое байкальскіе пароходы, старый ветеранъ Байкала «Наслѣдникъ Цесаревичъ», въ послѣдствіи такъ печально окончившій свое существованіе, и два новыхъ: «генералъ Корсаковъ» и «Графъ Муравьевъ амурскій», — оканчивали свои обязательные рейсы и плавали по озеру смотря по погодѣ и по количеству грузовъ, слѣдовавшихъ чрезъ Байкаль.

Не смотря на 25° морозъ и на позднее время осени, рѣка Ангара не была еще покрыта льдомъ, — надъ ней носился густой паръ и, широко разстилаясь въ морозномъ воздухѣ, обдавалъ собою мою повозку и замерзалъ свѣжными пылинками на платьѣ. Мы подвигались впередъ, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ по каменистымъ холмамъ горной подошвы; чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ Лиственичной пристани, тѣмъ холоднѣе и порывистѣе дулъ вѣтеръ, тѣмъ яснѣе долеталъ до нашего слуха глухой шумъ волнъ Байкала. Вдали показалось небогатое прибрежное село, съ деревянною цер-

ковью, слышался стукъ топоровъ: на берегу шла работа, строили судно; ѣхали далѣе и опять видѣли строящіяся суда; у берега стояли тоже суда, короткія, высокія, имѣющія замѣчательно уродливую форму. Поморы называютъ ихъ «кораблями», не смотря на то, что эти корабли хуже самаго послѣдняго волжскаго судна.

Суда эти, какъ видитъ читатель, по размѣрамъ, весьма уродливы и напоминаютъ китайскія постройки, нѣтъ только той вычурности и фигурности, какъ у китайцевъ. (*).

Въ одной верстѣ отъ селенія Никольскаго находится пароходная пристань, называемая Лиственичной. Это названіе присвоено ею отъ прежняго зимовья, находившагося на мѣстѣ настоящей пристани и носившаго, въ свою очередь, это названіе отъ лиственичнаго лѣса, растущаго на прибрежныхъ горахъ.

(*) Суда на Байкалѣ строятся слѣдующимъ образомъ. Сначала дѣлается изъ словыхъ или сосновыхъ досокъ вершковъ въ 7 или 8 толщиной днище судна, потомъ, вокругъ днища, сверху располагаютъ *кокорники* (шпангоуты); для этого берется тоже словое или сосное дерево вершковъ въ 8 толщавою, вырытое изъ земли съ корнемъ, — такъ чтобы оно составляло кляку почти подъ прямымъ угломъ; разстояніе одной короры отъ другой дѣлается на $\frac{1}{2}$ аршина. Этотъ кокорникъ составляетъ низшій рядъ реберъ судна; на немъ утверждается рядъ такихъ-же кокоръ, называемыхъ стойками, потомъ наверху, чрезъ всю широту судна, ихъ соединяютъ толстыми брусками — *дуги* и остовъ судна готовъ. За тѣмъ, на дуги настилается палуба; во всю ея длину отъ носа до мачты сверху, и отъ мачты до кормы снизу идетъ широкій брусъ (*лѣсина*); для отдѣленія носа и кормы сверхъ палубы кладется тоже по брусу (*хурица*). Бруски кладутся не плотно, такъ чтобы можно было просунуть веревку. Сверхъ борта судна дѣлается барьеръ вышиною около аршина, онъ называется *покольни*; вблизи того мѣста, гдѣ назначено утвердить мачту, по обѣимъ сторонамъ судна къ покольнямъ приколачиваются по одной доскѣ шири-

На берегу Байкала, у подножя горы, поросшей этимъ лѣсомъ, прилѣпилось двухъ-этажное зданіе гостинницы. Ближе къ селенію Никольскому въ сторонѣ отъ дороги лежало много лѣсу, приготовленнаго для новыхъ построекъ. Изъ этого лѣса должны были выстроиться новыя гостинницы въ рендементъ къ новымъ пародамъ. Но пока, въ ожиданіи новыхъ гостинницъ, нужно было остановиться въ старой, не смотря на всѣ ея неудобства.

Построена она вѣроятно съ того времени, когда пародъ въ первый разъ пошелъ по Байкалу, слѣдовательно—лѣтъ двадцать назадъ. Пародъ былъ предшественникъ «Наслѣдника Цесаревича» и онъ, кажется, сгорѣлъ—такъ по крайней мѣрѣ мнѣ не разъ случалось слышать. Не смотря на то, что гостинница построена не ранѣе сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, но она казалась ветхимъ старцемъ: окна въ верхнемъ этажѣ были мѣстами powyбиты, ставни большею час-

---

ною верхковъ въ 7 и вышиною аршина 2,—это бычки, подставки для реи; носъ (*коркъ*) судна, острый и высокій и постоянно съ уживающійся къ концу, имѣетъ на себѣ *полати*, небольшое возвышеніе для лодмана, который по байкальски назывался *вожъ или вожанъ*. Сзади кормы приколачивается полочка, чтобы только встать одному человеку—*соколя*. Обошьютъ судно досками, проконопатятъ, залиютъ варомъ, высмолятъ и такимъ образомъ оканчивается вся работа на сушѣ. Потомъ судно освящаютъ и спускаютъ на воду, при этомъ служитъ молебень тому святому, образъ котораго помѣщается на верху мачты. На водѣ уже судно оснащается и окончательно отдѣливается. Самое большое судно 12 сажень длины и 10 ар. ширины, отъ дна до палубы 5 ар. Можетъ оно поднимать до 12 т. пудовъ груза. Такое судно стоитъ до 4 т. рублей. Маленькое судно 6 саж. длины 5 ар. ширины 3½ ар. вышины, грузу поднимаетъ до двухъ тысячъ пудовъ и оцѣнивается рублей въ 1300 и 1500 р. Рабочихъ для большаго судна нанимаютъ почти всегда 18 человекъ, а на маленькое 6 человекъ.

тію переломаны и остатки ихъ, повиснувъ на ржавыхъ петляхъ, скрипѣли и выли на разные тоны, аккомпанируя шуму волнъ Байкала.

Состарилась ли гостинница отъ осеннихъ вѣтровъ, обдувающихъ ее со всѣхъ четырехъ сторонъ, или уходили ее заботливые попечители, довѣренныя и управляющіе, — не знаю, да и не подумалъ бы объ этомъ, если бы только беспорядочный и угрюмый видъ ея не производилъ такого тяжелаго и мрачнаго впечатлѣнія.

Внутренность дома соотвѣтствовала его наружному виду: стулья переломаны, столы о трехъ ножкахъ, диваны съ оборванной и висящей клочьями обивкой, кресла безъ ручекъ и часто безъ спинокъ; никогда не мытый полъ, кривыя, дырявыя доски, углубляющіяся подъ ногами, какъ фортепянные клавиши; вѣстѣнахъ щели, въ которыя съ визгомъ врывается внутрь дома рѣзкій осенній вѣтеръ... и т. д.

Все это доказывало, что о тѣхъ, для кого построена гостинница, никто никогда не заботился да и заботиться не считали нужнымъ: гостинница одна, конкуренціи ждать не откуда; пріѣхалъ къ паровой пристани, такъ волей неволей мирись съ тѣмъ, что есть, не мудрствуя лукаво.

Бразды правленія этой гостинницей находились въ рукахъ какого-то отставнаго солдата, у котораго въ буфетѣ кромѣ водки и солонины ничего не было.

— Самоваръ, если угодно, поставить можно... слышалась намъ его первая фраза.

— А закусить-бы чего нибудь?

— Закусить? отчего же?.. Можно, пожалуй, солонины подать...

— А еще что?

— Огурца соленого можно принести. Омуля, если хотите... водки... Сколько подать-то?

— Да неужели у васъ ничего больше нѣтъ?

— Какъ ничего нѣтъ? я говорю вамъ, солонины можно, омуля, огурца...

— Я молчалъ.

— Порцію что-ли вамъ?

Солдаты повернулся ко мнѣ въ полъ-оборота и, держась за косякъ двери рукой, угрюмо смотрѣлъ на уголь печи.

-- Дайте лучше самоваръ.

Черезъ нѣсколько времени, нечищенный, позеленѣвшій самоваръ, чайникъ съ изломаннымъ носомъ, чашка безъ ручки, подносъ изогнутый и перепачканный, — все это въ огромныхъ размѣрахъ было принесено солдатомъ во одинъ разъ и принесено совершенно оригинальнымъ способомъ: самоваръ онъ несъ въ рукахъ, подносъ висѣлъ у него на пуговицѣ жилета, а чашку и чайникъ онъ, къ великому моему удивленію, вытаскивалъ изъ обоихъ кармановъ своего дыряваго пальто.

— Ты и солонину изъ кармана подаешь на столъ? спросилъ я.

— Нѣтъ-съ. Какъ можно...

Солдаты улыбнулся и, снова опершись рукою о косякъ двери, началъ смотрѣть на уголь печи.

— Отчегоже у васъ обѣда для проѣзжающихъ нѣтъ?

— Не для кого дѣлать-то...

— Какъ не для кого? Для проѣзжающихъ.

— Кто теперь проѣзжаетъ. Теперь хорошій хозяинъ собаки изъ конуры не выгонитъ, а то проѣзжающіе. Вотъ слышите, какъ оно воетъ да бурлитъ, море то...

— А въ другое время когда-же вы кормите проѣзжающихъ?

— Когда? Извѣстно лѣтомъ. Въ ту пору народу ѣдетъ много; тогда народъ каждый день, а не то что теперь, — два три въ недѣлю; тогда щи варимъ, котлеты дѣлаемъ, вино тоже держимъ. Если когда наѣзжаютъ хорошіе люди, потребуютъ что нибудь особеннаго, супу тамъ што-ли какого, али чего другаго, тогда отъ управителя повара просимъ... Лѣтомъ совсѣмъ другой расчетъ. Лѣтомъ бываетъ такъ, что купцы дня по два, по три здѣсь валадаются, одной облепихи наливки по ведру въ день выходить, а то и шампанскаго потребуютъ... Шампанское тоже отъ управителя беремъ: оно у него про себя на всякой случай есть для начальства, когда, значить, въ гости ежели наѣзжаютъ. Обозные тоже часто навертываются, другой при себѣ гармонію имѣеть... Въ карты тоже вечерами, когда порахода нѣтъ, дуются... Лѣтомъ совсѣмъ другое дѣло...

Солдаты, видимо находясь подъ впечатлѣніемъ милыхъ ему лѣтнихъ воспоминаній, глубоко вздохнулъ и замолчалъ.

— Тагъ солонины не надо што-ли? спросилъ онъ чрезъ нѣсколько времени.

— Нѣтъ, не надо.

— А то я подамъ порцію... съ огурцомъ?

— Нѣтъ, не надо.

— Водки-бы выпили... съ дороги хорошо...

Я промолчалъ.

Солдаты погладили рукой косякъ двери. Взглянулъ еще раза два на меня и, опять глубоко вздохнувъ, вышелъ.

Кромѣ мрачнаго дома негостепріимной гостиницы

и кромѣ тѣхъ построекъ, которыя должны быть въ послѣдствіи гостинницами, — на берегу пристани не вдалекѣ отъ ветхаго зданія, торчали еще кой-гдѣ три четыре домика для служащихъ и отдѣльный флигель для управляющаго пароходствомъ. Въ окнахъ этого флигеля виднѣлись драпри и цвѣты и вообще его наружность составляла замѣчательный контрастъ съ ветхимъ полуразрушеннымъ домомъ гостинницы.

Кой-какъ помѣстившись въ мрачномъ домѣ, я въ первую же ночь страшно утомился отъ непрерывнаго шума волнъ, а впереди предстояло еще три такихъ же ночи, какъ объявилъ мнѣ прикащикъ пароходной конторы.

Всѣ три парохода были на противоположномъ (посольскомъ) берегу и изъ нихъ долженъ былъ придти только одинъ старый пароходъ «Наслѣдникъ Цесаревичъ». Остальные два осенью ходили рѣдко и были опасны для плаванія: во время осеннихъ бурь ихъ немилосердно качали байкальскія волны, тогда какъ, въ то же время, старый пароходъ шелъ весьма спокойно и не черпалъ бортами. Поморы говорили, что «Байкаль просто не взлюбилъ новые пароходы, не ко двору, значить, они ему пришлись». Но причина была проще: оба парохода были сдѣланы меньшаго размѣра противъ стараго, при работѣ ихъ не была измѣрена величина байкальской волны и гг. распорядители заботились только о томъ чтобы новые пароходы могли проходить въ р. Селенгу. Они имѣли весьма хорошее намѣреніе устроить пароходный путь до Стрѣлки (въ 70 верст. отъ Кяхты), но намѣреніе осталось не исполненнымъ: пароходы для р. Селенги оказались большими, а для Байкала малыми и неудобными; слѣдовательно, все что только можно было придумать худшаго, было придумано, оставалось только расплачиваться за работу...

Пароходство по Байкалу и до сей поры не может устроиться как слѣдуетъ: пароходы часто ломаются, портятся машины, горятъ палубы,—потомъ все это по немногу починивается и опять портится и опять чинится. Причина этому, по рассказамъ знающихъ людей, во все на Байкалѣ и не его бури, на которыя принято ссылаться въ этихъ случаяхъ,—а просто неспособность и неумѣнье управлять пароходами. Посмотришь, на томъ же самомъ Байкалѣ, лѣтъ десять, пятнадцать, плаваетъ какое нибудь старое суденышко, не горитъ оно и не ломается, не смотря на то что и команда то его вся состоитъ только изъ 5—6 человекъ.

Неумѣнье вести пароходное дѣло происходитъ, всего скорѣе, отъ того что, владѣльцы пароходовъ часто смѣняютъ одинъ другаго, а при новомъ владѣльцѣ нанимаются новые служащіе. Давно ли, какъ вспомнимъ, открыто на Байкалѣ пароходство, а сколько разъ уже въ это время оно переходило изъ рукъ въ руки! Принадлежали пароходы гг. Мясниковымъ, потомъ перешли г. Бенардаки, потомъ г. Рукавичнику, чрезъ нѣсколько времени сдѣлались достояніемъ амурскихъ церквей и въ послѣднее время поступили въ вѣдѣніе г. Хаминова. Нужно желать, чтобъ хотя въ этихъ рукахъ продержались пароходы подольше,—можетъ быть служащіе и рабочіе по привыкнутъ и не будутъ ломать и жечь такія полезныя вещи, какъ пароходы.

Судоходствомъ на Байкалѣ занимаются нѣсколько иркутскихъ купцовъ и мѣщанъ, а всего болѣе судовъ принадлежитъ крестьянамъ Ильинской волости съ той (противоположной Иркутску) стороны Байкала. Суда перевозятъ въ Забайкальскую область русскіе товары, соль и спиртъ, а оттуда везутъ чай и рыбу.

Понятно, что развитіе пароходства на Байкалѣ мо-

жетъ быть весьма невыгодно для парусныхъ судовъ, но все-таки оно ихъ совершенно истребить не въ состояніи. За судами всегда останутся всѣ рыбные промыслы, да отчасти и перевозка товаровъ: судно стобитъ во много разъ дешевле парохода и слѣдовательно владѣлецъ судна имѣетъ полную возможность перевозить товаръ дешевле парохода, и тѣ товары, которые отправлены не на срокъ, всегда будутъ перевозиться на парусныхъ судахъ. Уничтожить это можетъ только слишкомъ дешевая цѣна на пароходѣ, а пока еще она очень и очень высока. За мѣсто въ каютѣ перваго класса, за переѣздъ, ста версть, платится 8 руб., за второй классъ 6 руб., на палубѣ 3 руб. Цѣна за провозъ грузовъ отъ 10 до 15—20 к. съ пуда, смотря по условію съ конторой и по количеству грузовъ.

Бывали такіе случаи, что пароходное управленіе находилось въ весьма непріятномъ положеніи, при видѣ того, какъ частныя суда нагружались чаями и уходили въ путь, а пароходы стояли у берега безъ работы. Одинъ изъ управляющихъ выдумалъ пуститься на хитрость и запретилъ выдавать билеты на проѣздъ на пароходѣ тѣмъ лицамъ, которыя свои товары отдали на доставку паруснымъ судамъ. Мѣра дѣйствительно очень хитрая, потому, что кому же захочется кататься на суднѣ дня два-три, а иногда и недѣлю, когда можно въ 7—8 часовъ переѣхать на пароходѣ; но эта хитрая мѣра не достигла своей цѣли: пассажиры сдумѣли противостоятъ этому и достали отъ кого слѣдовало такую записочку, что пароходное управленіе молча и безпрекословно выдало имъ билеты на пароходѣ.

На слѣдующій день послѣ моего пріѣзда, я отправился пѣшкомъ къ истоку Ангары изъ Байкала,— это

близь того селенія, около котораго строились на берегу и стояли на якоряхъ близь берега байкальскія суда.

Цѣлю моего путешествія было желаніе посмотрѣть на Шаманскій камень.

Названіе это присвоено камню потому, что, по вѣрованію буряты, на немъ обитають онгоны—небесные духи, съ которыми имѣють непосредственные сношенія шаманы, особаго рода предсказатели духовидцы. Каждый буряты убѣжденъ въ этомъ и, проѣзжая по берегу рѣки, мимо Шаманскаго камня, онъ набожно нащупываетъ свои молитвы и повременимъ пугливо изъ подлбья поглядываетъ на страшный для него камень

Во время бури кругомъ камня клокочуть и пѣнятся волны рѣки, разбиваясь въ мелкія брызги и разсыпаясь высоко въ воздухъ.

Священное значеніе Шаманскаго камня въ быту буряты до того велико, что они нерѣдко пріѣзжаютъ изъ за 300—400 верстъ къ этому таинственному мѣсту, чтобъ заставить своего собрата, въ чемъ либо обвиняемаго, торжественно произнести на этомъ мѣстѣ свое отрицаніе отъ преступленія.

Перебравшись по рѣкѣ въ лодкахъ къ Шаманскому камню, буряты заставляютъ обвиняемаго войти на самый верхъ камня и на немъ присягнуть въ присутствіи невидимыхъ духовъ въ справедливости своихъ показаній: шумъ волнъ, разбивающихся о камень, высота надъ водою, фантастичность самаго мѣста и полное убѣжденіе въ присутствіи на камнѣ невидимыхъ духовъ,—все это разомъ дѣйствуетъ на нервную систему присягающаго, и виновный, большею частію, не можетъ скрыть своего преступленія: онъ со страхомъ и трепетомъ сознается во всѣхъ грѣхахъ, вольныхъ и невольныхъ.

Случалось что послѣ такого испытанія, испытуемаго снимали съ камня безъ чувствъ и привозили на берегъ въ глубокомъ обморокѣ. По возвращеніи сознанія бурятъ еще долго дрожить отъ страха и не можетъ попасть зубомъ на зубъ, — такъ его напугаютъ страшные онгоны.

Съ обѣихъ сторонъ Ангары, при выпаденіи ея изъ Байкала, поднимаются высокой стѣнной горы; теченіе рѣки, какъ я сказалъ выше, очень быстро и суда выходятъ изъ Байкала рулемъ впередъ, потому что кромѣ Шаманскаго камня при истокѣ есть еще и другія мелкія подводныя скалы.

Изъ Иркутска суда возвращаются, пустыми и тянутся вверхъ бичевникомъ съ помощію нѣсколькихъ лошадей; изрѣдка развѣ только протянуть судно, нагруженное солью, которую берутъ верстахъ въ 60 отъ Иркутска, въ соловаренномъ заводѣ; остальные же всѣ товары до Байкала слѣдуютъ сухимъ путемъ и уже около селенія Никольскаго или у Лиственичной пристани нагружаются на суда.

Товаръ, идущій изъ-за Байкала на большихъ судахъ, тоже въ Ангару на нихъ не проходитъ, а перегружаютъ его въ Лиственичной у Никольскаго селенія на карбазы и лодки и на нихъ уже спускаются въ Иркутскъ, по Ангарѣ.

Вообще р. Ангара весьма оригинальна и не похожа на другія рѣки. Вода ея свѣтла до того, что на днѣ въ тихую погоду можно пересчитать хоть каждый камешокъ, и холодна даже въ самые сильные жары до того, что въ ней съ трудомъ можно пробыть нѣсколько минутъ; разливается она не весной, во время половодья, какъ другія рѣки, а осенью, когда рѣки замерзаютъ.

Начинаетъ, она замерзаетъ снизу и замерзая поднимаетъ вверхъ со дна камешки, маленькихъ рыбокъ, червей, пиявицъ, amphipodes, бѣдное поселеніе своего подводнаго царства; въ это время, въ концѣ декабря, по набережнымъ улицамъ Иркутска нѣтъ проѣзду: Ангара выступила изъ береговъ и, разлившись по улицамъ, наворотивъ на себя ледъ большими глыбами (торосья), замерзаетъ. Черезъ день или два замерзшій ледъ опадаетъ ниже и ниже и Ангара, успокоившись, крѣпко сковывается сибирскими морозами.

Байкаль замерзаетъ позже и, до того времени, пока онъ не покроется льдомъ, — густой, холодный паръ носится въ окружности озера верстъ на 100. Въ Иркутскѣ, за 60 верстъ отъ Байкала, въ тотъ же день, какъ онъ замерзаетъ, узнаютъ объ этомъ навѣрное: небо проясняется, туманъ исчезаетъ, отдаленныя горы ясно видятся вдаль съ своими разнохарактерными очертаніями. Иркутянинъ, мѣщанинъ или козакъ, запрягаетъ лошадь въ легкія саночки и ѣдетъ (по сибирски бѣжить) въ Лиственичную, провѣдать море. Вскорѣ потомъ потянутся изъ города обозы *за море* и зимній путь установится.

Но о зимнихъ сообщеніяхъ мы поговоримъ ниже.

Три дня пришлось мнѣ прожить въ гостинницѣ Лиственичной пристани. Провзажающихъ было мало, потому что каждый спѣшилъ перебраться черезъ Байкаль ранѣе, пока еще бури на озерѣ были не очень часты и сильны. Чѣмъ далѣе къ осени, тѣмъ бурливѣе и непривѣтливѣе дѣлается Байкаль.

Съ половины ноября до половины декабря, а иногда и позднѣе, Байкаль шумитъ и воетъ отъ сильныхъ бурь; по озеру во всѣхъ концахъ носятся льды, дуютъ противоположные одинъ другому вѣтры, сегодня наб-

рассыпаетъ горы льдовъ къ одному берегу, на пространствѣ верстѣ десяти, обливаетъ ихъ потоками волнъ; завтра всю эту громадную массу вѣтеръ обрываетъ отъ береговъ, разбрасываетъ по волнамъ, раскидываетъ по всему озеру и потомъ снова начинаетъ набрасывать одну на другую у противоположнаго берега.

Затихнуть на время бури и тридцати-градусный морозъ снова примется сковывать Байкаль льдомъ, но пройдетъ день два и опять загремитъ Байкаль и разметываетъ льды въ разныя стороны.

Горе путнику, котораго судьба бросила въ объятія волнъ на утломъ Байкальскомъ суднѣ: носится это судно по святому морю и качается съ боку на бокъ, съ носу на корму; хлещетъ въ него и волнами, и глыбами льда. Судно обледеваетъ и въ такомъ видѣ, иногда двѣ-три недѣли, плаваетъ по Байкалу съ одного конца до другаго; то поднесетъ его вѣтеръ къ берегу Кадильному, дастъ полюбоваться путнику на высокія горы и утесы, то помчитъ въ другую сторону и, мывая по своей прихоти, поставитъ судно противъ Посольскаго монастыря. Путникъ издали перекрестится на православную церковь и не успѣетъ сотворить молитвы, какъ вѣтеръ подхватитъ судно и помчитъ его куда нибудь въ другую сторону.

Но зима все больше и больше заковываетъ море. Вокругъ носящихся судовъ образуются пловучія ледяныя массы верстѣ на 6 на 7 въ окружности; раздавленное, налитое водою судно примерзаетъ ко льдамъ и путешествуетъ по озеру вмѣстѣ съ ними. Паруса обледеваютъ, снасти всѣ изорвутся, мачты и бока изрубятся на дрова. Продовольствіе, какое было на суднѣ, путники истребятъ въ первую недѣлю и питаются потомъ всѣмъ, чѣмъ только возможно; бродятъ они, какъ

*

тѣни умершихъ, по пловучему ледяному острову, не теряя, все таки, надежды примкнуть къ берегу.

Съ каждымъ днемъ больше и больше прибываетъ льду и наконецъ бурное море замерзаетъ.

У устья рѣчки Богульдеихи, Байкаль замерзаетъ всегда ранѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и обозы, не желая бесполезно прокармливать лошадей, въ ожиданіи пока по Байкалу проложится зимній путь, идутъ обыкновенно чрезъ Богульдеиху, за недѣлю и болѣе до откритія прямой дороги.

Когда же Байкаль совершенно замерзнетъ, тогда съ обѣихъ сторонъ, съ Посольской и Лиственничной, высылаются партіи бурятъ и крестьянъ вѣшить дорогу, т. е. обозначать путь для проѣзда вѣхами и сбивать тороса.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Байкаль покрывается верстъ на 10—20 такъ ровно и гладко, точно зеркало, и вѣдущіе вѣшить дорогу, во время вѣтра, съ трудомъ двигаются по льду; иногда человекъ вѣтеръ подхватить и свалить съ ногъ: одно спасеніе—ножомъ или топоромъ ударить въ ледъ, чтобы удержаться на одномъ мѣстѣ; другаго неопытнаго крестьянина вѣтеръ катитъ по льду версты двѣ, повертывая съ боку на бокъ, какъ кубарь,—пока онъ не догадается ударить топоромъ въ ледъ.

Почтовый трактъ устанавливается слѣдующимъ образомъ: изъ Лиственничной первая станція идетъ по берегу, до зимовья Кадильнаго; изъ Кадильнаго, тоже по берегу, до зимовья Голоушнаго, а оттуда одна станція перерѣзаетъ Байкаль поперекъ, до Посольскаго монастыря.

Станція эта имѣетъ пятьдесятъ пять верстъ. Проѣзжаютъ ее на однихъ лошадяхъ безъостановочно, про-

взжаютъ скоро, всего часа четыре, а то и три: ледъ гладкій какъ стекло, только и слышно, какъ лошади подковами постукиваютъ по льду.

При первомъ пути по замерзшему озеру встрѣчаются небольшіе розносы и щели; первые неизбежны въ началѣ зимы при неровномъ замерзаніи Байкала, при постоянномъ отдѣленіи имъ своей внутренней теплоты; а щели образуются отъ давленія на ледъ вѣтра, который волнуетъ, раздвигаетъ и разрываетъ ледяную поверхность. Разрывы на толстомъ льду и образованіе на немъ щелей всегда сопровождается звуками, похожими на пушечные выстрѣлы и перекаты отдаленнаго грома; тонкій ледъ, разрываясь, не производитъ такихъ сильныхъ звуковъ, а сопровождается только трескомъ.

На тонкомъ льду щели всегда опасны, потому что у краевъ этихъ щелей ледъ гнется и обламывается; на немъ нѣтъ точки опоры не только для лошади, но и для человѣка. Проваливаясь, лошадь, обыкновенно, бьется, силится выпрыгнуть на ледъ и больше его обламываетъ; образуется вокругъ лошади полынья, въ которую затапливаются и сани.

Одно средство спасенія лошади въ томъ, что ее наскоро выпрягаютъ изъ оглобеля или перерѣзываютъ гужи, потомъ накидываютъ ей на шею петлю и давятъ; задавленная отъ спершагося внутри ея воздуха, лошадь всплываетъ на поверхность воды и ложится бокомъ на ней какъ мертвая; въ это время ее мгновенно выдергиваютъ за шею и за хвостъ на ледъ, подальше отъ полыни, снимаютъ петлю и бьютъ лошадь нѣсколько разъ кнутомъ, пробуждая въ ней жизнь.

Послѣ этого начинаютъ ее гонять по льду, чтобы она разогрѣлась и не продрогла.

Такой способъ болѣе удобенъ при артели, когда

сила людей превышаетъ тяжесть животнаго; но когда нѣтъ возможности вытащить лошади описаннымъ способомъ, то употребляютъ другое, болѣе остроумное средство: обрѣзавъ у лошади гужи и накинувъ на шею петлю удавкой, подтягиваютъ лошадь къ краю льда; другой конецъ веревки привязываютъ къ срединѣ сани; въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ полыни во льду выдалбливаютъ два отверстія и ставятъ, или вѣрнѣе — втыкаютъ въ нихъ сани стоймя, задними концами полозьевъ, на передніе же концы саней налегаютъ всею своею тяжестью и силою, стараясь опрокинуть ихъ горизонтально и такимъ образомъ, какъ рычагомъ, вытаскивать санями на ледъ свою лошадь.

Позднею весною по Байкалу путь идетъ отъ Лиственичной до Посольска діагонально на 100 верстѣ.

Эта послѣдняя дорога называется по сибирски *золотью*, бездорожицей; ѣздятъ по ней въ 20 числахъ апрѣля, когда ледъ на Байкалѣ почернѣетъ; но съ Голоустной и Кадильной отъ теплыхъ вѣтровъ и лучей солнца ледъ разрыхлѣетъ, образуются провалы, полыни и около береговъ, сажень на пять на десять, ледъ растаетъ.

Но когда и этотъ послѣдній путь дѣлается невозможнымъ, когда лошади начнутъ проваливаться на каждомъ шагу, рыхлый ледъ поблѣдетъ, начнетъ ломаться у щелей и раскалываться иголками, тогда запоздавшіе путники волей неволей снова плетутся изъ Посольска въ Култукъ и обратно. Это уже бываетъ наканунѣ мая мѣсяца и доказываетъ пользу этого сообщенія. По Байкалу же въ это время, за разстояніе 100 вер. проѣзда платится по 60 и 80 и даже по 150 рублей, смотря по тому, насколько путь опасенъ; бываетъ

такъ, что два пѣшихъ работника везутъ, на маленькихъ саночкахъ сѣдока, выбирая, гдѣ покрѣпче льдины.

Путь опасенъ, но есть, люди которые рѣшаются на такую опасность: купецъ, падкій до барышей, предпочитающій денежные выгоды всѣму на свѣтѣ, еще не такъ жалокъ: самъ выбралъ дорогу, а жалко, когда всѣ страхи подобной поѣздки выпадаютъ на долю человѣка служащаго, который ѣдетъ потому, что не ѣхать ему невозможно.

Далѣе читатель прочтетъ рассказъ помора о томъ, какъ перебираются въ весеннее время по Байкалу извошки.

Самое благоприятное время для плаванія по Байкалу—май, июнь и июль. Въ эти три мѣсяца рѣдко бываютъ сильныя бури и смѣлые поморы пускаются въ Байкалъ на лодкахъ.

Лодки обыкновенно дѣлаются съ одной мачтой и парусомъ; на нихъ болѣе 400 пудовъ не грузятъ. Въ ноябрѣ уже рѣдко кто пускается на судахъ по Байкалу, развѣ судьба задержитъ несчастное судно вѣтрами и заморозитъ его во льдахъ.

Такимъ образомъ съ половины ноября до половины января сообщеніе по Байкалу прекращается; грузы и проѣзжающіе въ эти два мѣсяца тащатся по кругобайкальской дорогѣ, по высокимъ горамъ, частію на верховыхъ, частію на саняхъ.

Почта на пароходахъ никогда не перевозится, потому что пароходное управленіе не беретъ на себя отвѣтственности, въ случаѣ какого либо несчастія во время пути; а почтовое начальство отдать, на пароходѣ доставку почты на другихъ условіяхъ, конечно, не могло, и почта весною, лѣтомъ и осенью тянется по кругобайкальскимъ горамъ.

Въ послѣднихъ дняхъ апрѣля и въ первыхъ мая по кругобайкальскому тракту начнутъ таять глубокіе снѣга, забушуютъ горные ключи и рѣчки, разольются топи, болота, разжизнутъ грязи, и почти 500 верстъ тянется дней 15, а то и всѣ три недѣли. Съ мая мѣсяца, числа съ 15-го, на Байкалѣ ледъ исчезаетъ и снова открывается путь для публики и товаровъ.

Слѣдовательно въ весеннихъ мѣсяцахъ, съ половины апрѣля до половины мая, и въ зимнихъ, съ ноября до начала января, проѣзда по Байкалу не существуетъ.

III.

Каждый день я безцѣльно ходилъ по берегу въ ожиданіи парохода и слушалъ бесплатный концертъ байкальскихъ волнъ, шумѣвшихъ по всему побережью.

Грусть и тоску наводилъ этотъ однообразный шумъ воды, набѣгающей волнами одна за другою къ берегу. Посмотришь въ даль моря и тамъ видишь тѣ-же безконечныя волны; набѣгаютъ онѣ одна на другую, высокими горами вздымаются надъ бездною и, встрѣтившись одна съ другой, какъ два врага борются между собою и разбрасываютъ высоко въ воздухъ пѣнящуюся воду; а къ песчаному берегу по прежнему набѣгаетъ одна волна за другою и по прежнему разсыпается жемчужными брызгами по всему побережью.

Скученъ и невыносимъ этотъ однообразный шумъ волнъ.

Во все время моего трехдневнаго скитанія по берегу Байкала, густыя тучи сплошной сѣрой массой закрывали синеву неба; изрѣдка моросилъ мелкій дождь и вдругъ переставалъ, потомъ снова начиналъ сыпаться едва замѣтными мелкими брызгами.

Видъ былъ вполне осенній, кой-гдѣ прорывалась сквозь сѣрыя тучи остроконечная сопка какой нибудь

отдаленной горы и снова пряталась за тучей, сливая съ общим тономъ грустной осенней картины.

Съ моря долеталъ глухой шумъ; хвойный лѣсъ шумѣлъ и трещалъ въ прибайкальскихъ горахъ; въ воздухѣ надъ водой носились стаи бѣлыхъ чаекъ и тревожный свистъ ихъ, ежеминутно раздаваясь, страшно надѣдалъ своимъ однообразнымъ повтореніемъ...

Солдатъ кормилъ насъ очень плохо и только на третій день, по общей просьбѣ всѣхъ пассажировъ, досталъ изъ селенія Никольскаго свѣжей рыбы.

— Да вы, господа, давно бы сказали, говорилъ онъ подавая на обѣдъ уху,—я бы вамъ сколько угодно...

— Тебѣ же говорили, я думаю, разъ десять, что твоей солонины и омулей въ ротъ не хочется брать.

— Это справедливо... это я слышалъ.

— Ну такъ почему же не подавалъ свѣжей рыбы?

— Я полагаю,—вы мясныхъ щей, али-бо котлетъ желаете, а то есть ежели, на счетъ рыбы, то это сколько угодно...

— Что же вы здѣсь дѣлаете зимой? спрашивалъ я.

— Чего дѣлать-то. Лежимъ какъ медвѣди въ берлогахъ. Управитель въ Иркутскъ уѣзжаетъ, тоска здѣсь такая сибирская въ ту пору, что хоть удавиться.

— А проѣзжающіе развѣ тогда не ѣздятъ?

— Проѣзжающихъ тогда и слыхомъ не слышать. Тогда они всѣ въ Никольскомъ останавливаются на почтовомъ дворѣ, а оттуда прямо на Байкаль выѣзжаютъ. Наша пристань въ сторонѣ остается. Вотъ теперь вы, можетъ статья, ужъ послѣдніе наши гости и значить до весны намъ васъ не видѣть. Ставни у гостиницы забьемъ досками, чтобы снѣгу много не надувало въ домъ-то, а сами въ которуюнибудь избушку переберемъ.

— Скучно здѣсь зимой-то?

— Какъ не скучно. Все снѣгомъ завалить да заметить, посмотришь другой разъ на горы али на избышки наши, такъ душа-то и заноеетъ—ужь больно снѣжно кругомъ. Галки эти, проклятыя, по снѣгу скачутъ да каркаютъ, волки воютъ иной разъ... Тоскливо, больно тоскливо зиму-то здѣсь жить.

— Зачѣмъ-же вы здѣсь живете?

— А какъ же такъ-то оставить? надо же караулить-то... Такъ нельзя же. Пожалуй изъ Никольскаго кто заберется. Тоже всякаго народу и тамъ много; а то и отъ рысаковъ надо беречься.

— Отъ какихъ рысаковъ?

— Отъ бѣглыхъ... отъ варнаковъ значить, которые съ каторжныхъ заводовъ бѣгутъ.

— Что-же они?

— А то-же, пожалуй заберутся въ избу и увидятъ, что караульныхъ нѣтъ. Разведутъ огонь, грѣться бубутъ, а потомъ такъ все и бросятъ. Имъ что? пусть хоть всѣ дома сгорятъ, они объ этомъ не думаютъ... Ну вотъ, знаете волка, каковъ онъ есть такой звѣрь бродячій,—таковъ и рысакъ, все единственно что волкъ...

Но о рысакѣхъ и ихъ путешествіи по Байкалу мы поговоримъ въ слѣдующихъ главахъ.

На четвертый день, къ общей радости всѣхъ пассажировъ, наконецъ пришелъ пароходъ.

Это былъ старый ветеранъ Байкала, «Наслѣдникъ Цесаревичъ», плававшій по озеру чуть-ли не пятнадцатую осень. Цѣлый день шла на берегу работа,—всѣли товары, нагружали баржу и только поздно вечеромъ кончилась нагрузка.

Не смотря на то, что пароходъ стоялъ у берега и выжидалъ переменны вѣтра, я успѣшилъ перебраться

въ каюту: такъ мнѣ надоѣлъ берегъ съ его монотоннымъ шумомъ волнъ; но перебравшись на пароходъ, мнѣ пришлось обезпokoиться за свою собственную жизнь: тревожный скрипъ стараго корпуса до того меня перепугалъ, что я поспѣшилъ навести справки, въ какомъ состоянiи здоровья находится господинъ управляющій пароходствомъ.

Свѣдѣнiя получились такого рода, что г. управляющій совершенно здоровъ, мыла не ѣстъ, лбомъ объ стѣну не стучается, хотя и имѣеть нѣкоторыя странныя привычки: людей не имѣющихъ средствъ ѣхать въ каютѣ, оставляетъ чѣмъ-то въ родѣ, бревенъ или камней и, выдавъ дорожки на покрывку товаровъ, лишаетъ этихъ бѣдныхъ людей возможности укрыться чѣмъ нибудь отъ осенней непогоды. И такимъ образомъ, бѣднякъ, заплативъ три рубля за 100 верстъ пути, мерзнетъ на палубѣ, ничѣмъ не защищенный; женщины, дѣти, старики, все это жметса и дрожить на 30 гр. мороза, и не позволяется имъ зайти хоть на одну минуту въ машинную, чтобы отогрѣться хоть немного и хотя не надолго укрыться отъ пронизывающаго до костей холоднаго осенняго вѣтра.

Кромѣ этой странной склонности, г. управляющій отличался еще другою особенностiю: онъ обращалъ особенное вниманiе на количество грузовъ, наблюдалъ, какъ ихъ вѣсили, и затѣмъ удалялся въ свой флигель, не посѣтивъ ни разу ввѣреннаго его попеченiю парохода; отчего на пароходѣ была постоянная грязь, машинисты не чистили машины, штурманъ, исполняющій обязанности капитана, съ утра до вечера былъ подъ хмѣлькомъ, и, отдавая матросамъ приказанiя, всегда въ видѣ шутки прибавлялъ не цензурную брань.

Получивъ эти свѣдѣнiя и нисколько не утѣшившись

ими, я началъ—было раскаяваться, что рѣшился ѣхать на пароходъ, но возвратиться уже было поздно.

А пароходъ все скрипѣлъ да стоналъ, казалось, онъ сейчасъ же, тутъ же у пристани, разѣдется на двѣ половины, такъ онъ былъ, бѣдняга, старъ и слабъ.

Мои товарищи по путешествію нисколько не унывали и подкрѣплялись на дорогу водкой, закусывая сырой замороженной рыбой, которую они, отрѣзывали маленькими кусочками и, посоливъ, отправляли вмѣстѣ со льдомъ въ ротъ.

— Это, знаете, говорили они, заплетая обезсилѣвшими языками,—это самое превосходное средство противъ байкальской качки: тошноты не будете чувствовать....

Затѣмъ слѣдовало въ десятый разъ повтореніе приема превосходнаго средства и глотаніе обледенѣвшихъ кусковъ сырой рыбы.

Вечеромъ, часовъ въ 11, вѣтеръ перемѣнилъ направленіе. На пароходъ началась усиденная брань, крики, бѣготня и, наконецъ, мы отчалили отъ берега.

Мои спутники давно спали, свалившись на диваны, и превосходное средство усыпило ихъ до того, что страшный ударъ въ палубу отъ свалившихся дровъ не произвелъ на нихъ никакого дѣйствія,—храпѣли они такъ, что заглушали скрипъ парохода.

Я не спалъ долго и, какъ только пароходъ тронулся въ путь, — вышелъ на палубу. Меня занимала невиданная до того времени картина: строгія очертанія горъ, остающихся позади, темная даль озера, волны, высоко вздымающія пароходъ, ихъ глухой, сердитый шумъ и среди всего этого равномерный звукъ работающей машины, все это было ново мнѣ и занимало меня; но чѣмъ далѣе пароходъ удалялся отъ берега, тѣмъ

сильнѣе дѣлалась качка; единственный на всемъ пароходѣ фонарь, висѣвшій на верху мачты, началъ дѣлать такіе широкіе размахи, что у меня, глядя на него, закружилась голова и я, какъ угорѣлый, едва могъ добраться до своей каюты. Долго я находился подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ пароходнаго скрипа и наконецъ заснулъ.

Путь нашъ, несмотря на мои опасенія, окончился благополучно.

Я проснулся, когда пароходъ подходилъ къ противоположному берегу Байкала, въ семи верстахъ отъ Посольскаго монастыря. Утро было ясное, вѣтеръ давно затихъ, только не успокоившіяся отъ ночной бури волны тихонько, безъ шума катились на сѣверъ, покачивая пароходъ съ боку на бокъ.

Безъ особенныхъ приключеній мы съѣхали въ лодкѣ съ парохода, близь зимней стоянки судовъ у залива, называемаго Прорвой.

Отъ Прорвы до Посольска около десяти верстѣ; дорога идетъ то по гладкому зеркалу залива, то по песчанымъ берегамъ. Каналъ, соединяющій Байкаль съ заливомъ или Прорвою, почти не замерзаетъ зимою. Онъ имѣетъ два незначительныя періодическія теченія въ сутки изъ Байкала въ заливъ и обратно.

Такое возвышеніе и пониженіе байкальскаго горизонта, или движеніе воды отъ сѣвера на югъ и обратно, служитъ доказательствомъ, что Байкаль имѣетъ что-то похожее на приливъ и отливъ; на это, впрочемъ, не обращено до сей поры никакого вниманія и возможность подобнаго движенія отвергается, но оно есть единственная причина, что заливъ не замерзаетъ. Этотъ заливъ есть нечто иное, какъ озеро, отдѣленное отъ Байкала узкой песчано-галечной перемычкой, какъ будто пло-

тиной, набросанною волнами Байкала, и прорванное водами залива, въ который впадаютъ три рѣчки.

Пароходы останавливаются у Прорвы только въ осенніе мѣсяцы. Лѣтомъ они пристають противъ Посольскаго монастыря, верстахъ въ полтора отъ берега: мелководіе посольскаго берега не подпускаетъ ихъ ближе. Пристани на посольской сторонѣ никогда не было и до сей поры нѣтъ. Въ бурную погоду много труда и опасности выпадаетъ на долю пробѣжающихъ, осужденныхъ судьбою нырять по высокимъ байкальскимъ волнамъ въ лодкахъ и нерѣдко принимать холодныя ванны, потому только, что сибирское купечество и байкальское пароходство не считаютъ нужнымъ позаботиться объ устройствѣ пристани и удѣлить для этого часть своихъ доходовъ, хотя бы для собственнаго удобства.

Иногда случается такъ, что пароходъ къ Посольску и придетъ, а пассажировъ на берегъ высадить нѣтъ никакой возможности, — волна идетъ такая большая, что лодку спустить нельзя. Что тутъ дѣлать! Пассажиры смотрятъ на посольскій берегъ и вздыхаютъ, а въ ухахъ ихъ между тѣмъ слышится пріятная рѣчь штурмана: — Не угодно ли, господа пассажиры, отойдите отъ борта, надо якорь вытащить да назадъ идти.

— Назадъ?! грустно восклицаютъ пассажиры.

— Да, назадъ. Зимовать намъ что ли здѣсь. Видите, какая волна идетъ, — лодки спустить нельзя; а мнѣ дожидать, пока стихнетъ вѣтеръ, не показано: на Лиственичной много груза лежитъ, я въ это время успѣю еще забуксировать баржу и приведу ее сюда.

И ѣдутъ пассажиры назадъ, проклиная въ душѣ байкальское пароходство.

— А вы, господа, не сердитесь, подшутить штур-

мань,—вы будьте покойны: задаромъ вѣдь, бесплатно, засть катаемъ по Байкалу.

И то правда.

Посольскій монастырь носитъ это названіе потому, что тутъ убитъ боярскій сынъ Заболоцкій съ сыномъ. Заболоцкій былъ отправленъ въ Китай, въ качествѣ русскаго посланника. Ихъ убили монголы; а случилось это въ давно прошедшее время, когда Россія съ Китаемъ начинала первыя сношенія. У монастырской ограды, въ память этого событія, поставленъ высокій чугуновый крестъ, но надписи на немъ и близъ него никакой нѣтъ.

Суда или, какъ называютъ ихъ поморы, «корабли» пристають частію тоже противъ Посольскаго монастыря, или входятъ въ рѣку Селенгу, по которой и тянутся вверхъ до пристани Чертовкиной, находящейся близъ устья Селенги.

Рѣка Селенга (что значитъ по манчжурски: «железная рѣка») беретъ начало въ Монголіи въ Ханьгайскомъ хребтѣ, на сѣверной окраинѣ гобійской степи. Она протекаетъ не въ дальнемъ разстояніи отъ китайскаго города Маймайтчина, но потомъ отклоняется въ сторону и, минуя Кяхту, является, такъ сказать, контрабандой на русской землѣ, верстахъ въ 20 отъ Кяхты. Она многими, часто мѣняющими свое русло устьями, впадаетъ съ юго-востока въ Байкаль, засыпая въ этихъ мѣстахъ дно его цѣлыми горами песку и ила.

Нѣкоторыя рѣки, впадающія въ Байкаль, какъ-то: Утуликъ, Выдриня, Переемная, Снѣжная, Мурьина и Мышиха, принадлежатъ разнымъ вѣдомствамъ и отдаются въ оброчное содержаніе съ торговъ. Берутъ ихъ на оброки разнаго званія люди, мѣщане, крестьяне, разnochинцы, отставные солдаты, большею же частію казаки.

Получившій съ торговь извѣстную рѣчку, строить на берегу зимовье и переселяется туда на временное жительство; нѣкоторыя рѣчки принадлежатъ кочующимъ бурятамъ, которые тоже поселяются на время близъ рѣчекъ для промысловъ.

Осѣдлой жизни на этихъ мѣстахъ нѣтъ, земля для хлѣбопашества не обрабатывается, потому что мѣстность для этого большею частію неудобна: камениста, болотиста или песчана; если есть кой-гдѣ часть земли, болѣе или менѣе годной для посѣва хлѣбовъ, то сильные вѣтра препятствуютъ этому, выдувая изъ земли посѣянные зерна.

Всѣ означенныя лица, взявшія съ торговь ту или другую рѣчку, лѣтомъ ловятъ рыбу, сига, омуля, хайрузовъ, а къ верху по рѣчкамъ—выдру; осенью въ горахъ и прибрежьяхъ, поросшихъ лѣсомъ, бьютъ соболя, бѣлку, медвѣдя, лисицу, кабаргу (*Musculus Sibiricus*), козулю (*Cervus Carpatensis*), оленя, лося, розсомаху, волка, зайца и особенный видъ сурковъ. Весною по льду Байкала бьютъ нерпу (*).

Изъ рыбъ всего болѣе въ Байкалѣ водятся лососиные (*Salmo*) омули, самые многочисленныя. Кромѣ того водятся осетры; ихъ ловятъ въ то время, когда они входятъ въ рѣку Селенгу, и удачно только въ такомъ случаѣ, когда идутъ они стадами; иногда попадаютъ осетры вѣсомъ пудовъ въ пять; мечутъ они икру и въ Селенгѣ, и въ Баргузинѣ, откуда она уносится въ Байкалѣ для настоящаго оплодотворенія.

Таймень, самая бойкая рыба, водится въ Байкалѣ преимущественно около юго-западныхъ береговъ; сигъ,

---

(*) Въ Забайкальскихъ степяхъ къ югу водятся у бурятъ верблюды. (Стат. Труды Штукенберга. Замѣтки о Сибири. стр. 55).

налимъ, живутъ и плодятся всегда на одномъ мѣстѣ и, по мѣсту жительства, имѣютъ различный вкусъ и цвѣтъ кожи.

При такомъ обилии рыбы, изъ птицъ болѣе всего, конечно, рыболововъ: черный бакланъ бьетъ ихъ своимъ острымъ клювомъ и иногда сотни убитой рыбы плаваютъ на поверхности воды, около мѣста нападенія чернаго баклана; за нимъ слѣдуетъ неизбѣжная его спутница, бѣлая чайка, и бѣлоголовый беркутъ.

Звѣря ловятъ различнымъ способомъ, и каждый изъ звѣрей имѣетъ свои уловки, болѣе или менѣе хитрыя.

Всѣхъ проще бѣлка и бурундукъ,—они легко попадаютъ на приманку, *въ плашки*; на нихъ охотникъ и заряда не считаетъ нужнымъ тратить. — «Отъ моихъ рукъ моль, вы, простоватые звѣрки, не уйдете», думаетъ охотникъ. Лисица и розсомаха всего чаще попадаютъ въ капканы и самострѣлы; при случаѣ ихъ бьютъ изъ винтовокъ.

Соболь, этотъ пушистый и болѣе другихъ цѣнный звѣрокъ, избѣгая преслѣдованій охотника, зарывается въ снѣгъ и охотнику приходится долго трудиться, окапывая мѣсто убѣжища соболя канавкой, до самой почвы; канавку эту окружаютъ со всѣхъ сторонъ тенетами, чтобы подстеречь хитреца въ то время, когда онъ высунетъ мордочку изъ своего тайнаго убѣжища. Замѣтивъ соболя на деревѣ, хорошіе стрѣлки бьютъ соболя всегда въ голову и никогда не портятъ его шкуры пулей.

Рѣчная выдра, преслѣдуя рыбу, часто попадаетъ сама въ рыбныя мережи.

Если принять во вниманіе всѣ лишенія, которыя переносятъ звѣропромышленники на промыслахъ за звѣрями, то надобно сознаться, что недешево имъ до-

стаются тѣ красивые мѣха, которыми такъ любятъ пощеголять всѣ болѣе или менѣе богатые люди.

Добывая эти мѣха, звѣропромышленникъ часто обрекаетъ себя по нѣскольку сутокъ на молчаніе, мокнетъ на дождѣ, мерзнетъ на холодѣ и постится, въ полномъ значеніи этого слова. Часто случается ему безъ устали преслѣдовать ускользящаго отъ него звѣря по угрюмымъ непроходимымъ лѣсамъ, каменистымъ розсыпямъ, буеракамъ, горамъ и оврагамъ.

Вѣчно пирамидальные ельники, съ своими длинными сучьями, темныя пихты, кедры, сплетшіеся непроходимую стѣной, скрывающіе собой мшистыя топи и болота, — враги и предатели звѣропромышленниковъ; да и кромѣ того косматый староста сибирскихъ лѣсовъ, медвѣдь, имѣющій сажень длины, часто даетъ знать о себѣ неосторожнымъ звѣроловамъ.

На сѣверной сторонѣ Байкала часто кочуютъ тунгусы въ маленькихъ берестяныхъ юртахъ. Ведутъ они почти такой же образъ жизни, какъ и буряты, но живутъ грязнѣе и бѣднѣе послѣднихъ. Бродячій тунгусъ питается Богъ знаетъ чѣмъ: попадется ему падалъ, онъ нисколько не задумается и обратитъ ее въ свою пищу, всякій звѣрь, имъ убитый, тоже идетъ въ пищу; лѣтомъ тунгусъ ѣстъ всякую ягоду, какая бы она ни была, — грибы, коренья растеній, заболонь сосны, рыбу, тамъ, гдѣ она водится, и ѣстъ онъ ее часто въ сыромъ видѣ.

Тунгусъ, живя бродячей жизнью, почти ничего не припасаетъ на долгій срокъ, кромѣ сушеной рыбы, да и то не всегда. Тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ рогатый скотъ, какъ на примѣръ куленгинскіе, менѣе другихъ бродятъ и не дѣлаютъ такихъ большихъ переходовъ, какъ тѣ, которые не имѣютъ скотоводства.

Перекочевывая на новое мѣсто, тунгусы на лоша-

дахъ перевозятъ вьюками свое имущество, которое напоминаетъ собою объ отсутствіи всякаго имущества. Верхомъ на лошадяхъ они ѣздятъ легко и ловко; на промыслѣ звѣря и въ погонѣ за нимъ неутомимы, и быстро, не уставая, преслѣдуютъ звѣря черезъ горы и пропасти. Въ это время они сами похожи на звѣрей: на головахъ ихъ нѣтъ ни въ какое время года шапокъ и ихъ косматые волосы развѣваются на вѣтру; на ногахъ часто нѣтъ обуви, платье едва прикрываетъ тѣло и, во время погони за звѣремъ, съ лица тунгуса исчезаетъ все напоминающее о человѣкѣ, — глаза горятъ злобой, на губахъ накипаетъ слюна и только винтовка или ножъ въ рукѣ его напоминаетъ о томъ, что онъ человекъ.

Они подвергаются всевозможнымъ лишеніямъ, часто скитаются по нѣскольку дней безъ пищи; всѣ они тощи и между ними никогда не встрѣчается такихъ жирныхъ, толстыхъ людей, какъ между бурятами. Продолжительность ихъ жизни отъ 30 до 45 лѣтъ, а до глубокой старости почти никто не доживаетъ. Они вообще ловчѣе, статнѣе и красивѣе бурятъ, не имѣютъ такъ сильно сплюснутыхъ и угловатыхъ формъ лица, какія постоянно встрѣчаются у бурятъ; есть между ними бѣлокурые и часто, между молодыми женщинами и дѣвушками, встрѣчаются пріятныя бѣленькія личики, голубыя глазки; многія изъ тунгусокъ стройны, веселы и живы, точно сибирскія козы.

Тунгусы, живущіе на сѣверо-западъ отъ Байкала, красивѣе не только бурятъ, но и забайкальскихъ тунгусовъ. Ихъ берестяныя лодочки, встрѣчаемыя на р. Ленѣ и ея притокахъ, называются вѣтками, онѣ очень легки на водѣ и весьма удобны для переноски на сушѣ, потому что не составляютъ большой тяжести. Плавать же

*

на этихъ вѣткахъ человѣку неопытному не только опасно, но почти невозможно, — для этого нуженъ большой навыкъ и ловкость.

Нерпа, продувая весною ледъ Байкала или отыскивая на льду трещины, вылѣзаетъ на свѣтъ Божій, понѣжиться подъ лучами весенняго солнца, но она имѣетъ хорошіе глаза и охотнику трудно близко подобраться къ ней.

Буряты и прочіе звѣропромышленники охотятся за нерпой слѣдующимъ образомъ: охотникъ надѣваетъ на колѣни кожаные или войлочные подколѣнники и, замѣтивъ издали то мѣсто, гдѣ нерпа вылѣзла на ледъ, — ложится самъ тоже на ледъ и начинаетъ ползти впередъ; во избѣжаніе того, чтобы нерпа не замѣтила его приближенія, онъ катитъ впереди себя маленькія саночки, которыя спереди закрываются небольшимъ бѣлымъ парусомъ. Нерпа грѣтся на солнцѣ и не воображаетъ, что противъ ея особы приняты такія хитрыя мѣры; на случай опасности она далѣе трещины не отходитъ, надѣясь, что при первомъ моментѣ покушенія на ея жизнь она успѣетъ ускользнуть подъ ледъ. Охотникъ приближается, нерпа смотритъ на парусъ и думаетъ, что это торчмя стоящая льдина (торось); но вотъ охотникъ подкрался на ружейный выстрѣлъ, прицѣлился — и нерпа убита на повалъ пулею.

Нерпу нужно бить непременно на повалъ, такъ чтобы она и встрепенуться не успѣла; если же ударъ сдѣланъ невѣрно и нерпа не умерла въ ту же секунду, то для охотника она исчезла безслѣдно: раненая нерпа не будетъ биться на льду въ предсмертной агоніи, а тотъ же часъ юркнетъ въ ту трещину, около которой грѣлась на солнцѣ.

Буряты употребляютъ мясо нерпы въ пищу и, по от-

зывамъ ихъ, оно очень вкусно; но впрочемъ полагаться на ихъ отзывы не слѣдуетъ: они не много разнятся отъ тунгусовъ и ѣдятъ тоже почти всякаго звѣря, у нихъ даже и бѣлка идетъ въ пищу.

Жиръ отъ нерпы продается на выдѣлку кожъ, на освѣщеніе, изъ него готовятъ также разныя мази; шкура животнаго употребляется на сапоги, на обивку сундуковъ, нѣкоторые изъ сибиряковъ шьютъ себѣ изъ нерповой кожи шубы.

Иногда промышленники пріѣзжаютъ на промыслы со всѣмъ своимъ семействомъ. Женщины и дѣти собираютъ въ осенніе мѣсяцы ягоду (морошку, чернику, голубицу, паленику, малину, рябину, бруснику, смородину), грибы (рыжики, масленники, грузди) и разныя лекарственныя травы.

Весною изъ-подъ снѣга буряты собираютъ листья бадана, который въ большемъ количествѣ растетъ по склонамъ горъ, между камнями.

Настой изъ этихъ листьевъ они пьютъ вмѣсто чая и, по словамъ ихъ, этотъ напитокъ хорошъ, но только весною, когда перемерзнетъ послѣ зимы; осенью же онъ очень мясистъ, вязущъ и для употребленія вреденъ.

Корни бадана употребляются въ забайкальской области для окраски кожъ и шерсти въ черный цвѣтъ.

По бокамъ горъ и на ихъ выпуклыхъ вершинахъ, называемыхъ по сибирски подушками, густо растутъ громадная лиственница и сосна; посреди ели, пихты и березы, стройно возвышается бальзамическій тополь; по теченію рѣчекъ, извиваясь вмѣстѣ съ ними и сбѣгая съ горъ, темнѣютъ кусты черной смородины; всего же красивѣе и больше изъ породы мелкихъ кустарниковъ можно встрѣтить даурійскій рододендронъ, сибирскій

багульникъ; въ половинѣ мая цѣлый берегъ покрывается его красивымъ темно-розовымъ цвѣтомъ.

На Забайкальскихъ горахъ растетъ ревенъ; листь его звѣроловы употребляютъ въ пищу — варятъ его точно такъ же, какъ листь капусты; на сколько такія щи вкусны, мнѣ не случилось пробовать.

По причинѣ сильныхъ морозовъ, на высотахъ байкальскихъ, плоды не могутъ поспѣвать, но овощи, какъ на примѣръ, бѣлая капуста, картофель, рѣпа, горчица, хрѣнъ, различные виды лука, а также и гречиха, растутъ хорошо и дозрѣваютъ во время.

Въ степяхъ байкальскихъ у бурятъ извѣстны многіе корни растений, которые они употребляютъ въ пищу; главные изъ нихъ—*сарана*, родъ луковицы. Этотъ корень, испеченный въ золѣ, даетъ мягкую кашицу, на вкусъ нѣсколько сладковатую.

Теперь, въ заключеніе этой главы, не смотря на то, что задача этой статьи—познакомить читателя только съ прибайкальской жизнью, я, тѣмъ не менѣе, считаю не лишнимъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, сколько добывается во всей Забайкальской области звѣриныхъ шкуръ. Вотъ приблизительныя цифры:

Бѣличьихъ шкурокъ обращается въ	
продажъ, среднимъ числомъ, до	. 450,000
Соболей (самый лучший сортъ соболя	
баргузинскій)	1,800
Лисицы различныхъ видовъ	2,000
Волчьихъ шкуръ	1,000
Медвѣжьихъ шкуръ	300
Дикихъ козъ убивается до.	4,500
Оленьихъ шкуръ.	1,000
Кабановъ убивается до.	200

Рысей, розсомахъ, выдръ, степныхъ кошекъ и зай-

цевъ—цифра не извѣстна; но въ продажѣ ихъ, по отзывомъ торговцевъ, бываетъ на двѣ и на три тысячи рублей серебр. въ годъ.

Всѣ эти цифры не могутъ быть совершенно точными, потому что точныхъ свѣдѣній собрать невозможно; но приблизительно онѣ даютъ нѣкоторое понятіе о томъ количествѣ звѣря, какое убивается въ продолженіе года.

Здѣсь кстати будетъ указать, какое количество народонаселенія въ Забайкальской области, тѣмъ болѣе, что если ужъ начали заниматься цифрами, такъ ими и покончимъ главу.

Народонаселеніе Забайкальской области 355,000 д.

Пространство ея (въ квадратныхъ мил.). 10,905.

Слѣдовательно, на квадратную милю приходится всего по 32 души. Чтожъ! и эта цифра еще почтенная, тѣмъ болѣе, что на квадратную милю въ Сибири вообще приходится только около 16 душъ.

III.

Въ Посольскомъ селеніи я познакомился съ однимъ старикомъ крестьяниномъ, съ которымъ мы, въ первый разъ моей поѣздки за Байкаль, долго бесѣдовали. Старичокъ оказался весьма разговорчивый человѣкъ и на вопросъ мой, какъ они занимаются рыбной ловлей, рассказалъ слѣдующее:

— Промыслы наши, ваша милость, любятъ погоду не ясную, такъ чтобы солнышко за облачко ушло, спряталось-бы; а то нѣтъ лучше, если еще маленькій дождичекъ порошить начнетъ — этого нѣтъ лучше. Такое-то времячко намъ, значить, самое что ни на есть, любезное дѣло и зовемъ мы его омулевой погодкой, потому — въ такую пору ловъ бываетъ всегда самой доброй и спорой. Рыба эта наша байкальская, тѣснится что-ли въ такую пору, али что nibудь дру-

гое тутъ дѣется—Господь батюшка знаетъ. Ну, только я вамъ, ваше почтеніе, скажу, что раньше половины августа мѣсяца, значить до самаго праздника Успеньева дня, за промыслы у насъ почитай-что никто не принимается. Потому, выходитъ, все равно, что бросай тоню, что нѣтъ, толку никакого не будетъ,—вытащить развѣ изъ воды только камешки какіе маленькіе, а больше ничего не достанешь. Ну, послѣ Успеньева дня совсѣмъ другая статья.

— Какъ-же тогда?

— А тогда ужъ уловъ будетъ. Тогда, значить, послѣ праздника-то, какъ быть должно по христіанству: перво-на перво Богу помолимся, а потомъ и за работу.

— Какъ-же вы ловите рыбу?

— Обыкновенно ловимъ, какъ и вездѣ добрые люди, такъ и мы. Бросаемъ невода, одинъ конецъ завозимъ на лодкѣ въ море, а другой на берегу закрѣпляемъ,—середина-то его заглубнетъ въ воду, а потомъ лодка приплываетъ назадъ къ берегу, тогда и начинаемъ стягивать неводъ, какъ мѣшокъ въ одно мѣсто; вытянемъ да и выберемъ рыбку.

— А много попадаетъ за одинъ разъ?

— Всяко бываетъ. Кому какое счастье. Бываетъ такъ, что тоню-то не могутъ человекъ двадцать вытянуть, лошадей припрягаютъ къ столбу да закручиваютъ неводъ,—такъ много въ немъ рыбы попадетъ; а другой разъ и пуда не наберется. Бываетъ ину пору такъ, что когда тоня еще въ морѣ и неизвѣстно, будетъ ли въ ней рыба, али не будетъ,—богатые мужики, на счастье, покунаютъ за глаза всю тоню, что, молъ, Богъ дастъ; ну и купить: удастся хорошій ловъ,—въ барышахъ будетъ, а несчастливить такъ, значить, за даромъ денежки выложить. Разъ какъ-то купецъ

изъ Кяхты проѣзжалъ, увидѣлъ на берегу огни, бала-
 гашки эти раскинуты; видитъ, народу хлопочеть около
 берегу много, шумъ да говоръ стоитъ такой, ну и ве-
 лѣлъ ямщику подѣхать, полюбопытствовать захотѣлъ
 значить. Подѣхали. Наши ребята и говорятъ: купи-
 те, моль, господинъ купецъ на свое счастье тоню. —
 А что, говорятъ, вамъ за это дать? — Пятьдесятъ, го-
 ворятъ, рублей. — На говоритъ, бери деньги... Господи,
 говоритъ, благослови... Только, ваша милость, стали
 рыбаки этотъ неводъ вытягивать, не могутъ, — сила
 небереть, — двухъ лошадей припрягли; а купецъ животи-
 ки надрываетъ, хохочетъ. Ребята тянутъ, — не до
 смѣху имъ, видятъ что прогадали много, а воротить
 нельзя. Вытанули неводъ полнехонекъ рыбой. — Что же,
 говоритъ купецъ, теперь я съ этой машиной дѣлать
 стану? Почесался, почесался, помолчалъ, да потомъ и
 говоритъ: возьмите, говоритъ, ребята рыбу себѣ, да
 дайте часть въ монастырь, за мое здоровье... Вотъ тоже
 и монастырская братія рыбкой промышляетъ, только у
 нихъ невода небольшіе.

— Куда же вы съ берега дѣваете рыбу? Вѣдь она
 можетъ испортиться, если ее такъ много въ одной кучѣ
 лежитъ?

— Мы ее солимъ. Тутъ же на берегу, какъ только
 изъ воды рыбу вынимаемъ, сейчасъ же и солить и въ
 бочки укладывать. Работа въ тѣ поры у насъ идетъ го-
 рячая, бабы и малые ребяташки всѣ работаютъ; иной
 разъ еще и нанимаешь со стороны народу, бурятъ,
 тунгусовъ, — всѣмъ тогда дѣла много бываетъ, только
 уснѣвай работать. За соленье платимъ, когда, чу-
 жие люди эту работу справляютъ, по 2 р. 50 съ бочки;
 да эта цѣна не одинакова, потому значить, глядя по
 улову. Когда хорошій уловъ-то бываетъ, тогда за со-

ленье цѣна и до пяти рублей доходить, да тогда не жалко и деньги платить такія, потому рыбки Господь батюшко даетъ въ изобиліи (*).

— Говорятъ, дѣдушка, соль ваша здѣшняя не хороша и рыбу только портить? спрашивалъ я.

— Нѣтъ, напрасно. Это только россійскіе господа говорятъ такъ про нашу соль, этому вы не вѣрьте, потому если бы омулекъ-то отъ соли портился, такъ кто же бы его сталъ покупать? Нѣтъ, соль у насъ чудесная, право.

— Такъ зачѣмъ же къ вамъ изъ Западной Сибири соль сюда привозили?

— Да, это дѣйствительно было. Только это не для омуля, а былъ значить разговоръ о томъ, что, яко-бы паисную икру готовить изъ нашей здѣшней икры; ну для этого, дѣйствительно, наша соль не по вкусу пришлась. Привезли было изъ Тобольской губерніи, изъ Омскаго округа, есть тамъ соляныя озера, Коряловскія называются, вотъ изъ нихъ-то, значить, и привезли соль, да тоже дѣло-то не удалось, такъ его и оставили. Да оно и лучше.

— Какъ лучше? — Отчего?

— Да такъ. Зачѣмъ оно? Слава Богу, рыбка насъ кормить, икорку мы тоже солимъ понемногу. Мы, ваша милость, очень довольны отъ Господа...

— Какіе-же здѣсь у васъ главные рыбные промыслы?

— Промысловъ здѣсь, батюшко, много. Байкаль ве-

(*) По приблизительнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мною въ Иркутскѣ, известно, что въ этотъ городъ на судахъ привозится омуля отъ пяти до восьми тысячъ бочекъ; кромѣ этого въ Забайкальской области распродается и потребляется, по меньшей мѣрѣ, до трехъ тысячъ бочекъ; следовательно, весь уловъ рыбы можно считать до десяти тысячъ бочекъ. Въ бочекъ отъ 1000 до 1400 омулей.

ликъ. Вотъ мы здѣсь около нашего мѣста рыбушку ловимъ, другіе въ другомъ мѣстѣ... Есть промыслы почти на каждой рѣчкѣ.

— Какіе-же, я спрашиваю, главные-то? На которыхъ больше рыбы ловится?

— Кто ихъ знаетъ. Годъ на годъ не приходится. Нынче здѣсь много, а на другой годъ въ другомъ мѣстѣ... Большими-то промыслами считаютъ у насъ селенгинскіе, а послѣ нихъ баргузинскіе, потомъ котцовые, Коргу... Ну дальше-то ужъ, пожалуй, и помельче.

— И все омуль?

— Все больше онъ, омулучекъ, нашъ-то кормилецъ. Попадаетъ тоже, только ужъ такъ за компанію, будто другая рыба, — той уже не въ примѣръ меньше: Омуль у насъ здѣсь, все равно что царекъ! Недаромъ про нашего брата сибиряка и пословица сложилась, что ежели, говоритъ, сибирякъ умирать будетъ, такъ ему губы только помажь омулемъ, — сейчасъ оживетъ... Есть у насъ еще здѣсь, ваша милость, рыбушка одна, голомян-ка прозывается. Это ужъ совсѣмъ особенная рыбушка, маленькая она такая да жирная, ну вотъ все равно, что одинъ жиръ! Особенная рыбушка, и нигдѣ больше о такой рыбѣ не слыхать. Поймать ее нельзя, въ неводъ не попадается, потому мелка ужъ очень, проскакиваетъ изъ невода; на удочку никогда не идетъ, да ее и не видать около берега въ тихую-то погоду.

— Какъ же вы ее ловите?

— А ловимъ мы ее... Да чего я говорю? Какое—ловимъ. Мы ее совсѣмъ и не ловимъ, а просто собираемъ руками по берегу.

— Какъ же такъ? Развѣ она на берегъ выходитъ?

— Нѣтъ. Бѣдная она, голомянка-то эта, совсѣмъ она бѣдная рыбушка, намъ ее и самимъ-то жалко, при-

наться, — маленькая ужь она очень: силенги-то видно у ней нѣтъ вовсе... Вѣтра вѣдь здѣсь, по осени-то особенно бывають большіе, ну какъ поднимется большой вѣтеръ, *гора*,-ее бѣдную, голомянку-ту, вмѣстѣ съ волнами и выбрасываетъ на берегъ, тутъ она съ одною разу и жизни рѣшается. Гдѣ камень, гдѣ што и песокъ вѣдь тоже жесткой, особенно какъ ее бѣдную съ размаху-то выбросить... Затихнетъ эта буря и пойдуть наши ребята, бабы и дѣвки по берегу, голомянку собирать. Потомъ мы ее приготавливаемъ на масло: вытопимъ значить жиръ и ѣдимъ его вмѣсто масла, ничего, ладно, кушанье скусное. А то, рассказываютъ наши звѣропромышленники, какъ медвѣдь эту голомянку жретъ, — просто удивленье. Тоже смѣтилъ и знаетъ, въ какую пору надобно къ берегу выйти, и выйдетъ. Буря уляжется онъ и шастаетъ съ горы, изъ лѣсу-то густова на берегъ, нагребетъ лапой этой голомянки кучу и шамкаетъ. Звѣрь, звѣрь, а догадка есть,—тоже небойсь безо времени пойдетъ по берегу, голомянку искать (*).

— Какіе же у васъ здѣсь больше вѣтра дуютъ? Вотъ вы давеча упомянули какой-то вѣтеръ, горой его назвали.

— Да, это точно. Есть у насъ здѣсь гора вѣтеръ. Этотъ вѣтеръ самый что ни на есть опасный (NW); набѣгаетъ онъ всегда почти вдругъ, неожиданно, нега-

---

(*) Во время бурь выбрасывается на берега Байкала морская губка. Она растетъ какъ коралль на днѣ Байкала, прикрѣпляясь къ камнямъ, и встрѣчается всего болѣе на юго-восточной сторонѣ. Длины имѣть до $\frac{4}{3}$ ар. и болѣе, дѣлится на вѣтви сѣрожелтаго цвѣта, въ водѣ мягка, на воздухъ твердеетъ, но удерживаетъ упругость, подобно грецкой губкѣ; воздревата или ичеиста; сухая—колюча и шероховата. Ею чистятъ металлъ и мягкіе камни.

данно. Наши корабельщики и знают его только по одной маленькой тучкѣ, которая незадолго до этой горы въ небѣ показывается. Тучка-то эта такая маленькая, съ пятнышко, а ужь опытный корабельщикъ ее увидитъ. Дуетъ гора сильно и дуетъ все изъ падей, которыя между горами находятся. Такой же, только немного поскромнѣе, есть вѣтеръ сиверко (N), дуетъ онъ сильно осенью и холодный такой, такъ лицо-то ровно бы ножами рѣжетъ. Другой разъ на встрѣчу этому сиверкѣ полетитъ другой вѣтеръ и пойдутъ на морѣ спорить, забурлятъ, поднимутъ воду и толкунцы разведутъ.

— Что это значить толкунцы?

— А толкунцы значить—валы съ разныхъ сторонъ на морѣ набѣгаютъ одинъ на одинъ и начинаютъ бороться, отъ этого по волнамъ бѣляки поднимаются; ну нашъ братъ поморъ и видитъ, что Святое море забурлило, разсердилось.

— Какіе же еще есть вѣтра?

— Есть вѣтеръ култукъ (SW). Этотъ вѣтеръ самый что ни на есть лучшій и благопріятный для плаванія нашимъ кораблямъ, когда они бѣгутъ изъ Лиственичной въ Селенгу. Для этого пути онъ самый способный. Потомъ есть два вѣтра: баргузинъ (O) и верховикъ (NO); эти способные вѣтра изъ Селенги къ Лиственичному идти. Неспособной и бойкой вѣтеръ шелонъ (SSO); сердитой этотъ вѣтеръ и нашимъ кораблямъ плохо, когда они въ ту пору около Лиственичной стоятъ: рветъ онъ ихъ съ якорей и качаетъ безъ милосердія. Есть вѣтеръ полдень (W), онъ самой тихой, его какъ будто у насъ и нѣтъ, — рѣдко, рѣдко когда подуетъ. Ну еще есть вѣтеръ съ земли, снизу будто дуетъ, со дна моря: зовутъ его наши корабельщики, — холодъ (SO). Вотъ и всѣ я вамъ вѣтра наши рассказалъ, больше у насъ

никакихъ вѣтровъ и нѣтъ. Вѣтра-то, они лѣтомъ-то и ничего бы. А теперь вотъ пора такая начинается, что въ нихъ никакого и порядку не будетъ, начнутъ дуть, то одинъ, то другой, до половины-то зимы такъ прина-скучать, что хоть бѣжать отсюда такъ въ пору.

— Бурное ваше море, дѣдушка, беспокойное. О немъ у насъ и въ Россіи говорятъ, что оно бурное, сердитое.

— Напрасно они это говорятъ, ваше почтеніе, и вы этому не вѣрьте. Наше море сердито да милостиво, покачаетъ, поломаетъ судно, а все же шудей не погубить. Не даромъ же его и называютъ: Святое море. А Святое оно потому, что въ немъ ни одна душа христіанская не погибла.

— Не можетъ этого быть, дѣдушка, не правда. Нельзя этого утверждать.

— Нельзя этого, батюшка, про другое мѣсто утверждать, а про наше Святое море можно, потому оно Святое... Да вотъ я вамъ расскажу, какой однажды былъ съ нашими ребятами случай.

— Расскажите, согласился я.

— Было дѣло лѣтъ тому десятокъ назадъ. Возвращались наши ребята изъ-за моря, кладъ возили они въ ту сторону и ѣхали обратно съ пустыми санями. Долго что-то они въ Иркутскѣ позамѣшгались, а время было позднее: апрѣль на исходѣ и солнышко ужъ грѣло совсемъ по лѣтнему. Было у нихъ лошадей сорокъ съ сорока санями, да ихъ самихъ видно человекъ пятнадцать. Выѣхали они съ Лиственничной пристани рано, рано по утру, наровили, значить, такъ, чтобы къ вечеру-то добраться до Посольскова. А время, говорю, было позднее и почтовые станки давнымъ давно были сняты, ѣздили голометью, прямо то есть на перерѣзъ Байка-

ла. Поѣхали наши ребята; ѣдутъ и думушки не думаютъ о томъ, что время наступило весенее. Только отѣхали они верстъ 30, стали замѣчать, что ледъ все мягче и мягче; чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе лошадямъ идти стало. Остановившись было, подумали маленько, да и опять поѣхали, — дескать, ничего, Богъ поможетъ. Кони у нихъ стали уставать и чуть только ногами передвигаютъ, а ноги-то давно ужъ по колѣно въ водѣ; взмолились мужики, почесались, а возвратиться назадъ не хотѣли, потому — дорого стоитъ содержать на чужомъ дворѣ коней, да самимъ мѣсяца полтора безъ дѣла проѣдаться. Постояли опять немного, посмотрѣли на всѣ четыре стороны, видятъ по разнымъ своимъ примѣтамъ, что отѣхали развѣ, развѣ верстъ 40, а дѣло ужъ къ вечеру подвигалось, солнышко спряталось за высокими горами. Опять поплелись; смеркаться стало; мягкій снѣгъ сталъ по рошить, да такой теплой, теплой, — падаетъ и таетъ, глаза у ребятъ залѣпляеть своими хлопьями, — впередъ ничего не могутъ разглядѣть. Стемнѣло. Ночь сдѣлалась такая темная, точно вотъ осенью, — все небо заволокло. Мужики вздыхаютъ, охаютъ, молитву къ Господу творять, а все потихоньку впередъ да впередъ двигаются. Лошади совсѣмъ уморились да и тоже стали побаиваться: гдѣ помягче мѣсто — не идутъ, пятятся назадъ. Только такъ-ту проплелись еще много ли мало ли, вдругъ передняя лошадь совсѣмъ встала; а снѣгъ все сыплеть да сыплеть, ровно пухомъ и таетъ на лету, сыплеть и таетъ, глаза мужикамъ залѣпляеть... Тишь такая на морѣ стояла, теплота — страсть! Встала лошадь и не идетъ. Парень ее было стегнулъ; лошадь лягнула ногой — не идетъ. Подошли человекъ три, смотрятъ, — вода, трещина на льду сдѣлалась сажени на двѣ шириной, а гдѣ конецъ этой трещины, только одинъ

Господь Батюшка знаетъ. Поѣхали они искать конца этой трещины вдоль по морю, да такъ всю ночь и промаялись, а конца не нашли. Устали бѣдные, истомились, проголодались; а море все нѣтъ-нѣтъ да и выстрѣлить, да страшно таково выстрѣлить и глухимъ такимъ шумомъ подо льдомъ загудить, загудить... Это значить въ другомъ мѣстѣ по морю опять новая трещина сдѣлалась. Стало свѣтать, а ребята наши все на срединѣ моря, все около трещины возятся и перебраться черезъ нее не могутъ. Были съ ними, на всякій случай, лома два-три, да лопать тоже штуки четыре, пять; — стали они заводить льды въ трещину, отбивали, значить ихъ ломами отъ одного мѣста да и запруживали ими трещину; къ полудню-то, видно, кончили работу, сдѣлали ледяной переходъ. Стали переправляться. Кони, которые бывалые да опытные, тѣ ужъ знали, какъ надо дѣйствовать и тихонько перебирались по льду по трещинѣ, а молодые-то лошади, неопытныя-то, пятились, боялись и не шли; стали ихъ связывать, да на саняхъ перетягивать черезъ трещину. Перетянули одну, другую, только потомъ сани стали грузнуть, лошадь еле-еле перетянули на саняхъ-то, а ледъ совсѣмъ измялся, какъ каша какая-сталь. Видятъ, дѣло плохо. Пугнули было лошадей кнутами, авось съ маху перескочатъ; лошади не идутъ, только одна бросилась съ маху и затонула; мучились, мучились, вытягивали ее, — ничего не могли сдѣлать: силы-то нѣтъ да и ледъ-то мягкой. Перетасили они лошадей пятнадцать, а остальныхъ не могли: такъ ихъ бѣдныхъ на вѣрную смерть и оставили. Жалко было имъ на нихъ смотрѣть, а они вотъ ровно какъ будто люди, видятъ, что имъ бѣднымъ плохо приходится, повѣсили головы низко, низко и печально такъ смотреть. Мужики всплакались. Потаци-

лись дальше; идутъ, идутъ да посмотреть назадъ, а бѣдныя лошадки все стоятъ около третины... И тѣ, которыхъ они перетасили, тоже, говорятъ, поворачиваютъ головами-то назадъ, — бѣдныя лошадки! Потасились они еще немного и все имъ путь труднѣе и труднѣе дѣлался. Только до того дошло, что лошади стали на цѣломъ мѣстѣ по брюхо во льду грузнуть. Видятъ мужики, дѣло плохо, — побросали лошадей, сани и пошли одни. Двигаются кое-какъ, по колѣно въ водѣ, силы-то идти не хватаетъ, голодны, а идти надо: умирать на морѣ не хочется. Солнышко весело таково играетъ и еще больше ихъ печалитъ, — потому того и гляди, что вся ледяная каша растаетъ. Господи! Сколько горя тутъ было! Потомъ, когда они рассказывали, такъ просто морозъ подиралъ по кожѣ... Ну, прошли они еще, много-ли, мало-ли, — идти стало нельзя, ноги, ужъ очень глубоко грузнуть во льду, а силы и совсѣмъ не стало; свалились ребята на брюхи и лежатъ на льдинѣ, почитай совсѣмъ въ водѣ. Смотрятъ, — селеніе наше Посольское стало видно, крестъ монастырскій на солнышкѣ играетъ. Заплакали ребята, завывли; на церковь Божию глядя, и стали они разные обѣты давать, батюшкѣ угоднику божию Иннокентію иркутскому, — крестятся, плачутъ... Только что же? Лежатъ они на льду, совсѣмъ, значить, обезсилѣли, а монастырская церковь къ нимъ все ближе и ближе; — вотъ ужъ и берегъ стали различать, лодки на берегу видятъ, народъ... Крестятся ребята и дивятся!.. Еще ближе берегъ сталъ, и тутъ только они замѣтили, что Святое море тронуло льды и ихъ на большущей такой льдинѣ къ берегу прибываетъ. А съ берега ужъ давно лодокъ пятнадцать отчалило и пробираются между льдинами. Такъ и спасъ ихъ батюшка Иннокентій угодникъ. Вышли они на берегъ и

пошли прямо въ монастырь, молебень служить. Собралось все наше селеніе въ церковь, тѣсно стало, вотъ точно какъ въ Христовъ день. На лицахъ у всѣхъ такая радость, и плачутъ-то всѣ, и улыбаются, и ужъ я не могу вамъ, ваша милость, разсказать, каково хорошо тогда было у всѣхъ на сердцѣ. Малые ребятишки, женщины, дѣвушки, старики, — всѣ собрались въ церковь и въ церкви-же цѣлуются, обнимаются съ своими спасенными родными, — не могутъ значить чувствъ своихъ удержать. И что же, ваша милость, наше Святое море сотворило? Вѣдь вы просто не повѣрите!.. Пока мы всѣ во храмѣ Божиємъ были, благодарили Господа Бога, а море ужъ успѣло всѣ льды унести къ Баргузину, выходимъ, смотримъ, — лѣто: снаряжай судно, да и поѣзжай въ море. Вотъ оно каково, Святое-то море! Золота, серебра, товаровъ всякихъ, чаевъ китайскихъ много оно проглотило, а души человѣческой ни одной... Съ чаями такъ всегда уморительно бывало. Потонуть, напримеръ, чай, и кажись, конечно ужъ, поминай какъ звали, такъ нѣтъ: пройдетъ этакъ недѣля, другая, — всѣ ящики всплывутъ поверхъ моря и начнетъ ихъ вѣтромъ вышвыривать на берегъ. Ящики, какъ ящики, а чаю въ нихъ нѣтъ: Байкаль весь его себѣ заберетъ, омуля видно имъ угощаетъ; а дѣлается эта штука, надо быть, оттого, что когда чай-то потонуть, кожа-то на нихъ размокнетъ, ну и начнетъ въ ней камышевой то ящикъ трясти въ разныя стороны, весь чай-то изъ него и вытрясетъ. Золото, такъ вотъ то не выбрасываетъ. Разъ какъ-то купецъ ѣхалъ въ Кяхту, везъ онъ тогда много золота контробандой и все его въ Байкаль утопилъ. Такъ весь его экипажъ со всѣмъ добромъ и ухнулъ, зимой дѣло было, тоже передъ весной ужъ...

— Какъ же это случилось, что онъ потопилъ все?

— Экипажъ провалился подъ ледъ.

— Какъ же онъ самъ уцѣлѣлъ?

— А вотъ какъ. Я вамъ раскажу все это подробно.

Случилось такое дѣло давно, лѣтъ пятнадцать, а то и всѣ двадцать назадъ; тогда еще я самъ корабельщикомъ былъ, по нашему Святому морю плавалъ. Теперь ужъ старъ сталъ и корабль мой давно на дрова ушолъ... Ну. Въ тѣ-то поры и случилось такое дѣло. Ъхалъ по Байкалу, послѣднимъ тоже путемъ, купецъ одинъ, тобольской кажись, ѡхалъ онъ въ большомъ лѣтнемъ тарантасѣ, поставленномъ на зимній ходъ. У насъ вѣдь здѣсь по Забайкалью-то, надо вамъ сказать, снѣга бываютъ малые, а особенно туда, къ китайской-то границѣ. Ну, купецъ тарантасъ свой не хотѣлъ оставлять въ Лиственничной, сколько его ни уговаривали, что, молъ, такъ и такъ — опасно; нѣтъ! Заплатилъ рублевъ полтора ста и подрядилъ везти его тарантасъ. Потому онъ не оставилъ этого тарантаса, что онъ у него былъ съ разными секретными ящиками, въ которыхъ и было нагружено золото. Повезли купца въ тарантасѣ; все благополучно ѡхали, и почитай что до нашего Посольска доѡхали; осталось, такъ видно, версты три, четыре, — вдругъ лошади стали грузнуть: полынья попала подъ нихъ, да полынья-то небольшая, всего сажени двѣ шириной, а передъ этимъ самымъ днемъ морозецъ стоялъ, ну ее и подернуло сверху-то ледкомъ, ямщикъ-то ине замѣтилъ, вкатилъ прямо въ полынью. — Ну, ну, туды-сюды — нѣтъ! Обрубилъ онъ гужи, настегнулъ коней и радъ радъ, что они проскочили по полыньѣ благополучно. Купецъ трухнулъ порядочно: видитъ, тарантасъ стоитъ на тонкомъ льду и ледъ подъ нимъ подогнулся, того и гляди — обломится и рухнетъ на дно его тарантасикъ. Послалъ онъ ямщика къ намъ въ селеніе верхомъ, собирать народъ,

*

чтобы, значить, народомъ тарантасъ вытащить съ тонкаго льда. Собралось народу человекъ пятьдесятъ. Стоять всё въ сторонѣ, толкуютъ, рядятся съ купцомъ. Купецъ просить, молитъ: батюшки, говоритъ, отцы родные, возьмите, что хотите, только вывезите мой экипажъ; а объ томъ ни слова, что въ потайныхъ ящикахъ у него хранится золото. Лучше бы было, когда-бы онъ сказалъ да велѣлъ-бы выбросать мѣшки изъ экипажа, — цѣлы-бы они теперъ были. А то, нѣтъ вишь, побоялся... Ну да въ правду-то коли сказать, за контрабанду тогда судъ былъ строгой. Толковали, толковали наши по-сольскіе жители, а подряда, вывести экипажъ не берутъ: тотъ подбѣжить, другой попробуетъ, да и назадъ отбѣгаетъ, потому что ледъ-то подъ тарантасомъ былъ очень тонокъ. Прошло съ полчаса. Тарантасъ еще больше загрузился въ воду; а теплынь тоже была такая—страсть: ледъ рыхлой, да такой рыхлой, что народъ толпой стоять немогъ. Упросилъ купецъ принести веревокъ, хотѣли бы ло веревками вытянуть экипажъ. Нанесли веревокъ и стали привязывать ихъ, гдѣ можно было. Смѣльчаки въ воду по грудь заходили, привязывали веревки-то эти, кто за колеса наровилъ засунуть, кто за козлы, кто за что могъ. Навязали этихъ веревокъ цѣлый ворохъ и хотѣли народомъ вытянуть тарантасъ; попробовали было, — нѣтъ, сила не беретъ: ужъ очень онъ грузно за-сѣлъ. Что дѣлать. Купецъ просто голову потерялъ, ошалѣлъ совсѣмъ: стоитъ въ сторонкѣ, глаза выпучилъ и дико такъ смотритъ на свое добро. Начало смеркаться, а тарантасъ все не вытащили. Порѣшили ребята укрѣпить его за веревки на кольяхъ. Стали вбивать колья, а колья шатаются во льду, какъ въ кисель. До полночи такъ-то мучились, все думали: вотъ Богъ дастъ, къ утру подморозитъ и можно будетъ тогда вы-

тянуть тарантасъ. Нечего дѣлать, купецъ, волей неволей, пошолъ вслѣдъ за народомъ къ намъ въ Посольское и оставилъ на волю Божию свое добро, на рыхломъ льду въ полыньѣ, да чуть не по самую половину въ водѣ. Вся надежда была только на то, что авось Господь Богъ поможетъ, пошлетъ ночью морозъ... Разошлись всѣ съ моря. Сталъ дождичекъ накрапывать, да такой теплый, теплый, а къ утру такимъ проливнемъ ударишь, что и лѣтомъ-то такъ рѣдко бываетъ. Какъ купецъ эту ночь пережилъ — Богъ знаетъ, а только надо быть, она ему не коротка показалась, и на душѣ-то, чай, не больно легко было. Разсвѣло. Вышелъ народъ на берегъ, а тарантаса уже и слѣда нѣтъ и ледъ отъ берега унесло весь; синева такая протянулась по морю, точно лѣтомъ. Такъ все добро купца и пропало. Захворалъ онъ бѣдный очень, слегъ, доктора ему изъ Удинска привозили. Долго онъ у насъ въ Посольскомъ пролежалъ и все, сказывали, бредилъ тарантасомъ: веревки, говоритъ, покрѣпче привязывайте... вытягивай, говоритъ... стой! полынья... золото!... Все, вотъ такъ, сказываютъ, бредилъ и кричалъ. Мужиковъ по пяти въ это время его держали — рвался, вишь, онъ у нихъ изъ рукъ то. Въ горячкѣ, надо быть, лежалъ бѣдняга. Ну, пошолъ на морѣ ледъ, наступила весна и стали мы дѣлать на томъ мѣстѣ розыски, пловцы наши ныряли, да такъ ничего не могли найдти, мѣсто-то што-ли ужъ очень глубокое было... Да его, чай, на томъ мѣстѣ-то и не было уже по веснѣ-то, унесло, полагать надо, по дну-то не вѣсть въ какую сторону... А все-же о себѣ, послѣ, тарантасъ этотъ далъ знать: — выкаатило Святое море на берегъ кожаную верхушку съ тарантаса; потомъ черезъ мѣсяцъ, али-бо черезъ два, тунгусы нашли на берегу, около Баргузина, козлы, передокъ значить отъ повозки; у козелъ то веревочка при-

вязанная болталась, уцѣлѣла вотъ тоже какъ-то, а гдѣ гдѣ не была, чай, по морю-то разгуливая...

— Такъ и не нашли золота?

— Не нашли. Все въ морѣ осталось. Въ немъ, полагать надо, много всякаго добра схоронено.

— А водолазовъ у васъ здѣсь нѣтъ?

— Собакъ-то это?

— Нѣтъ. Люди такіе есть, что на глубину морскую опускаются.

— У насъ здѣсь такихъ людей, Богъ милуетъ, нѣту.

— То есть, что это значить — Богъ милуетъ?

— Да такъ. То есть, у насъ все люди православные больше...

— Да и водолазами могутъ быть тоже христіане.

— Нѣтъ ужъ, какъ это можно...

Старикъ покачалъ головой и пытливо посмотрѣлъ на меня. Долго я его увѣрялъ, что на дно морское опускаться нѣтъ никакого грѣха, рассказывалъ ему, что въ этомъ случаѣ употребляются особые препараты для дыханія. Старикъ слушалъ и качалъ головой.

— Да какъ же, ваша милость, къ намъ въ Святое море, на такую глубину, водолазъ полѣзеть? Вѣдь оно, наше-то море, дна не имѣетъ?

— Ну, около береговъ, гдѣ глубина не очень велика, саженьяхъ на двадцати, тридцати... И въ моряхъ большихъ тоже не опускаются на страшную глубину...

— Ничего этого у насъ нѣтъ, слава Богу...

— Отчего же такъ?

— Да такъ. Лучше. Жили-же прежде по старому, по старому и вѣкъ свой доживать надо.

На этомъ и прекратились наши бесѣды. Я пробылъ въ Посольскѣ до поздняго вечера и мой знакомый старикъ съ поклонами меня отправилъ въ путь, присо-

вокупивъ еще на прощанье, что въ Байкалѣ ни одна человѣческая жизнь не погибла.

Изъ Посольска дорога идетъ въ Степную. Здѣсь тянется плоская низменная наберега Байкала. Кой гдѣ виднѣются мелкіе березовые перелѣски; но ихъ очень мало и мѣстность предоставлена на волю вѣтровъ, ежедневно почти взвивающихъ снѣгъ и обнажающихъ землю. Путь въ зимней повозкѣ по этой мѣстности весьма труденъ. Наберега Байкала тянется изъ-за устья Селенги, или правыхъ горъ ея, до Посольска и далѣе, почти до Мантурихи, верстъ на 70 въ ширину, а въ длину, вверхъ по Селенгѣ, почти до Ильинской станціи, т. е. на 90 вер.; мѣстами она покрыта песчано-галечными или глинистыми наносами и холмами. Она есть нечто иное, какъ бывшее дно Байкала дно того времени, когда, Байкаль, поравнявшись съ вершинами горъ Лиственничныхъ, перелился чрезъ эти горы, выломилъ себѣ ворота и образовалъ истокъ Ангары. Это доказываетъ высота горъ, окружающихъ Байкаль, и наносная береговая почва, состоящая изъ ила, песку, галечника и глины. Съ пониженіемъ горизонта Байкала часть эта обнажилась, какъ болѣе возвышенная, отъ наносовъ, вынесенныхъ сюда по широкому бассейну или разливу Селенги.

IV.

Какъ ни защищаютъ прибрежные жители Байкала извѣстное повѣрье, что Святое море не погубило въ своихъ волнахъ ни одной человѣческой жизни, но защита ихъ оказывается несостоятельной. Впослѣдствіи, проѣзжая нѣсколько разъ по Байкалу, я слыхалъ рассказы о томъ, какъ гибнуть въ Байкалѣ бѣглецы съ каторжныхъ заводовъ, называемые въ Сибири рысаками.

Не желая обходить Байкаль кругомъ, тащиться по крутымъ горамъ и дѣлать такимъ образомъ версты 300—400 лишняго, рысаки пускаются прямо черезъ Байкаль въ какойнибудь старой, утлой лодчонкѣ. Добываютъ они эту лодчонку ночью, выжидаютъ конечно удобнаго часа, когда на берегу нѣтъ народу, и отправляются въ ней по Байкалу. Нѣкоторымъ счастливымъ смѣльчакамъ удается благополучно окончить такой опасный рискованный путь; но большая часть изъ нихъ погибаетъ въ морѣ, что и извѣстно потому, что украденную лодку часто прибываетъ обратно къ берегу.

Одинъ изъ крестьянъ рассказывалъ мнѣ замѣчательный способъ переправы рысаковъ черезъ Байкаль.

— Разъ какъ-то, говорилъ онъ, плыли мы на своемъ кораблѣ съ омулями въ Иркутскъ, погода стояла вѣтреная, холодная, валъ шелъ высокой и бѣляки такъ и пестрѣли по всему морю. Дѣло было днемъ. Шли мы парусомъ и шли бойко. Только смотрю я, на морѣ что-то чернѣется, ближе, ближе — вижу: люди, человѣкъ, видно, пять за бревно ухватились. Бросаетъ ихъ по волнамъ съ одной на другую, да такъ валомъ обдастъ, что какъ загрузить въ волну, такъ ничего и не видно; потомъ опять бревно вынырнетъ, опять его бросить въ глубь волны, а люди все держатся. Судно мое такъ прямо на нихъ и бѣжало, велѣлъ я повернуть, мало-дѣло, руль, даль чуточку въ сторону и пробѣжалъ мимо ихъ. Что съ ними стало послѣ—погибли чай въ морѣ:—погода дула долго, а вѣдь силы неостанетъ держаться долго за бревно, да и руки заоченѣютъ. Такъ вотъ какъ они рысаки-то, путешествуютъ. Это, значить, они лодки на берегу найдти не могли и пустились на бревнахъ въ море, руки у нихъ вмѣсто весель были, а бревно, значить, за лодку служило.

— Какъ же они лодки-то не могли достать? Ночью же ихъ никто на берегу не караулитъ.

— Рысаки-то эти научили ужъ насъ порядочно: теперь только развѣ лѣнливой кто оставитъ свою лодку плохо, — которые осторожные, такъ и во дворъ уносятъ. Нашъ братъ тоже свое добро бережетъ. Особенно по веснѣ-то, когда этихъ рысаковъ бѣжитъ съ заводовъ много. Къ осени ужъ ихъ меньше, а зимой развѣ такъ пятокъ, десятокъ какой пройдетъ.

— А сколько ихъ проходитъ всего въ годъ?

— А Господь знаетъ, какъ тутъ сочтешь... Примѣрно такъ, рассказываютъ, что будто бы въ годъ до четырехъ сотъ рысаковъ проходитъ...

Зимою единственный путь, по которому рысаки проходятъ изъ Забайкальской области въ Иркутскую губернію, это — юговосточный берегъ Байкала, называемый по мѣстному *корюю*.

Теперь въ Сибири нѣтъ уже и десятой доли тѣхъ проказъ, какія бывали тамъ лѣтъ сорокъ пятьдесятъ тому назадъ. Теперь, сравнительно, рысаковъ стало менше, но все-таки они не переводятся.

Зимою, когда Байкаль покроеся льдомъ, рысаки пробѣгаютъ по льду отъ Посольскаго монастыря въ зимовье Голоустное, въ одинъ зимній день. Это разстояние, 55 верстъ, пробѣгаютъ они безъ отдыха, рысью, только легкой паръ вьется около разогрѣвшагося бѣглеца.

Въ тихую погоду путь этотъ они оканчиваютъ благополучно, но иногда, застигнутые вѣтрами и сильными мятелями, рысаки сбиваются съ дороги; сбившись попадаютъ въ трудно-проходимые тороса и заломы: а вѣтеръ между тѣмъ реветъ и воетъ по необозримой равнинѣ Байкала; короткій зимній день оканчивается и темная ночь окончательно сбиваетъ съ пути несчастныхъ, —

они уходятъ далеко въ даль моря къ острову Ольхону или къ Култуку. Такъ проходитъ ночь; голодные рысаки выбиваются изъ силъ, коченѣютъ и замерзаютъ.

Зимою рѣдкій день не бываетъ на Байкалѣ вѣтра съ той или съ другой стороны. Вѣтеръ сдуваетъ снѣгъ вѣтѣхъ мѣстахъ, гдѣ Байкалъ покрылся ровнымъ льдомъ и ледъ дѣлается блестящъ какъ зеркало. Искусные въ катаньи на конькахъ могли бы по Байкалу катиться верстѣ по 20 въ часъ.

Отъ такихъ постоянно дующихъ вѣтровъ, многіе изъ рысаковъ не рѣшаются доврѣться Байкалу ни зимою, ни лѣтомъ. Они придерживаются юго-восточной стороны озера и выходятъ изъ Посольска въ Иркутскъ (разстояніе 210 верстѣ) по тропамъ, пробитымъ ихъ предшественниками. На ночлегъ они останавливаются въ зимовьяхъ звѣропромышленниковъ; изъ Иркутска переходятъ на рѣку Иркутъ и, не заходя конечно въ Иркутскъ, отъ деревни Мотовъ, поворачиваютъ на р. Китой. Съ Китоя направляются на рѣку Бѣлую лѣсами и тропами, хорошо имъ извѣстными, и верстахъ въ 50—100 отъ Иркутска выходятъ на большую дорогу.

Рысаки путешествуютъ по Сибири вообще весьма скромно. Они чаще выпрашиваютъ подаданіе, чѣмъ требуютъ или насильно отнимаютъ. Но конечно—въ семьѣ не безъ урода, — есть изъ нихъ такіе молодцы, которые не прочь воспользоваться всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы украсть, отнять, ограбить, — часто не зная даже того, куда дѣваться съ ограбленными вещами.

Забайкальскіе звѣропромышленники часто жалуются на рысаковъ, а избавиться отъ ихъ посѣщеній никакого средства не имѣютъ. Идутъ рысаки мимо зимовья звѣропромышленника, заходятъ и просятъ хлѣба и поз-

воленія отдохнуть около огня, Не пустить—боязно, пожалуй со злости убьютъ или, по меньшей мѣрѣ, искалѣчатъ, и выпускаетъ звѣропромышленникъ невѣдомыхъ людей въ свой шалашъ и на его неповинную голову падаетъ содержаніе этихъ рысаковъ во время пути: идутъ они безъ всякихъ запасовъ продовольствія, безъ гроша денегъ, а удовлетворяютъ свои потребности по милости звѣропромышленниковъ.

Тамъ, гдѣ представится случай у отсутствующаго звѣропромышленника стянуть изъ зимовья съѣстные припасы: хлѣбъ, рыбу, мясо и пр. они конечно воспользуются этимъ случаямъ. Иногда случается такъ, что въ зимовье заходитъ человекъ десять рысаковъ, изголодавшихся и озлобленныхъ до послѣдней крайности, хозяинъ зимовья покусится имъ дать побольше пищи, — начинается ссора и дѣло оканчивается насиліемъ. Но вообще такіе случаи бываютъ очень рѣдко, потому что рысаки, покусившіеся на насиліе, черезъ это теряютъ очень много впереди: недостатокъ пропитанія заставляетъ ихъ часто обращаться къ людямъ, а звѣропромышленники имѣя между собой постоянныя сношенія, немедленно узнаютъ о происшествіи и передаютъ о немъ другъ другу, молва летитъ впередъ и рысакамъ бываетъ очень плохо. Вся цѣпь промышленниковъ возстаётъ стражею по всему протяженію до Култука, и рысакамъ не избѣжать поимки: другой дороги нѣтъ, пройти въ глубинѣ горъ невозможно, — придется тамъ или томиться голодомъ, или попасть въ лапы хищнаго звѣря. Рысаковъ ловятъ, творятъ надъ ними самосудъ, или же передаютъ ихъ въ руки правосудія.

Сибирскій рысакъ идетъ безъ всякаго оружія, есть при немъ только маленькій ножъ, да и то не всегда; на плечахъ болтается небольшой тощій мѣшечекъ, въ ко-

торомъ хранится ни болѣе ни менѣе, какъ доскутъ какойнибудь тряпки, обрывокъ кожи и т. п.

Не смотря на 30° морозъ, рысакъ бѣжитъ зимою одѣтый совершенно по лѣтнему: на немъ коротенькое полукафтанье, холщевые штанишки, обувь изорвана и едва держится на ногахъ; перемерзнувшіе, побѣлѣвшіе отъ мороза пальцы выглядываютъ въ дыры башмаковъ; на головѣ какіянибудь блинообразная шапка, найденная, можетъ быть, гдѣнибудь на дорогѣ; шея открыта и встрѣчный вѣтеръ прямо ударяетъ въ горло и грудь.

Бѣжитъ рысакъ день, мѣсяць, цѣлое лѣто и въ концѣ концовъ попадаетъ опять въ руки правосудія; проходитъ зима и съ первой весной онъ снова бѣжитъ, снова голодаетъ, подвергается всевозможнымъ опасностямъ и въ концѣ концовъ большая часть изъ нихъ попадаетъ въ тюрьму, гдѣ и остается до новаго побѣга.

И проходятъ такимъ образомъ многіе годы полугоднаго, нечеловѣческаго существованія. Опасность въ непроходимомъ сибирскомъ лѣсу отъ лютаго звѣря, опасность отъ болѣзни, отъ голодной смерти, опасность отъ переправъ черезъ рѣку, наконецъ опасность отъ челоуѣка, который можетъ лишить свободы рысака и передать его въ руки начальства. Вездѣ опасности! Изъ-за чего же челоуѣкъ отдаетъ себя на такое страшное существованіе? Какія надежды его поддерживаютъ? Какія цѣли имъ руководятъ? Нѣтъ у него никакихъ надеждъ, никакихъ цѣлей, кромѣ желанія свободы, хотя эта голодная и холодная свобода въ тысячу разъ хуже всякой неволи. А все-таки люди мѣняютъ сытую неволю на голодную свободу!

Рѣдкій изъ рысаковъ, быть можетъ, одинъ изъ ты-

сячи съумѣеть выбраться изъ Сибири въ Россію и пріютиться гдѣ нибудь съ паспортомъ челоувѣка, случайно ему встрѣтившагося на дорогѣ. Познакомится онъ сначала съ этимъ несчастнымъ, пораспроситъ его о мѣстѣ жительства, о родныхъ, о знакомыхъ, потомъ убьетъ его, гдѣ нибудь въ темномъ лѣсу, и пойдетъ съ его паспортомъ, куда пожелаетъ, удаляясь подальше отъ той стороны, гдѣ живутъ родные убитаго.

Бывали иногда случаи, что крестьяне укрывали у себя рысаковъ по нѣскольку лѣтъ, пользуясь ихъ безплатной работой.

Разсказывали такіе случаи, что крестьянинъ, видя хорошее поведеніе рысака, покупалъ у волостнаго писаря билетъ какого нибудь умершаго поселенца, и рысакъ числился подъ его именемъ; такъ въ одномъ селеніи, при какой-то ревизіи, оказался поселенецъ двѣсти пятидесяти лѣтъ отъ роду,—это, значить, подъ именемъ умершаго числилось по книгамъ едва ли не пятое лицо.

Но большая часть рысаковъ, какъ я сказалъ выше, всю свою жизнь проводятъ только въ томъ, что *блгутъ* по Сибири, попадаютъ въ тюрьму, опять убѣгаютъ и опять попадаютъ до новаго побѣга.

Часто они сами приходятъ въ тюремный замокъ и выдаютъ себя и эта самовольная выдача бываетъ всегда зимою, когда ужъ нѣтъ никакихъ средствъ спастись отъ мороза.

По сибирскимъ деревнямъ искони существуетъ обычай выставлять на ночь за окна молоко, хлѣбъ, иногда и мясо для несчастныхъ.

— Для чего вы это дѣлаете? спроситъ иногда провѣзжающій.

— А для несчастныхъ, батюшка, они вѣдь тоже люди: пить, ѣсть хотятъ.

— А вы ихъ не боитесь?

— Нѣтъ, ничего... Оно правда, что другой разъ и подумаешь, какъ бы молъ они краснаго пѣтуха не подпустили, ну и поставишь крыночку за окно, все же безопаснѣе.

— Такъ слѣдовательно вы только изъ боязни ставите за окно пищу?

— Нѣтъ, пошто изъ боязни: все же они несчастные... Голоднымъ и Господь велить пищу давать!

Но этой милостыней, отдаваемой и изъ жалости, и изъ боязни, рысаки не всегда пользуются, только храбрые изъ нихъ заходятъ въ деревню, а остальные предпочитаютъ голодать, кормиться травой, древесной корой, чѣмъ заходить въ деревню и рисковать своей свободой.

Если число бѣгущихъ рысаковъ порядочно, то есть человекъ 10—15, то, вооружившись хорошими дубинами, они темной ночью входятъ въ деревню, быстро выпиваютъ молоко, забираютъ пищу и, оглядываясь, спѣшать убраться поскорѣе въ лѣсъ...

У меня былъ одинъ знакомый изъ рысаковъ, водворенный на жительство около Читы. Онъ шестнадцать разъ былъ пойманъ и шестнадцать разъ его наказывали. (Въ то время еще существовали плети).

Когда я познакомился съ нимъ онъ былъ уже 70 лѣтъ.

— Что, же дѣдушка, спрашивалъ я, заставляло тебя бѣгать?

— Старъ сталъ теперь, не могу ужъ больше, грустно говорилъ старикъ, сидя на крылечкѣ почтоваго двора.

— Я говорю, что тебя заставляло бѣгать?

— А что заставляло? — Все на родину хотѣлъ про-
браться, хоть бы однимъ глазкомъ-то на нее, матушку,
посмотрѣть, хоть бы такъ, издали...

— И не посмотрѣлъ?

— Нѣтъ, не посмотрѣлъ; разъ было до города Перми
добрался...

Старикъ замолчалъ, вздохнулъ и видимо отдался
грустнымъ воспоминаніямъ.

— Ну что же, дѣдушка? Добрался, говоришь, до
Перми,—отчего же дальше не шолъ?

Старикъ грустно поднялъ голову, какъ будто оч-
нулся отъ забытья и сказалъ:

— Да зима ужъ больно люта была, не въ терпежъ
стало, пошелъ въ тюрьму, говорю: непомнящій род-
ства...

— И что же?

— Вздуги и опять сюда переслали.

— Съ тѣхъ поръ больше не бѣгалъ?

— Нѣтъ, еще разъ около города Тобольска,
тоже далеко отсюда, тамъ меня поймали; народъ-то
тамъ больно избалованный...

— Какъ избалованный?

— Да такъ,—нашего брата бѣглова ловить.

— Ну, еще до-куда доходилъ?

— А еще-то, все около Иркутска да Томска,
тутъ все попадался.

— Зачѣмъ же ты, дѣдушка, бѣгалъ, когда видѣлъ,
что нельзя выбратъся?

— Да такъ ужъ, послѣ, бѣгалъ... Скучно было!

— Голодать же хуже?

— Можетъ и хуже, да ужъ такъ... тянетъ...

— Куда же тянетъ-то?

— Эхъ, родимой ты мой! Весна-то какъ наступить,

сердце затомится, занеетъ, мѣста не находишь, только и на умѣ, какъ бы теперь въ лѣсъ... знакомыя тропинки разныя вспомнятся, ручейки... Холодъ и голодъ, все забудешь и спишь и видишь лѣсъ, ну и убѣжишь... А то и на умѣ нейдетъ, что опять спину вздуютъ...

— Теперь ужъ больше не хочешь бѣжать?

Старикъ поднялъ на меня свои истомленные ввалившіеся глаза, посмотрѣлъ, помолчалъ, вздохнулъ, глубоко вздохнулъ и заплакалъ, тихо-тихо заплакалъ.

— Не плачь, дѣдушка... выпей вотъ лучше вина, предложилъ я.

Старикъ протянулъ руку за рюмкой, выпилъ и показалъ на ноги.

— Ноги-то вотъ стары стали, не хотятъ служить, проговорилъ онъ, вдыхая.

— Ужели бы ты опять побѣжалъ?

— Побѣжалъ бы!

И старикъ замигалъ глазами, стараясь удержать слезы...

Если на забайкальской тропѣ были устроены кордоны для поимки бѣглыхъ, то и это, во всякомъ случаѣ, не остановитъ ихъ: они отыщутъ себѣ другую дорогу, — пойдутъ на высокіе гольцы Хамаръ-дабана, (самая высочайшая и кругая гора по кругобайкальской дорогѣ), пойдутъ на Тунку, потомъ на рѣчку Иркутъ. Кордоны могутъ только затруднить ихъ путь, а пути они себѣ все-таки найдутъ. Они прокрадутся вездѣ, гдѣ только можетъ пройти нога человѣка. Бывали такіе случаи, что рысаки проходили по южной сторонѣ Саянскихъ горъ и оттуда выходили въ западную Сибирь въ Томскую губернію.

Въ этихъ полуголодныхъ, оборванныхъ, истомленныхъ бродягахъ все-таки проглядываетъ то природное

удальство, та смѣтливость и храбрость, съ какими, лѣтъ 250 тому назадъ, пробирались по невѣдомымъ рѣкамъ, горамъ и лѣсамъ русскіе люди для покоренія Сибири.

VI.

Въ маѣ 1860 года я снова былъ у Байкала въ селеніи Посольскомъ. Пріѣхалъ я, какъ оказалось, рано: — пароходъ не дѣлалъ еще ни одного рейса и былъ на противоположной (Лиственичной) пристани. Остановился я у одного знакомаго старичка, который, въ первый мой проѣздъ чрезъ Посольское, много бесѣдовалъ со мною о прибайкальской жизни.

— Что, ваша милость, опять къ нашему Святому морю пріѣхали? спрашивалъ онъ.

— Да, какъ видите, опять.

— Доброе дѣло, доброе дѣло. Вотъ поживите у насъ, побесѣдуйте съ нами.

Послѣ обычныхъ распросовъ, старичокъ сталъ хлопотать объ устройствѣ для меня помѣщенія.

— Да вы не беспокойтесь. Я долго не проживу, — вотъ какъ только пароходъ придетъ, тотчасъ и уѣду...

— Ну, до этого еще далеко, — недѣлька, другая пройдетъ.

Я засмѣялся, думая, что старичокъ шутить.

— Вы, ваша милость, не смѣйтесь. Недѣлку-то вы ужъ у меня погостите, это ужъ безпремѣнно, а то и двѣ...

— Что вы! Что вы! Леды давно прошли.

— Это вы вѣрно сказали, только они и назадъ пожалуй могутъ воротиться, имъ все-же, какъ ни на есть, скучно съ нашимъ-то берегомъ разставаться. Вотъ они и придугъ опять, проститься значитъ придутъ, съ берегомъ-то.

— Нѣтъ, дѣдушка, теперь они уже не придутъ: погода очень теплая стоитъ.

Старичокъ улыбнулся.

— А оно можетъ ваша милость и правду говорите, только, по нашему-то, по стариковски, кажется, льды должны воротиться, а впрочемъ—все Богъ!..

Прошелъ день, два. Мы наговорились со старичкомъ и о рыбной ловлѣ, и о Верхнеудинской ярмаркѣ, бывшей въ генварѣ мѣсяцѣ, и о томъ, что, послѣ занятія Амура русскими, въ Забайкальи стало все дорожать; вдоволь наговорились мы обо всемъ, а парохода все еще не было. Погода стояла тихая, теплая. На Байкалѣ не было видно ни одной льдины, свѣтлоголубая масса воды покойно лежала въ своей громадной котловинѣ, отражая въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, лучи весенняго солнца. Небо было чисто. На отдаленныхъ вершинахъ кругобайкальскихъ горъ тоже блестяли яркіе лучи солнца, переливаясь различными цвѣтами на вѣчно снѣжныхъ сопкахъ гольцевъ. Въ Посольскомъ воробьи весело прыгали около возовъ проходившихъ обозовъ, подбирая разбросанные клочки сѣна. Казалось, весна давно уже наступила и я былъ въ полной увѣренности, что вотъ-вотъ выплыветъ изъ отдаленной синевы Байкала сначала не ясная точка, потомъ покажется труба, дымъ... и чрезъ нѣсколько времени пароходъ запыхтитъ на посольской пристани. Но прошло три дня, а на байкальской синевѣ никакой не ясной точки не показывалось.

— Что это, дѣдушка, какая чудесная погода, а парохода нѣтъ?

— Погода чудесная, это вы, ваша милость, справедливо говорите, только я васъ спрошу, далеко-ли у васъ шуба лежитъ?

— Это зачѣмъ?

— Да такъ. Вы ее около себя поближе кладите, не ровень часть, заморозить...

— Полно вамъ! Вы все шутите...

— Нѣтъ, въ самомъ-дѣлѣ. Вы мнѣ, старику, повѣрьте. Я ужь слышу, что скоро заморозить. Такая погодушка закрутитъ, что и Господи помилуй!

На утро вышелъ я къ Байкалу и не узналъ его. Куда исчезла весна и тихая синева на морѣ и красота отдаленныхъ горъ. Все исчезло, измѣнилось и измѣнилось рѣзко, вдругъ, какъ измѣняются декорации въ волшебныхъ балетахъ: берегъ былъ забросанъ громадными льдинами, дула страшная мятелица съ дождемъ, снѣгомъ, изморозью и всякими прочими осенними дарами. Берегъ, по которому наканунѣ, вечеромъ, спокойно, одна за одной, рассыпались тихія воды Байкала, — этотъ берегъ былъ заметенъ снѣгомъ, обледенѣлъ и на немъ громоздились одна на другой глыбы льда. Вдали, вмѣсто разнохарактерныхъ очертаній горныхъ вершинъ, виднѣлась сплошная сѣрая масса тучъ, а подъ ними, внизу, на Байкалѣ, трещали, шумѣли и боролись одна съ другой громадныя льдины, вѣтеръ нагонялъ ихъ къ берегу и, казалось, наступила вторая осень.

Старичокъ былъ правъ: безъ шубы на улицу нельзя было и глазъ показать.

— Вотъ они, льдинки-то, пришли, ваша милость, проститься съ берегомъ, говорилъ старичокъ.

— Вижу, дѣдушка, и очень недоволенъ...

— И я, ваша милость, недоволенъ.

— Вамъ-то что же?

— А мнѣ-то, значить, неприятно, что эти льды здѣсь пробудутъ пожалуй до половины мѣсяца...

— Это почему вы знаете?

— Да ужь такъ. Вы мнѣ старику повѣрьте. Вижу

*

я по погодѣ, что нынче весна поздняя будетъ. Я, ваша милость, восьмой десятокъ здѣсь живу и знаю, потому и говорю такъ. Теперича этотъ вѣтеръ льды забралъ изъ подъ Верхней Ангары, онъ ихъ здѣсь пожалуй и оставитъ — здѣсь они и таять будутъ.

— Какъ-же мнѣ-то быть?

— А вамъ надо ѣхать.

— Куда-же? Обратнo что-ли?

— Нѣтъ. Вы, ваша милость, теперича поѣжайте на устье Селенги. Пароходъ туда безпремѣнно придетъ. Потому они тоже это знаютъ, пароходчики-то. Они можетъ десять, пятнадцать разъ сходятъ по Байкалу, а все въ нашемъ Посольскѣ не побываютъ. Тамъ отъ Селенги-то въ Лиственничную будетъ весна, а на нашемъ берегу все торосья льда будутъ лежать.

— Гдѣ-же мнѣ тамъ остановиться?

— А сначала остановитесь въ Чертовкиной. Это селеніе большое, избы тамъ есть для вашей милости, способныя; я своему парню закажу, къ кому васъ привезти. Ну, а послѣ, какъ услышите, что пароходъ пришолъ, поѣдете въ Шигаевку, — деревенька тутъ такая есть, около Селенги. Изъ Шигаевки-то, пожалуй, по Селенгѣ въ лодкѣ спуститесь къ пароходу...

Я послушался старика и поѣхалъ въ Чертовкино. По дорогѣ тянулись обозы, возвращавшіеся изъ Посольска на устье Селенги. Нѣсколько троекъ съ проѣзжающими ѣхали тоже туда. Всѣ закутывались въ шубы и мѣховыя шапки, вѣтеръ свисталъ по дорогѣ. Мой ящикъ бурятъ ежился на козлахъ въ мохнатой шубѣ, надѣтой шерстью вверхъ. Кони рвались и мчались во весь духъ, повозка прыгала по обледенѣвшимъ рытвинамъ и ямамъ.

— Тише! крикнулъ я.

— Ну вы! Другой зима пришлоъ ужъ, закричалъ бурять и погналъ коней еще сильнѣе.

— Тише! Тише! просилъ я.

— Ну! Ну! Погода морозной!.. Другой зима пришло! покривалъ бурять и помахивалъ возжами, не смотря на то, что кони мчались до того сильно, что отъ быстроты вѣды захватывало духъ.

Я снова закричалъ. Бурять опять ударилъ коней. Я приподнялся, схватилъ его за рукавъ и сердито требовалъ, чтобы онъ вѣхалъ тише.

— А я, баринъ думалъ, ты кричишь, скоро вѣхать надо, а ты бурять бранишь, вѣхать видно тихонько любишь...

Черезъ нѣсколько времени мы вѣехали въ Чертовкино. Ямщикъ остановилъ коней у воротъ большого деревяннаго дома и самъ ушелъ во дворъ.

Вскорѣ вслѣдъ за ямщикомъ выбѣжалъ на улицу хозяинъ дома, крестьянинъ, и кланялся, подходя къ экипажу. Я помѣстился въ комнату, которую хозяинъ называлъ «большая горница», это была лучшая комната въ домѣ, назначенная для приема гостей. Полы въ ней были выкрашены желтой краской, стѣны чисто вымыты и выскоблены и больше чѣмъ на половину были заклеены бумажными картинами.

И чего, чего не было нарисовано и написано на этихъ картинахъ! чтобы прочитатъ на нихъ всѣ надписи, нужно было употребить для этого не менѣе пяти часовъ времени; но для того, кто бы задумалъ описать содержаніе этихъ картинъ, представилось бы великое затрудненіе отыскивать это содержаніе и я не дѣлаю этого къ великому моему удовольствію и къ удовольствію моего читателя.

Я увѣренъ, что всякій русскій человекъ не разъ

видалъ подобнаго рода произведенія на отечественныхъ базарахъ и ярмаркахъ; видалъ, какъ главнокомандующій ѣдетъ верхомъ на конѣ и какъ между ногами этого коня стоять выстроенные въ линію полки солдатъ, которымъ художникъ, во избѣжаніе лишняго труда, сдѣлалъ одинъ общій красный воротникъ, мазнувъ кистью по всѣмъ солдатскимъ шеямъ, а иногда и усамъ и даже головамъ... Видалъ, вѣроятно, читатель и картины духовнаго содержанія, представляющія адъ со всѣми его разнообразными мученіями и огненнаго змія исписаннаго всевозможными грѣхами, и жанровыя картины, представляющія, какъ «хозяева гарюють, а прикащики перують» и т. д. и т. д.

Всѣ эти произведенія отечественныхъ художниковъ красовались на стѣнахъ моей новой временной квартиры.

Въ переднемъ углу на полочкѣ стоялъ образъ и тоже суздальской работы. Передъ нимъ лежалъ большой каравай ржанаго хлѣба съ солонкой наверху. Комната была очень чисто выметена и очень жарко натоплена.

— Ишь какъ за холодило! говорилъ хозяинъ, поминутно, то входя, то выходя изъ комнаты: — Вы пожалуйста, ваша милость, садитесь, а то и прилягте, вотъ тутъ на лежаночкѣ, погрѣйтесь... За холодило, за холодило! а весна, кажись-бы...

И хозяинъ, наскоро проговоривъ нѣсколько словъ, опять уходилъ.

Вскорѣ на столѣ появился блестящій самоваръ, творожныя лепешки; не успѣлъ я напиться чаю, какъ явились пряники, орѣхи и проч. Я только успѣвалъ отговариваться и просить извиненія, что надѣлалъ много безпокойства.

— Нужды нѣтъ, нужды нѣтъ! Мы рады добраго че-

ловѣка угостить. Старичокъ-то, отъ котораго вы къ намъ пріѣхали, родственникъ намъ. Онъ крѣпко на крѣпко заказывалъ, чтобы мы васъ кормили хорошенъко, сладчѣе... Вотъ теперь только тятеньки дома нѣтъ, а то-бы онъ самъ васъ угостилъ. Онъ теперь уѣхалъ туда въ вашу сторону, къ китайской границѣ, потому, значить, что у насъ тоже есть тамъ кое-какая работишка, на счетъ извозу чаевъ... Можетъ и увасъ когда чай пойдутъ изъ Кяхты, намъ дадите на доставку до моря. У насъ тоже и свои корабли по морю ходятъ, можно и до Иркутска взять доставку...

И хозяинъ снова начиналъ угощать и слова угощенія перемѣшивалъ съ разказами о своихъ дѣлахъ и о доставкѣ товаровъ.

Прожилъ я у него три дня и сталъ подумывать объ отъѣздѣ на устьерѣки Селенги, въ деревеньку Шигаеву; погода нѣсколько поутихла и солнце снова стало пригрѣвать по весеннему. При прощаньи я предложилъ хозяину пять рублей за постой, но онъ рѣшительно отказывался брать, отговариваясь тѣмъ, что «можетъ быть, Богъ дастъ, будемъ дѣло дѣлать»

— Да дѣла своимъ чередомъ, а за содержаніе все-таки возьмите...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Вы, ваша милость, насъ не обижайте... Помилуйте... И нашъ родственникъ старичокъ васъ знаетъ, — это ужъ какъ угодно... Хлѣбъ соль Божій даръ, видите, вотъ онъ передъ образомъ стоитъ передъ Господнимъ. Какъ же можно съ дорожнаго чело-вѣка за хлѣбъ за соль брать...

Такъ и не взялъ ни копѣйки.

Въ продолженіи трехъ дней я ни разу не видалъ его семейства, но когда сталъ выходить изъ комнаты, чтобы сѣсть въ повозку, — провожать меня вышла вся семья,

всѣ кланялись, желали всякаго благополучія и провожали точно роднаго или близкаго знакомаго.

Меня заставилъ задуматься стоявшій предъ образами хлѣбъ, и дорогой я сталъ спрашивать ямщика, зачѣмъ у хозяина въ переднемъ углу стоялъ каравай хлѣба и солонка, и всегда-ли онъ тутъ стоитъ. Ямщикъ объяснилъ мнѣ, что этотъ хлѣбъ поставленъ съ того дня, когда старикъ хозяинъ (отецъ угощавшаго меня) поѣхалъ въ дорогу, и будетъ стоять на столѣ до его возвращенія. Обычай этотъ соблюдается во многихъ семействахъ. Собирается на примѣръ сынъ хозяина въ путь, благословятъ его хлѣбомъ-солью и ставятъ этотъ хлѣбъ предъ образомъ, до возвращенія уѣхавшаго; если ѣдетъ самъ хозяинъ, то, уѣзжая, благословляетъ всю свою семью хлѣбомъ и опять хлѣбъ ставятъ передъ образомъ; возвратится ѣдившій сынъ, благословятъ его и уберутъ хлѣбъ; хозяинъ возвратится — самъ благословитъ всю семью хлѣбомъ.

Гдѣ нужно искать начало этого обычая? Перенесенъ ли онъ за Байкалъ изъ древней Великороссіи, или сложился самъ собою, вызванный многими, чисто-мѣстными условіями? Распросы мои объ этомъ не дали положительнаго отвѣта, но мнѣ кажется, что мѣстныя условія могутъ быть всего скорѣе приняты въ основаніе. Куда бы ни выѣзжалъ изъ своего дома забайкальскій житель вездѣ онъ встрѣчалъ опасности: съ одной стороны бурное Святое море, съ другой кочевья племена монголовъ и тунгусовъ, которые въ прежнее время, смотрѣли на русскихъ враждебно. Святое море, и теперь наводящее ужасъ своими бурями, въ то давнее время, вѣроятно, еще болѣе наводило страху, потому что тогда о пароходахъ не было и помину, а на суда, какъ и теперь, не очень-то полагались. Вотъ поэтому, мнѣ кажется, и

завелся такой обычай провожать съ хлѣбомъ солью: Господь, моль, батюшка знаетъ, уцѣлветъ ли твоя головушка!

Но гдѣ-бы мы ни искали начала этого обычая, тѣмъ не менѣе онъ характеризуетъ семейную жизнь забайкальцевъ.

Деревенька Шигаева, — убогая, маленькая съдесятью домишками. Пріѣхавшихъ въ ожиданіи парохода собралось въ деревенькѣ много и я затруднился, не зная, гдѣ помѣститься. Въ одномъ дворикѣ оказалась избенка, въ которую хозяинъ ея затруднился меня помѣстить, говоря, что въ ней почуетъ каждую ночь чиновникъ.

— Такъ мы можемъ съ нимъ вмѣстѣ помѣститься? спросилъ я.

Хозяинъ затруднился.

— Какъ-же вмѣстѣ-то?.. Все-же онъ особа... я не знаю... Днемъ-то ничего еще, можно, а ночью-то... ужъ я право не знаю...

— Да гдѣ-же онъ теперь? Я бы съ нимъ переговорилъ?

— Теперь-то онъ въ кабакѣ... до вечера онъ все тамъ.

— Что-же онъ, повѣряетъ чтоли кабакѣ?

— Нѣтъ, онъ, видно, тово... съ запоемъ...

«Особа», оказалось, какой-то исключенный изъ службы чиновникъ, пробиравшійся изъ Читы въ Иркутскъ. Мы съ нимъ прожили въ избушкѣ мирно. Ночью онъ со сна постоянно бормоталъ что-то и рано утромъ уходилъ въ кабакѣ, гдѣ и сидѣлъ до поздней ночи.

Черезъ день или два пріѣхалъ вѣстовой «съ моря» отъ самого устья рѣки, съ извѣстіемъ что пароходъ идетъ. Чиновникъ, заслышавъ это извѣстіе, вытаращилъ глаза, пошарилъ въ карманахъ, — оказалось пусто; потомъ пере-

шелъ неровными шагами въ уголъ избенки гдѣ валялся его чемоданишко, раскрывъ его, выбросилъ оттуда какую-то дрянъ и сѣлъ на полу, почесывая свою забубенную голову.

Пассажиры изъ деревеньки потянулись къ устью рѣки. На пустынной до того времени улицѣ началось движеніе: кто несъ чемоданъ и сваливалъ его въ крестьянскую телѣгу, кто едва тащился подъ тяжестію узловъ и, выступая съ ними на улицу, сваливалъ ихъ на ту же телѣгу, давно наполненную имуществомъ пассажировъ; слышался громкій говоръ мужчинъ, пискъ женщинъ, брань крестьянъ; одна только лошадь, всего больше оказавшая пользы во всей этой суетѣ, оставалась совершенно безучастной ко всему окружающему и, понуривъ голову, смотрѣла въ землю, пока крестьянинъ не угостилъ ее нѣсколькими ударами кнута.

Возъ, до верху наполненный узлами и чемоданами, тронулся въ путь. Я сталъ собирать свои вещи и не торопился сборами, потому что успѣлъ во-время нанять для себя особую подводу.

Чиновникъ, квартировавшій въ одной со мною комнатѣ, все сидѣлъ около своего пустаго чемодана и почесывался. Я уложилъ свои вещи и крикнулъ хозяйина избы, чтобы рассчитаться за квартиру.

Счеты наши кончились. Въ это время чиновникъ, наконецъ, всталъ и, пошатываясь, подошелъ ко мнѣ.

— Поз-з-во-ль-те-е... гас-с-па-ди-нъ... неясно забормоталъ онъ.

— Что угодно?

— Довезите меня до устья...

Я согласился.

Мы приѣхали на устье Селенги. Погода стояла тихая. Баржи, нагруженные чаями, готовы были отплыть

отъустыя въ Байкаль, чтобы отдаться на буксиръ парохода. На баржи мы попали безъ особеннаго труда, потому что всходили на нихъ въ то время, когда они стояли у крутаго, обрывистаго берега; но истинное мученіе ожидало насъ впереди, когда нужно было съ высокой палубы баржи спускаться на маленькую лодку, чтобы на этой послѣдней подплыть къ пароходу. По Байкалу шла волна, лодка неистово металась изъ стороны въ сторону и ежеминутно билась о борта судна. Бѣдныя женщины долго не рѣшались сойти съ судна, потому что было страшно прыгать на руки матросовъ, въ свою очередь подпрыгивающихъ вмѣстѣ съ лодкой; у нѣкоторыхъ чувство страха не было такъ велико, такъ, точно на грѣхъ, чувство стыда доходило до чрезвычайныхъ размѣровъ: они плакали, закрывали лица руками и съ необыкновенною заботливостію подбирали свои юбки около ногъ, какъ будто намѣрены были этими юбками забинтовать свои ноги. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ и мучительныхъ вздоховъ и слезъ, послѣ долгихъ упрасиваній со стороны мужей, послѣ продолжительнаго и грубаго крика съ лодки: «да прыгайте-же что-ли!»—несчастныя женщины взвизгивали и бросались съ верху палубы судна на руки матросовъ.

Черезъ часъ и я былъ на пароходѣ «Наслѣдникъ Цесаревичъ». Въ послѣдній разъ я вѣхалъ на немъ: онъ погибъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, того-же года, отъ слишкомъ рискованнаго рейса, сдѣланнаго по распоряженію одного изъ управляющихъ пароходствомъ.

Въ ноябрѣ того года на посольскомъ берегу скопилось очень много перевезенныхъ чаевъ. Новые пароходы служили плохо и не успѣли перевезти до окончанія рейсовъ весь грузъ. Кладчики жаловались—и тоже

вѣроятно, смѣлые люди, — настаивали, чтобы пароходъ непременно пошелъ; не смотря на то, что ноябрь былъ въ концѣ. Какъ управляющій пароходомъ, такъ и кладчики были обмануты тихой теплой погодой. Подумаль, подумаль управляющій; и рѣшилъ отпустить грузы, тѣмъ болѣе; что для счастливаго рейса нужно всего шесть или семь часовъ хорошей погоды. Суда были давно нагружены чаями, нагрузили ими также и пароходную палубу и пароходъ съ одною баржей тронулся въ путь, часу въ пятомъ вечера. Дулъ попутный вѣтерокъ и плаваніе продолжалось весьма быстро; но часу въ осьмомъ пароходъ прорѣзало льдиной и въ немъ показалась течь. Управляющій не сробѣлъ и тотъ-часъ-же распорядился забросить впередъ парохода, съ носу, парусъ, для того чтобы имъ затянуло образовавшуюся въ пароходѣ щель.

Но поврежденіе, сдѣланное льдиной, оказалось не шуточнымъ, помочь горю было нельзя: пароходъ все болѣе и болѣе погружался въ воду и оставалось единственное средство спастись свою собственную жизнь и перебраться на баржу. Чай на пароходной палубѣ оставили на волю Божию; перебрались все на баржу и обрубали канать.

Пароходъ вскорѣ опустился въ воду по палубу и въ такомъ положеніи остался. Судно понесло вѣтромъ въ другую сторону и къ утру оно было далеко отъ наполненного водой парохода. Носило его по Байкалу чуть-ли не цѣлый мѣсяць, провіантъ весь на суднѣ истощился и какимъ-то чудомъ остались живы все бывшіе на немъ люди.

Одинъ изъ бывшихъ въ этомъ замѣчательномъ плаваніи рассказывалъ мнѣ подробности ихъ мѣсячнаго страданія.

«Когда отъ парохода было видно только трубу да мачту, наше судно было уже отъ него далеко. Всѣ мы, конечно, были въ страшномъ положеніи, но утѣшали себя тѣмъ, что авось, Богъ дастъ, попутный вѣтеръ насъ принесетъ къ берегу Лиственичной пристани. Такъ до утра насъ несло по морю, — куда несло, мы сами не знали, только надѣялись, что не вдоль по морю несетъ, а поперекъ и если не къ Лиственичной, то просто къ берегу прибьетъ. Къ утру вѣтеръ усилился, судно наше стало сильнѣе покачиваться и поскрипывать; но это насъ нисколько не пугало, а больно было на сердцѣ отъ того, что мы слышали, какъ о борта нашего судна стучались льдины. Этотъ звукъ стучавшихъ о борты льдинъ заставлялъ замирать сердце въ груди; половицы изъ пола въ суднѣ мы вынули и по очереди смотрѣли на дно, не просачивается-ли вода, не тонемъ-ли ужь мы? На другой день вѣтеръ повернулъ обратно, насъ понесло назадъ, опять мы увидѣли издали черную точку парохода. Онъ едва, едва покачивался изъ стороны въ сторону. На третій день унесло насъ Богъ знаетъ куда и не смотря на то, что между нами были люди, хорошо знавшіе Байкаль, никто изъ нихъ не могъ сказать, въ какомъ мѣстѣ мы находимся. Такъ и шли дни за днями, свѣчи у насъ всѣ вышли и стали мы дѣлать наблюденія надъ дномъ нашего судна съ помощію лучинъ. Хлѣбъ у насъ былъ тоже на исходѣ. Стали мы, по общему согласію, уменьшать порцію и ѣли только по нѣскольку золотниковъ въ сутки. А холода дѣлались все сильнѣе, вѣтеръ замораживалъ на бортахъ судна набѣгающія брызги волнъ; дрова у насъ были всѣ издержаны и мы рубили полъ въ суднѣ и жгли. Только и берегли нѣсколько досокъ, канаты да холстъ отъ паруса, чтобы на случай,

если сдѣлается течь, забивать ее скорѣе. На палубу мы выходили рѣдко, потому что вѣтры были холодные, морозъ пробиралъ до костей. Качало, качало насъ и въ одинъ день судно наше прибило ко льду. Обрадовались и этому, хотя не знали, куда насъ прибило, далеко-ли берегъ и что съ нами будетъ. Изъ мачты сдѣлали колъ и вбили его въ ледъ, привязали судно и ушли всѣ съ него по льду, сами не зная, куда идемъ. Шли часа два и пришли къ берегу. На берегу увидѣли какую-то избушку, зашли въ нее и обрадовались до того, что другъ другу ничего не могли сказать: избушка была полна рыбой. Поморы наловили ее передъ заморозками и сложили въ избѣ, до перваго зимняго пути. Развели мы огонь, сварили рыбы, повеселѣли и понабрались силами. На другой день выбрались въ селеніе и тѣмъ покончилось наше страданіе. Судно наше у берега замерзло, а пароходъ на серединѣ моря тоже замерзъ. Послѣ его долго отыскивали, ѣздили по Байкалу въ разныя стороны. Нашли среди груды снѣга, который наметалокругомъ парохода, и ящики всѣ на палубѣ цѣлы оказались только много было потомъ съ ними хлопотъ: всѣ они были похожи на ледяные торосья и примерзли одинъ къ другому; для того, чтобы отдѣлать ящикъ отъ ящика, нужно было работать ломомъ. Привезли эти обледенѣвшіе ящики въ Иркутскъ и стали просушивать чай, но онъ былъ, конечно, испорченъ и просушиванье не возвратило чаю прежняго достоинства. Продавали его по 25 к. за рубль. Мелкіе торговцы были рады этому случаю и покупали чай съ удовольствіемъ:—они подмѣшивали его въ хорошей чай и продавали по настоящей цѣнѣ. Можетъ быть не малая частица его, перефабрикованнаго, и въ Россію была отправлена. Такъ вотъ какъ покончилъ свое земное стран-

ствіе пароходъ «Наслѣдникъ Цесаревичъ». Его и изолда не вырубали, — оставили на жертву Байкалу. Все равно ужь никуда же онъ и негодился, все было старо, гнило, — перевозка-бы дороже стоила. Только и взяли изъ него одну машину.

Въ послѣдствіи машина съ «Наслѣдника Цесаревича» была поставлена въ новый пароходъ, построенный исключительно для рѣки Селенги; но и тутъ ей не посчастливилось; пароходъ долго что-то ползаль по Селенгѣ, пробираясь за гор. Верхнеудинскъ, долго что-то хозяинъ его хлопоталь съ своимъ дѣтищемъ и ничего сдѣлать не могъ.

Слышно было впослѣдствіи, что посадилъ онъ гдѣ-то свой пароходъ на коргу или на мель и слухи о немъ замолгли. Кажется, и самъ хозяинъ старался, чтобы эти слухи не распространялись.

А суда, или по байкальски, корабли, все плаваютъ да плаваютъ и *корабельщики* не боятся никакихъ слуховъ о неудачахъ ихъ плаванія. Они сами пораскажутъ желающему слушать, какъ ломаеть и коверкаетъ ихъ уродливыя суда на Байкалѣ.

— Иной разъ, ваша милость, такъ бывало приспичить, что хоть вотъ ложись да умирай: машту (т. е. мачту) переломить, руль оборветъ напрочь, носить, носить по волнамъ-то, а глядишь, Богъ и помогъ: приснаровиль какъ ни какъ, починился, приладился да и опять поплыль съ омулями въ Иркутскъ.

А парходамъ на Байкалѣ что-то все несчастливить. Что это такое, случайность или недостатокъ умѣнья вести дѣло? -

Для постояннаго и правильнаго сообщенія Восточной Сибири съ Забайкальской областью, въ концѣ 1850 годовъ, началась на казенный счетъ постройка новой

кругобайкальской дороги отъ Култуга на Посольскъ, по берегу Байкала. О необходимости этой дороги разговоры шли чуть-ли не съ того времени какъ открылась въ Кяхтѣ торговля съ Китаемъ, то есть съ 1727 года.

Но торговый людъ этой дорогой не интересовался, потому что она на двѣсти верстъ длиннѣе той, которая идетъ въ глубинѣ байкальскихъ горъ прямо на Кяхту, и ему казалось удобнѣе, вмѣсто 700 верстъ хорошаго экипажнаго пути, тащиться 400 верстъ по невообразимымъ крутизнамъ верхами. Платили купцы лишнія деньги за провозъ товаровъ по этой страшной дорогѣ, ожидали по 10—15 дней прихода почты изъ Кяхты въ Иркутскъ, тащились сами, нерѣдко съ своими семействами, по горамъ и падыамъ и только добравшись до мѣста почесывались.

— А дорогой-то, вѣдь тово, больно-таки наломали бока-то, да и спина теперь тоже заныла...

— А можетъ это и къ ненастью? задумчиво говорили купцы и разсужденіе о трудностяхъ пути наэтомъ оканчивалось.

Лѣтъ 25 тому назадъ, выискался между купцами человекъ, не ограничившійся разговорами, и безъ всякой поддержки отъ другихъ, самъ на собственные средства открылъ кругомъ Байкала новый путь (тоже въ глубинѣ горъ, прямо на Кяхту), по которому сообщеніе было нѣсколько лучше, чѣмъ по прежнему. Открытую имъ дорогу такъ и прозвали его фамиліей.

По этому пути верхами приходится ѣхать всего только четыре станціи. Нѣсколько разъ мнѣ случалось проѣзжать по этой дорогѣ, поздней осенью и я каждый разъ весь путь ѣхалъ въ маленькихъ саночкахъ, на одной лошади; правда, немного страшно, когда на вы-

сотъ горы, вдругъ сани раскатятся и голова закружится при видѣ страшной пропасти внизу, гдѣ шумить и воетъ Байкаль, разбивая волны о скалы утеса; но мнѣ кажется, на лошади верхомъ еще страшнѣе, потому что изъ саней все-же можно выскочить, а съ лошади этого сдѣлать невозможно.

Имщики-буряты имѣютъ привычку прятать со станціи санишки въ лѣсъ, потому что лошади труднѣе подниматься въ гору съ санями, чѣмъ везти сѣдока на себѣ.

Пріѣдемъ, бывало, на станцію и начинаемъ просить сани; буряты божатся, крестятся по русски, увѣряя, что саней на станціи никогда не бывало.

— Да намъ и начальство не обвязывать сани держать. Наша буряты и почта берхомъ возить, санемъ никогда не возить, почесываясь, отговариваются они.

— Давайте сани! прикрикнешь на нихъ да и приврешь, для пущей важности, что въ карманѣ есть подорожная по казенной надобности.

Куда дѣваются всѣ отговорки и почесыванья! Сани какъ точно изъ земли выростутъ.

На этомъ глухомъ трактѣ, на станціяхъ нѣтъ ни зрителей, ни писарей, подорожныхъ никто не читаетъ и не спрашиваетъ.

Иногда лошади измучатся во время пути, везя на своихъ спинахъ почтовые чемоданы, съ серебряной монетой въ Кяхту, — и не могутъ до везти чемодана до станціи. Почтальонъ преспокойно велитъ его сбросить съ спины лошади и оставить на дорогѣ безъ всякаго караула. Кто возьметъ? Пустыня! Глухая, безлюдная! Рысакъ развѣ случайно пробредетъ по этому мѣсту и увидитъ чемоданъ, да что онъ съ нимъ будетъ дѣлать?

Онъ и самъ-то едва имѣетъ силы передвигать ногами, да ему и дѣвать серебро некуда.

Пройдетъ иногда цѣлая ночь и къ полудню другаго дня ямщики прїѣдутъ, къ оставленному на дорогѣ чемодану: лежитъ на томъ же мѣстѣ, какъ и былъ оставленъ.

На станціяхъ буряты живутъ въ зимовьѣ; для проѣзжающихъ на нѣкоторыхъ станціяхъ есть особыя избушки; въ избушкѣ копошится какая нибудь старушонка, имѣющая исключительную обязанность кипятить для проѣзжающихъ горячую воду и отапливать избу,

О самоварахъ на этомъ пути нѣтъ и помину, да и старушонки живутъ тоже ни на каждой станціи; чаще всего проѣзжающимъ прислуживаетъ кто нибудь изъ ямщиковъ и варитъ для чая воду, въ такомъ котлѣ, при видѣ котораго иной, непривыкшій къ такимъ неудобствамъ человѣкъ, потеряетъ всякое желаніе пить чай.

Большая часть ѣдущихъ по кругобайкальской дорогѣ берутъ съ собою мѣдный чайникъ, чайную посуду и сѣвственные припасы. На станціяхъ, конечно, ничего нѣтъ: ямщики питаются однимъ кирпичнымъ чаемъ и ржанымъ хлѣбомъ.

Въ ноябрѣ 1864 года почтовые станціи съ этого тракта были переведены на новую дорогу, идущую изъ Култука на Посольскъ, по берегу Байкала; но дорога была еще не окончена и на долю проѣзжающихъ выпало, въ тотъ годъ, много горя и трудностей.

Многіе, отправившись по этому неоконченному пути, возвращались назадъ, нанимали протяжныхъ извозниковъ, для того чтобы ѣхать по старой дорогѣ.

Отчего поспѣшили перевести станціи на новый трактъ до окончанія дороги, мнѣ неизвѣстно. Въ то

время я тоже испыталъ несчастіе ѣхать по этому пути и отъ Култука до Посольска, 200 верстъ, ѣхалъ семь дней.

Помню, на одной станціи мнѣ встрѣтился ѣхавшій изъ Посольска знакомый купецъ и рассказывалъ слѣдующее.

— Здѣсь, въ анбарѣ, на станціи лежитъ еще непере-
везенная на ту станцію гряда чемодановъ, ихъ будутъ
перевозить не менѣе двухъ дней; а завтра опять должна
подойти почта. Она снова сложится здѣсь, потому что
отсюда начинаются такія крутизны, какихъ даже по
старой дорогѣ нѣтъ. Лошадь по нимъ едва можетъ подни-
маться одна, а съ чемоданомъ въ 5—6 пудовъ взбирается съ
величайшимъ трудомъ. Мучится бѣдная лошадь, му-
чатся несчастные ямщики, и чтобы поднять чемоданы
на гору, употребляютъ Богъ знаетъ какія усилія: при-
вязываютъ они къ чемоданамъ веревки, укрѣпляютъ
ихъ къ хомуту лошади, сами тоже тянутъ за веревки
и такими общими усиліями кой какъ втягиваютъ, одинъ
за другимъ, чемоданы на гору. Подъ гору спускаютъ ихъ
прямо съ крутизны кубаремъ, сами скатываются на
войлокахъ, за ними слѣдомъ лошади тоже скатываются,
упираясь передними ногами. Спустившись подъ гору,
снова начинается мука—втаскиванье чемодановъ. Выѣз-
жаютъ буряты со станціи, обыкновенно, рано поутру,
лишь только начинается свѣтать, а на слѣдующую стан-
цію пріѣзжаютъ позднимъ вечеромъ. Это 25 верстъ
они ѣдутъ съ утра до ночи. Возвращаться обратно ночью
они не могутъ и потому, что кони не въ силахъ идти, и
потому, что въ темнотѣ можно сломать себѣ шею. Ут-
ромъ на слѣдующій день они выѣзжаютъ и добираются
до станціи къ полудню; ѣхать въ тотъ же день, слѣдо-
вательно, поздно: — придется ночевать на дорогѣ

*

и потому опять ожидаютъ утра. Такимъ образомъ, не окончивъ перевозки одной почты, они видятъ приходъ почты другой, и неизвѣстно когда все это перевезется. Для провожающихъ лошадей нѣтъ, выжидайте случая уѣхать на обратныхъ и то за тройную цѣну.

Посольскій купецъ уѣхалъ съ тѣмъ ямщикомъ, который привезъ меня, а мнѣ выпало на долю ждать попутнаго ямщика и я прожилъ на станціи двое сутокъ; къ полудню на второй день изъ Посольска привезли какого-то солдата, курьера: онъ ѣхалъ по 50 вер. въ сутки — хорошъ курьеръ! Кони, бывшіе подъ нимъ и подъ провожавшимъ его ямщикомъ, внушали полнѣйшее состраданіе: ребра ихъ всѣ были на виду, сливы перетерты, съ множествомъ болячекъ. Бѣдныя животныя едва передвигали ноги. Рано утромъ на третій день, я, къ великому моему несчастію, долженъ былъ сѣсть на измученное животное, на другое сѣдъ проводникъ; но чрезъ десять минутъ я сошелъ съ лошади и предпочелъ идти всю станцію пѣшкомъ...

Въ настоящее время уже почти оконченъ этотъ новый трактъ и скоро о трудностяхъ иругобайкальскаго пути останется только одно воспоминаніе.

ОТЪ БАЙКАЛА ДО КЯХТЫ.

Морозъ и вьюга. Холодный, порывистый вѣтеръ стонетъ и воетъ, метаясь изъ стороны въ сторону по большой дорогѣ; взметаетъ онъ вихремъ снѣгъ, кружитъ его надъ мордами усталой тройки, забрасываетъ имъ телеграфные столбы, проволоки которыхъ дрожатъ и гудятъ отъ напора вѣтра. Мой ящикъ-бурятъ, одѣтый въ козью шубу (доху по сибирски), представляется мнѣ какимъ-то пугаломъ, потому что мохнатая шуба его, надѣтая шерстью вверхъ, вся занесена снѣгомъ. Онъ точно примерзъ къ козламъ и не шевелится, потому что давно обшлепалъ свои холодныя губы, отмахалъ руки, нахлестывая кнутомъ лошадей, и, видя всю безуспѣшность пошуканія, отдался на волю судьбы, съжившись въ своей шубѣ. А вѣтеръ все шумитъ и воетъ и носится по безлюдной дорогѣ, и не знаю я далеко ли еще до станціи, потому что надписи на покосившихся верстовыхъ столбахъ залѣплены снѣгомъ.

Холодно и скучно.

— Далеко ли до станціи?

— Дале-е-ко! сердито вытягиваетъ ящикъ и еще глубже прячется въ свою мохнатку.

Вотъ тѣ впечатлѣнія, которыя возстаютъ теперь въ моемъ воображеніи при воспоминаніи о томъ времени, когда я въ первый разъ ѣхалъ по Забайкальской области. Путь мой лежалъ въ Кяхту, а потому городъ Верх-

неудинскъ, отстоящій отъ озера Байкала на сто во семьдесятъ верстъ, остается въ сторонѣ: за двадцать верстъ, не доѣзжая до этого города, ѣдущіе въ Кяхту, на почтовомъ дворѣ нанимаютъ вольныхъ ямщиковъ и отправляются проселочной дорогой на Селенгинскій трактъ, выгадывая такимъ образомъ пятьдесятъ веретъ экономіи.

О гор. Верхнеудинскѣ мы поговоримъ впоследствии когда будемъ описывать дорогу на Амуръ.

На пути по селенгинскому тракту не представляется ничего, что бы могло привлечь вниманіе путешественника. Мѣстность кругомъ открытая, нигдѣ не видно ни буста, ни деревца. Эта часть Забайкальской области, какъ и вся она вообще, представляетъ обширное нагорье. На половинѣ пути, отъ Верхнеудинска до гор. Селенгинска, только и остается въ памяти огромная бурятская кумирня, возвышающаяся посреди степи своими остроконечными башнями; издали она напоминаетъ христіанскій пятиглавый соборъ, но полнѣйшее отсутствіе какой либо жизни вокругъ этого зданія даетъ понятіе о томъ, что это не христіанскій храмъ.

Бурятская кумирня одиноко стоитъ въ продолженіи цѣлаго года и только нѣсколько разъ, во время лѣта въ нее собирается бурятское духовенство для совершенія богослужебныхъ обрядовъ. Въ то время степь оживаетъ: конные и пѣшіе буряты собираются громадными толпами къ этому мѣсту, шумъ, говоръ наполняютъ воздухъ; по окончаніи молебствія устраиваются бѣги на лошадяхъ, состязанія между борцами; варятся цѣлые быки, для угощенія публики и бурятское вино (араки) истребляется въ большомъ количествѣ. Но праздникъ оканчивается; на другой день степь снова пустынна и только слѣды лошадей, да обглоданныя кости и обго-

рѣвшія головы напоминаютъ о прошедшемъ празднествѣ.

Кромѣ этой кумирни на пути къ Селенгинску остается въ памяти путешественника только представленіе о почтовыхъ станціяхъ и трехъ, четырехъ деревенькахъ, болѣе другихъ населенныхъ. Почтовые станціи на этомъ пути помѣщаются въ крестьянскихъ домахъ и потому всегда очень хорошо натоплены, что составляетъ не малое утѣшеніе для передрогнувшаго во время дороги путника. Это не то, что тѣ станціи, которыя построены по Восточной Сибири (отъ Томска до Иркутскѣ), красивыя снаружи и холодныя, какъ погреба, внутри. И странное дѣло! Отчего крестьянская избушка, построенная на самыхъ ничтожныхъ средствахъ, болѣе удобна для жилья, чѣмъ казенный почтовый домъ, постройка котораго стоитъ значительно дороже первой?.. Мнѣ не разрѣшить этого вопроса, да и задаваться вопросами не къ чему: ихъ такъ много представляется на каждомъ шагу, что если писать о нихъ книги, то, какъ сказано въ одномъ хорошемъ сочиненіи, и всему міру не вмѣстить въ себя такихъ книгъ.

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ я къ городу Селенгинску, тѣмъ яснѣе становились горы, за которыми лежитъ Кяхта. Селенгинскъ раскинулся по берегу р. Селенги. Народонаселеніе его чрезвычайно бѣдно. Это одинъ изъ такихъ ничтожныхъ городковъ, про которые наши географы не считаютъ нужнымъ упоминать, даже ихъ названіе не выписываютъ, какъ будто-бы они и на свѣтѣ не существуютъ, а между тѣмъ Селенгинскъ замѣчательный городъ, замѣчательныи хотя тѣмъ, что въ немъ есть очень толстый почтмейстеръ, который любитъ предлагать пріѣзжающему самоваръ и побесѣдовать съ нимъ о политикѣ; есть нѣсколько домовъ, кото-

рые высятся между избушками мѣстнаго мѣщанства и даютъ знать о томъ, что владѣтели ихъ—люди, по всему вѣроятію, умные, потому что сѣумѣли сколотить себѣ хорошую денгу на черный день и предпочли быть въ маленькомъ городишкѣ первыми, чѣмъ въ большомъ послѣдними. Такъ какъ все общество этого городка можетъ быть помѣщено въ толстую утробу почтмейстера, то единственнымъ утѣщеніемъ можетъ служить разговоръ о политикѣ, которымъ онъ, почтмейстеръ, по всей вѣроятности, и питаетъ селенгинское общество. Я потому объ этомъ дѣлаю такое заключеніе, что самъ вдоволь наслушался его рѣчей о безсиліи всѣхъ двенадцати языкъ въ отношеніи къ нашему русскому оружію. Въ Селенгинскѣ помѣщается часть артиллеріи и артиллерійскіе офицеры, если только они не слушаютъ политическихъ разсказовъ почтмейстера, вѣроятно невообразимо скучаютъ, потому что самый видъ города, состоящаго изъ двухъ съ половиной домовъ, наводитъ на меня такую тоску, что если бы не почтмейстеръ и не несчастные «двенадцать языкъ», то я, кажется, растянулся бы на безлюдной городской площади и взвылъ бы горькими слезами... да вотъ бѣда: городъ такъ пусть, что не только вой и стоишь на площади, а и самая смерть человѣка, даже не только обыкновеннаго человѣка, а пожалуй хоть и самого почтмейстера, со всѣми его языками, не была бы никѣмъ услышана, потому что на этой громадной площади, кажется, со дня сотворенія міра ни однажды не прошла человѣческая нога. Но довольно о Селенгинскѣ, Богъ съ нимъ и съ его почтмейстеромъ и со всѣмъ, что служитъ развлеченіемъ жителямъ этого города и что наводитъ на нихъ тоску. Да и наводитъ ли что ее?

Отъ Селенгинска въ семи верстахъ нужно переѣз-

жать черезъ р. Селенгу, на паромѣ. Это мѣсто называется: «Стрѣлка». Прежде, въ давнопрошедшее время, у Стрѣлки было устроено таможенное отдѣленіе, но впослѣдствіи оно уничтожено и ограничивалось Кяхтинской таможеней, которая въ свою очередь, какъ извѣстно, тоже уничтожена; она перенесена въ Иркутскъ, гдѣ благополучно и пребываетъ настоящее время.

Восемьдесятъ верстъ пути до Кяхты отъ Селенгинска утомительны до крайности: дорога идетъ по горамъ, только и знаешь, что поднимаешься въ гору да спускаешься подъ гору. На горахъ этихъ растетъ хвойный лѣсишко, достаточно чахлый для того, чтобы его называть лѣсомъ. Зимой на этомъ пространствѣ хорошая снѣжная дорога, тогда какъ на открытой степной мѣстности снѣгъ сдуваетъ и ѣхать въ зимнемъ экипажѣ чистая каторга. Послѣдняя станція предъ г. Троицко-Савскомъ называется Усть-Кяхта; отсюда дорога опять идетъ открытой мѣстностью и на саняхъ уже нѣтъ возможности ѣхать ни въ какое время года: снѣгу рѣшительно ни пылинки, а такъ какъ, подѣвзая къ Кяхтѣ, нужно подниматься на высокій Чіочинскій хребетъ, то всѣ проѣзжающіе оставляютъ свои зимніе экипажи въ Усть-Кяхтѣ и отправляются отсюда въ почтовыхъ тарантасахъ. Такимъ образомъ Усть-Кяхта есть складочное мѣсто зимнихъ экипажей; кромѣ того, въ блаженное старое время, Усть-Кяхта имѣла кой-какія другія особенности: проѣзжающіе, оставляя въ ней свои зимніе экипажи, оставляли точно также и то, что находилось въ экипажахъ, то есть серебро и золото, которое потомъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, вдругъ оказывалось въ самой Кяхтѣ, точно его переносили изъ Усть-Кяхты невѣдомыя силы.

Оставляли же проѣзжающіе свое серебро и золото потому, что впереди, у самаго города Троицко-Савска, стояла таможенная застава и надсмотрщики имѣли дурную привычку осматривать чемоданы и карманы проѣзжающихъ...

Такъ для того, чтобы не давать развиваться у надсмотрщиковъ дурнымъ привычкамъ, проѣзжающіе и оставляли свои капиталы въ Усть-Кяхтѣ, а потомъ, какъ я сказалъ выше, невѣдомыя силы переносили невѣдомыми путями сокровища міра сего изъ Усть-Кяхты въ Кяхту.

Но вотъ и моя повозка дотащилась до таможенной заставы. Вотъ выходятъ кустодіи, въ рукахъ у нихъ фонари, фізіономіи ихъ мрачны, и смотрять эти кустодіи на меня такъ, какъ будто я со дня моего рожденія былъ ихъ заклятой врагъ и думалъ только о томъ, какъ бы ловчѣе обманывать таможенную стражу и провозить контрабанду.

— Не ройте, господа, чемодана, просиль я, когда мое имущество было втащено въ таможенную комнату.

Молчаніе.

— Я прошу васъ, пожалуйста не ройте: по вѣсу можно видѣть, что металловъ въ чемоданѣ нѣтъ...

— Приказано... Начальство велить...

— Намъ безъ этого нельзя, потому строго... Ежели, на примѣръ, металлы...

— Вы видите, что металловъ нѣтъ...

Въ чемоданѣ давно все было перерыто, переворочено съ боку на бокъ, но обыскъ все еще не окончился: кустодіи какъ будто хотѣли во что бы то ни стало найти «на примѣръ металлы».

— Довольно, господа...

— Невозможно, потому—приказъ!..

Прошло еще съ полчаса. Наконецъ обыскъ кончился. Я собрался уходить.

— А на водочку? тайнственно спросилъ одинъ изъ кустодіевъ.

— Это за что же?

— За трудъ...

— Не могу. Если бы вы такъ не рыли и не мяли моихъ вещей, то тогда бы...

Кустодія грустно улыбнулся и совершенно другимъ тономъ сказалъ.

— Да вы бы давно, ваше благородіе, такъ сказали, мы бы вамъ съ нашимъ полнымъ почтеніемъ... Эхъ!

— Ну, на будущій разъ...

Съ тѣмъ мы и расстались.

К Я Х Т А .

I.

Съ того времени, когда я жилъ въ Кяхтѣ, прошло уже много, много лѣтъ, и многое втеченіе этого времени измѣнилось. Таможню перевели въ Иркутскъ и громадное зданіе, оживленное прежде, въ мое время, постояннымъ привозомъ русскихъ и вывозомъ китайскихъ товаровъ, теперь совершенно опустѣло.

Много видовъ видалъ на своемъ вѣку этотъ угрюмый старецъ — таможня! Сколько, бывало, наводилъ онъ страху на контрабандистовъ, пробирающихся темной ночью по глубокой «Воровской Пади», долинь, извивающейся между горъ, позади таможенного зданія. Сколько тутъ нажилось директоровъ, давно окончившихъ уже свое земное странствіе; сколько наконецъ перемѣнъ въ ходѣ торговли пережилъ этотъ мрачный, высокій замокъ, и остался онъ теперь одинъ, забытый, заброшенный, какъ памятникъ прошлаго беззаконія, который до сихъ поръ еще рѣжетъ многимъ глаза. Теперь мимо него тянутся обозы, поскрипывая своими колесами, — и бурять, въ воронкообразной шапкѣ, спокойно смотреть на него, припоминая съ усмѣшкой о томъ, какъ когда-то дрожалъ онъ, пробираясь съ контрабанднымъ чаемъ позади этого зданія.

Съ начала основанія торговли, позволялось только промѣнивать чай на товары, по извѣстной, установленной обѣими сторонами пѣнѣ, и нарушить эти правила

не смѣли ни русскіе, ни китайцы (объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе, при описаніи Маймайтчина). Такое постановленіе не могло, конечно, долго удержаться въ своей силѣ, потому что запрещеніе на драгоценныя металлы возвысило ихъ цѣнность и развило промыслы контрабандистовъ, получавшихъ огромныя выгоды. Въ то время цѣна русскому полуимперіалу доходила до 9 рублей и, конечно, никакія строгости, никакія наказанія не могли противостоятъ хитрости контрабандистовъ, которые, въ надеждѣ на большой барышъ, доводили свою специальность до возможнаго совершенства. Экипажи дѣлались съ двумя днами, съ потаенными ящиками въ оглобляхъ, осяхъ, колесахъ, хомутахъ, дугахъ, сѣдлахъ и во всемъ, гдѣ-бъ только была возможность устроить помѣщеніе для золота и серебра. Бывали случаи, что контрабандисты грабили контрабандистовъ, и ограбленные не имѣли права жаловаться, такъ какъ сами могли попасть подъ судъ. Часто, на примѣръ, богатые купцы, въ ожиданіи будущей выгоды, рисковали довѣрить контрабандистамъ свое золото и потомъ уже, конечно, не могли дожидаться его.

Мѣновая торговля не могла удержаться при такомъ положеніи дѣлъ и, по просьбѣ купечества, скоро было разрѣшено ввозить при товарахъ третью часть иностранной монеты, русскаго золота въ полуимперіалахъ или серебра въ издѣліяхъ. Это правило тоже, конечно, нарушалось, такъ какъ многіе провозили тайно гораздо больше третьей части; но зато цѣнность на золото въ Кахтѣ значительно уменьшилась.

Кромѣ ввоза помимо таможи золота и серебра, существовала въ большомъ количествѣ контрабанда чаемъ, такъ какъ пошлина съ него была очень велика, а именно: съ чернаго 40 коп., съ цвѣточнаго 60.

Въ послѣднее время, передъ переводомъ таможи въ Иркутскъ, открылась полная свобода торговли всѣмъ, чѣмъ угодно, кромѣ корня ревеня, покупаемаго отъ казны. Пошлина съ чая сбавлена и назначена съ чернаго 15, а съ цвѣточнаго 40 копѣекъ.

Но въ то же время дозволенъ ввозъ чая чрезъ Европу, подкосившій кяхтинское дѣло весьма сильно. Почему купечество не могло удержать въ своихъ рукахъ чайную торговлю—это увидитъ читатель изъ моихъ записокъ о кяхтинской жизни въ послѣдніе годы ея богатой торговли.

II.

— Ну, государь мой, говорилъ высокій, крѣпкій мужичина, хозяинъ гостиницы, когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ городъ Троицко-савскъ, отстоящій на три версты отъ Кяхты:—когда же вы поѣдете на плотину?

— На какую плотину? спрашивалъ я съ удивленіемъ.

— А въ Кяхту-то? Мы ее, по старой привычкѣ, зовемъ плотиной, а купцовъ—плотинскими.

— Почему же Кяхта зовется плотиной?

— А потому-съ, что, въ прежніе годы, около самой слободы былъ устроенъ прудъ, и отъ этого-то пруда и стали звать слободу плотиной. Теперь ужъ ничего этого и слѣда не осталось, по рѣчонкѣ куры ходятъ, а вмѣсто лѣсочку остался одинъ песокъ. Вотъ и живемъ мы на этихъ пескахъ по милости Саввы Владиславича.

— Какого это Саввы Владиславича!

— Какъ же это вы, государь мой, не знаете? Савва Владиславичъ Рагузинскій былъ основателемъ нашего города и по его имени онъ получилъ названіе Троицко-Савска. Этотъ Рагузинскій, когда выбиралъ мѣсто для торговли съ Китаемъ, то хотѣлъ непременно найти

такую рѣку, которая бѣжала бы не изъ китайскихъ предѣловъ, а отъ насъ. Побавался онъ, видите ли, чтобъ китайцы не напустили въ воду какого-нибудь зелья и не отравили бы народъ,—а такой рѣки не нашлось кромѣ нашей куроходной. Подумалъ, подумалъ Савва Владиславичъ, да и порѣшилъ построить здѣсь городъ.

— Вотъ какая исторія! удивлялся я:—да неужели въ самомъ дѣлѣ онъ боялся, что по рѣкѣ могутъ пустить отраву?

— Повѣрьте Господу Богу... А то бы зачѣмъ при такой рѣчонкѣ городъ строить? Теперь отсюда всего 30 верстъ до рѣки Чикоя—чудная, широкая рѣка, и суда небольшія могутъ ходить по ней; тамъ и песковъ нѣтъ, и лѣса хорошіе. Отличное бы мѣсто, да вотъ не захотѣлъ: опасно, говорить, отравить могутъ. А какъ тутъ на широкой рѣкѣ отравить? подумайте... Ну, да ужъ время такое было, говорилъ хозяинъ, разводя руками.

Онъ помолчалъ нѣсколько времени, какъ будто вспоминая прошедшее, потомъ торопливо спросилъ:

— Когда же поѣдете-то?

— Да что вы пристаєте? Я пѣшкомъ пойду.

— Нѣтъ, ужъ пѣшкомъ-то не тово...отмахаетеноги.

— Да развѣ очень далеко?

— Далекое не далеко, а версты три добрыхъ будетъ.

Лучше я велю лошадей для васъ запречь въ сидѣйку.

— Это что за сидѣйка?

— Ну, кабриолетикъ что-ли по вашему, только простенькій. Я потому, видите ли, къ вамъ пристаю съ вопросомъ, что у меня лошади идутъ въ Кяхту за вывозкой.

— Тьфу ты, Господи! У васъ здѣсь на каждомъ шагу все новыя слова! Какая такая вывозка?

— Эхъ, государь мой! Побываете на плотинѣ—не то скажете. Тамъ съ китайцами по русски такъ говорятъ, что русскій ничего не пойметъ. Ну, да это увидите и услышите сами. А вывозка-съ, сударь мой, вотъ что: изъ гостинаго двора мы возимъ чай въ таможду, такъ этотъ провозъ и называется вывозкой.

— Да вѣдь это только лишняя перекладка. Извозчики бы могли завезти въ таможду и потомъ дальше въ Иркутскъ везти...

— Нѣтъ, позвольте, тутъ дѣло не въ томъ; вѣдь изъ гостинаго двора, съ плотины то есть, чай отправляется только въ камышѣ, какъ значить купленъ отъ китайцевъ. Мы его привеземъ въ таможду и сложимъ въ пакгаузъ; хозяинъ на него еще не имѣетъ права, потому пошлина не взята; а тамъ начальство засвидѣтельствуетъ, взвѣситъ ящиковъ пятокъ и, сообразуясь съ ихъ вѣсомъ, назначить пошлину со всей партии, если только она одной фамилии.

— Какъ же фамилии тамождня узнаеть? Вѣдь купецъ можетъ обмануть?

— Да такъ и узнаеть: на бокахъ ящиковъ она написана китайскими буквами; для этого въ таможднѣ и переводчикъ есть. Вотъ если разныхъ фамилій чай, тогда изъ каждой фамилии и берутъ для привѣски ящика три-четыре и назначаютъ пошлину съ каждой фамилии. Если, примѣрно, вышло 88 ф. чистаго чая, берутъ пошлину за 85; если 82 ф. тоже за 85 ф.; ну, а если 88 хоть съ четвертью, тогда берутъ за полный вѣсъ. Вотъ оно какъ!

— Ну, а потомъ-то что дѣлають съ чаемъ?

— Потомъ пломбу привѣсятъ и въ кожу зашивать позволяютъ. *Ширить* по нашему называется. А потомъ надрѣзку дѣлать.

— Какую опять надрѣзку?

— А эти самыя слова: Т. Н. Ф. значить: торговый, неквадратный, фамильный; или: Т. К. Ц. торговый, квадратный, цвѣточный. А то еще есть: Т. Н. Ф. Х. торговый, неквадратный, фамильный, хуны. Ну, поставятъ нумера, литеры — кому чай принадлежить: васъ напимѣрь, купца, собственника чая, зовутъ Матвѣй Захаровичъ, по фамиліи Бурлаковъ, ну и поставятъ: М. З. Б. Вотъ какъ все это сдѣлають, купецъ пошлину заплатитъ — и съ Богомъ! А на это, мало-мало, надо два дня.

— Кто-же это зашиваетъ чай въ кожи и надрѣзываетъ: таможня что-ли?

— Нѣтъ, на этотъ разъ у насъ есть своя артель городская, изъ мѣщанства, человекъ во сто. Это ужъ все въ ея рукахъ. Она одна только и ширить.

— Ну, спасибо вамъ: хотя не много вы меня познакомили съ дѣломъ. А то я точно слѣпой или съ завязанными глазами.

— А вотъ поживете, государь мой, еще много кое чего узнаете.

— А что еще такое?

— Узнаете послѣ, тайственно сказалъ хозяинъ, уходи отдать приказаніе запречь лошадь.

III.

Я поѣхалъ въ Кяхту. Начиная отъ таможни, по большой улицѣ Троицко-Савска, до торговой слободы Кяхты, дорога идетъ по шоссе, сооруженномъ на капиталы кяхтинскаго общества. Съ правой стороны, при выѣздѣ изъ города, видны горы, поросшія чахлымъ кустарникомъ и отчасти хвойнымъ лѣсомъ, налѣво — песчаная мѣстность, по которой пробирается едва замѣтная рѣчонка Кяхта; далѣе заней видны голыя остро-

конечныя сопки, длинной цѣпью вытянувшіяся по границѣ Монголіи.

У шлагбаума, при вѣздѣ въ торговую слободу, таможенные надсмотрщики осмотрѣли мой экипажъ и несовсѣмъ деликатно ощупали мои карманы. Одинъ изъ нихъ оказался даже знакомый человѣкъ: онъ былъ изъ числа тѣхъ кустодій, которые осматривали мой чемоданъ, при вѣздѣ въ г. Троицко - Савскъ. Получивъ отъ меня билетикъ, данный изъ канцеляріи градоначальника, на право проѣзда въ торговую слободу, и удостовѣрившись, что со мной нѣтъ запрещеннаго золота и серебра, досмотрщики подняли шлагбаумъ, и я вѣхалъ въ торговую слободу.

Первое, что поразило меня — это необыкновенная чистота и какъ будто новизна постройки. Дома, крыши, заборы казались только-что выкрашенными. Высокая, каменная церковь красовалась на возвышенномъ мѣстѣ; вызолоченные кресты на ея пяти главахъ; скромная и въ то же время грандіозная архитектура останавливали взглядъ каждаго, въ первый разъ прѣзжающаго въ Кяхту. Удивительная чистота, въ которой вообще содержится маленькая, трехъ-уличная Кяхта, располагаетъ къ ней заѣзжаго. Саженьяхъ во сто отъ заставы стали показываться китайскія фигурныя крыши сосѣдняго города Май-мачина. Высокая башня съ раскрашенными драконами, сидящими на ней, высокіе столбы съ золотыми вверху шарами, все это производило новое впечатлѣніе, увеличивавшееся сильнѣе при встрѣчѣ съ китайцами, расхаживавшими по улицамъ торговой слободы.

Они ходили толпами въ своихъ длиннополыхъ халатахъ, сверху которыхъ надѣты были курмы (родъ дамской кофты), на головѣ кругловатая шляпа, съ вы-

соко и круто-загнутыми кверху полями, и красная, шелковая кисточка покрывала всю верхушку на ней. Китайцы всё были въ одинаковомъ костюмѣ. По длиннымъ косамъ я сначала принялъ ихъ за женщинъ, и убѣдился въ своей ошибкѣ только тогда, когда увидѣлъ у нѣкоторыхъ изъ обладателей косъ большіе, черные, опущенные книзу усы.

— Здравству, пліатерь! Нова люди, здравству! кричали они мнѣ вслѣдъ.

Я пріѣхалъ къ одному изъ старшинъ торгующаго въ Кяхтѣ купечества и, входя въ комнату, увидѣлъ опять китайцевъ, сидѣвшихъ въ залѣ съ коротенькими трубками въ зубахъ. Въ комнатѣ было дымно, такъ что глаза щипало, и запахъ китайскаго табаку производилъ тошноту.

— Здравству, пліатерь!

— Нова люди!

— Кода плишола? приставали любопытные китайцы, обдавая меня запахомъ чеснока.

— Вчера пріѣхалъ, отвѣчалъ я, едва понимая ихъ вопросъ.

— Какой люди? Какова города? Кака имя? Батюшка еси? спрашивали опять китайцы.

— Матушка еси? Жениха была? Ребязи еси, братциза еси, какой товаръ повози? (Есть-ли мать? Женатъ-ли? Есть-ли дѣти, братья? Какой товаръ привезъ продавать?).

На-половину понимая ихъ вопросы, обступленный со всѣхъ сторонъ, я едва могъ удовлетворить ихъ любопытству.

— Пліатерь буду за нама, фамильярно говорилъ одинъ, похлопывая меня по плечу.

— Поторгова буду? Тиби сама серебро хозяйнъ

*

или пыркашики? приставали другіе (т. е. ты хозяинъ, или прикащикъ?).

— Не понимаю, повторялъ я съ досадой.

— Пліятеръ, сердиза не надо. Чево напрасно!

— Нама только спрашива.. Сердиза не надо!

— Тибѣ умна люди халышанки.... Послѣ торгова буду.... ласково говорили нѣкоторые.

Вошелъ хозяинъ дома и увелъ меня въ другую комнату, говоря, что зала у нихъ всегда въ грязи отъ частыхъ посѣщеній китайцевъ.

Послѣ непродолжительныхъ разговоровъ съ хозяиномъ, я отправился къ другому старшинѣ, гдѣ встрѣтилъ точно-также китайцевъ, пристававшихъ съ вопросами: «откуда, какъ зовутъ есть-ли отецъ, самъ-ли хозяинъ, или прикащикъ?» Такъ точно и у остальныхъ двухъ старшинъ я встрѣтилъ то же самое,

Въ торговой слободѣ, ежегодно выбирается изъ купечества по чегыре старшины, для наблюденія за ходомъ торговли, и приѣзжающій по дѣламъ въ Кяхту, по принятому обычаю, долженъ дѣлать визиты старшинамъ, какъ, въ нѣкоторомъ родѣ, мѣстному начальству.

Утромъ слѣдующаго дня я получилъ пригласительный билетъ на обѣдъ, даваемый торгующимъ въ Кяхтѣ купечествомъ въ честь какого-то приѣхавшаго изъ Верхнеудинска купца, и опять въ той-же трясуцей, двухъ-колесной таратайкѣ поѣхалъ я въ купеческое собраніе. При входѣ въ домъ, меня поразила богатѣйшая обстановка. Въ дверяхъ стоялъ швейцаръ съ булавой, въ боковой комнатѣ виднѣлись музыканты, на всю залу былъ раскинутъ роскошно сервированный столъ съ цвѣтами и серебряными холодильниками для шампанскаго. Публики было не болѣе тридцати человекъ.

— У насъ здѣсь все свои купцы только, говорилъ старшина, представляя меня нѣкоторымъ.

— По какому же случаю у васъ сегодня такой пышный праздникъ? спрашивалъ я.

— Да такъ, кстати пришлось. Тутъ какъ-то по зимѣ, наши купцы были въ Верхнеудинскѣ и гостили нѣсколько времени у знакомаго купца; теперь этотъ самый купецъ прѣхалъ сюда, ну такъ надо же и его угостить—порядокъ требуетъ.

« Вотъ они какъ, подумалъ я,—не по нашему жить.»

Обѣдъ сначала шелъ своимъ порядкомъ. Нѣкоторые изъ кяхтинцевъ, изошрившіеся въ словоизверженіи, не заставили себя дожидаться и при подачѣ втораго блюда начали поочередно говорить рѣчи. Одинъ, болѣе другихъ краснорѣчивый, долго держалъ какую-то рѣчь о хлѣбосольствѣ, стоя съ бокаломъ въ рукѣ и жестикулируя другой рукой. Виновникъ торжества тоже всталъ на ноги и, во время спича, нѣсколько разъ кланялся на всѣ стороны. Какъ только ораторъ кончилъ, онъ тоже поднялъ бокалъ кверху и видимо хотѣлъ сказать отвѣтную рѣчь, но только началъ:—Господа, торгующее на Кяхтѣ купечество! Я, я, не... не... немогу ничего сказать! и, совершенно растерявшись, опустился на стулъ

— Далекоему до нашихъ, шепнулъ мнѣ сосѣдъ. Купцы, къ чести ихъ нужно сказать, постарались поскорѣе ступешать неудавшуюся рѣчь и одинъ изъ нихъ громко крикнулъ:

— Къ чему, господа, рѣчи!

— Не нужно рѣчей.. подхватилъ другой.

— Ну-ко, братцы, закричалъ старшина:—за Царя и Русь святую!... Эй, музыканты! играйте за Царя и

Русь святую, кричалъ онъ, оборачиваясь къ музыкантамъ,—и обѣдъ окончился пѣніемъ и пристукиваніемъ ножами о тарелки и стаканы.

Я хотя и рѣдко бывалъ на официальныхъ обѣдахъ, но окончаніе этого обѣда показалось мнѣ страннымъ,

IV.

Черезъ нѣсколько времени я переселился изъ города въ торговую слободу и, познакомившись покороче съ однимъ изъ купеческихъ дѣтей, услышалъ отъ него много интересныхъ разсказовъ, въ отвѣтъ на мой вопросъ по поводу официального обѣда.

— У насъ прежде не то еще бывало, говорилъ онъ, улыбаясь: въ праздникъ, бывало, ходятъ всѣ толпой изъ дома въ домъ, музыку съ собой таскаютъ, ящикъ шампанскаго возятъ на телѣгѣ и, заходя въ дома, забираютъ съ собой хозяевъ и дальше идутъ. Выпьютъ полбутылки, а другую бросаютъ недопитой: потому, говорятъ, газъ выходитъ, — не годится, скусу того нѣтъ... Такъ цѣлый день пьютъ, къ вечеру едва-едва найдутъ дорогу... Теперь ужъ не то; хоть въ клубъ другой разъ и отплясываютъ трепака, да это не часто.

— На какія же это суммы у васъ дѣлается?

— На добровольную складку—аксиденцію по здѣшнему. Здѣсь собирается съ каждаго вывозимаго отъ китайцевъ ящика по 40 к. теперь, а прежде 60 к. брали, въ кассу торговой слободы, для улучшенія торговли. Вотъ на эту-то аксиденцію и кутимъ.

— А много-ли здѣсь вывозится чаю?

— Среднимъ числомъ можно считать до пятидесяти тысячъ ящиковъ, собирается слѣдовательно, до 60 т. руб. добровольной складки.... А спросите-ка, сколько ея остается отъ годоваго счета?

— Сколько же?

— Ничего! Такъ вотъ, за все время торговли ничего и не остается... Соборъ вотъ выстроили, но при постройкѣ тутъ были особые вклады отъ доброхотныхъ дателей; ну, шоссе до таможи сдѣлали, попа съ причтомъ содержать, пѣвчихъ, музыку, пожарную команду...

— Да вѣдь это не 60 т. стоитъ? спрашивалъ я, пораженный такой значительной суммой.

— Ну остатки идутъ—вотъ на обѣды, на угощеніе начальства, вотъ недавно 200 руб. пожертвовали бѣднымъ, говорилъ, смѣясь, мой знакомый.

— Кому же отчетъ отдается въ добровольной складкѣ?

— Какъ кому? Сами себѣ и отдаемъ отчетъ.

— Да вѣдь чай, большею частью, вымѣниваются комисіонерами на капиталы московскихъ и другихъ купцовъ?

— Ну да что за важность; сорокъ-то копѣекъ бросить можно, — вѣдь это мелочь, говорилъ мой знакомый, а самъ едва сдерживалъ смѣхъ. Онъ хорошо понималъ всю нелѣпость добровольной складки и всегда смѣялся надъ ней.

— Вотъ называютъ «добровольная», а ну, побробуйте-ка, продолжалъ онъ, не отдать ее, такъ и чай изъ гостинаго двора не выпускать: вотъ вамъ и добровольная!

— Значить, и съ меня тоже потянуть, если буду покупать чай?

— Конечно; исключеніе что-ли для васъ дѣлать: вѣдь вы на обѣдѣ были?

— Ну такъ что же? удивленно спросилъ я.

— То-то и есть: даромъ что-ли васъ кормить-то!

— А что, здѣсь у васъ много, я думаю, богатыхъ купцовъ?

— Всякаго добра благодать. Овому Господь даде та-

латъ, овому два, овому же ни одинаго, такъ себѣ на кредитѣ пробивается и ведетъ дѣло. Со стороны пожалуй подумаешь и невѣсть что: тысячу ящичковъ чаю претъ на ярмарку, — а все чужое: чай взялъ у китайцевъ въ кредитъ, за кожу и ширку заплатилъ чаемъ же, пошлину перевелъ по поручительству, а за провозъ—по доставкѣ на ярмаркѣ отдасть.

— По какому же поручительству?

— Да здѣсь круговая порука. Я за васъ ручаюсь: хорошій, молъ, человекъ, одно слово, а вы за меня — славной молъ парень, — вотъ и поручаемся — поняли? По закону, купцу первой гильдіи позволяется переводить пошлину по вексямъ на 15 т. руб., второй на 6 т. руб., а третью изъ Кяхты въ шею гнали, по пословицѣ: гусь свинѣ не товарищъ! Теперь ея впрочемъ и нѣтъ, значить и гнать не кого. Вотъ какъ-сь, мой почтеннѣйшій! Тутъ еще другіе грѣшки есть, да ужъ только сказывать ли?

— Ну нельзя—такъ не надо.

— Нѣтъ ужъ ничево, скажу — такъ и быть. Вотъ видите ли, какая штука. Кромѣ 15 т., вамъ еще нужно перевести пошлины на какую нибудь сумму; вы и дѣлаете подписку, запоручительствомъ купцовъ, что, дескать, вотъ такъ и такъ, у меня въ гостиномъ дворѣ лежатъ чай, которые я оставляю въ обезпеченіе: такъ нельзя-ли, дескать, перевести еще пошлины? А чай-то лежатъ гуртомъ; съ виду-то будто и дѣйствительно 100 или 150 ящичковъ, а ихъ всего 40 или 50, въ серединѣ-то пусто, и выходитъ, что другъ друга и любятъ, и поручаются, и надуваютъ...

— Ну, штукъ у васъ здѣсь, я посмотрю, много.

— Э! Это еще что, то-ли узнаете послѣ, какъ поживете, говорилъ мнѣ знакомый, хитро подмигивая.

— Началъ я, говорилъ онъ, торговое дѣло въ Кяхтѣ и, конечно, такъ же, какъ и другіе, платилъ акциденцію; такъ же, какъ и другіе, провозилъ тайнымъ путемъ серебро и золото; обманывалъ таможенію отчетами и иногда, грѣшнымъ дѣломъ, безъ пошлины чайшку отправлялъ, такъ же, какъ и другіе. Всему этому добру научили меня мои хорошіе знакомые, такъ-же, какъ я васъ учу.

— Вотъ завтра, говорилъ онъ, поѣдете въ таможенію предъявлять полученные сукна: заѣзжайте сначала къ старшинамъ, какъ требуетъ порядокъ, и попросите подороже оцѣнить ваши сукна. Они вѣдь оцѣниваютъ въ таможенѣ товаръ-то.

— Ну, а если они не захотятъ кривить душой?

— Вотъ выдумали тамъ! Вѣдь рука руку моетъ: Богъ дастъ, на будущій годъ вы будете служить и вы также помирволите другому.

— Ну, а потомъ что же будетъ?

— Ничего не будетъ. Оцѣнятъ ваши сукна, откроютъ вамъ въ таможенѣ счетъ ввоза товаровъ, и вы можете производить мѣновую торговлю съ китайцами, какъ слѣдуетъ, съ третьей части отпуска къ нимъ золота, пятифранковаго серебра или русскаго серебра въ издѣліяхъ.

— Въ какихъ же издѣліяхъ русское серебро, въ ложкахъ, въ подносахъ, что-ли?

— Ну да, въ ложкахъ, изъ которыхъ каждая по фунту почти вѣсомъ, а подносы по десяти или двадцати фунтовъ—другому и не поднять, говорилъ, смѣясь, мой знакомый и показывалъ руками, какъ тяжелы бываютъ подносы.

— Да скажите же, ради Бога, для чего такія тяжелыя издѣлія отправляютъ сюда?

— Хе-хе-хе! простота вы, я посмотрю; жили бы ужь тамъ, въ своемъ Алабовѣ, ничего-то не можете сообразить. Хе-хе-хе! да какъ же иначе-то? Гдѣ наберешь издѣлій-то для китайцевъ? Вѣдь сюда прудятъ горы серебра, ну и нужно на хитрости подниматься. Вотъ и везутъ ложку разливальную, изъ которой можно коня напоить.— Ха-ха-ха!

Черезъ нѣсколько времени промѣнялъ я сукна китайцамъ на чай и опять иду совѣтоваться къ другу моему милому: какъ и что мнѣ дѣлать съ отчетомъ таможи. Дружокъ залѣзъ на письменный столъ и, упершись въ бока руками, съ хитрой улыбкой посматривалъ на меня, какъ будто хотѣлъ сказать: «что, братъ-простота, ничего-то ты, видно, не смыслишь.»

— Что мнѣ теперь дѣлать, съ чаемъ? спрашивалъ я.

— Что дѣлать съ чаемъ? переспросилъ онъ, а вотъ что: чай пить надо, для того его и покупають.

— Нѣтъ, пожалуйста, голубчикъ, поучите, какъ таможи отчетъ составить?

— А вотъ какъ: у васъ примѣрно пять-сотъ штукъ мизерицкаго сукна, на пять-сотъ ящичковъ чаю,—такъ что-ли?

— Ну, да.

— Ну, вотъ и пишите таможи, что промѣнялъ моль я за-границу товаровъ, ввезенныхъ моль черезъ таможию тогда-то, подъ № такимъ то. Изъ нихъ вымѣнялъ на 200 штукъ пятьсотъ ящичковъ чаю... Жаль, что у васъ серебра не было ввезено, а то бы еще лучше: серебра присчитали бы тутъ же одну треть, какъ слѣдуетъ по закону,—сукна еще больше сбереглось-бы.

— Да скажите пожалуйста, на что-же это сукно годится послѣ? Вѣдь его нѣтъ, оно только на бумагѣ, какъ у Павла Ивановича Чичикова мертвыя души?

— Что-жь, здѣсь и на бумагѣ имѣть ихъ очень не мѣшаетъ, потому что за вами, конечно, грѣхи будутъ послѣ?

— Какіе грѣхи? удивлялся я.

— А серебрецо-то контрабандишкой, полагать надо, тоже того?.. говорилъ мой знакомый, прищуривая глаза—вѣдь не святой человѣкъ, а?

Я молчалъ и слушалъ, не понимая, къ чему вся эта рѣчь.

— Вотъ тогда-то эти мертвыя души и оживутъ: сукно-то и пригодится. Мѣняйте чай на серебро, привезенное контрабандой, а пишите таможенъ-матушкѣ, что вотъ молъ, такъ и такъ, промѣнялъ на сукна, оставшіяся отъ ввоза тогда-то, за № такимъ-то, — триста штукъ сукна, а получилъ, дескать, шестьсотъ ящичковъ чаю. Вотъ какъ. Поняли?

— Понялъ, говорю... Да вѣдь это что-то очень...

— Это очень и очень хорошее дѣло. Этозначить—у насъ мертвыя-то души оживаютъ, повторилъ онъ и снова захохоталъ на всю комнату.

V.

Мой знакомый рассказывалъ мнѣ о своихъ кяхтинскихъ походахъ слѣдующее:

— Такъ же точно, какъ вы, пріѣхалъ я въ Кяхту, говорилъ онъ, и также ничего не зналъ, какъ и что дѣлать; но наука мнѣ далась скоро, и я подумывалъ уже о томъ, какъ бы побольше понакопить товаровъ *несуществующихъ*, говоря словами Чичикова, потому что дѣйствительныхъ товаровъ у меня уже не доставало. Иду къ своему другу за совѣтомъ.—Эхъ ты, простота моя уѣздная, говорили мнѣ: — гдѣ тебѣ всю здѣшнюю науку произойти. Тутъ, батенька мой, премудрость созда себѣ домъ, вотъ что! Поѣзжай, говорятъ, завтра

въ Троицко-Савскѣ и купи ты, братецъ мой, соболей у бурятъ или въ лавкѣ, гдѣ придется, этакъ примѣрно хоть штукъ сто или полтора ста... Я приходилъ снова въ удивленіе и спрашивалъ: зачѣмъ же это опять дѣлается, что за исторія такая?—Вѣдь китайцамъ соболей теперь не требуется?—Купи, братецъ мой, купи—хорошо будетъ, говорили мнѣ:—Отвези ты ихъ въ таможеню, больше какъ полтора ста штукъ и не нужно... А старшину не забудь попросить хорошенько, «властемъ предержавшимъ да повинуются». Поклонись ему: ну, глядишь, онъ и подороже тебѣ оцѣнитъ ихъ—дѣло будетъ въ шляпѣ. Понялъ-ли теперь?—Ни чорта рогатаго не понимаю, говорю.

— Слушай дальше. Таможня впишетъ ихъ на приходъ къ твоему счету и поставитъ на каждой шкурѣ клеймо: предъявлены, дескать, таможнѣ, и больше, дескать, ихъ предъявлять не полагается... — Ну?.. говорилъ я въ нетерпѣніи, ожидая, что выйдетъ изъ этого. — Ну вотъ, привезешь ты этихъ самыхъ клейменныхъ соболей и клеймы сейчасъ — фють! — У насъ уже есть такая спеція... потому что здѣсь ужъ такіе законы...

— А потомъ повѣжай съ соболями на Чикой, изъ нихъ матрацъ или подушку состряпай, говорили мнѣ и спрашивали: Понялъ-ли?—Хе, хе! смѣялся я: понялъ, говорю, теперь. Это значитъ оттуда опять въ городъ, соболей опять въ таможеню: такъ, значитъ, и кружи ихъ хоть двадцать разъ. Такъ что-ли?

— Такъ, умница, такъ, догадался-таки, похвалили меня учителя и я имъ за это:—«спасибо, говорю, товарищи, спасибо...»

— Однажды, рассказывалъ мнѣ опять мой знакомый, — однажды былъ такой замѣчательный случай: — съ тремя мѣшками пяти-франковаго серебра попался маленькій жидокъ.

— Какъ это вы могли серебро везти, не предъявивъ его таможенъ? сердито спрашивалъ его надзиратель.

— Я хотѣлъ въ церковь позертвовать... бормоталъ растерявшійся жидокъ.

— Какая тутъ вамъ церковь! Вы знаете, что нужно сначала въ таможеню завезти.

— Забылъ, совершенно забылъ, повѣрите цести— растерявшись и не зная, что дѣлать, лепеталъ маленькій жидокъ, служившій прикащикомъ у одного толстаго купца. «Лошадь, экипажъ и серебро отобрали. Жидокъ нѣкоторое время находился подъ арестомъ въ таможенъ, но потомъ дѣло какъ-то уладили: сказали, что жидокъ забылся и ошибкой проѣхалъ мимо таможня.— Это, дескать, съ нимъ бываетъ.

— Эта исторія продолжалъ мой знакомый, меня испугала порядкомъ. — Чортъ возьми совсѣмъ, думалъ я; скверно, если попадешься. На церковь сваливать не приходится, не вѣрятъ они въ христіанское милосердіе. Иду опять къ учителямъ. — Вотъ говорю, товарищи, какъ теперь горе избыть? Слышалъ я, жидъ попался! Скверная штука! А ко мнѣ, какъ на грѣхъ, изъ Россіи мой довѣритель претъ серебра видимо-невидимо,—точно дровъ полѣнницы лежатъ въ городѣ. Таможеню-то миновали, а какъ теперь сюда въ слободу-то перевозить?

— Да какъ перевозилъ раньше, такъ и вози, научали меня учителя и спокойно грызли свои ногти, или ковыряли пальцами въ носяхъ. Такое пріятное занятіе, показывавшее, такъ сказать, во очію то спокойное состояніе, въ которомъ находились мои наставники,—возмущающими меня, человѣка неопытнаго и потому трусовишаго опасностей.

— Да мало-ли что было раньше? Теперь боюсь, отвѣчалъ я.

— Ну, братъ, если ужъ боишься, говорили мнѣ, такъ и пускаться нечего. А вотъ что: чѣмъ по мелочи-то возить да мучиться съ нимъ, лучше Ивану Васильевичу на доставку отдай: онъ за-разъ перемахнетъ тысячь двадцать.

— Кто такой этотъ Иванъ Васильевичъ? спрашивалъ я.

— Да тутъ есть чиновникъ одинъ, зайка. Онъ возьметъ съ тебя копѣйки по двѣ со штуки и завтра же доставить. Человѣкъ вѣрный настолько, насколько можно вѣрить такому человѣку.

— То есть, какъ? я не понимаю...

— Да такъ же... Другимъ возить — не обманываетъ, и тебѣ конечно привезетъ.

Пригласилъ, говорить, я Ивана Васильевича.

— Я... я... теперъ не могу двѣ копѣйки взять. Тр-три можно, отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Почему же, Иванъ Васильевичъ?

— Т-тѣ пути испорчены. говорить.

— Какіе же тѣ пути?

— Ст-старья, едва выговорилъ мнѣ Иванъ Васильевичъ. Но я все-таки отдалъ Ивану Васильевичу, по совѣту учителей, десять тысячь штукъ серебра на доставку изъ города въ торговую слободу и, въ ожиданіи его привоза, измучился Богъ знаетъ какъ; просто просмотрѣлъ глаза на дорогу. Нѣтъ Ивана Васильевича. Наступила ночь — нѣтъ, полночь на дворѣ — нѣтъ! Сжалось мое сердце. Десять тысячь штукъ серебра! думалъ я. Денегъ-то, денегъ-то — страсть какая! Что, если да онъ ихъ ухнетъ себѣ? И просить вѣдь не смѣешь! Десять тысячь штукъ! пропадай моя голова!..

Но голова моя не пропала, рассказывалъ мой знакомый: — Раннимъ утромъ, только что начало свѣтать,

Иванъ Васильевичъ, одѣтый деревенскимъ мужикомъ, явился ко мнѣ въ комнату и, осторожно осматриваясь кругомъ, прошепталъ, что серебро здѣсь, на дворѣ.— Да гдѣ же оно, гдѣ? почти кричалъ я отъ радости, готовый разцѣловать Ивана Васильевича.

— Въ др-дровахъ привезли, едва выговорилъ Иванъ Васильевичъ, опять посматривая во всѣ углы, боясь, чтобы кто не подслушалъ.— Не бойтесь, здѣсь уже никто не выдастъ, да никого и нѣтъ здѣсь, успокоивалъ я, готовый пуститьсяявъ плясъ. Во дворѣ стояло воевъ десять съ дровами. Другіе контрабандисты, товарищи Ивана Васильевича, укладывали дрова въ полѣницу, а онъ, какъ только возъ докладываютъ,—мѣшокъ подъ полу и тащить ко мнѣ въ комнату, а я прячу подъ половицу, которая нарочно была устроена такъ, чтобы можно было ее при случаѣ вынуть. Иванъ Васильевичъ ночью перевезъ серебро въ лѣсъ и раннимъ утромъ выѣхалъ изъ лѣсу съ лѣвой стороны отъ города, отстраняя, конечно, этимъ всякое подозрѣніе со стороны надзирателей у заставы.

Такимъ-то порядкомъ и велись наши торговые дѣла. Къ ужасу моему, чрезъ недѣлю Иванъ Васильевичъ, взявши также доставить серебро одному изъ купцовъ, перевезъ его въ лѣсъ, но другіе контрабандисты слѣдили за нимъ и отняли у него это серебро. Вышло значить то, что воръ у вора дубинку укралъ. Вотъ, думалъ я, Богъ меня спасъ-то. Ахъ ты напасть какая! Но прошло нѣсколько времени, прошелъ первый страхъ, и я снова принимался за опасное *рукомесло*, или самъ лично, или отдавалъ серебро на доставку Иванамъ Васильевичамъ, которыхъ въ Кяхтѣ оказалось не мало.

Были въ Кяхтѣ, рассказывалъ мнѣ мой знакомый,

и невольные контрабандисты, которые не знали, что, проѣзжая черезъ заставу, везутъ контрабанду. Рассказывали мнѣ, что былъ у нихъ когда-то одинъ изъ членовъ таможни большой поклонникъ Бахуса. Пригласилъ его однажды купецъ къ себѣ въ гости и съ полудня опаивалъ его виномъ до полночи. Членъ заснулъ сномъ крѣпчайшимъ; купецъ велѣлъ запречь экипажъ, нагрнулъ его излюброванными рогами и на нихъ уложилъ члена. На заставѣ спрашиваютъ:—кто ѣдетъ?

— Такой-то членъ таможни, важно кричитъ кучеръ. Шлагбаумъ подняли, и спящій членъ провезъ подь собой контрабанду—рога излюбровъ, нескромноторчавшіе изъ экипажа.

Про серебро же существуетъ нѣсколько рассказовъ, повторяютъ которые неловко какъ-то — «чтобы гусей не раздражить». Бывали не разъ такіе случаи, что купецъ, отправляя въ городъ экипажъ для пріѣхавшаго важнаго лица, приказывалъ кучеру нагрзуить его въ городѣ серебромъ, и важное лицо, никогда конечно не осматриваемое на заставѣ, провозило подь собой въ ящикѣ тысячь десять или двадцать. Важное лицо только удивляется, отчего это такъ кони устали.

— Здѣсь ужь, ваше высокородіе, климатъ такой, что лошади, примѣрно, завсегда устаютъ, серьезно замѣчаетъ кучеръ, придерживаясь рукой за шляпу.

— Однако это очень странно, промычить себѣ подь носъ важное лицо.

— Да-съ оченно это странно значить, поддакиваетъ шельмоватый кучеръ.

VI.

Наконецъ и самъ я обжился въ Кяхтѣ и самъ много узналъ изъ кяхтинской жизни, изъ жизни, нужно сказать, давно прошлой, потому что современная мнѣ кях-

тинская жизнь стала значительно лучше прежней, хотя тоже представляла много оригинального.

Наступило время ревизіи гостинаго двора, каждаго годно производимое таможеней; работа по купеческимъ конторамъ шла горячая: купцы торопливо ходили изъ дома въ домъ, по конторамъ, и сводили свои счета.

— Послушай, что у тебя по книгамъ, лишнихъ товаровъ нѣтъ ли, а? заботливо спрашиваетъ одинъ.

— Есть, мнѣ нужно ихъ сбыть куда нибудь: возьми братъ, уступлю, не менѣе заботливо отвѣчаетъ другой.

— Ладно, ладно, давай... Эй, парень! бѣги ко мнѣ въ контору, скажи, чтобы принесли сюда книги: нужно узнать, сколько тамъ недочету по товарамъ.

Свѣрили свои счета, купили одинъ у другаго товаръ, существующій на бумагѣ и послали таможенѣ официальное увѣдомленіе, чрезъ контору старшинъ, о совершившейся продажѣ, съ прошеніемъ перевести товары по книгамъ таможни отъ одного лица къ другому.

— Ну, слава тебѣ Господи! вздыхая, говорить купецъ товарищу: — теперь, братъ у насъ съ тобой чисто... а вонъ Чернозеровъ-то чево надѣлалъ, запуталъ контору-то, совсѣмъ запустилъ, — не знаю теперь, какъ у него и выйдетъ. Съ китайцами, дуракъ, все ссорится да дерется, теперь вотъ и надо-бы положить для ревизіи-то чаю въ пакхаузы, а китайцы не даютъ: «хо—куй (чортъ)», говорятъ они, не дадимъ.»

— Не бѣда: у кого нибудь изъ нашихъ перехватить; свои люди, какъ нибудь сочтемся, успокоиваетъ товарищъ купца.

Я тоже окончилъ свои счета.

— Ну-съ, господинъ Алабовскій купца, говорилъ мнѣ мой знакомый, залѣзая по обыкновенію на письменный столъ и постукивая каблуками: одинъ годъ еще прошель

Попечительница наша, мать-таможня, еще за одинъ годъ накопила въ своихъ архивахъ кучу, и большущую кучу гербовой исписанной бумаги...

— Скажи пожалуйста, спрашивалъ я, вѣдь таможня, я полагаю, знаетъ, что не у всѣхъ купцовъ вѣрны счеты?

— Какъ поди не знать, говорилъ мой знакомый тоненькимъ голоскомъ, приложивъ руку къ щекъ, какъ это дѣлають деревенскія бабы.

— Для чего-же все это дѣлается?

— А кто ихъ знаетъ! пицалъ онъ, не отнимая руки.

Седьмого декабря утромъ таможня, со всѣмъ своимъ штатомъ, явилась въ торговой слободѣ у воротъ гостинаго двора. Прикащики и хозяева, каждый у своего пакхауза, дожидались ревизіи. Директоръ, члены таможни, секретарь, бухгалтеръ, надзиратели, закутанные въ шубы и шали и прозябшіе до костей, двигались отъ пакхауза къ пакхаузу, отмѣчая въ своихъ книгахъ крестиками знакъ, что въ пакгаузѣ все повѣрено и оказалось вѣрно. У чиновниковъ, въ посинѣвшихъ отъ холода рукахъ, едва держались карандаши; замѣтно было, что они чиновники страшно озябли: вздрагивали, пробираемые декабрьскимъ морозомъ. Конечно, все оказалось вѣрно, такъ какъ купцы заранее были приготовлены къ повѣркѣ. Экстреннаго же свидѣтельства таможня назначить не можетъ, потому что, по закону, купцы могутъ просить трехдневнаго срока, для окончанія расчетовъ съ китайцами. По окончаніи ревизіи, прозябшихъ таможенныхъ чиновниковъ купцы, конечно, не упускають случая угостить пышнымъ обѣдомъ, съ цвѣтами, фруктами, съ шампанскимъ, съ рѣчами, тостами и глупо-важною ро-

жей стараго солдата, одѣтаго швейцаромъ, съ такой-же, глупой какъ самъ онъ, булавой въ рукѣ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ окончанія ревизіи, начинаются выборы въ старшины. Съ утра разсыльный Осиповъ, вѣчно пьяный, съ красной рожей и посинѣлымъ носомъ, бѣгаетъ по домамъ съ бумагой отъ старшинъ, приглашающихъ на собраніе.

Купечество начинаетъ по немногу собираться въ домъ старшинъ и молча усаживается въ залъ. Кто побогаче, тотъ всегда приходитъ попозже, встрѣчаемый общимъ поклономъ. Втеченіи пяти лѣтъ, которыя я жилъ въ Кяхтѣ, одинъ изъ тузовъ кяхтинской слободы постоянно приходилъ послѣднимъ; прикащика, бывало, даже пошлетъ узнать, всѣ-ли собрались, и, какъ говорятъ злые языки, очень ужъ ему нравился общій поклонъ, которымъ его встрѣчали при входѣ въ залу.

Въ угольной комнатѣ уже приготовлены выпивка и закуска. Публика, въ ожиданіи выбора старшинъ, пока еще не вся собралась и изрѣдка похаживаетъ въ угольную комнату.

— Пойдемъ, парень, шепчетъ сосѣдъ сосѣду: — выпьемъ по рюмочкѣ.

— По одной развѣ. Такъ и быть, пойдемъ выпьемъ.

— Скоро-ли кончится все? Страхъ скучно! говорить выпившій.

— Что ты, голова! Еще ничего не начиналось, а ты ужъ и соскучился.

— Мы сегодня хотѣли у Шишукина собраться....

— Да вѣдъ вы каждый день у Шишукина?

— Нѣтъ, вчера у Ришяева.... я двѣ тысячи зашибъ...

— Хорошая была вчера игра...

— А слышалъ ты, какихъ лошадей привели Василю Василичу?..

*

— Какже! Какже! нарочно ходилъ смотрѣть...

— Чудныя лошади!..

— И спрыски надо дѣлать!..

— Господа, господа, пожалуйста, всё собрались... слышится изъ залы.

Наскоро обтирая рты, публика чинно идетъ въ залъ, обдергивая полы сюртуковъ и поправляя галстуки; пришли и тихо усѣлись на стулья, точно святые, какъ говорится въ простонародьи. Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

— Вотъ теперъ, господа, несмѣло начинаетъ одинъ изъ старшинъ, вставая на ноги и упираясь рукой о столъ — надо-бы выбрать новыхъ старшинъ, какъ слѣдуетъ по закону....

Общество посиживаетъ и помалчиваетъ.

— За нынѣшній истекающій годъ, изъ добровольной складки, продолжаетъ старшина, остатокъ, видно, будетъ небольшой....

Публика молчитъ. Кой гдѣ слышатся легкіе вздохи...

— Потому, раздается снова въ тишинѣ его голосъ, нынче, какъ вамъ извѣстно, посѣщаль Кяхту его высокопревосходительство, по этому значить случаю были лишніе расходы, какъ того требовало приличіе... Впрочемъ, это все будетъ показано въ отчетѣ....

Публика продолжаетъ молчать. Кто-то тихонько сказалъ:—ну да, конечно, въ отчетѣ будетъ видно.

— Ну да...

— Конечно...

— Гм... Гм...

Опять молчаніе.

— Отчетъ, какъ и прежде водилось, продолжаетъ старшина, мы приготовимъ въ конторѣ къ январю, либо къ февралю мѣсяцу, потому, какъ вамъ извѣстно, въ это время, передъ свидѣтельствомъ гостинаго двора, дѣла всегда бываетъ много....

— Дѣло извѣстное.

— Ну, конечно, понятно.

— Еще бы! Знаемъ, слышится изрѣдка со стульевъ,

— Теперь, господа, нужно-бы приступить къ выбору старшинъ, говоритъ прежній старшина.

Публика опять молчить.

Другой старшина тихонько прошепталъ:

— Однако надо-бы Петра Федоровича....

— Конечно, надо Петра Федоровича, поддержать кто-то.

— Петра Федоровича, ясно слышится третій голосъ.

— Ну да, ну да, Петра Федоровича, заголосили всё разомъ.

— Помилуйте, господа, я въ третьемъ году служилъ — кричитъ сильнѣе всѣхъ Петръ Федоровичъ, — помилуйте, какъ можно.

— Нѣтъ ужъ, Петръ Федоровичъ, послужите.

— Я нынче, если Богъ дастъ, собираюсь съѣздить въ Москву, тоже дѣла есть—нужно, упирается Петръ Федоровичъ.

— Нѣтъ ужъ, Петръ Федоровичъ, ужъ пожалуйста послужите, раздается со всѣхъ сторонъ и публика начинаетъ напирать на Петра Федоровича.

— Я не могу, я служилъ въ третьемъ году...

— Да кто не служилъ? Всѣ служили.... Нѣтъ ужъ, Петръ Федоровичъ, какъ хотите....

Публика кланяется и обступаетъ Петра Федоровича—онъ пятится.

Въ задѣ начинается говоръ. Голоса раздаются все громче и громче. Всѣ, до того времени чинно сидѣвшіе, поднимаются съ своихъ стульевъ и напирать на Петра Федоровича.

Шумъ и смятеніе великое.

— Господа, кричитъ кто-то, просите горячѣ Петра Федоровича.

— Батюшка, Петръ Федоровичъ... раздается громче со всѣхъ сторонъ.

Поломается Петръ Федоровичъ еще нѣсколько времени и согласится.

— Ну, теперь кого же? спрашиваетъ одинъ другаго.

— Да теперь васъ, Иванъ Кузьмичъ, надо...

— Что вы? что вы? дивится Иванъ Кузьмичъ, да я не полагалъ...

— Послужите, Иванъ Кузьмичъ, что за важность— свое дѣло семейное, упрашиваютъ купцы Ивана Кузьмича.

Опять шумъ, говоръ и опять упрашиванье. Иванъ Кузьмичъ прижать къ стѣнѣ и еле дышитъ, отмахиваясь руками.

Поломается и Иванъ Кузьмичъ, слѣдуя примѣру Петра Федоровича, и прижатый въ углу—согласится. Однажды во время выбора старшинъ, одинъ осаждаемый почему-то не желалъ занять почетной должности и убѣжалъ. Съ тѣхъ поръ купцы стали запираеть дверь: дескать, крѣпче будетъ, не убѣгутъ.

Вслѣдъ за выборомъ Ивана Кузьмича, тѣмъ же порядкомъ выбрали еще двухъ старшинъ. Скрѣпили всѣ подписомъ, что вотъ такъ и такъ, торгующее на Кяхтѣ купечество, въ общемъ своемъ собраніи, большинствомъ голосовъ выбрали и проч...

— Ну, теперь, господа, поздравляемъ васъ. Эй, парень, давай-ко сюда шампанскаго! кричатъ старые, отслужившіе старшины.

Выпили и поѣхали всѣ къ отслужившимъ старши-

намъ, тамъ выпили и-пустились къ новымъ, только-что выбраннымъ старшинамъ, у нихъ тоже попили и, качиваясь изъ стороны въ сторону, развѣхались по домамъ.

На утро герои праздника съ большими головами поѣхали принимать присягу на вѣрность и честность службы... «*Даже не щадя живота своего*», повторяли они за священникомъ, держа правую руку кверху и разогнувъ два пальца. Послѣ присяги представились директору таможни и градоначальнику съ покорнѣйшей просьбой не отказать откушать хлѣба-соли, какъ водилось и въ старые, дескать, годы тѣмъ же порядкомъ.

Опять обѣдъ торжественный съ шампанскимъ, спичами, цвѣтами и проч., и проч.

Черезъ нѣсколько дней новые старшины назначаютъ собраніе. Опять Осиповъ бѣгаетъ по домамъ купцовъ. Собрались купцы.

— Вотъ теперь, господа, говоритъ новый старшина Петръ Федоровичъ, понюхивая табачокъ, нужно назначить цифру, какую брать съ вывозимыхъ ящиковъ... я насчетъ добровольной складки говорю...

Публика молчитъ. Слышатся тайные вздохи.

— То есть, видите-ли, оно конечно, какъ и прежде, и въ старые годы водилось, тоже значить каждый разъ составляли, примѣрно, заранѣе подписку, что вотъ такъ и такъ, на текущій расходъ обязываемся въ добровольную складку вносить по такой-то суммѣ съ каждаго ящика.

Публика по прежнему молчитъ. Петръ Федоровичъ еще понюхалъ и опять началъ говорить, какъ прежде, въ старые годы, какъ недавно и проч... Онъ былъ большой говорунъ, только бы слушатели были. Долго онъ

толковалъ, понюхивая, пока не перебилъ его Андрей Яковлевичъ, самый набольшій тузъ въ кяхтинской слободѣ.

— Такъ что же, значить, актъ, гг. старшины, приготовьте, сказалъ онъ. — Я согласенъ прошлогоднюю цифру платить... Полагаю, что общество не откажется.

Публика все помалчиваетъ.

— Такъ значить такъ же, какъ и въ прошломъ году, говоритъ старшина:— актъ слѣдовательно приготовить... Господа! какъ вы думаете? Вы согласны по старой цифрѣ назначить складку?...

Молчаніе продолжается.

— Да вы, Петръ Ѳедоровичъ, обойдите каждаго поочередно и спросите, говоритъ Андрей Яковлевичъ, искося поглядывая на общество.

— Вы согласны? спрашиваетъ Петръ Ѳедоровичъ, подходя къ одному изъ собравшихся.

— Согласенъ, шопотомъ говоритъ тотъ, вставая на ноги.

— Вы согласны? продолжаетъ Петръ Ѳедоровичъ, подходя къ другому.

— Какъ будетъ Господу угодно, со вздохомъ говорить другой, ничего не понимая, что кругомъ дѣлается.

— Вы согласны? спрашиваетъ старшина далѣе.

— Какъ общество, отдѣлывается другой.

— Да общество согласно, говоритъ Петръ Ѳедоровичъ, щелкая пальцемъ по табакеркѣ.

— Куда, значить, люди—туда и мы. Только я первый къ акту подписываться ни за что не буду.

— Вы согласны?

— Гм... Гм... Какъ общество...

Каждый изъ отвѣчающихъ говоритъ шопотомъ, а почему—Господь ихъ знаетъ...

VII.

Переспросилъ Петръ Ѳедоровичъ всѣхъ поочередно и снова сѣлъ на стулъ. Начался споръ, кому подписывать бумагу, и никто не рѣшался подписаться первымъ; снова пришлось старшинѣ ходить и поочередно упрашивать подписаться. Поднялся шумъ и споръ страшный: каждый точно оробѣлъ чего-то и уперся.

— Да на что ее, эту складку дѣлать-то? закричалъ вдругъ одинъ изъ купцовъ.

— На что въ самомъ дѣлѣ складку, братцы? подхватили другіе.

— Нѣтъ, какже, господа. Вѣдь безъ сбора тоже нельзя.

— Кто говоритъ! Безъ складки оно тоже какже можно—никакъ нельзя.

— Теперь хоть не служи старшиной, такъ впору... говоритъ Петръ Ѳедоровичъ, набивая носъ табакомъ.

— Оно конечно...

— Какже можно?...

— Господи помилуй! вздыхаетъ бѣлобрысый купчикъ.

— Нѣтъ, позвольте. Вотъ тоже начальство бываетъ... никакъ невозможно.

Шумъ поднялся большой. Никто никого не слушалъ и каждый говорилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, погодите. Вотъ теперь бабка... зачѣмъ на общественный счетъ бабка живетъ? Развѣ торговля когда родитъ кого? кричалъ старикъ Макарьевъ.

— Торговля родитъ деньгу.

— Хе! хе! хе! Эт-то справедливо!

— Торговля, она тово...

— Это очень хорошо сказано, обрадовались нѣко-

торые, довольные тѣмъ, что вопросъ о добровольной складкѣ какъ будто заминается.

— Нѣтъ, господа, шутки въ сторону, кричали другіе: — вонъ изъ Москвы пишутъ, зачѣмъ, говорить, попъ на общественныя суммы...

— Мало-ли чево пишутъ. Мы не татары, безъ попа тоже нельзя...

— Какъ можно безъ духовнаго отца!

— Конечно! Не ровно смертный часъ, вдругъ...
Оборони Богъ...

— Конечно! Священникъ — это первое дѣло!..

— Такъ, то такъ, да пишутъ: заводите, говорить, на свои деньги; у насъ, говорить, въ Москвѣ свои попы есть, для своего обиходу, и потому на свои деньги держимъ.

— Да не въ попѣ дѣло... Про музыкантовъ тоже жалуются.

— Развѣ теперь, къ слову сказать, музыканты большой счетъ составляютъ?..

— Мало-ли на что не жалуются. Безъ расхода нельзя, пусть сами ѣдутъ жить сюда.

— Теперь вотъ тоже про аптеку пишутъ: мы, говорить, здоровы, слава Богу, на наши деньги, говорить, въ Кяхтѣ аптеку содержать; мы, говорить, за комиссію платимъ...

— Оно точно. За комиссію мы получаемъ, а безъ аптеки тоже невозможно, потому не ровень часъ...

— Вѣдь этотъ нѣмецъ, говорятъ, понакопилъ деньжищевъ—страсть! А ему еще жалованье платятъ...

— Чего и говорить, — тутъ-то онъ и лупитъ деньги...

— Народъ нѣмецкій...

— Перестаньте, господа! что это вы какъ разшу-

мѣлись... Эй, парень, шампанскаго! кричалъ, бѣгая по комнатѣ, Петръ Ѳедоровичъ и торопливо набивалъ носъ табакомъ.

— Ну, господа, подписывайте — вѣдь ужъ безъ этого никакъ нельзя — вѣдь и въ прошломъ году такъ было...

— Эй, господа, въ самомъ дѣлѣ давай подписывать; что тутъ толковать, домой пора...

— Кто же начнетъ-то?

— Ну да все равно, надоѣло, по домамъ пора...

— Господи благослови... говоритъ бѣлобрысый купчикъ и выводитъ на бумагѣ: «Кяхтинскій второй «купецъ», забывая подписать слово: «гильдii».

— Оно точно-съ, говоритъ онъ, подписавшись: — наше дѣло маленькое, какъ общество рѣшить, такъ и будетъ. Мы, по милости Господа и Царицы Небесной, много довольны — вотъ что-съ!

Подписи окончили и всѣ отправились въ другую комнату ужинать.

За ужиномъ еще выпили. Макарьевъ нѣсколько разъ принимался доказывать, что бабку на общественныя деньги нельзя держать, что торговля не родитъ дѣтей.

— Да, Степанъ Михайлычъ, вы вѣдь въ Троицко-Савскѣ живете, такъ и говорите, что ненужно бабку, а намъ, кяхтинскимъ, она нужна.

— Да вы разсудите, ребята, тутъ дѣло нечисто, кричитъ Макарьевъ.

— Ну да теперь вѣдь ужъ актъ подписали, что спорить-то? говорилъ довольный Петръ Ѳедоровичъ, хлопывая пальцами по своей берестовой табакеркѣ.

Купцы сами смекнули, что теперь спорить ужъ нечего, потому что споры эти ни къ чему не приведутъ... Выпили они еще и молча разошлись по домамъ.

VII.

Выбранные «большинствомъ голосовъ», новые старшины начали свою общественную службу и продолжали ее, конечно, тѣмъ же, порядкомъ, какъ и предшественники ихъ, т. е. служили на пользу общества и государства и отслужили, какъ слѣдовало ожидать, съ честію. Приготовили и они отчетъ по приходу и расходу «добровольной складки» вмѣсто декабря къ апрѣлю.

— Да и куда съ нимъ торопиться? Какой чортъ читать-то станетъ, прости Господи! Вѣдь все равно лежать же ему въ конторѣ да гнить, утѣшали сами себя старшины.

— Ну понятное, господа, дѣло. Вотъ я припоминаю, когда-то Андрей Яковлевичъ служилъ, такъ онъ вмѣсто декабря едва къ Іюлю приготовилъ отчетъ, да еще и то надо сказать, тогда отъ складки остались деньги тысячь до двадцати.

— Вотъ какъ! И такой грѣхъ случился, что отъ годовыхъ расходовъ еще и остатки оказались? спросилъ я, случившійся какъ-то при этомъ разговорѣ.

— Да, остались. Но это только разъ и было, потому видите-ли какой-то добрый человекъ надоумилъ открыть свой кяхтинскій банкъ, ну и стали было приберегать деньжонки-то; скопилось тысячь двадцать, да то же ничего не сдѣлали... Андрей Яковлевичъ ими пользовался полгода и едва отъ него ихъ кой-какъ вытасили: въ Москву, говорить услалъ промѣнять на серебро для общественной выгоды. Стыдить ужъ стали всѣмъ обществомъ — было тогда шуму-то на всю слободу!

— Гдѣ-же теперь эта сумма.

— Да гдѣ? Ушла на текущіе расходы, — мало-ли здѣсь ихъ. Вы только подумайте, на какую ногу по-

ставлена наша Кяхта, каждый скажетъ, что радушнѣе и хлѣбосольнѣе вы по всей Россіи не найдете. То и дѣло пріѣзжіе изъ Иркутска, власти тамъ разныя—честь нужно сдѣлать—вотъ и обѣдъ. Празднованіе открытія торговли 14 апрѣля, опять—обѣдъ. Наступленіе весны 1 май—обѣдъ. Масляница—обѣдъ съ блинами. Для себя отъ скуки сдѣлать то же надо три четьре обѣда, ну для поддержки клуба нужно въ годъ отложить нѣсколько тысячъ... а разные текущіе расходы.

И идетъ себѣ кяхтинское дѣло своимъ тихимъ манеромъ. Получаютъ коммиссіонеры за коммиссіи отъ иногородныхъ купцовъ по 1 р. 60 к. съ ящика и сколачиваютъ копѣйку, а добровольная складка доставляетъ имъ титулъ радушныхъ и хлѣбосольныхъ; нѣкоторые купцы получили даже золотыя медали за свое истинно-русское хлѣбосольство. Проходитъ годъ за годомъ, десятки лѣтъ за десятками, публикаціи отчетовъ никто не требуетъ и—благо имъ! Иной изъ любопытства напишетъ изъ Москвы, что, дескать, какъ бы, господа, мнѣ почитать, куда пошли мои деньги, взятые по 40 к. съ ящика?—На улучшеніе торговли, молъ, пошли, почтеннѣйшій довѣритель! На улучшеніе торговли идутъ ваши денѣжки, — отвѣчаютъ ему отсюда, — а кстати, имѣемъ честь вамъ почтительнѣйше доложить, что промѣняли ваши товары и серебрецо на чай отличнѣйшей доброты, лучшаго качества и полного вѣса—только собирайте барыши.

— Ну и ладно, успокоивается довѣритель, — 40 копѣекъ не велика птица, а барышъ зашибить — это мы можемъ.

Другой, болѣе любопытный, не удовлетворяется отвѣтомъ, а требуетъ полного отчета и увѣдомленія, на

акое такое улучшение пошли деньги? А приѣзжайте, — отвѣтятъ ему купцы, въ Кяхту и читайте въ конторѣ старшинъ, а намъ некогда разсылать копіи по всѣмъ довѣрителямъ—ихъ вѣдь не перечтешь даже.

— А изъ за чего жъ въ самомъ дѣлѣ мнѣ больно-то приставать, сообразить любопытный:—польза отъ чаю хорошая, нечего Бога гнѣвить и успокоится.

А кяхтинскіе купцы продолжаютъ жить въ свое удовольствіе, думая вообще мало и вовсе не думая о томъ, что кругобайкальская дорога остается такой, какъ Господь создалъ ее въ первый день сотворенія міра; не приходитъ имъ на мысль и то, что по Байкалу суда качаются на волнахъ съ товарами по недѣлѣ и по двѣ въ виду посольской станціи, не имѣя никакой возможности попасть въ прорву (*), ибо никто и никогда не позаботился объ устройствѣ пристани. Платятъ купцы за провозъ товаровъ, по три и четыре рубля съ пуда изъ Иркутска до Томска, за 1,500 верстъ, и никто изъ нихъ даже не задумался о томъ, чтобы устроить рѣчной путь по Ангарѣ и Енисею.

Подходятъ отъ довѣрителей изъ Москвы товары, подвозитъ каждый почтовый день, на пяти и шести тройкахъ серебро и золото, да тайная дорожка неустанно протоптывается верховыми, пробирающимися съ грузомъ драгоцѣнныхъ металловъ. Все это и явно и тайно переходитъ въ руки смѣтливыхъ китайцевъ, а отъ нихъ принимаются партіи чая и отправляются въ Москву. Китайцы накормятъ купцовъ до отвала своими многочисленными, разнообразными явствамъ, угостятъ ихъ

(*) Весьма удобное мѣсто для гавани, если-бы порасчистить въ него входъ.

горячимъ и крѣпкимъ виномъ «майгулу» и сами при такомъ торжественномъ случаѣ хватятъ черезъ край.

— Ну наша поторгова дѣла, хайдзюйла еси (пьянь сталь) пліятеръ! угощаютъ они купившаго чай купца, счастливые и довольные выгодной продажей чая.

— Отчего вы такъ скверно по русски говорите? спросилъ я однажды китайца и болѣе никогда не рѣшался повторить своего вопроса.

Онъ съ упрекомъ отвѣтилъ мнѣ на мой вопросъ, что мы китайцы, хотя плохо, да все же говоримъ на вашемъ языкѣ, а вы, русскіе, имѣя нѣсколько десятковъ лѣтъ китайско-русское училище—невыучились до сей поры ни говорить, ни писать по нашему.

— Да, подумалъ я: правъ ты китаецъ, и нечего мнѣ тебя спрашивать болѣе объ этомъ. Правъ ты, потому что какъ ни на есть а говоришь по русски, хотя, можетъ быть, и не имѣлъ никакого желанія изучать его, да заботливое твое правительство не пускало тебя иначе въ Кяхту, какъ заставивъ предварительно выдержать въ Калганѣ (800 вер. отъ Кяхты) курсъ изуродованнаго кяхтинскаго нарѣчія.

— Отчего же наши русскіе молодцы не искусились въ этой грамотѣ? спросить пожалуй читатель.

Вмѣсто отвѣта я попрошу васъ зайти въ классъ китайско-русскаго училища и послушать, какъ преподается въ немъ китайская грамота.

Входимъ. Залъ довольно обширный, все въ порядкѣ, полы чисто вымыты, на скамьяхъ сидятъ опрятно одѣтые мальчики, за столомъ посреди комнаты возсѣдаетъ сѣдой и дряхлый старецъ, украшенный знаками отличій; передъ нимъ лежитъ большая широкая книга, «Грамматика китайскаго языка, составленная мона-

хомъ Іоакимомъ». Сидитъ старецъ на стулѣ, упершись локтями на столъ, и ведетъ такую рѣчь.

— Былъ въ то время, господа, едва слышится его голосъ,—въ то время, говорю я, былъ въ Иркутскѣ мой благодѣтель и начальникъ генералъ Р... Пригласилъ онъ меня къ себѣ. Это было въ тотъ годъ, какъ я возвратился изъ моего перваго путешествія въ Поднебесную имперію. Этакая, понимаете, честь: генералъ къ себѣ въ гости приглашаетъ. Ну, понимаете, я отправился. Вхожу; его превосходительство изволятъ сидѣть по правую сторону дивана, а ея превосходительство изволятъ на лѣвой...

Мальчики слушаютъ, гдѣ и какъ изволили сидѣть ихъ превосходительства, а сами строятъ изъ картъ домики или работаютъ что нибудь перочинными ножичками. Лекція о генералѣ съ супругой кончается. Еле-передвигающій ноги, старецъ къ концу класса, какъ будто всомнивъ о своей обязанности, скажетъ слова два-три о китайскихъ знакахъ, имѣющихъ два хвостика, и о знакахъ, имѣющихъ три хвостика, да тѣмъ и покончитъ.

— Завтра, господа ученики, если будемъ живы и здоровы, поговоримъ а слѣдующихъ знакахъ, добавлялъ онъ, поднимаясь съ своего *педагогическаго* кресла.

А на слѣдующій день опять онъ рассказывалъ о какомъ нибудь генералѣ.

Такимъ образомъ учится мальчикъ китайскому языку и, чрезъ нѣсколько лѣтъ, оканчиваетъ курсъ, проэкзаменованный тѣмъ же ветхимъ старцемъ. Послѣ экзамена поступаетъ мальчикъ на службу къ купцу въ Торговой Слободѣ, и три года тянетъ лямку, переходя поочередно всѣ ступени служебныхъ обязанностей, начиная отъ чистки сапоговъ для прикащиковъ, до чистки

игорныхъ столовъ въ хозяйскихъ апартаментяхъ. Когда онъ выростетъ и сдѣлается *парнемъ*, его посылаютъ въ Маймайтчинъ съ прикащиками, принимать чай. Пройдутъ, наконецъ, еще три года, роковые три года, необходимые для того, чтобы получить почетное гражданство...

— Что? что? спроситъ пожалуй удивленный читатель: почетное гражданство! за что? какъ?

— За то, что мальчикъ учился сначала въ китайскомъ училищѣ, за то, что три года былъ въ услуженіи у купца, а въ концѣ концовъ *за знаніе китайскаго языка и за пользу, принесенную этимъ знаніемъ торгующему на Кяхтѣ купечеству, въ торговыхъ его сношеніяхъ съ китайцами*. Вотъ за что, читатель! А вы думаете, это легко? Нѣ говоря уже про трехлѣтнюю службу, что стоитъ ему, бѣдному, ходить по домамъ купцовъ и вымаливать, какъ милости, подписи на аттестатъ, что *былъ полезенъ, для торговли, знаніемъ языка*.

— А чортъ-те дери, думаетъ купецъ, у котораго парень выпрашиваетъ подпись:— что я извергъ что-ли какой, счастье у человѣка буду отнимать,—вѣдь у меня рука не отвалится, если я подмахну у него на бумагъ! На, братъ, держи, не жалуйся на меня Богу.

Въ восхищеніи бѣжитъ парень съ аттестатомъ въ контору старшинъ, и пошелъ аттестатъ, куда надлежитъ, съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ: освободить, по силѣ закона, такого-то отъ всякихъ повинностей и подаей за пользу, принесенную имъ русской торговлѣ съ Китаемъ.

Много такихъ освобожденныхъ, *по силѣ закона*, почетныхъ гражданъ вышло на божій свѣтъ изъ китайскаго училища, и по всей вѣроятности, теперь бы эти выходы продолжались, если бы почтенный педагогъ не

отправился къ предкамъ. А по смерти его не нашлось другого знатока китайскаго языка, такъ что училище упразднилось. Къ лучшему это или къ худшему — судите сами.

IX.

— А что, ты читалъ повѣстку отъ старшинъ? спросилъ меня однажды мой знакомый, сидя по обыкновенію на столѣ и постукивая ногой объ ногу.

— Нѣтъ, не читалъ, а что такое?

— А то, что насъ хотятъ просвѣщать, совѣтуютъ иркутскую бібліотеку купить, говорятъ, что дешево больно продается; а поэтому градоначальникъ и предлагаетъ нашему купечеству купить.

— Ну такъ что же?

— А то, что завтра всѣ гурьбой ѣдутъ къ его преству изъяснить ему полную и всегдашнюю готовность жертвовать всѣмъ для блага общаго... Ты ѣдешь?

— Отчего не ѣхать — подписку принесутъ, такъ конечно побѣду.

— Ну значитъ вмѣстѣ катимъ — на одной скотинѣ.

Утромъ въ десять часовъ все общество, извѣстное подъ названіемъ «Торгующаго на Кяхтѣ купечества», собралось въ домѣ старшинъ и, закусивъ вплотную, двинулось гурьбой въ г. Троицкосавскъ.

Пріѣхали. Всѣ столпились на крыльцѣ, пообчистили платье, сапоги и, перешоптываясь, стали подниматься по лѣстницѣ дома, занимаемаго градоначальникомъ.

Побаивалось купечество его превосходительства порядкомъ, и пушилъ же онъ ихъ порой такъ, что Боже упаси... Чего, чего бывало не наговорить онъ имъ! Съ часъ бывало продолжается распеканція за какую нибудь медленность по исполненію его распоряженія, касающаго-

ся торговой слободы. Горячо, бывало, говорить его превосходство, а общество жметя и тѣснится у дверей, не смѣя произнести ни одного слова. Да правду сказать, общество стоило того, чтобы его распекать...

Вотъ почему такъ и перешоптывалось общество на этотъ разъ у дверей, условливаясь не перечить его превосходительству, а, значить, сейчасъ-же съ готовностію изъяснить согласіе, потому—де-что дѣло идетъ о просвѣщеніи.

Вошли тихонько, на цыпочкахъ, въ прихожую, шубы сложили всѣ на крыльцѣ, чтобы въ комнатѣ лишняго шуму не дѣлать.

Доложили его превосходительству, онъ вышелъ, приглашая всѣхъ садиться.

Купечество, которѣе по богаче, стало подвигаться къ стульямъ, остальные робко переминались съ ноги на ногу.

— Садитесь, господа! садитесь! я васъ прошу— садитесь!... Вы понимаете, я терпѣть не могу подчиненности: всѣ мы люди и слѣдовательно— всѣ мы равны. Садитесь, господа!

Всѣ тихо размѣстились по стульямъ, около стѣнъ обширной залы.

Его превосходительство, сидя около столика и улыбаясь, смотрѣлъ, какъ усаживались купцы на стулья. Бѣлобрысый купчикъ даже перекрестился, прошепталъ «Господи благослови» — и осторожно опустился на кончикъ стула.

— Господа! началъ громко и отчетливо его превосходительство, — вамъ, конечно, нечего объяснять, что значить образованіе, какое важное значеніе имѣютъ въ этомъ случаѣ бібліотеки. Я вполнѣ увѣренъ, что то самое общество, которое такъ хорошо умѣло поставить

*

себя, то общество, которое пользуется такимъ почетомъ, никогда не откажется отъ моего предложенія, которое я сдѣлалъ чрезъ господъ старшинъ.

— Точно такъ—ваше превосходительство! отвѣчали нѣкоторые, вставая на ноги.

— Мы, какъ вамъ извѣстно, никогда не отказывались...

— Благодарю, господа! благодарю! я всегда былъ увѣренъ, что то общество, которое помогло мнѣ осуществить идею женскаго училища въ Троицкосавскѣ, и которое способствовало возстановленію пріюта,— всегда было и будетъ передовымъ и современнымъ... Благодарю, господа, еще разъ сказалъ градоначальникъ и милостиво пожалъ нѣкоторымъ руки.

Общество молча кланялось и увѣрило, что оно готово на всякія жертвы, и т. д.

И вотъ купцы купили въ Иркутскѣ у Шестунова библіотеку, закрытую по какому-то особенному случаю и перевезли ее въ г. Троицкосавскѣ. Мигомъ была приготовлена квартира, поставлены шкафы, повѣшены лампы, нанятъ библіотекаръ и открыта читальная комната. Прошло съ полгода, оказалось, что на одну подписную сумму, получаемую отъ читальной, библіотека держаться не можетъ,—ну опять акциденцію потребовали. Еще прошло нѣсколько лѣтъ: подписчики въ библіотекѣ не прибываютъ, да и книгъ что-то мало берутъ, а развѣ кто «Трехъ мушкетеровъ» побаловаться спросить, или про «Двухъ Діанъ» полюбопытствуетъ прочесть. Думали, думали купцы, да и рѣшили перевести библіотеку въ торговую слободу: на наши деньги заведена—значитъ наша собственность, такъ пусть же хоть у насъ въ слободѣ будетъ.

Прошло нѣсколько времени еще. Дѣятельный градо-

начальникъ поправилъ въ городѣ тротуары, песчаная площадь засыпалъ навозомъ и утрамбовалъ щебнемъ, поставилъ по улицамъ фонари и привелъ г. Троицко-савскъ въ болѣе приличный видъ. Проѣдетъ онъ бывало на ворономъ рысакѣ по главной улицѣ, да и самъ залюбуется: на всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ вывѣски, на квартирѣ врача — тоже, у акушерки — тоже...

Изъ желанія способствовать умственному развитію общества, градоначальникъ предложилъ издавать въ Кяхтѣ газету.

Оповѣстили опять чрезъ старшинъ все торгующее на Кяхтѣ купечество и всѣ поѣхали опять въ домъ градоначальника. Его превосходительство радушно всѣхъ усадилъ, обласкалъ, повелъ рѣчь о заслугахъ купечества, о его значеніи какъ лучшаго и передоваго общества во всей Восточной Сибири и договорился наконецъ до изданія въ Кяхтѣ газеты. Купцы начали было немного, туда-сюда, отвертываться: какъ-же молъ это, ваше превосходительство? что-же это такое? зачѣмъ намъ въ Кяхтѣ газета?

— А вы сами увидите, что это дѣло хорошее, убѣждалъ градоначальникъ: — я отъ васъ ничего не прошу, кромѣ матеріальной поддержки.

— Мы, конечно, ваше превосходительство, всегда готовы къ услугамъ, только знаете... оно какъ-то для насъ не подходяще, потому мы люди торговые...

— Да поймите же вы, что мнѣ отъ васъ рѣшительно ничего не нужно, кромѣ матеріальной поддержки.

— А сколько, примѣрно, ваше превосходительство, эта самая газета будетъ стоить?

— Самое пустое, — какихъ-нибудь тысячи три...

— Ну ладно, куда ни шло, ваше превосходительство, мы съ великимъ нашимъ уваженіемъ...

— Благодарю васъ, господа! это будетъ громаднѣйшій шагъ въ интеллектуальномъ развитіи кяхтинскаго общества... Это будетъ служить доказательствомъ вашего высокаго, передоваго положенія, вы первые дадите инициативу журналистикѣ въ Забайкальской области, говорилъ въ утѣшеніе купцамъ его пр-ство.

Похвали купцы отъ градоначальника, дали слово издавать въ Кяхтѣ газету. Черезъ полгода явилась типографія, наборщики, и самая газета, подъ заглавіемъ «Кяхтинскій Листокъ», вышла въ свѣтъ. Всю работу приняли на себя нѣсколько чиновниковъ, составлявшихъ штатъ градоначальника. Въ первыхъ же нумерахъ успѣли кой-кого продернуть, между прочимъ попался купецъ Забуддыгинъ. Прочиталъ онъ *эту самую газету* и съ горя запылъ.

— Да я его расшибу! только-бы онъ ко мнѣ свой носъ показалъ... У! на мѣстѣ задушу!.. бушевалъ онъ на весь домъ, изрекая проклятія редактору.

— Эй, парень! музыкантовъ!

Полночь была на дворѣ. Пускалъ парень сломя голову за музыкантами, кой-какъ собралъ чловѣкъ пятыхъ.

— Играй, заревѣлъ Забуддыгинъ входящимъ музыкантамъ и склонилъ на столъ голову.

Музыканты заиграли камаринскую.

— У! рразбойникъ! кричалъ онъ, вскакивая со стула и торопливо выпивая рюмку за рюмкой.

— Играй! чортъ васъ задави! бормоталъ онъ, едва шевеля языкомъ.

Начинало уже свѣтать, когда Забуддыгинъ заснулъ подъ чиликанье едва игравшихъ отъ усталости музыкантовъ.

Редакторъ газеты никогда, конечно, болѣе не заходилъ въ домъ Забуддыгина.

— Вотъ, господа, завели мы на свою голову этотъ Кяхтинскій Листокъ; за наши же деньги насъ же въ немъ и пробираютъ... да не долго имъ потѣпаться-то: только-бы градоначальникъ уѣхалъ отсюда, мы тогда посвойски это дѣло обдѣлаемъ... толковали купцы.

— За грѣхи видно насъ Господь... вздыхая говорилъ бѣлобрысый купчикъ.

— Вотъ мы ихъ всѣхъ проберемъ, говорилъ редакторъ.

Но на счастье купцовъ этого не случилось, ибо въ одинъ прекрасный день редакторъ Кяхтинскаго Листка волей Божіею помре, и газета покончила свое существованіе.

— Ну, слава тебѣ Христу Богу! съ радостію говорили нѣкоторые купцы:—теперь, господа, чтобъ типографія даромъ не стояла, мы будемъ печатать вѣдомости о количествѣ ввоза и вывоза товаровъ.

— Оно и приличнѣе, потому наше дѣло коммерческое, а эта газета для насъ, прости Господи, только одинъ грѣхъ.

— А библіотека что? спросить читатель.

Библіотеку тоже, какъ вещь при торговлѣ совершенно лишнюю, распорядились купцы свалить въ пакгаузъ и привѣсили на дверяхъ ея тяжелые замки.

Нужно сказать, что такая печальная участь постигла библіотеку и газету въ то время, когда градоначальникъ былъ переведенъ въ другой городъ. Во всякомъ случаѣ онъ не допустилъ бы этого, потому что слишкомъ велико было его нравственное вліяніе на кяхтинское общество.

Х.

Пріѣхалъ жить въ Кяхту изъ Тары одинъ молодой купчикъ. Познакомился онъ со мной и съ моимъ пріа-

телемъ. Пріятель мой живо сошелся съ нимъ за панибрата и началъ величать его Куликомъ Иванычемъ. Купилъ этотъ Куликъ Иванычъ себѣ лошадь и однажды вечеромъ приходитъ рассказывать о ней.

— Вотъ, братъ, у меня лошадь странная какая, говорилъ онъ съ удивленіемъ: — чортъ ее знаетъ, что съ ней, только какъ слышитъ, что кто нибудь сзади ѣдетъ—бросится какъ бѣшеная, удержать не могу!

— Въ хорошихъ, значить, рукахъ была, подмигивая, объяснялъ ему мой пріятель.

— Въ какихъ же это хорошихъ рукахъ?

— Понятно: у контрабандистовъ была, да вѣроятно чѣмъ нибудь проштрафилась; упала, можетъ быть, въ ровъ, перескакивая съ двумя ящиками чаю чрезъ двухъ-саженную ширину—вотъ и повели ее на базаръ—благо, ребра себѣ не переломала... да ты, Куликъ Иванычъ, щупалъ ли у нея ребра-то? бываетъ, другъ любезный, и такъ, что она бѣдняга, какъ ухнетъ со всего маху на бокъ въ оврагъ, такъ ей чайнымъ-то ящикомъ пять, шесть реберъ и переломить!.. Ты посмотри у своей-то лошади.

— Ребра-то у ней цѣлы, да страшно, чортъ ее возьми, ѣздить, какъ бѣшеная бросается въ сторону: намедни Собачкинъ сзади нагонять сталъ — я едва усидѣлъ въ экипажѣ.

— А ты верхомъ привыкай. Можетъ быть, послѣ самъ будешь контрабанду возить, такъ пригодится...

— Скажи, спрашивалъ Куликъ Иванычъ:—ты вѣдь знаешь вся сокровенная,—скажи, много купцовъ здѣсь контрабанду провозить?

— Какъ вамъ, ребята, сказать? Парни вы, кажись, добрые, говорилъ мой пріятель, въ раздумьи почесывая затылокъ:—а чортъ вѣдь къ вамъ въ души-то ваши влѣ-

зеть!.. Ну да ужь слушайте что-ли: занимаются контрабандой не наши кяхтинцы, это было бы очень для нихъ низко, черная, значить работа,—для этой работы въ гор. Троицко-Савскѣ много всякаго народу есть...

— Да вѣдь очень хитро, выходитъ, надо провозить контрабанду. У васъ тутъ кругомъ всей торговой слободы идетъ высокій двухъ-саженный заплоть, вездѣ стоитъ стража и по всей границѣ тоже стража, охраняющая отъ ввоза контрабанды.

— Ты, мой милѣйшій Куличекъ, немного ошибся и невѣрно выразился; вѣрнѣе будетъ, если ты скажешь: *стража, охраняющая контрабанду*, объяснилъ ему мой пріятель.

— Какъ же это такъ?

— Да что таиться? Былъ со мной случай: какъ-то разъ, въ моемъ собственномъ дворѣ, поймали было меня, — хотѣлъ, грѣшнымъ дѣломъ, черезъ заплоть переправить пудшкковъ тридцать чайшку, тутъ эти Пилатовы воины—трахъ! Отняли они мое наживное добро, — еле увернулся. Дурь на себя накинулъ я, объявленіе въ полицію подалъ, что вотъ сего числа, ночью, напали на мой домъ воры-разбойники. Ну и ничего, сошло съ рукъ.

— Такъ это же не доказываетъ, что стража охраняетъ контрабанду, замѣтилъ Куликъ Ивановичъ.

— Конечно не доказываетъ, съ усмѣшкой произнесъ мой пріятель:—а ты не будь дуранъ, заранѣе съ ними повидайся, почтеніе свое засвидѣтельствуй и условіе заключи, конечно на словахъ, а не на бумагѣ, что такую-то пошлину имъ предоставишь... Ты думаешь, что одинъ все дѣло и обдѣлаешь? Нѣтъ, батюшка Куликъ Иванычъ, тутъ при сдѣлкѣ-то многихъ подмазать надо, а то бываютъ грѣхи немалые. Купить, напри-

мѣрь, кто нибудь изъ мелкотравчатыхъ у пограничныхъ казаковъ чай, заплатитъ имъ впередъ деньги и за чай, и за доставку, да еще и самъ при чаѣ пробирается, вмѣстѣ съ казаками, темной ночью, около заплота; а казаки еще съ вечера отцу командиру своему на ушко шепнули: ваше благ—іе, молъ, неугодно ли вамъ въ 12 часу ночи на такое-то мѣсто прибыть, съ шестью казаками. Его благородіе, какъ разъ въ полночь, и летитъ имъ на встрѣчу: крикъ, шумъ, выстрѣлы холостыми зарядами... Казаки, какъ будто, струсятъ и побѣгутъ, купившій чай, конечно, вслѣдъ за ними, не подъ судъ же ему идти, а его благородіе везетъ чай съ триумфомъ въ таможню. По дорогѣ онъ къ себѣ на квартиру завезетъ $\frac{7}{8}$, а остальную $\frac{1}{8}$ часть предъявитъ торжественно директору и членамъ, съ докладомъ, что вотъ, дескать, поймали контрабанду, отбили ее, послѣ ожесточенно схватки, но контрабандисты, пользуясь темной ночью и имѣя быстроногихъ коней, скрылись. Его благородіе раздѣлитъ съ казаками добычу и—слава Богу.

— Вотъ какъ! тутъ значить казачьимъ офицерамъ вольготно? спрашивалъ Куликъ.

— А ты думаешь, такъ и есть, все по чести да по совѣсти, эхъ ты! откуда же у барона явилась пара сѣрыхъ съ ухорскимъ кучеромъ, а? Развѣ получая въ годъ 300 р., можно такое блаженство себѣ предоставить? А К—ій? Да онъ отсюда увезъ столько денегъ, сколько у насъ съ тобой и у нашихъ дѣтей не будетъ, несмотря на то, что К—скій въ карты проигрывалъ по тысячамъ... Но все это еще не высшій слой контрабандистовъ. Въ высшемъ словъ контрабанднаго искусства такъ рисковать не будутъ — тамъ совсѣмъ иная механика. Для этого дѣла есть у нихъ такія тихія мѣста, *затончики*, по нашему. Есть они и въ Маймайтчи-

нѣ, есть и въ «воровской пади», и въ этихъ-то затончикахъ и обдѣлывается все сложное дѣло, тамъ и чай въ кожу зашьютъ, и пломбы собственнаго приготовленія повѣсятъ на каждый ящикъ, и двинуть партію, какъ слѣдуетъ, приличную — ящиковъ въ 200 или 300.

— А попадутся?

— Попадаться нѣнужно, для этого держи ухо востро... только бы съ версту отъ Кяхты отойти транспорту; а ужъ тамъ если и таможня нагрянеть со всѣми своими членами, то ничего ровно не подѣлаеть, потому что все въ порядкѣ.

— А если по таможеннымъ книгамъ откроютъ, что такой партіи и такой фамилии чрезъ таможню не проходило и пошлина не оплачена, — что тогда? спросилъ удивленный Куликъ Ивановичъ.

— Дудки! милый человекъ, дудки! Заруби ты себѣ на носу, что наканунѣ выхода контрабандной партіи вывозится чрезъ таможню, той же фамилии и въ томъ же количествѣ ящиковъ, партія чаю и очищается эта партія пошлиной. Если начальство поймаетъ за городомъ контрабанду, то сейчасъ и отвѣтъ готовъ: вотъ, моль, матеръ-таможня, это онъ-то самый и есть, а долго мы стоимъ тутъ потому, что телѣги у насъ поломались. Первая же партія, съ чаемъ очищеннымъ пошлиною, спѣшитъ соединиться съ другими партіями и тогда никакая провѣрка невозможна; не задержать же для этого на дорогѣ тысячи три ящиковъ чаю: купцы убытокъ понесутъ отъ промедленія и пожалуй, за такое усердіе, иной чиновникъ и въ Сибирь можетъ спутешествовать...

— Да мы и то въ Сибири...

— Ну, назадъ въ Россію пѣшкомъ. Сила, братцы, солону ломить, какъ бы она ни топырилась. Иной на-

чальникъ потрусливѣе, хотя знаетъ, что контрабанда идетъ, да боится ее тронуть: Богъ дескать съ ней, пока мои бока еще цѣлы! Стрѣляютъ же контрабандисты очень ловко. Однажды мѣъ одинъ изъ нихъ рассказывалъ: гнались, говоритъ, за нами человекъ шесть верховыхъ; ну, конечно, гдѣ имъ догнать насъ—мы за лоамш тадей ри да по четыре сотни платимъ... Гнались поза нони и и отстали далеко, только собака одна не отстаетъ — гонится и лааетъ; какъ, говоритъ, Пятериковъ обернулся да выстрѣлилъ, такъ ее на мѣстѣ и положилъ — не взвизгнула! Мы, говоритъ, пріѣхали съ чаемъ, куда слѣдовало, и Пятериковъ сталъ спорить, что пуля его въ самый лобъ собакѣ попала, — на сто рублей поспорили они и поѣхали утромъ смотрѣть, — дѣйствительно такъ между глазъ и всадилъ!

Я уже былъ отчасти знакомъ съ подобнаго рода исторіями и спокойно слушалъ повѣствованіе; а Куликъ Ивановичъ даже языкъ высунулъ и глаза вытаращилъ—диву дивовался!

— Расскажи еще что нибудь о контрабандѣ, приставалъ онъ.

— Что, занято видно?

— Ну расскажи, приставалъ опять Куликъ.

И начиналъ мой знакомый рассказывать, какъ контрабандой провозится въ Кяхту съ присковъ золото, *песочикъ*, по мѣстному выраженію; какъ нѣкоторые изъ большихъ тузовъ наживаютъ себѣ этимъ капиталы и жертвуютъ отъ своей благостыни нѣкоторыя крохи на церковныя ограды, на колокольные часы, и проч. и проч.

И дѣйствительно, все это выходило очень занято.

Только нужно сказать, что все это было давнымъ давно, теперь и тѣни этого быть не можетъ. Времена

перебъчивы! Эта послѣдняя фраза даетъ намъ право утѣшиться, повѣрить въ возможность прогресса, въ возможность совершенствованія человѣчества. Мало ли чего не бывало! Мы не обличеніе пишемъ, а рассказываемъ прошлые факты, которые интересны какъ матеріалъ для исторіи цивилизаціи нашего русскаго общества.

XI.

Непріятно подѣйствовали на все кяхтинское общество слухи о перебънахъ, угрожавшихъ кяхтинской торговлѣ. Московскіе купцы писали въ Кяхту, что поголовно подаютъ Государю прошеніе и заключаютъ его словами: «Спаси, погибаемъ». Кяхтинское купечество призадумалось и тоже порѣшило послать прошеніе. Старшины назначили для этого чрезвычайное собраніе, въ которомъ долго трактовали о томъ, какъ писать прошеніе Государю. Вспотѣли бѣдные купцы, но придумать ничего не могли. Послали за управляющимъ общественной конторой.

— Акимъ Акимычъ! какъ бы эту бумагу перебълить, да тамъ, значить, на счетъ этой самой грамматики .. Вотъ видите-ли, какое время пришло; вѣдь на Высочайшее имя надо...

— Слушаю съ, надо будетъ Егорова-съ. Онъ мастеръ на эти дѣла, хорошо пишетъ, можно-съ, почтительно докладывалъ управляющій.

— Что-же, господа, надо полагать, съ эстафетой просьбу-то?

— Конечно, дѣло спѣшное, оборони Богъ, не онездать бы, значить... говорилъ Петръ Федоровичъ, торпливо набивая носъ табакомъ.

— А по пути однако надо-съ и генераль-губернатору дать знать, такъ и такъ, молъ...

— Да видно и тово... надо будеть... Такъ и такъ, дескать, посылаемъ вотъ...

— Погодите, господа, пусть прочитають намъ вслухъ—каково оно написано.

— Акимъ Акимычъ, дай-ко-ся сюда бумагу-то... Андрей Иванычъ, ужь потрудитесь, какъ тамъ обчество, значить, порѣшило.

Андрей Ивановичъ началъ: «Ваше Императорское Величество! Вопросъ о кяхтинской торговлѣ...»

— Постойте, постойте, закричалъ Андрей Яковлевичъ, искоса посматривая на собравшихся, — это не тово... неловко, даже неприлично: какъ же можно, — сейчасъ «Ваше Величество» и сейчасъ: вопросъ! Нѣтъ, нѣтъ, это, воля ваша, неприлично...

— Да, оно точно какъ будто неловко чево-то, подерживаетъ другой.

— Господи помилуй! вздыхая, шепчетъ бѣлобрысый кущикъ.

— Да вѣдь это все равно, что «честь имѣю» или: «имѣю честь» — слышится изъ угла голосъ купца Лукошкина.

— Нѣтъ ужь, Алексѣй Михайлычъ, вы всегда либеральничаете; вы ужь пожалуйста молчите... Тутъ, видите, какое важное дѣло.

— Позвольте, Андрей Иванычъ, я полагаю лучше написать: «О кяхтинской торговлѣ вопросъ разсматриваемый»... Какъ, господа, вы находите? говорилъ, косясь на всѣхъ, Андрей Яковлевичъ.

— Ну-ко-ся, Андрей Иванычъ, дальше-то какъ?

Андрей Ивановичъ продолжалъ.

— Вотъ это ловко! это, значить, въ порядкѣ, за это спасибо, говорили купцы:

— Акимъ Акимычъ, вели-ко, братъ, переписывать,

думать тутъ больше нечего, сегодня въ ночь и дернемъ эстафету.

— А объ чемъ генераль-губернатору-то писать?

Одинъ даетъ такую мысль: нужно написать, что торгующее на Кяхтѣ купечество, въ память покоренія Амурскаго края и посѣщенія Кяхты его высокопревосходительствомъ, въ общемъ своемъ собраніи положило: соорудить по дорогѣ на Усть-Керанъ памятникъ, который увѣковѣчитъ славу его высокопревосходительства—ну а потомъ, значить, вотъ молъ такъ и такъ: слухи молъ ходятъ нехорошіе; примите участіе и т. д. Въ этомъ родѣ и составить. Я сейчасъ набросаю.

— Ужъ пожалуйста, просятъ купцы товарища.

— Акимъ Акимычъ! Скоро-ли тамъ у васъ!

— Сейчасъ, сейчасъ, откликается Акимъ Акимовичъ изъ другой комнаты, гдѣ онъ зорко слѣдилъ за перепиской Егорова, который, скрючившись въ три погибели, старательно выводилъ разныя узорчатыя буквы.

— Теперь, на какую же сумму памятникъ соорудить? Да и зачѣмъ этотъ памятникъ? слышался голосъ Макарьева:—вѣдь это, значить, ребята, даромъ деньги бросать; кабы въ городѣ, ну оно ничего, какъ будто для красоты примѣрно, а то дѣло-то выходитъ не совсѣмъ чисто.

— Ахъ, Степанъ Михайлычъ, вы точно Лукошкинъ возстаєте противъ общества, стыдно. Вѣдь вы не мальчикъ; вамъ поди скоро 60 лѣтъ стукнетъ, уговариваютъ Макарьева.

— Да вы чево, ребята, я не противъ общества, отвѣчаетъ сконфуженный Макарьевъ:—я только спросилъ, зачѣмъ за городомъ на дорогѣ памятникъ строить?

— Нельзя, политика того требуетъ: тамъ мы про-

вожали генераль-губернатора на Амуръ, шампанское пили, въ память значить событія.

— Ну, какъ знаете, ребята, говорить Макарьевъ, отчаянно махая рукой.

— Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному, слышится вздохъ бѣлобрысаго купчика.

— Эй, Акимъ Акимычъ, что-же это какъ у васъ тамъ копаются; готово-ли?

— Сейчасъ, сейчасъ! Всего пять строкъ осталось... Егоровъ, не торопись, не испакости бумаги, настаивательно говорилъ Акимъ Акимычъ Егорову, усердно выводящему красивыя буквы.

— Ну-тко прочитайте-ко еще разъ, посмѣваемъ еще маленько, заговорили купцы, когда Акимъ Акимычъ принесъ переписанную бумагу.

Акимъ Акимычъ прочиталъ.

— Теперича важно! Подписывайте-ко, Андрей Яковлевичъ, сначала вы...

— Нѣтъ, господа, Настоятелева сначала надо бы...

— Мѣсто ему оставьте... Онъ не откажется, потому бумага нужная, важная.

Начались подписи. Пришелъ чередъ бѣлобрысому купчику.

— Послушайте, говорятъ ему:— вы всегда пишете «второй купецъ», а гильдію пропускаете; пишете— второй гильдіи, потому бумага важная.

Бѣлобрысый купчикъ перекрестился и началъ водить перомъ по бумагѣ; нѣсколько головъ внимательно слѣдило за нимъ.

— Теперь «гильдіи», пишете: глаголь, иже... ну, ну, ладно.

Бѣлобрысый купчикъ тяжело вздохнулъ и отеръ потъ.

— Макарьевъ! вы тоже всегда пишете, Богъ знаетъ, какъ, пожалуйста ужь постарайтесь.

— А я вотъ, ребята, смѣкаю все, зачѣмъ это по эстафетѣ-то гнать эту бумагу? заговорилъ Макарьевъ:—еще можетъ статья сорока на хвостѣ принесла новость-то; а вы ужь и испужались... Сколько годовъ жили мирно и ничего не было; зачѣмъ же теперь-то станутъ перемѣнять? хорошо вѣдь и по старому...

— Ахъ, Степанъ Михайлычъ, толкуйте тутъ еще, только сердите. Кто говоритъ, что по старому худо? Въ томъ-то и штука, что про насъ говорятъ, а не мы ее выдумали,—перемѣну-то.

— А вы не всякаго слушайте, мало-ли чего говорить, долбилъ себѣ Макарьевъ.

— Толкуй тутъ съ вами! Поймите,—торговлѣ угрожаетъ опасность, объясняли ему купцы.

— А все же, значить, съ почтой выйдѣе, чѣмъ съ эстафетой, потому сотенъ пятокъ сбережется, толковалъ Макарьевъ, преданный экономическимъ расчетамъ.

Никто не отвѣчалъ на экономическій выводъ Макарьева, и окончивъ подписи, купцы молча разошлись, на этотъ разъ даже безъ всякаго угощенія. Понурили они свои головы, и въ первый разъ запала въ нихъ мысль о будущности хорошаго кяхтинскаго дѣла.

— Вѣкъ жить — не поле перейти, сказалъ одинъ изъ купцовъ, надѣвая шубу.

— Это точно, поддержалъ другой, спускаясь съ лѣстницы.

— А все-же-бы, по моему, съ почтой выйдѣе, бормотала Макарьевъ, усаживаясь въ экипажъ.

XII.

— Что ваши дѣла? спрашивали на другой день китайцы:—что время худа что-ли?

— Очень худое время, говорилъ купецъ; англичане хотятъ помѣшать нашей торговлѣ, да и помѣшаютъ, пожалуй.

— Чорта, дѣла поговори! Чево напрасны. Занамо-сила побольшанъ. Сандаза (войско) пушкапопали одина раза, сапчи кругло буду (изъ пушки какъ выпалятъ, всѣхъ сразу убьютъ),— хвалился китаецъ.

— Тутъ, братъ, темное дѣло, неизвѣстно, кто кого перехитритъ, говорилъ русскій.

— Наша сила жестоки! горячился китаецъ и показывалъ большой палецъ правой руки въ доказательство своего превосходства надъ англичанами:— не погнѣвайся; нама сама жестоки еси...

— Да ты чево кричишь-то понапрасну! уговаривалъ русскій.

Я совсѣма, кричи нехычи, я только така покажи, кавой-ва нама манерь еси, говорить успокоиваясь китаецъ.

Эстафета ускакала въ Питеръ. О чемъ же писали и чего просили купцы, спросить читатель. Просили подержать торговлю, очень полезную для всего края, просили разрѣшить ввозъ серебра въ Китай неограниченно и не дозвolyать ввоза чаю чрезъ Европу; но если ужъ такой милости не будетъ, то просили сбавить пошлину и таможенно перевести изъ Кяхты въ Иркутскъ, освободивъ Забайкалье отъ пошлины, или даже совсѣмъ уничтожить ее. «Такъ какъ дальность разстояній и дороговизна провозной платы, — писалось въ прошеніи, слишкомъ тяжело отзывается на торговлѣ».

— А что, вѣдь намъ, надо полагать, пошлину уничтожать, потому мы цѣлый Сибирскій край кормимъ, спрашивали купцы другъ друга.

— Надо бы полагать, потому всѣ мѣры приняты.

Если ужъ не уничтожать, то все же сбавятъ, принимая во вниманіе дальность разстояній и многія другія причины.

Сдѣлали, значить, свое дѣло. Написали прошеніе на Высочайшее имя, послали просительныя письма къ властямъ предержажимъ. На томъ все и замолкло до поры до времени. Кругобайкальскую дорогу нашло нужнымъ исправлять правительство (она, между прочимъ сказать, до сихъ поръ еще не исправлена). Путь изъ Иркутска до Томска остался тотъ же, и о пути по рѣкамъ Ангарѣ и Енисею перестали даже и думать.

Дѣло пошло своимъ старымъ порядкомъ. Прошло лѣто, осень и зима. Всѣ ждали, что-то будетъ...

Прошло еще года два. Старшины по старому отслуживали свою годовую службу и смѣнялись новыми. Таможня, каждый годъ въ декабрѣ, повѣряла дѣла купцовъ и все оказывалось вѣрно. Выбирались опять старшины; принимали присягу на вѣрность и честность службы, задавались по этому случаю обѣды, и дѣло шло себѣ такъ же спокойно и привольно, какъ и прежде.

Въ февралѣ 1862 г. изъ Китая возвратился уполномоченный отъ русскаго правительства. Купцы слышали о дозволеніи свободной торговли внутри Китая, но не знали, что дѣлать съ этимъ дозволеніемъ и какъ понимать его. Градоначальникъ цѣлые дни ѣздилъ по домамъ купцовъ, упрашивалъ ихъ дѣлать общественныя собранія, являлся на нихъ самъ и уговаривалъ купцовъ открыть дѣло внутри Китая.

Въ этомъ случаѣ его заслуги русской торговлѣ незабвенны! Что же мы, значить, тамъ будемъ дѣлать? Здѣсь по крайности мѣсто у насъ обсаженное и теплое, — отвѣчали купцы, задумываясь и почесывая затылки.

*

Градоначальникъ горячо принимался доказывать имъ необходимость воспользоваться правомъ свободной торговли внутри Китая и, послѣ долгихъ трудовъ, уломалъ нѣсколькихъ купцовъ отправить туда караванъ. Заключили купцы съ монголами условіе, снарядили караванъ, и 16 марта 1862 года, послѣ молебствія, окропленный святою водою, онъ двинулся съ русскими товарами и серебромъ внутрь Китая, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ молодыхъ купцовъ.

Одинъ изъ властей, замѣтивъ, что мѣстный градоначальникъ имѣлъ большое вліяніе на купцовъ, остался этимъ очень недоволенъ и много повредилъ самой торговлѣ. Ужъ чѣмъ она была предъ нимъ виновата—Господь знаетъ!—Онъ послалъ въ Петербургъ донесеніе, что купцы отправили въ Китай гнилые товары. Слышно было, что изъ Петербурга послано было повелѣніе министру-резиденту въ Пекинъ, — освидѣтельствовать русскіе товары—на томъ основаніи, что китайцы глупы, чего добраго, пожалуй гнилое возьмутъ; но что изъ этого вышло—неизвѣстно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отправки каравана въ Китай у кяхтинскихъ купцовъ случился неслыханный казусъ. Въ гостиномъ дворѣ изъ пакгауза, въ которомъ хранилось, въ обезпеченіе пошрины, золото и серебро, похищено того и другаго на 28,000 р. Часовые не видали похитителей, замки на дверяхъ пакгауза были цѣлы и печати на сундукахъ тоже. Дѣло это было, кажется, очень темное, потому что само общество всѣми средствами старалось замаять и потушить его...

Одинъ изъ молодыхъ купцовъ подалъ было объявленіе таможднѣ, требуя разслѣдованія дѣла, но купцы такъ на него взъялись, что бѣдный не зналъ, куда и дѣваться. Даже самъ энергическій градоначальникъ, и тотъ напи-

саль къ купцамъ офиціальную бумагу, въ которой, высказывая сожалѣніе о постигшемъ ихъ несчастіи, — называлъ молодаго купца *образцомъ нравственной несостоятельности!* Все это дѣло было замято и кончилось, такъ сказать, семейнымъ образомъ. Изъ акциденціи, помнится, одолжили нѣкую сумму, да одинъ изъ старшинъ, по добротѣ, вѣроятно, заплатилъ остальные деньги изъ своего кошелька.

Хотя въ отзывѣ о нравственной несостоятельности градоначальникъ высказался въ ущербъ самому себѣ, но тѣмъ не менѣе, благодаря исключительно его энергіи, съ 1862 года русскіе водворились внутри Китая, хотя и въ незначительной степени. Изъ прошедшихъ трехъ лѣтъ свободной торговли въ Китаѣ еще пока не видно никакихъ осязательныхъ результатовъ. Гг. Ивановъ, Окуловъ и Токмаковъ открыли торговый домъ внутри Китая. На послѣдней московской выставкѣ были у г. Иванова чай, будто бы съ своихъ арендуемыхъ плантацій. Все это выходитъ очень красиво и заманчиво, но, зная хорошо средства ихъ торговаго дома, — грѣшный человѣкъ, — смѣю усомниться въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ. Достоверно знаю только то, что преобладающее вліяніе внутри Китая находится въ рукахъ англичанъ, которые уже успѣли въ Ханькоу открыть до шестидесяти торговыхъ домовъ.

Что же стало съ кяхтинской торговлей послѣ разрѣшенія свободной торговли, сбавки пошлины, перевода таможи въ Иркутскъ и ввоза чаю чрезъ Европу?

Купцы на первый годъ потерпѣли на нижегородской ярмаркѣ большіе убытки, на второй годъ, вслѣдствіе дурнаго выбора чаевъ, привезенныхъ кругомъ свѣта, кяхтинскіе чай имѣли большое преимущество предъ привезенными морскимъ путемъ (именно только по это-

му, а не по причинѣ будто-бы порчи чая отъ перевозки моремъ), торговля опять ожила до нижегородской ярмарки 1863 года.

На устройство пути внутри Китая и для развитія тамъ торговли назначенъ особый сборъ съ каждаго ввозимаго изъ Китая ящика чаю.

Какъ распоряжаются теперь этой суммой, достигаетъ-ли она своего прямаго, должнаго назначенія, или такъ же, какъ пресловутая «добровольная складка», бесслѣдно и безконтрольно исчезаетъ изъ общественной кассы, доставляя купцамъ только одно названіе радушныхъ и хлѣбосольныхъ? Да и собирается-ли теперь эта «добровольная»? Не опомнились-ли господа довѣрители и стали требовать публикаціи отчетовъ? На эти вопросы читатель найдетъ отвѣтъ въ статьѣ о Майма-тчинѣ, въ окончаніи которой, а именно въ послѣдней главѣ, онъ узнаетъ о томъ состояніи, въ какомъ находится теперь кяхтинская торговая слобода и что ожидаетъ ее впослѣдствіи.

Грустно, что эта вѣковая торговля, такъ сказать, ускользнула изъ нашихъ рукъ; но нужно примириться съ тѣмъ, что совершилось, потому что всему есть свои законныя причины, начало которыхъ нужно искать въ нашемъ прошломъ; а разбирая прошлое, опять необходимо будетъ еще отклониться назадъ, — и увидимъ, что между событіями существуетъ самая тѣсная и непрерывающаяся связь...

ОЧЕРКИ БУРЯТСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Наступало лѣто. Китайцы въ бѣлыхъ халатахъ-точно тѣни умершихъ, лѣниво двигались по Кяхтѣ, переходя изъ дому въ домъ и ругая русскихъ, разѣхавшихся по дачамъ.—Точно лошади или быки убѣжали русскіе купцы на зеленую траву — ворчали они между собой.

— Ты куда, чорта? сердито спрашивалъ меня китаецъ, замѣчая сборы въ дорогу.

— На дачу ѣду. Жарко здѣсь и скучно стало—всѣ знакомые мои разѣхались, отвѣчалъ я.

Китаецъ съ досады плюнулъ и ушелъ, сердито хлопнувъ дверью. Заглянулъ ко мнѣ другой китаецъ, тоже любопытствовалъ узнать, куда я ѣду, и, получивъ тотъ же отвѣтъ, сказалъ мнѣ дурака.

Я поѣхалъ на дачу. Дѣйствительно было жарко. Кони тяжело дышали и съ нихъ капалъ потъ на сухую песчаную землю. Кой-какъ поднявшись на высокій Бургутуйскій хребетъ, я оглянулся кругомъ: назади внизу виднѣлись вершущи остроконечныхъ сопокъ, впереди открывалась необъятная степь. Долго мы спустились съ вершины хребта и наконецъ выѣхали на ров-

ную, открытую мѣстность (*). Съ обѣихъ сторонъ, вдали отъ дороги, паслись стада крупнаго и мелкаго рогатаго скота; еще далѣе видѣлись табуны лошадей. Изрѣдка начали попадаться бурятскія юрты. Старикъ бурятъ, верхомъ на быкѣ, запряженномъ въ двухъ-колесную скрипящую таратайку, тихо тащился по степи. Маленькая мѣдная трубка торчала у него въ зубахъ. Онъ задумчиво посматривалъ въ разные стороны, монотонно мурлыча свою грустную степную пѣсню. Жарко.

Бурятъ снялъ свою остроконечную шапку и почесалъ бритую голову, на затылкѣ которой торчала косичка, похожая на мышинный хвостикъ. Онъ ѣхалъ по направленію къ юртѣ, около которой бѣгали нагіе ребятишки съ загорѣлымъ мѣдно-краснымъ цвѣтомъ кожи. Черныя косматыя собаки лежали подъ тѣнью, высунувъ языки, и тяжело дышали. Не вдалекѣ отъ юрты, молодой бурятъ, съ арканомъ въ рукѣ, скакалъ верхомъ по степи, стараясь поймать коня. Полы его синяго кафтана развѣвались по воздуху, шапка давно свалилась на землю, но конь не поддавался на арканъ и увлекалъ бурята далѣе и далѣе въ степь.

Мы переѣжали уже рѣчку Сужи, но я все еще смотрѣлъ назадъ, на остающіяся позади юрты. Меня занимала эта новая, невиданная еще мною картина.

— А что, ямщикъ, по Чикою и Керану много жителей бурятъ? спрашивалъ я.

— Да гдѣ же имъ и быть больше, какъ не здѣсь.

(*) Съ разрѣшеніемъ свободной торговли съ Монголіей и Китаемъ, путь на Чикой и Керанъ идетъ по монгольской землѣ, минуя Бургутуйскій хребетъ и памятникъ, построенный у подножія хребта въ честь графа Муравьева—Амурскаго. Теперь мимо этого памятника никто не проѣзжаетъ, такъ какъ дорога совершенно заброшена.

Забайкалье— ихъ сторона. Тутъ, почитай, сплошь живутъ бурята, до самаго города Нерчинскаго,—ото звался ямщикъ, не поворачивая головы.

Пріѣхали къ Керану.

Нанялъ я себѣ маленькій домикъ въ казачьей станицѣ и сейчасъ же отправился къ юртѣ бурятъ, стоявшей не вдалекѣ отъ станицы. Наступали сумерки. Около юрты маленькія дѣти съ матерями загоняли коровъ въ изгородь, сдѣланную тутъ же у юрты. Женщина, сидя на деревянномъ чурбанѣ, доила корову; вблизи отъ нея, другая, въ устроенной изъ бревенъ мялкѣ, мяла кожу. Въ юртѣ горѣлъ большой огонь, войлочная дверь была закинута кверху, и видно было, что посрединѣ юрты, на огнѣ, поставлена чугунная чаша, въ которой варился кирпичный чай. На сѣверной сторонѣ, считае-мой почетной, стоялъ красенькій шкафикъ, съ тремя уступами въ видѣ лѣстницы; свѣтъ отъ огня падалъ на разставленные по этимъ уступамъ маленькіе мѣдные бурханы (идолы), предъ которыми были поставлены жертвы, пшено и масло, въ маленькихъ металлическихъ чашечкахъ. Направо стояла низенькая кровать, покрытая кошмой (войлокомъ), налѣво была раскинута на землѣ кошма, а на ней лежала старая бурятка. Мужчины сидѣли около огня и ждали чаю.

— Здравствуй, товарищъ! сказалъ я, входя въ юрту.

— Здравствуй! протяжно раздалось въ отвѣтъ.

— Вотъ я пріѣхалъ къ вамъ въ гости, посмотрѣть хочу ваше житье-бытье.

— Мы рады, только ужъ плоха наша юрта—небогата; скота тоже мало,—говорилъ одинъ изъ сидѣвшихъ, почесывая себѣ лобъ.

Я сѣлъ на низенькую кровать. Старуха устала

на меня свои мутные, плохо видѣвшіе глаза и закашлялась. Черезъ нѣсколько времени приближали два мальчугана и вслѣдъ за ними женщины вошли въ юрту, принесли въ кадушкѣ молоко и вылили его въ варившійся чай. Молодая смуглая бурятка вгоняла въ юрту маленькаго теленка и укладывала его около стѣнки.

— Зачѣмъ же вы теленка-то сюда вогнали? спросилъ я.

— Погода по ночамъ холодная стоитъ, нельзя — спортятся телята, отвѣчалъ буряты, помѣшивая палочкой въ котлѣ.

Ребятишки сѣли тоже около котла и маленькимъ прутикомъ принялись мѣшать золу. Пожилой буряты выдернулъ у нихъ пруть и, бросивъ его въ огонь, прикрикнулъ на дѣтей. Женщины сидѣли въ сторонѣ и молчали.

— Ну, гость, чай-то нашъ пьете-ли, а? Кирпичной чай не любитъ богатый русскій мужикъ, а? спрашивалъ буряты.

— Нѣтъ, спасибо, — кирпичный чай не пью. Прощайте, добрые люди, отвѣчалъ я, вставая.

— Ну прощайте... а завтра на праздникъ пойдете-ли, нѣтъ-ли? спросилъ буряты.

— А какой завтра у васъ праздникъ?

— Праздникъ большой, — на гору пойдёмъ, въ кумирню, богу молиться. Лама придетъ и по книгамъ читать будетъ.

— Что же онъ читать будетъ?

— Книги читать будетъ, хорошія ламскія книги...

— Да какой же это праздникъ? по какому случаю?

— Такъ праздникъ ужъ, большой праздникъ. Кони будутъ бѣгать и лама хорошія книги читать будетъ.

— Что же въ этихъ книгахъ написано?

— Всякое святое слово написано, — хорошія ламскія книги...

— Только въ этомъ и будетъ весь праздникъ?

— Да праздникъ ужь будетъ.

— Какой же праздникъ-то?

— Праздникъ ужь... хорошій праздникъ!..

Такъ я и не добился, что у нихъ за праздникъ такой и по какому случаю.

Утромъ слѣдующаго дня, я рано соскочилъ съ постели и отправился смотрѣть бурятскій праздникъ. День былъ солнечный и жаркій. Буряты тянулись длинной вереницей, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, по тропинкѣ на самую вершину горы, гдѣ кой-какъ прилѣпилась маленькая часовенка. Измученный и усталый, я не успѣлъ еще добраться на верхъ, какъ уже молебствіе кончилось. Оно и заключалось только, какъ я узналъ впоследствии, въ чтеніи нѣсколькихъ молитвъ на тибетскомъ языкѣ, котораго самъ читавшій не понималъ. Всѣ двинулись назадъ подъ гору, и я отправился вслѣдъ за толпой. Спустились съ горы, и, выйдя на ровную мѣстность, ламы (духовныя лица) стали усаживаться въ ряды по чинамъ. Кругомъ ихъ садились буряты; нѣкоторые хлопотали въ сторонѣ, разрѣзывая на мелкіе куски вареную баранину и раскладывая ихъ на дощечки; нѣкоторые варили чай въ котлахъ и разносили его ламамъ и гостямъ въ небольшихъ деревянныхъ чашечкахъ; другіе таскали дощечки съ мясомъ и ставили предъ сидящими ламами. Кони, назначенные для бѣга, уже отправились къ тому мѣсту, откуда долженъ былъ начаться бѣгъ.

Чинно и важно сидѣли ламы въ своихъ желтыхъ и красныхъ кафтанахъ, съ книжками за пазухой. Вновь приходящіе буряты, вѣроятно запоздавшіе по какому

нибудь случаю на молебствіе, подходили къ старшему ламѣ, наклоняли голову, и лама, въ видѣ благословенія, прикладывалъ ко лбу подходящаго книжку. Получившій такое благословеніе смиренно отходилъ въ сторону. Въ дальнихъ рядахъ начинали покуривать трубочки, слышался въ воздухѣ запахъ араки и чрезъ нѣсколько времени чинное молчаніе стало нарушаться, сначала отрывистыми рѣчами, а потомъ эти отрывистыя рѣчи перешли въ общій говоръ. Вниманіе всѣхъ обращено было въ ту сторону, откуда долженъ былъ начаться бѣгъ. Нетерпѣливые поднимались и уходили на болѣе высокія мѣста посмотреть, небѣгутъ-ли кони. Стоя на холмахъ они изрѣдка переговаривались съ сидящими.

— Видно? спрашивалъ сидящій.

— Нѣтъ еще... Скоро надо быть...

— Пора бы...

— Вотъ что-то пыль поднялась впереди...

Вскорѣ слышался отдаленный топотъ и крики; яснѣе и яснѣе стало раздаваться приближеніе скачущихъ. Большая часть бурятъ поднялись на ноги, только ламы остались, сохраняя важное и глубокомысленное выраженіе на своихъ красныхъ, расплывшихся лицахъ.

Кони, съ заплетеными въ гривы разноцвѣтными лентами и съ султанами на лбу, мчались во весь опоръ. Мальчики буряты, посаженные на нихъ, усиленно хлестали кнутами и кричали во все горло. Лошадь, прибѣжавшую раньше другихъ, хозяинъ взялъ подъ уздцы и повелъ къ старшему ламѣ. Лама съ важностью, достойно его сана, тотчасъ поднялся на ноги, прочиталъ коню похвальную рѣчь и приложилъ ко лбу его свою книжку. Коня отвели въ сторону. Отставшіе, во время бѣга, кони, какъ недостойные благословенія и похвальныхъ рѣчей, стояли на дальнемъ планѣ.

Опять пронесся запах араки, и чрезъ нѣсколько времени буряты отодвинулись въ сторону отъ ламъ, очистивъ такимъ образомъ мѣсто для борцовъ.

Въ сторонѣ раздѣвались двое бурятъ. Оставшись въ однихъ штанахъ, они засучили ихъ выше колѣнъ и старательно натерли руки пескомъ. Два бурята подошли къ нимъ, взяли ихъ подъ руки и подвели къ ламамъ. Борцы смиренно преклонили головы предъ старшимъ ламой, лама прочелъ надъ ихъ головами молитву и стукнулъ обоихъ по головамъ книжкой. Борцовъ отвели на средину площадки и оставили однихъ. Съ минутой они потоптались на одномъ мѣстѣ, потомъ начали придвигаться другъ къ другу, быстро наклоняясь къ землѣ, схватывали на ходу песокъ, натирали имъ руки, и вдругъ разомъ бросились одинъ на другаго. Началась борьба. Долго возились борцы, не уступая другъ другу, долго пыхтѣли они, стараясь свалить другъ друга на землю, но, послѣ продолжительныхъ усилій, они свалились оба и продолжали борьбу, валяясь по землѣ. Наконецъ одинъ изъ борцовъ успѣлъ забраться на другаго и сталъ его давить. Дикіе глаза его налились кровью, у рта была пѣна. Изъ толпы выбѣжали нѣсколько человѣкъ и стащили побѣдителя съ его жертвы. Побѣжденный, едва поднявшись, скрылся въ толпѣ, а побѣдитель опять былъ подведенъ къ ламѣ и снова получилъ колотушку въ голову книгой.

Прошло нѣсколько времени. Запахъ араки еще разъ пронесся въ воздухъ, ламы пили чай и вкушали съ дощечекъ баранину. Публика шумно говорила, покуривая изъ коротенькихъ мѣдныхъ трубочекъ. Слышались отзывы о борцѣ, кто хвалилъ его, кто порицалъ; нѣкоторые подбившіе сторонники побуждали его, начинали ворчать, слышались слова, въ родѣ: «Эка важничаетъ»

«куда ему—дрянь онъ!» «Вотъ погоди, попадется, на-
нутъ ему бока-то!» Отдохнувшій послѣ побѣды, борецъ
былъ опять подведенъ къ ламѣ и, послѣ обычнаго бла-
гословенія, снова вышелъ на площадку и сталъ важно
расхаживать въ ожиданіи соперника.

Соперникъ не замедлилъ явиться.

Опять помялись они нѣсколько времени, похватили
руками землю и быстро бросились одинъ на другаго.
Побѣдителемъ остался прежній герой. Его снова ста-
щили съ противника и подвели къ ламѣ на благословѣ-
ніе. Онъ переборолъ до десяти человекъ, и каждый
разъ по окончаніи борьбы его подводили къ ламѣ. Сто-
ронники борца хвалили его, другіе подходили и трепа-
ли по плечу; противная партія молчала...

Вообще же больше было шуму и говору, чѣмъ мол-
чанія; кой гдѣ даже слышалась крупная брань, подоб-
ная тому, какъ ругаются наши крестьяне.

— Да ты что!

— А ты что?

— То-то!

— Ну!...

— Пошелъ! Пьяная морда!

Конечно все это произносилось на монгольскомъ
языкѣ.

Посидѣли ламы и гости, поѣли не одного барана,
выпили нѣсколько котловъ кирпичнаго чаю, изрядное
количество араки и потащились каждый къ своей куртѣ.

Тѣмъ и кончился бурятскій праздникъ.

II.

Прожилъ я на дачѣ пѣлое лѣто и въ это время ко-
ротко познакомился съ жизнію, нравами и обычаями
буряты.

Буряты ведутъ жизнь кочевую, переселяясь въ те-

ченіи лѣта нѣсколько разъ съ одного мѣста на другое, для доставленія скоту хорошаго корма. При переселеніи принимается въ расчетъ прежде всего то, чтобы на новомъ мѣстѣ была хорошая трава и какая нибудь вода; для бурята все равно, хороша эта вода, или дурна: онъ и изъ лужи напьется. Снимутъ они кошмы съ юрты; соберутъ весь сарбъ свой, сложать на одноножки, и потянется обозъ, поскрипывая никогда немазанными колесами, къ новому мѣсту, оставивъ на старомъ одинъ только пепель и выжженные круги земли. Впереди таратаекъ всегда идетъ какая нибудь старуха-родоначальница, набожно нашоптывая молитвы, и, при переправѣ чрезъ ручей или ключъ, непременно бросаетъ въ воду мелкую монету, прося у боговъ позволенія на переправу. Иногда при переселеніи нѣкоторые буряты мурлычатъ пѣсни, но громко они не поютъ, а такъ, каждый для самого себя мурлычетъ. Содержаніе пѣсень:— степь, переѣздъ на новое мѣсто, словомъ, тѣ событія, которыя совершаются въ данную минуту. Общаго хорошаго пѣнія у бурятъ я никогда не слышалъ и едва-ли оно есть; пѣсень народныхъ нѣтъ, впрочемъ нѣсколько бурятскихъ пѣсень обращается между ними въ разныхъ частяхъ Забайкальской области. Объ этомъ когда-то писалъ одинъ изъ сибиряковъ. Переѣдутъ буряты на выбранное мѣсто, поставятъ юрту и, чрезъ часъ, другой, можно подуматъ, что они на этомъ мѣстѣ цѣлый вѣкъ жили.

Нѣкоторые на лѣто строятъ себѣ изъ бревенъ срубы, покрываютъ ихъ драньемъ, и въ такомъ незатѣйливомъ зданіи живутъ до осени. Наступятъ холода, поставитъ буряты свою войлочную юрту, разведетъ въ ней огонь и согрѣвается семья въ дымной и душной юртѣ. Есть и такіе бѣдняки, что зиму и лѣто перебиваютъ

ся въ одной юртѣ. Кошма во время лѣта отъ жаровъ и дождей сильно портится, и зимой въ такой юртѣ жить бываетъ очень холодно.

У бурятъ самое почетное мѣсто (непремѣнно на сѣверь) всегда занимаетъ шкафигъ съ бурханами. Достаточные буряты имѣютъ колоколь фунтовъ въ 6 или 7 и мѣдные тазы (тимпаны), въ которые они бьютъ во время совершенія молитвъ. Въ срединѣ юрты оставлено мѣсто для огня и надъ нимъ вверху отверстіе для дыма, которое зимою, по окончаніи топки, прикрывается кошмой, отчего въ юртѣ дѣлается дымно и угарно. Къ утру юрта выстываетъ, всѣ жмутся подъ бараньи шубы, и хозяйка спѣшитъ развѣсти поскорѣе огонь. Пища бѣднаго класса—исключительно одинъ кирпичный чай, сваренный на водѣ, съ присмѣсью небольшого количества молока. Богатые сѣдаютъ неимовѣрное количество баранины, но самое любимое блюдо бурята—это внутренности быка, зажаренные съ кровью. Хлѣбъ у нихъ дѣлается самымъ простѣйшимъ способомъ: смѣшавъ муку съ водой и сдѣланные такимъ образомъ катышки положить въ горячую золу, — вотъ и хлѣбъ готовъ. Многіе любятъ пить кумысъ (молоко кобылицы) и выпиваютъ его въ громадномъ количествѣ. Вино готовится изъ молока, остающагося отъ выдѣлки масла; молоко подвергается броженію и сохраняется потомъ въ деревянныхъ кадочкахъ. Это вино называется «араки». Кошмы и войлоки буряты дѣлаютъ сами (большую частію этотъ трудъ падаетъ на женщинъ) изъ шерсти своихъ барановъ. Дохлый рогатый скотъ употребляется въ пищу точно также, какъ и убитый. Нѣкоторые изъ бурятъ обязываютъ себя клятвою не ѣсть «падали» и исполняютъ это обѣщаніе, конечно, только при извѣстномъ достаткѣ; въ крайности же и дохлая

лошадь идетъ въ пищу и, пожалуй, иной разъ предпочитается даже невкусному кирпичному чаю.

Главное богатство бурята заключается въ большомъ количествѣ крупнаго и мелкаго рогатаго скота и въ табунахъ лошадей. Украшеніе богатыхъ женщинъ составляетъ маржанъ—коралль краснаго цвѣта, величиною въ кедровый орѣхъ, а иногда и болѣе, смотря по состоянію. Цѣна маржана зависитъ отъ величины и цвѣта, приблизительно отъ 75 р. до 150 р. за фунтъ, въ которомъ заключается отъ 60 до 100 корольковъ. Одежда женщинъ, въ праздничные дни, состоитъ изъ парчи яркихъ цвѣтовъ, употребляемой у насъ въ церквахъ, а также и изъ шолковыхъ матерій; шапки ихъ изъ бобровыхъ и соболей; на груди повѣшены русскія серебряныя монеты, въ ушахъ серги, унизанныя въ нѣсколько рядовъ маржаномъ; на головѣ то же украшенія, сдѣланныя изъ маржана, въ родѣ діадемы; на рукахъ большіе серебряныя браслеты; сапоги шолковые, въ родѣ китайскихъ, съ толстыми подошвами. Дѣвицы носятъ прическу, состоящую изъ множества косиць, убранныхъ маржаномъ; замужнія же носятъ только двѣ косы, красиво лежащія по обѣ стороны груди и соединенныя нитями изъ маржана и серебра. Одежда женщинъ мало отличается отъ одежды мужчинъ. Случается иногда видѣть вдали ѣдущую верхомъ женщину и никакъ нельзя распознать, мужчина это или женщина, пока не подъѣдетъ близко. Впрочемъ, отчасти, можно догадаться по головному убору, да и то не всегда.

Конечно, въ менѣе состоятельномъ классѣ бурятъ, какъ и у всѣхъ народовъ вообще, серебряныя украшенія замѣняются мѣдными, парчевыя и шолковыя ткани—простыми дешовыми и вмѣсто бобровыхъ и соболевыхъ шапокъ женщины носятъ мерлушатая. Но

какъ бы ни была бѣдна семья бурята, хотя бы она нищенствовала по улусамъ, а все-таки у каждой женщины сохраняется два-три зерна настоящихъ коралловъ, для украшенія въ праздничный день своей прически. Китайцы ухитрились приготовить изъ рису нѣчто похожее на маржанъ, и это дешовое украшеніе въ большомъ количествѣ расходуется по всей Монголіи, достигая и до бурятъ.

Женщина въ бурятской семьѣ работаетъ гораздо больше, чѣмъ мужчина. Утромъ она встанетъ первая, разведетъ въ юртѣ огонь, заварить кирпичный чай и отправляется доить коровъ. Кончивъ это дѣло, бурятка возвращается въ юрту, поить ребятишекъ чаемъ, и потомъ опять уходитъ, гнать скотъ на водопой. Мужъ въ это время проснется, почешется, потянется и, лѣнливо поднявшись съ кошмы, пьетъ оставленный для него въ котелкѣ чай и покуриваетъ свою трубочку; жена, возвратившись съ водопоя, сѣдлаетъ ему коня, и бурятъ ѣдетъ верхомъ, по дѣлу или просто гуляетъ по знакомымъ улусамъ. Жена между тѣмъ прибирается въ юртѣ, что нибудь шьетъ, дѣлаетъ войлоки или выминаетъ въ мялкѣ кожу. Мужъ возвращается послѣ своей прогулки и жена разсѣдываетъ коня, а онъ себѣ посиживаетъ у юрты или заваливается на кошму, съ неизмѣнной своей спутницей—трубкой. Женщины нерѣдко занимаются къ русскимъ жать хлѣбъ или косить траву. Для своихъ же стадъ и табуновъ буряты сѣна не заготавливаютъ, предоставляя имъ цѣлую зиму перебиваться какъ и чѣмъ угодно. Скотъ, питающійся ветошью, въ теченіи зимы исхудаетъ, ребра его высунутся, движенія сдѣлаются медленны и слабы.—Ничего, думаетъ бурятъ:—вотъ наступитъ весна,—поправится; и дѣйствительно, съ наступленіемъ весны, когда появится

сочная, питательная зелень, скотъ въ двѣ-три недѣли откармливается и поправляется, какъ будто и не постился никогда.

Нѣкоторые буряты уходятъ въ городъ на заработки и нанимаются къ русскимъ плотниками и землекопачами—другихъ работъ они не знаютъ. Впрочемъ, въ последнее время буряты начинаютъ понимать выгодную сторону хлѣбопашества и мало по малу принимаются, хотя и въ незначительной степени, за этотъ благодарный трудъ.

III.

Совершая свои молитвы, буряты становятся на колѣни предъ бурханами, складываетъ ладони рукъ и, поднимая ихъ ко лбу, приговариваетъ какія-то слова. Болѣе религиозные, кромѣ обыкновенной молитвы, еще устраиваютъ около юрты вертящіяся отъ вѣтра столбики, исписанные разными молитвами. Нѣкоторые отъ этого столбика проводятъ веревку въ юрту и, подергивая ее, приводятъ въ движеніе столбикъ: движеніе столбика вокругъ своей оси, по понятіямъ бурята, замѣняетъ его личныя молитвы. Сколько разъ повернется столбикъ, столько разъ число молитвъ, уписанное на немъ, зачтется въ заслугу буряту.

— Дальджема! кричитъ какой нибудь старикъ своей вѣчной работницѣ-женѣ:—дай-ка мнѣ добрую чашку араки. Послушная Дальджема, вѣрная и покорная раба своего супруга, вѣчная его работница, ведетъ себя сообразно своему положенію и не смѣетъ противорѣчить своему властелину:—араки является по первому требованію.

Выпить старикъ охмѣляющее питье и, дернувъ нѣсколько разъ проведенную отъ столбика деревку, спокойно завалится спать. Это значить, что онъ помолился.

*

Если не каждый богатый буряты, то большая часть изъ нихъ, считаетъ непремѣнною своею обязанностию, хотя одинъ разъ въ жизни, сходить въ г. Ургу, на поклоненіе живому богу — Хутухтѣ. Городъ Урга, отстоящій на триста верстъ отъ Кяхты, небольшой монгольскій городъ, съ дворцомъ для Хутухты. Этотъ городъ, вается, и построенъ для его резиденціи; въ народѣ онъ называется «ламскій городъ», потому что при Хутухтѣ находится до десяти тысячъ ламъ.

Отправляется монголъ или буряты въ Ургу и несетъ съ собою, по силѣ возможности, соболей, серебра, а иногда и золота. Придетъ онъ въ Ургу — услужливые ламы не откажутъ ему въ принятіи жертвы и позволятъ полежать, растянувшись на землѣ, предъ входомъ во дворецъ живаго бога. При этомъ, конечно, онъ наслушается отъ ламъ о тысячѣ чудесъ, которые творить ихъ богъ, и другой богатый слушатель только и знаетъ, что распоясываетъ свою мошну да даетъ ламамъ деньги. Полежитъ поклонникъ минуты двѣ-три передъ дворцомъ, пошепчетъ молитвы, выскажетъ свои душевныя просьбы и отправляется въ обратный путь, исполнивъ свой религіозный обѣтъ. Видѣть Хутухту никто никогда не можетъ, кромѣ приближенныхъ, старшихъ ламъ. Онъ живетъ себѣ во дворцѣ съ дѣтства и откармливается на убой до 18—20 лѣтняго возраста. Къ этому времени, по ученію ламъ, душа его переселяется въ душу какого нибудь дитяти изъ благочестиваго семейства въ Тибетъ, а тѣло улетаетъ на небо. Когда наступаетъ подобный торжественный день, ламы, съ разными приличными случаю церемоніями, отправляются въ Тибетъ, отыскиваютъ тамъ какое нибудь богатое благочестивое семейство и объявляютъ ему, что Хутухта, какъ видно изъ священ-

ныхъ тибетскихъ книгъ, переселился въ душу ихъ сына. Семейство, конечно, жертвуетъ ламамъ богатые дары, а маленькое дитя съ почестями перевозится въ Ургу. Проходить известное количество лѣтъ; мальчикъ подрастаетъ, откармливается, ублажаемый приближенными ламами, и впоследствии, по всей вѣроятности, его тоже убиваютъ и замѣняютъ новымъ, котораго ожидаетъ та же несчастная участь. Конечно, дѣло понятное, — чѣмъ чаще душа Хутухты будетъ переходить въ маленькихъ дѣтей изъ благочестивыхъ и богатыхъ семействъ, тѣмъ выгоднѣе ламамъ...

Я былъ знакомъ съ однимъ ламой, только что возвратившимся изъ путешествія въ Ургу.

— Что, лама, ты, говорятъ, въ Ургу ходилъ, спрашивалъ я.

— Какъ не ходить, — ходилъ, отвѣчалъ лама, почесывая лобъ.

— Что же, ты отнесъ туда серебро или золото?

— Отнесъ немного...

— А что именно?

— Три соболя отнесъ, два золотыхъ и пятнадцать серебряныхъ денегъ, — пересчитываетъ по пальцамъ лама.

— Зачѣмъ же ты такъ много отнесъ, поменьше бы?

— Ничего ужъ... отнесъ... задумчиво говорилъ бурятъ.

— Кому же ты ихъ тамъ отдалъ?

— Тамъ большому ламѣ отдалъ.

— Зачѣмъ отдалъ?

— Живому богу молился...

— Развѣ безъ денегъ молиться нельзя?..

— Нѣтъ, пошто нельзя, можно... Только я живаго бога хотѣлъ видѣть, за тѣмъ давалъ...

— Ты видѣлъ, что-ли, живаго бога?

— Его самого не видѣлъ, а домъ его видѣлъ,—большой такой...

— Какъ же ты не видѣлъ? ты вѣдь лама?

— Мнѣ нельзя его видѣть: я маленькій лама. Серебро я отдалъ, сободей и золото далъ—все взялъ большой лама.

— А тебѣ не жаль денегъ?

— Зачѣмъ жаль? Зато живому богу помолился, говорилъ задумчиво бурятъ и по обыкновенію потиралъ ладонью лобъ.

Въ Ургѣ, кромѣ Хутухты, есть еще пророки—гыгены. Эти хотя и не отличаются безсмертіемъ, но имѣютъ тоже нѣкоторыя особенности, доставляющія имъ и деньги, и почетъ. Гыгены, большею частію, пустынники и отшельники, и къ нимъ обращаются, какъ къ людямъ, которымъ боги, за ихъ святую жизнь, открываютъ будущее. Желаящіе приподнять хотя кончикъ таинственной завѣсы будущаго приносятъ къ этимъ почтеннымъ старцамъ серебро, золото, соболей и получаютъ отвѣты на свои вопросы (*).

IV.

Во время беременности, женщину, каждый мѣсяць посѣщаетъ лама и читаетъ надъ ней молитвы о благополучномъ ея разрѣшеніи. По разрѣшеніи отъ бремени, лама, съ подобающею важностію, перелистываетъ священную книгу, отыскивая въ ней указаніе на тотъ счастливый день, въ который можно совершить обрядъ крещенія. Этотъ обрядъ заключается въ чтеніи мо-

---

(*) У бурятъ, какъ и у всѣхъ азіатскихъ народовъ, есть еще шаманы-духовидцы, но о нихъ я считаю лишнимъ говорить, такъ какъ они довольно подробно описаны Гартвигомъ и многими другими.

литвь на тибетскомъ языкѣ. Новорожденнаго моютъ и даютъ ему имя, по имени перваго гостя, вошедшаго въ юрту.

Однажды, во время обряда, вошелъ въ юрту русскій священникъ; новорожденный была дѣвочка. Буряты пришли въ страшное недоумѣніе и не знали, какъ назвать дитя. Священникъ замѣтилъ ихъ затрудненіе.

— Да кто у васъ родился-то? спросилъ онъ.

Буряты переглядывались между собой и ничего не отвѣчали.

— Да что съ вами? говорите, кто же у васъ родился?

— Дѣло плохо...

— Что же? несчастіе что-ли какое?

— Дѣвчонка родилась, объяснили буряты.

Священникъ засмѣялся.

— Ну такъ что-же? Назовите ее Машкой и конецъ дѣлу, сказалъ онъ въ шутку, а буряты повѣрили да такъ и назвали. Дитя выросло и осталось навсегда подъ именемъ *Машки*.

По окончаніи каждаго обряда: крещенія, свадьбы или погребенія — лама получаетъ для кумирни приношеніе въ видѣ коня, быка, барана или кирпичнаго чаю, смотря по достатку дающаго. Давая приношеніе, буряты не заботятся о томъ, чтобы лама доставилъ его въ кумирню; онъ крѣпко вѣритъ, что отдалъ жертву богу, а если принявшій лама утаитъ даръ въ свою пользу, то самъ же и отвѣтитъ предъ богомъ.

Въ каждой семьѣ бурятской, одинъ изъ сыновей отъ рожденія назначается въ ламы. Это назначеніе открывается тоже чрезъ священныя тибетскія книги, гдѣ, будто-бы, значитъ, быть-ли ребенку ламой, или нѣтъ. Если быть, то будущій лама отдается въ ученіе, тибетскому языку и медицинѣ; но большая часть ихъ,

конечно, ничего не смыслятъ ни въ томъ, ни въ другомъ. Лама можетъ жениться, какъ слѣдуетъ, только въ такомъ случаѣ, если въ его семьѣ нѣтъ братьевъ. Если-же у него есть женатый братъ, то лама пользуется его женою, какъ собственной. Нѣкоторые утверждаютъ, что у братьевъ въ этомъ случаѣ составляется компанія, и этому, пожалуй, можно вѣрить, потому что бурятъ, даже ради гостепрѣимства, уступаетъ ночующему у него въ юртѣ дорогому гостю—свою жену, а иногда и не замужнюю дочь. Это вполнѣ въ нравахъ бурятскихъ и этимъ особенно пользуются ламы. Та дѣвица, которая забеременѣла отъ ламы, скорѣе другихъ найдетъ себѣ мужа, такъ какъ связь ея съ ламой считается чѣмъ-то священнымъ. Если-же беременность получила отъ связи ея съ простымъ смертнымъ, то этотъ смертный долженъ взять свое дитя къ себѣ.

Дѣти въ бурятской семьѣ находятся въ полномъ и безусловномъ повиновеніи у своихъ родителей, и когда сынъ достигаетъ такого возраста, что можно его женить,—отецъ выбираетъ ему невѣсту и посылаетъ сватовъ къ ея родителямъ. Сваты торгуются о калымѣ, то есть, сколько долженъ дать женихъ за невѣсту головъ скота, сколько серебра и проч. По окончаніи торговъ, сватовъ угощаютъ аракой и бараниной; приглашаются въ юрту жениха ламы и опять раскрываютъ они свои священныя книги, отыскивая въ нихъ день, въ который можно совершить свадебный обрядъ.

Къ дѣвицѣ, просватанной замужъ, собираются ея подружки и живутъ у нея по нѣскольку дней, приготовляя приданое. Вскорѣ послѣ сватанья, отцу невѣсты доставляется часть калыма, остальная же часть выдается впоследствии, смотря по условію. Наканунѣ свадьбы, какъ у невѣсты, такъ и у жениха, убиваютъ

барановъ и быковъ для угощенія будущихъ гостей. Богатые буряты за нѣсколько дней до свадьбы дѣлають вечера, на которыхъ однако женихъ не участвуетъ. На этихъ вечерахъ, кромѣ ближнихъ родственниковъ, никого изъ постороннихъ не бываетъ; посиживаютъ только собравшіеся родственники вокругъ чайнаго котелка, попиваютъ чаекъ и толкуютъ о предстоящей свадьбѣ, о калымѣ, о достоинствахъ невѣсты, и проч.

— Работница будетъ хорошая...

— Большая дѣвка, здоровая...

— Да и калымъ не дорогой дали... Дѣвка отличная!

Въ день свадьбы женихъ съ своими друзьями отправляется къ юртѣ невѣсты; ея подруги, завидя приближающихся молодцовъ, становятся въ кругъ и составляютъ изъ себя цѣпь, сплетаясь руками; въ средину этого круга становится невѣста. Женихъ съ друзьями стараются разорвать цѣпь и вырвать изъ круга невѣсту. Пискъ и визгъ поднимается ужасный, подруги защищаютъ невѣсту, насколько хватаетъ у нихъ силы и, не имѣя болѣе возможности сопротивляться напору нападающихъ, уступаютъ наконецъ невѣсту друзьямъ жениха. Взявъ приступомъ невѣсту, друзья жениха одѣваютъ и закутываютъ ее въ шубы или ткани, садятъ верхомъ на лошадь, и процессія съ невѣстой уѣзжаетъ въ поле; слѣдомъ за ней уходитъ и обозъ съ приданымъ. Женихъ возвращается назадъ въ свою юрту, гдѣ ожидаютъ его родные, и они, всё вмѣстѣ, отправляются верхами въ поле отыскивать невѣсту. Ёдутъ они гурьбой по степи, видятъ расположившіяся таборомъ поѣзды невѣсты, но нарочно стараются проѣхать мимо. Ламы, важно засѣдающіе гдѣ нибудь по близости у ручья, останавливаютъ этотъ поѣздъ жениха, спрашивая: куда вы ѣдете?

— Мы ѣдемъ по степи, совершенно справедливо отвѣчаютъ ѣдущіе.

Спрашивающіе удовлетворяются отвѣтомъ и задаютъ новый вопросъ:—кого вы ищете?

И слышатъ въ отвѣтъ слѣдующее:

— Ищемъ мы корову, у которой рога серебряные, хвостъ шелковый, копыта золотыя и вмѣсто глазъ горятъ яркіе драгоцѣнные камни. Не видали ли вы такой коровы?

— Видѣли, отвѣчаютъ ламы.

— Гдѣ же вы ее видѣли?

Ламы отвѣчаютъ:—Мы сидѣли здѣсь у ручья, а она бѣжала мимо; мы остановили ее и взяли въ свой таборъ.

— Отдайте же ее намъ—она наша, просятъ со стороны жениха.

Ламы нѣсколько времени не хотятъ отдавать, но потомъ соглашаются и тогда оба поѣзда, соединившись вмѣстѣ, отправляются къ юртѣ жениха. Тутъ читаются священныя книги, невѣсту переодѣваютъ въ другое платье и затѣмъ начинается свадебный пиръ.

Такъ какъ въ юртѣ жениха помѣститься всѣмъ гостямъ нѣтъ никакой возможности, то большая часть гостей разсаживаются около юртъ. Время для свадебнаго пира всегда назначается къ вечеру и продолжается до утра. Много съѣдается тутъ варенаго и жаренаго мяса, много выпивается араки и кумысу и еще больше кирпичнаго чаю. Публика располагается небольшими группами, и въ срединѣ каждой группы непременно раскладываютъ костеръ. Молодые гости составляютъ пляски, старики мурлычатъ пѣсни или сосутъ свои коротенькія трубки; нагіе ребятишки бѣгаютъ около огня; кой гдѣ буряты борются, поощряемые зрителями; собаки подбираютъ обглоданныя кости... Поздно ночью оканчивается этотъ праздникъ, и гостей большею ча-

стію развозятъ уже въ одноколѣгахъ, такъ какъ они бываютъ не въ состояніи возвратиться домой верхомъ.

Первую ночь невѣста проводитъ не съ своимъ женихомъ, а съ кѣмъ нибудь изъ ея или его-друзей, смотря по ея выбору. Этотъ обычай нѣкоторые буряты оправдываютъ тѣмъ, что невѣста остается въ эту ночь неприкосновенной; другіе однако при этомъ хитро посмѣиваются и говорятъ двусмысленности. Кто ихъ знаетъ, что это за обычай? Вѣрно только то, что женихъ увидитъ свою молодую жену только на второй день послѣ свадьбы, и тогда уже у нихъ начнется настоящая супружеская жизнь.

Цѣлый мѣсяцъ послѣ свадьбы молодая живетъ барыней, почти ничего не дѣлаетъ, и лишь изрѣдка возьмется за какую нибудь ничтожную работу. Къ концу мѣсяца она съѣздитъ къ своимъ роднымъ, поживетъ у нихъ недѣлку, другую и, возвратившись къ мужу, принимаетъ уже на себя всѣ тяжелыя обязанности жены-работницы.

Буряты можетъ имѣть въ одно время не болѣе двухъ жонъ. Разводъ допускается закономъ только въ такомъ случаѣ, если разводимые дадутъ обѣщаніе болѣе никогда не вступать въ бракъ. Офиціальныя разводы бываютъ весьма рѣдко и не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго. Сидятъ себѣ ламы въ своихъ жолтыхъ и красныхъ костюмахъ, читаютъ священныя книги, старшій изрѣдка позваниваетъ въ колокольчикъ—вотъ и весь обрядъ. Большею частію разводы бываютъ безъ участія ламъ, по обоюдному согласію супруговъ, а иногда просто жена убѣжитъ отъ мужа, и въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ право требовать калымъ назадъ, но если мужъ оставляетъ жену, то калымъ ни въ какомъ случаѣ не возвращается.

Оставившая мужа или оставившій жену можетъ, съ разрѣшенія ламъ, снова вступить въ бракъ, и этотъ законный бракъ можно повторять сколько угодно разъ. Точно также и послѣ смерти жены буряты можетъ снова жениться; законъ дозволяетъ ему бракъ, пожалуй, если хотите, до ста разъ; соблюдается только, чтобы въ одно время не было болѣе двухъ женъ.

V.

У буряты часто можно встрѣтить барановъ, быковъ и лошадей, увѣшанныхъ разноцвѣтными тряпками, вплетенными и привязанными къ гривѣ, рогамъ и хвосту. Это—священные особы, и пугать, бить, а тѣмъ болѣе убивать ихъ считается величайшимъ грѣхомъ. Случилось мнѣ видѣть четырехъ-рогаго барана, остановившагося у самаго входа въ юрту. Буряты стоялъ поодаль и не смѣлъ отогнать его отъ дверей.

— Что ты стоишь такой испуганный? спросилъ я.

— Да вотъ баранъ... нерѣшительно отвѣчалъ буряты.

— Ну что же, баранъ?

Буряты дѣлаетъ на своей рожѣ таинственное выраженіе и шопотомъ говорить, бояливо поглядывая на барана.

— Юрту заслонилъ—пройдти нельзя...

— Отгони его, не съѣсть вѣдь.

— О! нельзя. Подожду мало, уйдетъ...

Дѣйствительно баранъ постоялъ, потерявъ рогами о кошму и пошелъ дальше, къ радости бурята, нетерпѣливо ожидавшаго его ухода.

Во время сильной бури, продолжительныхъ дождей, грома, молніи и землетрясеній, буряты и ихъ ламы начинаютъ совершать моленіе предъ бурханами; нерѣдко во время землетрясеній вырываютъ они ямы, въ которыя кладутъ жертвы—золото, серебро или кораллы для умилостивленія разгнѣванныхъ божествъ.

Умирая, буряты приглашаетъ къ себѣ ламу и исповѣдуются.

Богатый еще при жизни дѣлаетъ завѣщаніе: сколько дать въ кумирню, сколько оставить семьѣ и сколько положить съ собой въ гробъ, въ видѣ выкупа за землю. Послѣ его смерти, приходятъ нѣсколько ламъ, читаютъ священныя книги, бьютъ въ тимпаны и по книгамъ же назначаютъ день, въ который слѣдуетъ тѣло предать землѣ, и мѣсто, гдѣ зарыть покойника. Случается, что въ ожиданіи погребенія, умершій лежитъ по пяти и шести дней въ юртѣ и разлагается, распространяя на полверсты кругомъ ужасную вонь. Подобное замедленіе, по рассказамъ нѣкоторыхъ буряты, бываетъ отъ того, что ламѣ мало дадутъ за труды, и священная книга, по его расчету, показываетъ отдаленный срокъ погребенія.

На мѣстѣ, выбранномъ для погребенія умершаго, собираются ламы, разстилаютъ на землю войлокъ, кладутъ черную баранью шкуру, а на черную—бѣлую и тогда уже начинается чтеніе священныхъ книгъ и поклоненіе богамъ, чтобы они позволили вырыть яму для могилы. Послѣ чтенія молитвъ, покойника опускаютъ въ землю. Со всѣхъ четырехъ сторонъ въ могилѣ ставятъ изъ чистаго бѣлаго стекла баночки, наполненныя серебромъ или золотомъ—это выкупъ за землю. Потомъ закопаютъ гробъ, сдѣлаютъ сверху насыпь земли, наставятъ кругомъ жердей и обтянутъ ихъ веревками. На веревки повѣсятъ разноцвѣтныя тряпки и бумажки, исписанныя молитвами, и онѣ, колыхаясь отъ вѣтра, будутъ, по понятіямъ буряты, замѣнять умершему молитвы. Совершивъ тризну на могилѣ, родственники покойнаго, вмѣстѣ съ ламами, отправляются обратно въ юрту.

Понятія буряты о загробной жизни нѣсколько схожи

съ христіанскими. Они вѣрятъ, что наступитъ такой день, когда вся земля разрушится и Богъ придетъ судить и разбирать дѣла людей. Грѣшныхъ велитъ бросать въ ямы—или холодныя, со льдомъ, или горячія, съ пылающими дровами, смотря по грѣхамъ. Умершій, переходя въ новый міръ, встрѣтитъ по дорогѣ всѣхъ обиженныхъ, обманутыхъ и обсчитанныхъ имъ, которые будутъ къ нему приставать и требовать удовлетворенія; нѣкоторые изъ грѣшныхъ увидятъ дерево, на верху котораго будутъ сидѣть ихъ знакомые и звать ихъ къ себѣ, рассказывая прелести и удобства своего помѣщенія. Грѣшники ползутъ къ нимъ на дерево, но, царапаясь объ иглы и шипы, будутъ обрываться внизъ, и снова потомъ взбираться, до безконечности...

— Учить насъ тамъ будутъ много...

— И бить будутъ, больно будутъ бить... потому грѣховъ много, больно ужъ грѣховъ много. Куда ни повернись—все грѣхъ!..

И благочестивые буряты вздыхаютъ при этомъ глубоко.

Нѣкоторые изъ ламъ говорятъ, что мученія грѣшныхъ вѣчно продолжаться не могутъ, потому что Богъ, создатель всего міра, очень добръ и непремѣнно проститъ грѣшныхъ, помучивъ ихъ нѣсколько времени. Праведныхъ ожидаетъ блаженство, состоящее изъ всякаго рода наслажденій, конечно, во вкусѣ азіатскомъ.

Богослуженіе буряты, кромѣ описаннаго чтенія священныхъ тибетскихъ книгъ, совершается нѣсколько разъ въ году въ большихъ кумирняхъ. На эти богослуженія призываетъ главный лама, называемый хамба-лама. Это начальникъ надъ всѣмъ бурятскимъ духовенствомъ и пользуется большимъ почетомъ между бурятами за неимовѣрную тучность своего тѣла. Всѣ хамба-ламы, умершаго въ 1861 году, доходилъ до 10 пудовъ.

VI.

Давно уже русское духовное начальство заботится о распространении христіанства между бурятами. Какъ шло и какъ продолжается теперь это распространение, мнѣ неизвѣстно; но въ бытность мою въ Иркутскѣ мнѣ пришлось слышать нѣсколько фактовъ, которые я считаю нелишнимъ передать.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, буряты, вдругъ, цѣлыми улусами, стали принимать крещеніе. Духовное начальство было, конечно, очень радо такому успѣху ихъ проповѣди. Но чрезъ нѣсколько времени обращеніе въ христіанство такъ же быстро остановилось, какъ и началось.

— Что такое сдѣлалось съ ними? думали недоумѣвающіе проповѣдники.

Оказалось, что буряты принимали православную вѣру потому только, что освобождались этимъ отъ вліянія ихъ родоваго князька, слишкомъ усердно эксплуатировавшаго ихъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ (*). Князекъ, замѣчая потерю своего вліянія, отправился въ Иркутскъ и самъ со всей семьей своей тоже перешелъ въ христіанскую вѣру, но онъ умѣлъ устроить свои дѣла такъ, что съ крещеніемъ снова получилъ власть, какъ надъ обращенными въ православіе, такъ и надъ оставшимися въ старой вѣрѣ бурятами. Съ этого-то времени буряты не такъ ревностно стали переходить въ православіе.

(*) Буряты раздѣляются на множество отдѣльных родовъ, управляемыхъ родовыми князьками. Каждый родъ состоитъ иногда изъ тысячи или болѣе человекъ, въ большинствѣ случаевъ не знающихъ степени родства между собою. Это устройство отчасти напоминаетъ кланы шотландскихъ горцевъ.

Бывали такіе случаи, что бѣдный буряты принималъ крещеніе по нѣскольку разъ. Окрестятъ его разъ, одѣнутъ, обуютъ и сладко накормятъ; пойдетъ онъ въ свой улусъ разсказывать своимъ о хорошей русской вѣрѣ и чрезъ нѣсколько времени снова является подъ другимъ именемъ, объявляя о желаніи перейти въ христіанство. Опять онъ получаетъ крестъ, рубашку, халатъ, шапку, сапоги и проч.

Разсказывали, что хамба-лама, получая отъ русскаго правительства извѣстныя права, обязывается не мѣшать распространенію христіанства между бурятами. Мѣшаетъ онъ или нѣтъ—кто знаетъ? извѣстно только то, что доходъ съ бурятскихъ кумирень онъ получаетъ въ весьма приличномъ количествѣ и терять его во всякомъ случаѣ ему было бы очень прискорбно...

Въ послѣднее время русская миссія имѣетъ свою резиденцію въ Посольскомъ монастырѣ на берегу Байкала. Одинъ мой знакомый былъ очевидцемъ, какъ наши миссіонеры обращаютъ буряты.

Большая часть буряты знаютъ порусски, но при появленіи незнакомаго лица, кто бы онъ ни былъ, на отрѣзъ отказываются отъ этого знанія:—толмачъ угый (переводчика нѣтъ)—да и только; хотъ вы ихъ принуждайте угрозами, хотъ упрашивайте, буряты все будутъ отдѣлываться своимъ:—толмачъ угый,—пока не увидятъ безопасности разговора порусски. Пріѣзжаетъ миссіонеръ въ бурятскій улусъ и, получивъ «толмачъ угый», начинаетъ говорить чрезъ переводчика. Буряты стоятъ и сидятъ около него въ юртѣ и, повидимому, со вниманіемъ слушаютъ проповѣдь миссіонера. Долго и много говоритъ миссіонеръ, буряты все слушаютъ, тихонько вздыхая и почесывая лбы.

— Ну что же, бѣдныя дѣти степей, видите-ли, какая

прекрасная, святая и чистая вѣра христіанская! заключаетъ свою рѣчь миссіонеръ.

— Вѣра хороша; славная, хорошая вѣра, отвѣчаютъ ему нѣкоторые изъ бурятъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Ну такъ что же еще думать? принимайте святое крещеніе, будете дѣти православной церкви и угодны Господу Богу, — избавитесь отъ вѣчной муки, которая васъ ожидаетъ за поклоненіе поганымъ и сквернымъ идоламъ...

Буряты слушаютъ, сохраняя молчаніе.

— Что же вы задумались, несчастныя жертвы ада и вѣчныхъ мукъ? Неужели вы предпочитаете вашу грѣховную вѣру истинному и праведному ученію Христову? спрашиваетъ миссіонеръ.

— Вѣра ужъ хороша, больно хороша, чудная вѣра! говорятъ опять буряты, почесывая плохо выбритые лбы.

— Такъ что же еще вамъ нужно? Сами поняли, что хорошая вѣра, — спѣшите же притячь святое крещеніе!

— Холодна теперъ больно погода; вотъ ужъ лѣто подойдетъ, тепло будетъ, тогда ужъ можно креститься, отговариваются буряты.

Миссіонеръ уѣзжаетъ въ полной увѣренности, что съ наступленіемъ лѣта буряты перейдутъ въ православіе. Пріѣзжаетъ онъ лѣтомъ и начинаетъ опять уговаривать бурятъ.

— Ну вотъ и лѣто наступило благодатное, «приспелъ день спасенія.» Спѣшите примкнуть къ стаду Христову, говоритъ онъ имъ.

— Теперъ тепло ужъ, больно тепло, — отвѣчаютъ буряты, — можно креститься... только вотъ что... ребята наши всѣ по полямъ.... кто скоть пасеть, кто чево....

Вотъ уже осенью всѣ соберутся, тогда и хреститься хорошо будетъ...

Приважаетъ миссіонеръ осенью и начинаетъ снова доказывать бурятамъ преимущества христіанской вѣры предъ нечестивымъ идолопоклонствомъ. Опять поддакиваютъ ему буряты — хоро-о-шая вѣра чудная вѣра! — и опять отяѣвиваются подъ какимъ нибудь предлогомъ.

Одинъ изъ горяченькихъ миссіонеровъ, вѣроятно не имѣя силы выносить подобныя отговорки, сожегъ ихъ кумирню, желая этимъ доказать бурятамъ, что боги ихъ безсильны и не спасутъ своего погананаго храма.

Боги дѣйствительно оказались безсильны: сухія бревна стараго зданія скоро охватило пламя, вѣтерокъ явился на подмогу и въ полчаса кумирня сгорѣла до основанія. Буряты стояли, смотрѣли и молчали. Миссіонеръ сказалъ имъ еще нѣсколько поученій, приводя въ примѣръ безсиліе ихъ поганныхъ боговъ. Буряты опять слушали и опять похвалили русскую вѣру.

— Хо-ро-о-шая, чудная вѣра.

Миссіонеръ уѣхалъ въ Посольскій монастырь. Но не прошло мѣсяца, какъ буряты составили прошеніе и подали его въ Иркутскъ. Писали они, что миссіонеръ сожегъ ихъ кумирню и всѣхъ боговъ, въ ней находившихся, и что вмѣстѣ съ ихъ богами сгорѣла икона, чтимаго ими, Николая Чудотворца.

Чѣмъ кончилось это дѣло — мнѣ неизвѣстно. Можетъ быть даже, этого ничего и не было, можетъ быть, люди, недовольные дѣятельностію миссіи, сложили эту сказку; а если такъ, то тѣмъ лучше. Но я все таки ее печатаю, хотя для того, чтобы дать понятіе, какія сказки могли складываться въ извѣстное время, въ извѣстной мѣстности. Эта сказка, если не содержитъ и капли справедливости, тѣмъ не менѣе имѣетъ свое историческое значеніе,

какъ матеріалъ, съ помощію котораго можно доискаться какой нибудь истины и, наконецъ, понять, отчего фантазія автора была настроена такъ, а не иначе, отчего составлена такая сказка, а не другою какого либо содержанія...

МАЙМАЙТЧИНЪ (*).

Наши первыя торговыя сношенія съ Китаемъ были открыта не частными лицами, не торговою компанією, а самимъ русскимъ правительствомъ, которое до первой четверти XVIII столѣтія отправляло, въ извѣстное время года, русскихъ чиновниковъ, съ нужными товарами, внутрь Китая. Чиновники добирались съ караваномъ до г. Пекина и въ обмѣнъ на привезенные товары, получали разныя произведенія Китая, какъ-то: шолоковыя матеріи, фарфоровую посуду и проч. Чаю въ то время требовалось мало и его вывозили изъ Китая въ весьма ограниченномъ количествѣ.

Въ 1727 году пріѣзжаетъ на границу Россіи и Китай уполномоченный отъ русскаго правительства графъ Савва Владиславичъ Рагузинскій и съ того времени начинается (съ русской стороны) основаніе г. Троицко-савска и торговой слободы Кяхты, а со стороны китайцевъ города Маймайтчина.

(*) Маймайтчинъ, или правильнѣе: Наймайтчинъ, на Китайскомъ языкѣ выражается тремя словами: най (продавать) май, (покупать), чинъ (мѣсто) т. е. мѣсто для продажи и покупки товара; най май, соединенные вмѣстѣ, означаютъ: торговля. Следовательно, Маймайтчинъ значитъ торговое мѣсто.

Первыя торговыя сдѣлки русскихъ съ китайцами производились періодически: къ декабрю мѣсяцу въ Маймайтчинѣ китайцами и въ Кяхту русскими привозились чай и товары, начинался обмѣнъ и къ январю дѣло оканчивалось, не возобновляясь до зимы слѣдующаго года. Такъ продолжалось до послѣдней четверти XVIII столѣтія; но съ этого времени между Кяхтой и Маймайтчиномъ обмѣнъ товаровъ дѣлается все чаще и чаще и къ началу XIX столѣтія китайцы открываютъ въ Маймайтчинѣ постоянные склады чая. Прежніе товары, привозимые ими въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ, какъ-то: далемба и китайка (бумажныя ткани), чисуча, канфа (шолковыя ткани фарфоровыя вещицы и прѣч. проч., — отдвигаются на задній планъ, а первое мѣсто занимаетъ кирпичный и байховый чай.

До 1853 года торговыя дѣла русскихъ съ китайцами шли превосходно, не смотря на то, что для этихъ торговыхъ дѣлъ существовало *положеніе*, по которому купецъ не имѣлъ права промѣнивать свои товары дешевле извѣстной цѣны, точно такъ же не имѣлъ права *покупать* у китайцевъ чай на монету.

Съ 1853 года начинается возмущеніе въ южномъ Китаѣ и съ этого времени на китайскихъ рынкахъ падаютъ цѣны на мануфактурные товары, а требуется золото и серебро; на Кяхтѣ обмѣнъ товаровъ уменьшается и золотая и серебряная монета находятъ себѣ сбытъ контрабанднымъ путемъ, въ огромномъ количествѣ.

Съ 1856 года русское правительство находитъ нужнымъ принять во вниманіе просьбы купцовъ и открываетъ въ Кяхтѣ свободную торговлю, съ ограниченнымъ выпускомъ золотой русской и серебряной иностранной монеты. Торговля въ это время достигаетъ до 13^{1/2}

милліоновъ фунт. вывоза чая и за тѣмъ начинается съ каждымъ годомъ уменьшаться.

Въ 1860 году, опять вслѣдствіе многихъ просьбъ русскаго купечества, на Кяхтѣ дозволяется свободная—въ полномъ значеніи слова—торговля, но въ то же время разрѣшается ввозъ чая чрезъ европейскую границу и съ этого времени Кяхтинская торговля окончательно рушится и къ 1867 году въ Китайскомъ городкѣ Маймайтчинѣ, вмѣсто прежнихъ двухъ-сотъ торговыхъ фузъ остается не болѣе десяти,—остальныя все заперты и владѣльцы ихъ выѣхали изъ Маймайтчина внутрь Китая.

Вотъ бѣглый очеркъ нашихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ. Здѣсь не мѣсто разбирать причины упадка кяхтинской торговли и потому, что мы объ этомъ много говорили въ свое время, и потому, что наша задача—познакомить читателя съ г. Маймайтчиномъ и его жителями.

Маймайтчинъ отдѣляется отъ торговой слободы Кяхты деревяннымъ заплотомъ, который тянется на нѣсколько сотъ сажень, обозначая собою границу. Пройдя въ высокія ворота ведущія за границу, мы въ послѣдній разъ видимъ русскаго двуглаваго орла, красующагося надъ этими воротами и удивляющаго китайцевъ своими двумя головами.

—Тута ево, птица мудрена: егודה голова ума много, не извѣстна только которна голова хыозяинъ, каторна голова пыркацикъ (т. е. не извѣстно, которая изъ головъ старше чиномъ), говорятъ китайцы, всматриваясь въ русскій гербъ. За этими воротами—Китай, или, говоря точнѣе,—Монголія, накодѣющаяся подъ властію Китая.

Прежде чѣмъ попасть въ Маймайтчинъ, нужно пройти чрезъ площадь, отдѣляющую этотъ городъ отъ рус-

ской границы; площадь завалена всякими нечистотами, костями барановъ и быковъ, — остатками китайскаго стола; иногда на этой площади падаетъ и издыхаетъ какая нибудь больная лошадь, да такъ на ней и сгниетъ вся, а о дохлыхъ собакахъ и говорить нечего; — никто на это не обращаетъ вниманія, потому, что никого это не беспокоитъ. Ходятъ по этой площади стадами монгольскія собаки, отыскивая себѣ дневное пропитаніе въ кускахъ нечистотъ; иногда между ними попадаются развалившійся въ навозной кучѣ грязный, оборванный нищій — монголъ, боязливый и тупый въ взглядомъ осматривающій проходящаго русскаго. Лѣтомъ съ этой площади невыносимая вонь далеко разносится въ окружности и слышится на улицахъ Кяхты.

Маймайтчинъ имѣетъ три улицы, въ каждую изъ нихъ ведутъ особыя ворота, запираемыя на ночь; передъ воротами стоитъ высокій экранъ, чтобы не было видно издали того, что дѣлается на улицѣ и въ ворота въѣхать можно только съ боку. Въ послѣдствіи съ лѣвой стороны Маймайтчина вытянулась еще улица и на противоположной сторонѣ города, образовалось большое предмѣстье.

Ничего не можетъ быть пустыннѣе и глуше улицъ Маймайтчина. Тянутся высокія стѣны, не имѣющія ни одного окна на улицу; большая часть воротъ затворены и даже заперты изнутри на замокъ. Заслыша шаги прохожаго, выбѣгаютъ изъ подъворотъ только маленькія китайскія собачонки, гремя своими безчисленными бубенчиками и оглушая вѣгливый, рѣзкимъ лаемъ. Надъ каждымъ воротами видна надпись мудреными китайскими знаками, объясняющими названіе оузы. Кой гдѣ въ растворенныя ворота видна и внутренность китайскаго двора, устланнаго деревяннымъ поломъ.

Внутренность двора представляет слѣдующее. По срединѣ двора непрѣнно стоитъ, на высокихъ подножкахъ, картина, писанная масляными красками, изображающая долгодѣіе. На первомъ планѣ этой картины нарисованъ старикъ, старый до невозможности и сѣдой до бѣлизны снѣга; рисуется онъ на всѣхъ картинахъ одинаково, всегда съ высокимъ до уродства лбомъ.» — Тутъ ево ума побольшанъ, философа, « поясняетъ китаецъ, нахватавшійся отъ русскихъ мудреныхъ словъ, *тоненькихъ*, какъ онъ ихъ называетъ. Около старика группируется нѣсколько человѣкъ, представляющихъ собою отца, сыновей и всегда полунагихъ, жирныхъ внучатъ. Вся эта группа цѣлаго поколѣнія трется около безобразнаго, чуть живаго старика, который какъ будто силится, не то отъ радости, не то отъ старости заплакать. Такая картина, одинаковаго, безъ малѣйшихъ имѣній, содержанія находится на дворѣ каждой маймайтчинской фузы.

Передъ картиной лѣтомъ разставляются цвѣты, въ деревянныхъ ящикахъ съ китайскими надписями и продолговатая бочка, наполненная водой, съ плавающими въ ней рыбами. Иногда тутъ же выставляются клѣтки съ птичками, выносимыя изъ душныхъ фузъ на чистый воздухъ. На право отъ картины двери ведутъ въ жилые покои, на лѣво — анбары для храненія припасовъ, а сзади картины — пакгаузы для складки чаевъ.

Изъ двора пройдемъ въ покои, которые собственно и носятъ названіе фузы. — «За нама фуза милости поросимъ, погули» (т. е. къ намъ въ комнаты пожалуйте, погулять), приглашаютъ китайцы, всегда радушные со всякимъ знакомымъ и незнакомымъ человѣкомъ.

Заходимъ и смотримъ.

Фуза раздѣлена на двѣ половины. Одну изъ нихъ

занимаетъ старшій изъ акціонеровъ торговаго дома, прїѣзжающій въ Маймайтчинъ на 5 или на 6 мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ прїѣдетъ другой и замѣнитъ товарища. Въ каждую половину фузы ведетъ дверь, имѣющая суконную занавѣсь, приподнятую на половину кверху въ видѣ навѣса; въ этой суконной занавѣси есть въ серединѣ окно и когда она опускается, то входящій можетъ сначала удостовѣриться, посмотрѣвъ въ окно, не спитъ ли хозяинъ, и потомъ уже приподнять занавѣсь. Передняя часть каждой половины фузы занята широкими и длинными (во всю ширину фузы) нарами, подъ ними помѣщается печь; труба этой печи въ нѣсколько изгибовъ проходитъ подъ нарами и прогреваетъ ихъ, доставляя китайцамъ удовольствіе спать на горячихъ кирпичахъ; труба никогда не выводится наверху крыши, а оканчивается всегда внизу около фундамента, или выводится подъ землю на задній дворъ фузы въ предостереженіе отъ пожара.

По стѣнамъ внутри фузы развѣшено нѣсколько бумажныхъ картинъ съ изображеніемъ драконовъ, змѣй, не существующихъ звѣрей и т. п. страшилищъ, съ невѣроятно большими глазами и зубами; есть картины, изображающія военные эпизоды изъ китайской исторіи; герои ихъ всегда рисуются громаднаго роста и лица ихъ размалевываются разными цвѣтами, какъ это въ дѣйствительности и дѣлаютъ начальники китайскихъ войскъ, для устрашенія непріятели. Около картинъ висятъ по стѣнамъ черныя дощечки, на которыхъ, золочеными знаками, написаны изреченія китайскихъ мудрецовъ; иногда, въ сосѣдствѣ съ этою китайскою мудростію, виситъ французская картинка дамскихъ модъ, по всей вѣроятности, выпрошенная китайцемъ у русской купчихи и имѣющая непосредственное назна-

ченіе быть отправленной на родину, въ какой-нибудь Калганъили Саянзинъ, въ качествѣ портрета съ русскихъ. На лѣвой стѣнѣ отъ входа, на столѣ стоитъ небольшой шкафикъ, чѣмъ нибудь завѣшенный или прикрытый дверцами: въ этомъ шкафикѣ сохраняются боги, домашніе пенаты. Посрединѣ наръ помѣщается маленькій столикъ и передъ нимъ жаровня, съ постоянно горящими угольями, отчего нерѣдко приходится трещать, не привыкшимъ къ угару, русскимъ головамъ. Вдоль стѣны на нарахъ лежатъ свернутыми всѣ принадлежности спанья и только нѣсколько кубическихъ, упругихъ подушекъ лежитъ вблизи маленькаго столика, готовая къ услугамъ для спины почетнаго гостя. Рамы въ окнахъ имѣютъ большіе размѣры, такъ что правая стѣна отъ входа занята почти вся тремя окнами; клѣтки въ рамахъ очень мелки и вмѣсто стеколъ они заклеены китайской тонкой бумагой. Этотъ южный обычай дорого стоитъ китайцамъ и русскіе морозы пробираютъ ихъ порядочно, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ фузахъ, кромѣ печей подъ нарами, сдѣланы еще и русскія печи. Китайцы всю зиму не снимаютъ съ себя въ комнатахъ мѣховыхъ одеждъ и хотя сохраняютъ обычай спать совершенно раздѣвшись безъ бѣлья, но за то и укутываются своими мѣховыми халатами со всѣхъ сторонъ, такъ что спящаго человека не скоро заметишь подъ грудю шубъ, мѣховъ и халатовъ.

Посрединѣ потолка висятъ фигурные подсвѣчники, съ красными толстыми свѣчами; въ нѣкоторыхъ фузахъ ихъ развѣшено нѣсколько. Около стѣнъ стоятъ два-три уродливыхъ кресла и тоже два или три стола, — эта мебель всегда чернаго или краснаго цвѣта. На столахъ помѣщаются: стеклянная чаша съ водой, для живыхъ рыбокъ, башенка для ловли мухъ, а иногда и рус-

скіе часы, подаренные кѣмъ нибудь изъ русскихъ купцовъ и непремѣнно испорченные и не поправленные, за неимѣніемъ китайскихъ часовыхъ мастеровъ. Около двери вбиты въ стѣну деревянные, причудливой формы, гвозди, похожіе на оленьи рога: это вѣшалки для шапокъ. Въ углу—зеркало, разрисованное по бокамъ картинами, изображающими, по большей части, китайскихъ дамъ.

Вотъ и все, что можно видѣть въ китайской майматчинской оубѣ.

Вообще, грязи въ ней много, полы никогда не моются, паукъ спокойно плететь паутину, гдѣ ему угодно, да и сами китайцы не чище своихъ жилищъ. Бань у нихъ не существуетъ, тѣла своего китаецъ никогда не моетъ и носитъ бѣлье до той поры, пока оно отъ ветхости не свалится съ его плечъ; а между тѣмъ, въ праздничный день, видишь китайца-купца разодѣтымъ въ шолковые халаты и, не зная, не можешь себѣ представить, какая грязь подъ этими дорогими тканями. Впрочемъ, тѣ изъ китайцевъ, которые уже обжились на русской границѣ, напрашиваются къ русскимъ въ бани и иногда отдають мыть бѣлье русскимъ прачкамъ.

— О, тута баня жестоки! Кусай тѣло хырошанки! рассказываетъ китаецъ, побывавшій въ русской банѣ, и долго отдувается развалившись на нарахъ.

— Что же вы у себя не сдѣлаете бань? спросить иногда русскій, замѣтивъ великое удовольствіе на китайской рождѣ.

— Наша такой обычай нѣту: баня никто не строить.

— Отчего же не устроить? Потому и обычай будетъ: ты выстроишь, за тобой другой будетъ строить...

— Э! Э! Пріятель! Туте нельзя: законъ нѣту!..

Дальше спрашивать нечего; сказана фраза: за-

конь нѣту и—конецъ, сколько не разспрашивайте,— отвѣтъ будетъ все одинъ и тотъ-же.

На главной улицѣ Маймайтчина построены высокія, мрачныя ворота, въ видѣ башни, стояція на перекресткѣ двухъ переулковъ; на верху башни и на причудливо изогнутыхъ концахъ ея трехъ кровель висятъ колокольчики и бубенчики, издающіе звуки даже при незначительномъ вѣтрѣ. Палласъ, въ своемъ путешествіи по Сибири, говоритъ о маймайтчинскихъ воротахъ, что колокольчики «нѣкоторый курантъ выигрываютъ»; можетъ быть, въ его время (въ 1730 годахъ) курантъ и выигрывался, но въ мое время, въ началѣ 1860 годовъ, о немъ не осталось никакого воспоминанія. По всѣмъ четыремъ сторонамъ башни прибиты длинныя и широкія доски, мелко исписанныя китайскими знаками,— это временныя распоряженія и разные приказы мѣстнаго начальства, относящіеся къ жителямъ города Маймайтчина. Надъ этими досками, или съ боку ихъ, проходящій человекъ можетъ замѣтить нарисованную на стѣнѣ плеть; иногда, по случаю какого нибудь строгаго приказа, къ доскѣ, на которой этотъ приказъ выписывается, приколачиваютъ гвоздями настоящую, уже не нарисованную, а дѣйствительную плеть, для ващшаго вразумленія публики. Такая оригинальная и весьма внушительная прибавка къ приказу достигаетъ вполне своей цѣли: жители съ великимъ страхомъ прочтываютъ написанное и, такъ сказать, во очію видятъ, какія послѣдствія могутъ быть съ ними, если бы они вздумали либерально отнестись къ написанному. Вблизи этихъ грозныхъ приказовъ (тоже вѣроятно съ назидательной цѣлью) китайское правосудіе, въ лицѣ мѣстнаго дзаргучея (губернатора), выставляетъ преступниковъ всякаго рода. Тутъ ставятся и контрабандисты, пой-

манные съ чаемъ, который они хотѣли провезти безпошлинно, и люди уличенные въ продолжительномъ пьянствѣ, и попавшіе, по воровству, и люди совершившіе убійство. Всегда почти, прижавшись въ самый темный уголъ воротъ, стоитъ несчастный мученикъ: массивная доска надѣта ему на плечи, на груди виситъ другая доска, исписанная большими черными знаками, объясняющими его преступленіе.

Помню, въ одну изъ моихъ безцѣльныхъ прогулокъ по Маймайтчину, видѣлъ у этихъ воротъ монгола: лицо его исхудало, глаза ввалились и вокругъ ихъ выступили синебагровыя пятна, губы растрескались и запеклись кровью отъ жажды; утомленный постоянной тяжестью, давящей его плечи и грудь, монголъ едва могъ поддерживать свою голову.

Поскорѣе прошелъ я мимо этой жертвы китайскаго правосудія, потому что она производитъ слишкомъ тяжелое впечатлѣніе...

Простоитъ онъ, несчастный, думалъ я, цѣлый день, до поздняго вечера на своемъ лобномъ мѣстѣ; холодно, безучастно будетъ проходить толпа, давно привыкшая къ подобнымъ зрѣлищамъ; другой, веселый чловѣкъ, еще и посмѣется, подразнить, а если пожелаетъ, то можетъ дать и въ рожу, ибо это не возбраняется: преступникъ долженъ переносить наказанія, хотя бы его преступленія были вызваны самимъ обществомъ, его экономическимъ и гражданскимъ устройствомъ, — до этого нѣтъ никому дѣла.

Такимъ образомъ китаецъ или монгола, уличеннаго въ преступленіи, учать уму-разуму и много еще пройдетъ дней, думалъ я, еще болѣе ввалится глаза бѣднаго монгола и осунется смуглое лицо, голова повиснетъ къ доскѣ и будутъ гаснуть по-

свѣднія силы; но не сжалится надъ нимъ представитель китайскаго правосудія, не сжалится потому, что бѣдный монголъ не можетъ откупиться отъ наказанія, не имѣеть ни чаю, ни серебра. Дзаргучей, въ свою очередь, поступать иначе не можетъ, потому что не можетъ существовать безъ взятокъ, такъ какъ должность его покупается имъ на три года за значительную цѣну: въ эти три года онъ долженъ выручить то, что заплатилъ самъ за мѣсто, и получить хотя какую нибудь выгоду. Черезъ три года пріѣдетъ другой, тоже заплатившій за право быть начальникомъ, и въ теченіи трехъ лѣтъ, подобно своему предшественнику, будетъ обирать китайцевъ при всякомъ случаѣ.

Замѣчательно то, что когда наступаетъ срокъ отъѣзда стараго начальника и пріѣзда новаго, то оба они, какъ два злѣйшіе врага, стараются разѣхаться, чтобы не встрѣтить одному другаго; дѣла же по управленію городомъ сдаетъ новому начальнику одинъ изъ младшихъ чиновниковъ, бывшихъ при старомъ начальникѣ.

Китайцы раболѣпно преклоняются предъ своими начальниками въ ихъ присутствіи и отчаянно ругаютъ ихъ за-глаза, чувствуя на своихъ спинахъ и карманахъ всю тяжесть ихъ управленія и потому-то, при всѣхъ недоразумѣніяхъ, случающихся по торговымъ сношеніемъ съ русскими, китайцы упрашиваютъ рѣшить дѣло домашнимъ образомъ и не доводить его до свѣдѣнія начальства.

— Тута, пріятель, лучше дома рѣши: наша начальника очень жестоки! говоритъ таинственно китаецъ и пугливо оглядывается, боясь чтобы кто не услышалъ его либеральныхъ рѣчей.

II.

Небольшой домъ дзаргучей, построенный конечно на суммы маймайтчинскихъ купцовъ, находится въ кон-

цѣ главной улицы, въ сосѣдствѣ съ громадной кумирней, въ которой стоятъ всевозможные боги, ворочающіе судьбами маймайтчинскихъ жителей. Два столба, окрашенные красной краской, съ металлическими, вызолоченными шарами наверху, стоятъ посреди перваго двора Дзаргучейскаго дома; они видимы версты за двѣ, давая собою знать о мѣстѣ жительства китайскаго властелина, имѣющаго больше вліянія на жителей города, чѣмъ боги, мирно стоящіе въ громадной кумирнѣ.

Конечно китайцы этого ни въ какомъ случаѣ и не воображаютъ, хотя не много нужно наблюдательности, чтобы замѣтить, какая разница между ихъ кумирами и дзаргучеемъ: предъ кумирами изрѣдка ставятъ барановъ, а дзаргучею зачистую тащатъ столько чаю, что можно бы на него купить сотни барановъ; кумиры остаются безмолвны ко всему, а дзаргучей ищетъ случая придратъся и, чтобы выжать изъ своей жертвы сокъ, запускаетъ ей подъ ногти пальцевъ иголки, ставить на горячіе уголья, и жертва, не имѣя возможности откупиться, какъ величайшаго блага ожидаетъ послѣдняго дня своей несчастной жизни, и не дождавшись, и потерявъ терпѣніе ждать, при первомъ удобномъ случаѣ разрываетъ себя ножомъ животъ.

Однажды, замѣтивъ около дзаргучейскаго дома толпу монголь и китайцевъ, я изъ любопытства присоединился къ нимъ. Толпа тѣснилась также и на дворѣ. Осѣдланые кони были привязаны къ плетню, составляющему ограду перваго двора. Самое же жилище дзаргучея находится внутри третьяго двора, на который простые смертные не имѣютъ права свободнаго входа.

Я пробрался въ первый дворъ.

Монголы съ ленточками на шапкахъ и съ пугами стрѣлъ за свиннами (воинство) сидѣли у забора и кури-

ли свои коротенькія трубки. Другіе, вмѣстѣ съ китайцами, толпой стояли посреди двора, громко разговаривали и съ великимъ любопытствомъ заглядывали во внутренность втораго двора.

Прошло съ полчаса.

Толпа то убывала, то прибывала; нѣкоторые изъ смѣлыхъ подходили близко къ воротамъ втораго двора и, заглянувъ туда, торопливо отходили назадъ въ толпу, тѣснившуюся въ ожиданіи выхода дзаргучея. Долго еще продолжалось ожиданіе, изъ втораго двора выходили какія-то лица, проходили по первому двору и снова исчезали, онѣ были одѣты бѣдно и грязно и мало чѣмъ отличались отъ толпы. Вдругъ вся нестройная ватага китайцевъ и монголь съ крикомъ и смѣхомъ бросилась вонъ изъ двора; я съ удивленіемъ смотрѣлъ на это быстрое отступленіе, не понимая его причины, и, оглянувшись кругомъ, замѣтилъ, что остался одинъ посреди двора.

Съ улицы кричалъ мнѣ знакомый китаецъ, усиленно махая руками:

— Митеръ! Митеръ (Дмитрій)! Ходи назадъ, дураки! Сейчасъ пушка попали буду, ходи ярова. (Сейчасъ стрѣлять будутъ, иди скорѣе).

«Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, кто ихъ знаетъ, что тамъ за пушки, можетъ быть и дѣйствительно что нибудь страшное, не даромъ же всѣ разбѣжались».

Вышелъ я къ толпѣ, остановившейся на улицѣ, въ почтительномъ разстояніи отъ дзаргучейскаго дома.

— Гдѣ же пушки? спрашивалъ я знакомаго китайца.

— Аджега! (вотъ это) жестоки! отвѣчалъ китаецъ, указывая на маленькія тумбочки, едва замѣтныя отъ земли.

Между тумбочекъ пробирался монголь, осторожно снимая покрывающія ихъ деревянные ящики. Онъ то-

ропливо снялъ послѣдній ящикъ, отбросилъ его въ сторону и самъ пустился бѣжать подалѣе отъ пушекъ.

Должно быть тоже былъ храбрый воинъ.

Нѣсколько минутъ прошло въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго, казалось, по меньшей мѣрѣ, долженъ былъ наступить въ эти минуты страшный судъ, — все стояли притаивъ дыханіе и ждали... Но вотъ высунулся изъ воротъ втораго двора сначала зажженный фитиль, потомъ длинная палка, на которой онъ былъ насаженъ, наконецъ показалась рука, державшая палку, и должно быть, самый храбрѣйшій изъ воиновъ тихонько выходилъ на первый дворъ; отворачивая лицо въ сторону, онъ подкрадывался къ маленькимъ пушкамъ и старался приречь затравку.

Страшный судъ наступалъ!

Оробѣвшіе зрители давно зажали уши въ ожиданіи выстрѣла; раздался, наконецъ, легонькій выстрѣлъ, толпа повеселѣла и самодовольно захохотала.

Знакомый китаецъ подбѣжалъ ко мнѣ и размахивалъ руками.

— Джо! какойва! (Ахъ! какво?) Жестоки?

— Ничего жестокова нѣтъ...

— Напрасно, пріятель. Жестоки!.. Слушай, слушай...

И съ этими словами онъ отскочилъ отъ меня далеко въ сторону и снова зажалъ уши...

Воинъ съ фитилемъ осторожно потянулся къ второй пушкѣ и повернулъ свою смуглую рожу на сторону; раздался выстрѣлъ и снова захохотала толпа.

Такъ онъ переходилъ отъ одной пушки къ другой и каждый разъ отворачивался, нагибаясь, всею туловищемъ впередъ и вытягивая на сколько возможно, дальѣе руку съ фитилемъ.

Кончились выстрѣлы. Воинъ гордо оглянулъ толпу и какъ человекъ, совершившій нѣчто необычайное, не захотѣлъ болѣе доставлять удовольствія толпѣ своимъ присутствіемъ и ушелъ на второй дворъ.

Черезъ нѣсколько времени стали выходить изъ второго двора китайскіе чиновники, медленно выступая одинъ за другимъ; всѣ они были одѣты въ суконные длиннополные кафтаны и суконныя же короткія курмы. Потомъ показался и самъ дзаргучей. Не смотря на жаркій лѣтній день, на немъ, сверхъ шолковаго, голубаго, длиннополата кафтана, была накинута курма изъ соболей, шерстью вверхъ. Надъ головой его колыхался большой, красный зонть, придерживаемый руками воиновъ, у которыхъ за спинами торчали пули стрѣлъ въ колчанахъ.

Толпа отошла еще далѣе.

Сидѣвшіе у плетня монголы торопливо начали усаживаться на лошадей, шумъ и крикъ поднялся ужасный, не смотря на то, что спокойно важныя поступи и выраженія лицъ китайскихъ чиновниковъ, казалось бы, должны были внушать толпѣ самыя тихія, благоговѣйныя чувства. Одинъ дзаргучей чего стоилъ: онъ не шолъ, а едва передвигалъ ногами; голову держалъ прямо, не поворачивая нисколько ни въ ту, ни въ другую сторону, какъ будто онъ только что снялъ съ затылка громаднѣйшую мушку, боль отъ которой не позволяла ему поворачивать головы. Пока онъ такъ шолъ, изъ воротамъ подѣхала двухъ-колесная повозка, запряженная лошакомъ. Сохраняя медленность въ движеніяхъ, онъ съ помощію окружающихъ чиновниковъ, влѣзъ внутрь повозки и сложилъ ноги калачомъ. Слѣдовавшіе за нимъ и впереди его чиновники, не смотря на то, что такъ важно выступали во время шествія по дво-

ру, съли на верховныхъ лошадей, не отличающихся особенною красотою и убранствомъ, и побѣжали вслѣдъ за повозкой дзаргучей. Воронца побѣжалъ на собственныхъ ногахъ около повозки, держа возни въ рукахъ, а съ обвннхъ стронъ понеслись на верховныхъ монголы съ своими волчанами и съ развѣвающимися на шапкахъ лентами.

Я долго смотрѣлъ вслѣдъ удаляющейся повозки, наблюдая за котыхангиря краснымъ зонтомъ; который одинъ изъ верховныхъ старался удерживать надъ самой повозкой дзаргучей, но лошадь его рвалась, а потому онъ то отставалъ позади, то обгонялъ повозку. Знакомый мой китаецъ давно стоялъ около меня и видимо былъ доволенъ, что я такъ долго всматриваюсь въ удаляющійся поѣздъ ихъ начальника.

— Что, Митеръ, какой-ва нама дзаргуча? А? Хырошанки? спрашивалъ онъ, довольный торжественностию церемоніи.

— Очень хорошо! похвалилъ я: — а что онъ, хороший начальникъ?

— Хырошанки! Очень хырошанки! хвалилъ китаецъ, а самъ оглядывался.

— Ваятокъ не беретъ?

— У! Жестоки! прошепталъ китаецъ и рукой махнулъ.

— А зачѣмъ онъ побѣжалъ къ нашему начальнику? Китаецъ скорчилъ глубокомысленную рожу!

— Посовѣтуй все, тоненькій слова... тайственно отвѣчалъ онъ, какъ будто и действительно зналъ причину вызвадъ дзаргучей въ Кяхту.

И пошелъ дакъ по Маймайчину.

Вблизи дзаргучейскаго дома она называется главной улица, она называется она, какъ водится, воротами и

*

зкраномъ, заграждающимъ прямой въѣздъ въ улицу; за этой улицей начинается предмѣстье города, извѣстное подъ названіемъ *ынгороза*. Въ немъ уже нѣтъ богатыхъ, раскрашенныхъ фузъ, — постройка простая, незатѣйливая, не мало фузъ ветхихъ, разрушающихся; живутъ въ этихъ фузахъ одонки маймайтчинскаго общества, торгующіе кирпичнымъ чаемъ, промышленяющіе контрабандой, или продающіе въ разноску разные бездѣлушки, бумажныя картины, коробочки и пр. и пр.; ынгорозами оканчивается Маймайтчинъ, грязный и мрачный китайскій городишко. Собственно и городомъ его называть нельзя, потому что въ немъ хотя и по нѣскольку лѣтъ живутъ пріѣзжіе китайцы, но они не постоянные жители Маймайтчина, они и пріѣзжаютъ въ него безъ своихъ жонъ и дѣтей, такъ что въ Маймайтчинѣ ни когда не бывала ни одна китайская женщина.

Почему китайцы не привозятъ своихъ семействъ на русскую границу, это объясняютъ двояко: одни говорятъ, что въ силу установившагося сначала торговли обычая, китайцы не хотятъ нарушать его, другіе находятъ въ этомъ политическую причину, что будто-бы китайское правительство не позволяетъ своимъ подданнымъ вывозить на границу ихъ семейства во избѣжаніе эмиграціи, такъ что семейство китайца, какъ будто, остается въ залогъ и гарантируетъ собою его возвращеніе на родину. Которое изъ двухъ предположеній вѣрнѣе, — не могу разрѣшить

За ынгорозами открывается мѣстность ровная, безлѣсная; вдали синѣются высокія горы, едва видимыя простымъ глазомъ. Дорога вьется по степи и же замѣтно исчезаетъ вдали, какъ будто сливаясь со степью. Вотъ показались на дорогѣ черныя точки и высоко надъ

ними пыль поднялась. Точки приближаются, яснѣе и больше дѣлаются онѣ и наконецъ превращаются въ верблюдовъ, мѣрно шагающихъ другъ за другомъ. По бокамъ у нихъ навьючены тюки съ ящиками чая, на спинахъ ихъ сидятъ запыленные и загорѣлые монголы. Караванъ медленно двигался впередъ; войдя въ предмѣстѣе Маймайтчина, монголы перебросились нѣсколькими словами съ встрѣчными китайцами, очевидно расспрашивая о мѣстѣ фузы того, кому слѣдовалъ чай, и затѣмъ длинная вереница верблюдовъ потянулась въ ворота Маймайтчина и скрылась въ главной улицѣ.

Чай снимаютъ со спинъ верблюдовъ слѣдующимъ образомъ: по извѣстному крику ямщиковъ монголовъ верблюды опускаются на колѣна, на спинахъ ихъ развязываютъ узлы, и тюки, зашитые въ кошмы, сами собой падаютъ на землю. Когда приходитъ въ Маймайтчинъ чайный караванъ, тогда по узкимъ улицамъ нѣтъ никакой возможности не только проѣхать, но даже и пройти пѣшему: вездѣ лежатъ верблюды и такая остановка сообщенія продолжается до того времени, пока со спинъ верблюдовъ не снимутъ всѣхъ ящиковъ и тогда уже развьюченные животныя уводятся въ предмѣстѣе Маймайтчина.

III.

Самое скучное и тяжелое время въ Маймайтчинѣ это — лѣтніе мѣсяцы. Торговля совершенно прекращается, наступаютъ жары, отовсюду несетъ воню разлагающихся нечистотъ; на улицахъ, въ фузахъ, на площадяхъ, вездѣ вонь, духота и пыль. Китайцы въ такіе дни безпрестанно поливаютъ свои пыльные улицы водой, мочатъ внутри дворовъ полы и тѣмъ только уменьшаютъ дѣйствіе духоты и жара. По случаю лѣтняго затишья въ торговлѣ, китайцы большую часть дня

спять или дремлютъ, слушая, какъ быются жуки, по-
павшіяся въ фигурную башенку-ловушку. Старшіе ак-
ціонеры фузъ, не только въ лѣтніе мѣсяцы, но и въ са-
мое горячее торговое время, спятъ по 18 часовъ въ сут-
ки; про лѣтніе мѣсяцы и говорить нечего: положительно
дряхнуть съ утра до вечера и съ вечера до утра. Заня-
тій никакихъ нѣтъ; общественной жизни тоже, книги
читать китайскій купецъ не любитъ, да по правдѣ ска-
зать, ничего онъ въ нихъ для себя путнаго и не найдетъ,
остается, слѣдовательно, сонъ, а если сна нѣтъ, вино,
наконецъ опиумъ, — надо же какънибудь время уळा-
чивать. Проснется китаецъ отъ сна и принимается тя-
нуть горячій чай безъ сахару и курить табакъ; выпьетъ
чашекъ десять чаю; выкурить трубокъ двадцать (труб-
ки очень маленькія, менѣе русскаго наперства) и снова
заваливается спать.

Встаютъ китайцы лѣтомъ очень рано, вскорѣ послѣ
восхода солнца, и пьютъ горячую воду, — чай пить вско-
рѣ послѣ сна натошакъ считаютъ вреднымъ, — холод-
наго китайцы никогда не пьютъ и думаютъ, что если
утромъ, на тощій желудокъ, выпить холодной воды, то
можно заболѣть и умереть. Немало они удивлялись, смо-
тря на русскихъ, пьющихъ холодную воду со льдомъ:
имъ казалось, что вотъ-вотъ человекъ свалится съ
ногъ и умереть. Послѣ получаса времени, проведеннаго
послѣ сна за чашкой горячей воды, китайцы не знаютъ,
какъ уколотить время; главные пайщики фузъ ходятъ
по фузамъ своихъ знакомыхъ, пьютъ чай, курятъ та-
бакъ, и думаютъ только о томъ, какъ бы поскорѣ про-
шло время до 10 часовъ утра. Лѣтомъ въ 10 ч. у кита-
йцевъ уже готовъ обѣдъ, и почти девять десятыхъ изъ
маймайтчинскихъ жителей, послѣ этого часа, завали-
ваются спать. Китайскіе прикащики, не смотря на то,

что торговых дѣлъ нѣтъ, все таки считаютъ нужнымъ по очереди уходить въ торговую слободу Бякту и посѣщать нупеческіе дома каждый день, для того, чтобы не проявлять какого нибудь торговаго дѣла, или не дрепать мимо душей торговыхъ свѣденій, получаемыхъ русскими.

Идетъ очередной прикащикъ въ Бякту, лѣнливо переступаетъ съ ноги на ногу, потому что торопиться ему не куда, — онъ знаетъ, что большая часть купцовъ выѣхали изъ Бякты на дачи и оставили для китайцевъ незапертой одну комнату въ домѣ, для того, чтобы они могли приходить въ нее и дремать. Придетъ китаецъ въ пустую комнату, накурится своего мелкоискрошеннаго табаку, насыпетъ пеплу на полъ, каплюетъ и уйдетъ въ другой домъ, гдѣ, также не видя хозяина, посидитъ, подремлетъ, а пожалуй даже и выспится, если не помѣшаютъ ему свои же товарищи китайцы, любящіе порой подшутить надъ своимъ собратомъ: привязать его длинную косу къ стулу, спрятать фуражку, пощекотать въ носу или испугать громкимъ крикомъ.

Иногда въ пустую комнату соберется человекъ десятъ, пятнадцать, — сидятъ, покуриваютъ, дремлютъ, иной вытягиваетъ себѣ подъ носъ тоненькимъ фальшетоу китайскую пѣсню: «ши-чи, ши-па» — про дѣвушину, которая шестнадцати лѣтъ оставила родительскій домъ и скоро забеременѣла. Эта пѣсня, по крайней мѣрѣ въ Маймайтчинѣ пользуется большою популярностью и ее знаетъ каждый китайскій мальчишка.

Стоитъ только кому нибудь изъ русскихъ купцовъ объявить китайцамъ, что онъ желаетъ купить чаю, какъ на другой же день залъ его наполнится китайскими прикащиками, которые положительно будутъ осаждать купца съ предложеніемъ чаю. По этому случаю

русскій купецъ и не выходитъ самъ въ комнату, назначенную къ его домѣ для китайцевъ, а впускаетъ ихъ по одному въ свой кабинетъ и за каждымъ запираетъ дверь. Для того, чтобы соблюдать очередь, всѣ китайцы усаживаются на стулья, стоящіе у стѣнъ комнаты, и крайній къ двери кабинета, по выходѣ оттуда китайца, занимаетъ его мѣсто въ кабинетѣ; лишь только онъ поднялся и освободилъ свой стулъ, какъ сидѣвшій съ нимъ рядомъ пересядетъ на его мѣсто, его сосѣдъ тоже и такъ всѣ китайцы пересядутъ стуломъ ближе къ двери кабинета. Точно на исповѣдь ходятъ они въ комнату хозяина, и продолжается такая исповѣдь иногда съ утра до вечера: всѣ китайцы побываютъ въ кабинетѣ, а купецъ дѣла все-таки не сдѣлалъ; на завтра опять та же исторія, и продолжается она до того времени, пока купецъ не выйдетъ изъ своего кабинета въ залъ и не скажетъ: — ну, господа, дѣло кончено, а чай вымѣнялъ, больше мнѣ не надо.

Китайцы начинаютъ приставать, просятъ объясненія, у кого вымѣнялъ чай, на какой товаръ, почему у него, а не у меня и т. д.; но купецъ, долго не думая, уходитъ и запираетъ дверь кабинета. Иногда, послѣ его ухода, китайцы еще долго стоятъ у дверей и кричатъ: «отопри, тоненькій слова есть», и, не дождавшись открытія дверей, уходятъ съ бранью изъ дому; а завтра опять идутъ и опять ждутъ торговаго дѣла. Лѣтомъ, вообще, такіе случаи рѣдки, потому что кяхтинцы выжидаютъ рѣшенія дѣла на нижегородской ярмаркѣ; зимой же каждый день во всѣхъ купеческихъ домахъ съ утра до вечера комната полна китайцами и производятся торговые сдѣлки.

Съ 10 часовъ утра до 12 Кяхта пустѣетъ: китайцы ушли обѣдать и отдыхаютъ. Акціонеры оузь послѣ

обѣда спать часовъ по пяти, и, напившись чаю въ 3 часа дня, снова дремлютъ съ трубной въ зубахъ. Въ продолженіи пяти лѣтъ моего знакомства съ китайцами, я только однажды видѣлъ китайца, читавшаго книгу. Это меня удивило, какъ явленіе рѣдкое.

— Какую это ты книгу читаешь? спросилъ я его, взглядываясь въ непонятные для меня китайскіе знаки.

— Книга мудрена! Тута все писалъ, какъ подериза военна (какъ на войнѣ дрались).

И китаецъ пустился рассказывать содержаніе книги; наговорилъ онъ мнѣ множество чудесъ о китайскомъ военномъ искусствѣ, о силѣ китайскихъ богатырей, прославившихся въ исторіи своими невѣроятными подвигами и доблестями, въ родѣ того, на примѣръ, какъ одинъ богатырь размалевалъ себѣ рожу красками, сдѣлался похожъ на страшнаго звѣря, взялъ въ руки мечъ и, бросившись на непріятеля, въ одинъ часъ истребилъ все его многочисленное войско.

— О, тута нама богатыри, жестоки! добавилъ китаецъ, воодушевляясь рассказанными подвигами. Подвиги китайскихъ богатырей, — про которые мнѣ пришлось слышать самодовольный, многорѣчивый рассказъ китайца, — эти подвиги и богатыри, совершающіе ихъ, относятся не къ народному эпосу, т. е. не къ тому времени, въ которое всякій народъ, въ безыскусственныхъ словесныхъ произведеніяхъ, поэтически выражаетъ свой взглядъ на окружающую природу; нѣтъ, рассказы, слышанные мной, составляли эпизоды изъ китайской исторіи послѣдняго столѣтія и потому я считалъ совершенно разумнымъ остановить разболтавшегося китайца и сказалъ ему:

— Все, братъ, это вздоръ, сказки нелѣпыя!..

— Како сказки! Тибидураки! Тута книги госуда-

ри дѣла, его вода спрашива, когда книга писать! кричалъ Китаецъ, размахивая книгой.

— А все таки въ книгѣ твоей только одна чепуха.
— Тебѣ самъ чепуха! гнѣвно сказалъ Китаецъ и спряталъ книгу въ ящикъ.

Онъ долго потомъ сердился на меня (за то, что я вынавалъ недобвіріе къ его книгѣ). Вообще китайцы склонны болѣе и часто врутъ такъ, что, какъ говорится, мухи дохнутъ отъ ихъ вранья, таково оно тошно. Напримѣръ, на вопросы: — сколько верстъ до Урги? Китаецъ скажетъ не много, не мало, тысячь пять, тогда какъ до Урги всего 300 верстъ. Или, — каковы китайскія пушки? Китаецъ скажетъ, что у нихъ есть пушка, изъ которой если выпалитъ, то ядро пролетитъ прямо въ Москву. (въ Москву). И какъ ни старайся разуверитъ, — ничего не сдѣлаешь, Китаецъ будетъ божиться, клясться и не сознается во лжи. Дожь ихъ всего болѣе развита въ тѣхъ случаяхъ, когда разговоръ идетъ о ихъ отечествѣ, или при сравненіи предметовъ русскихъ съ китайскими. Были напримѣръ въ Кяхтѣ маневры, двигались правильныя колонны войскъ, гремѣла музыка; китайцы смотрѣли; разинувъ рты, и дивились, но какъ только спросили ихъ: что, хорошо? — Худа! Нама печински лучше! (У насъ въ Пенягъ лучше). И такъ во всемъ: что бы ни показали Китаицу, какъ бы ни заинтересовала его показанная вещь, но только стоитъ спросить: что, хороша?

— Худа! Нама печински лучше, отвѣтитъ Китаецъ и отойдетъ отъ вещи: не стоитъ, молъ, смотрѣть.

Грамотныхъ между китайцами много, т. е.; пожалуй, всѣ живущіе въ Маймайтчинѣ знаютъ грамоту, но какая же это грамота: выучился Китаецъ нѣсколькимъ десяткамъ знаковъ, необходимыхъ ему въ обществѣ,

и, кроме нихъ, ничего не смыслить; для него каждая книга также темна, какъ и для безграмотнаго. Тѣ грамотники, которые понимаютъ печатное, могутъ считаться по одному на тысячу.

Въ лѣтній день, отъ скуки и отъ бездѣлья, китайцы не впадаютъ, куда дѣваться; обойдутъ всѣ дома въ Кяхтѣ, надремлются вдоволь, а времени до вечера остается еще все-таки много. Такимъ образомъ, обойдя всѣ торговые дома въ Кяхтѣ, возвращается прикащикъ въ фузу, отвѣтитъ на вопросъ соннаго хозяина, что дѣлъ никакихъ нѣтъ, — и не на ходитъ для себя болѣе любезнаго занятія, какъ сѣсть передъ вѣткой скворца, обучать его человѣческому языку.

— Лайба хайцаба! (пожалуйте чай пить) — пищитъ онъ тоненькимъ голоскомъ и съ терпѣніемъ, достойнымъ лучшей участи, повторяетъ эту фразу тысячу разъ.

Другіе прикащики фузы наблюдаютъ за урокомъ и помогаютъ своему товарищу.

— Лайба хайцаба! слышится въ тысячу первый разъ

Старшій хозяинъ фузы сидитъ, дремлетъ, лѣниво вслушивается въ однообразный звукъ повторяемыхъ словъ и по сонному его лицу нарѣдка пробѣгаетъ самодовольная улыбка.

Скуластая физиономія китайца прильнула къ вѣтвѣ; съ другой стороны такое же скуластое и смуглое лицо товарища уставилооь на птицу и урокъ продолжается не прерываясь.

— У! Ело жестоки! объясняли китайцы мнѣ, имѣвшему случаю присутствовать въ фузѣ во время урока: — которая недѣля поучи, — все говори, все говори, — конецъ нѣту!

— Да бросьте вы это ученье, — охота вам! говорить я.

— Как можно? Его поучи, — послѣ говори буду, — хырошанки...

И опять начинается ученье-мученье.

— Лайба хайцаба! лепечеть наконецъ скворецъ, къ великой радости учителей.

Всѣ довольны, смѣются, размахиваютъ руками, даже дремлющій хозяинъ встаетъ съ своихъ наръ и улыбается, глядя на скворца, вконецъ осодоѣвшаго отъ уроковъ.

— У! Нама палендза (птица) очень мудрена люди. Всяка слова знаетъ, — филонософ! рассказываютъ потомъ китайцы всѣмъ своимъ знакомымъ русскимъ и расхваливаютъ птицу.

Главные акціонеры оузь, утомившись отъ снанья и дремоты, иногда для разнообразія уѣзжаютъ изъ Маймайтчина, за шесть верстъ, къ озерамъ; поѣздка эта предполагается съ цѣлью наудить рыбы, но и тамъ на берегу озера, съ удочкой въ рукѣ, китаецъ покачивается изъ стороны въ сторону отъ одолѣвающей его дремоты; солнце ярко свѣтитъ, и пропекая спину рыбакова, убаюкиваетъ его на берегу.

«Нѣтъ, думаетъ онъ, здѣсь неудобно, жостко, и подушекъ мало, и солнце печетъ, лучше ѣхать домой,» и, полусонный, онъ возвращается обратно въ душный и пыльный Маймайтчинъ. Нѣкоторые изъ молодыхъ хозяевъ (а такіе рѣдко бываютъ — по большей части все старики) лѣтомъ уѣзжаютъ верстъ за 15—20 отъ Маймайтчина въ монгольскіе улусы и развлекаются тамъ въ обществѣ монголовъ.

До того времени, пока не было разрѣшено свободной торговли, китайцы рѣдко ѣздили въ г. Троицкосавскъ

(4 версты отъ Кяхты), потому что отъѣздъ этотъ былъ сопряженъ съ разными хлопотами: нужно было просить разрѣшенія у своего начальника, потомъ у русскаго комиссара, объяснять причины, зачѣмъ и для чего понадобилось ѣхать въ городъ, и потомъ уже, получивъ разрѣшеніе и билетъ на пропускъ чрезъ шлагбаумъ, ѣхать, но не иначе, какъ только на определенное время, часа на два или на три. — Двухъ-колесныя китайскія повозки тяжелы и неуклюжи, лошаки, везущіе ихъ, не имѣютъ силы скоро бѣжать и вотъ, по этой причинѣ, китайцы просятъ русскихъ купцовъ, дать экипажъ и лошадей для повозки въ городъ. Русскіе купцы не отказываютъ въ этомъ своимъ сосѣдямъ и они со смѣхомъ и припрыгиваньемъ усаживаются въ удобную коляску; рысистые кони мчатъ ихъ по шоссеиной дорогѣ и удовольствію китайцевъ нѣтъ конца: точно дѣти хохочутъ и припрыгиваютъ въ экипажѣ, и кучера-то потреплютъ по плечу, и проѣзжему знакомому закричатъ, показывая на себя: — смотри-ка, молъ, ѣду въ городъ!..

— Ну, пріятель, спасибо, благодарятъ они потомъ русскаго купца, — очень спасибо! Русскіе лошаки (лошади) очень ярова ходи (шибко бѣгаютъ)...

— Чтоже у васъ такихъ нѣтъ?

— Наша печински лучше еси... Здѣсь только нѣтъ...

И — опять совралъ: въ Пекинѣ и во всѣхъ городахъ, какъ и въ Маймаитинѣ, китайская жизнь во всѣхъ отношеніяхъ одинакова. Сложившись разъ на всегда въ извѣстныя формы, она въ нихъ и остается, и никто неизъявляетъ желанія на перемѣну, не изъявляетъ потому, что не видитъ и не слышитъ о другой жизни; а въ пограничныхъ городахъ, при столкновеніи съ другими народами, хотя иной и удивляется чему нибудь и ко-

тѣль бы завести у себя вѣчто подобное, но снѣшннть скрыть свое удивленіе, снѣшннть показать, что это вовсе нехорошо; что «печински лучше», да и какъ же можно дѣлать какія либо нововведенія, нарушать вѣковья правила, да кто и позволить нарушить? Китайское правительство за этимъ строго смотритъ. Вотъ посмотримъ, что-то будетъ теперь, послѣ того, какъ европейцы сломали нанкинскую фарфоровую башню...

Обычай, правило, программа, до того всосались въ плоть и кровь китайцевъ, что они не смѣютъ ранѣе извѣстнаго года отростить себѣ усы, бороды, не смѣютъ, отростивши, ихъ сбрить, да и бритье обыкновенно производится въ извѣстное число мѣсяца. Не смѣютъ они, по собственному желанію, перемѣнить зимнюю фуражку на лѣтнюю, — каждый выжидаетъ извѣстный день, въ который все населеніе перемѣняетъ зимнія шапки на лѣтнія; будь въ этотъ день 30° холода, а китайцы все-таки надѣнутъ лѣтнія шапки, потому что ужъ такъ всегда водилось, зачѣмъ же нарушать обычай.

— Ну, а вотъ какъ же на счетъ опиума? спросишь бывало китайца, разговорившись о ихъ обычаяхъ.

— Э, пріятель! Тутъ дѣла особлива, тутъ всегда и прежде тихоньки были повози...

— Законъ же вамъ запрещаетъ курить опиумъ?

— Тутъ, ничево: тутъ всегда много люди тихоньки кури быда...

Слѣдовательно дѣло совсѣмъ не въ законѣ заключается, а въ томъ, былъ ли онъ прежде нарушаемъ, или нѣтъ; если былъ, такъ нечего и думать, — дорожка протоптана: не я первый, не я послѣдній. Эта дѣлика, кажется, общенелѣпическая. А между тѣмъ, куреніе опиума преслѣдуется китайскимъ правительствомъ жесто-

ко; впрочемъ извѣстно, что преслѣдованіемъ не всегда можно уничтожить преступленіе.

IV.

Китайцы празднуютъ свой новый годъ («бѣлый мѣсяць») по теченію луны. Въ ночь на новый годъ они перемѣняютъ своего бога торговли, и если въ теченіи года плохо шли дѣла, то смѣняемаго бога выебкуютъ розгами, не обращая вниманія на его божескія достоинства; а новаго бога съ честію, при выстрѣлѣ изъ пушекъ и при трескѣ ракетъ, ставятъ на мѣсто прежняго. Раннимъ утромъ, только что начинается охватъ, китайцы, уже отпразновавъ дома наступленіе новаго года, идутъ въ Бяхту и ходятъ по всѣмъ домамъ комисіонеровъ и купцовъ, поздравляя ихъ съ своимъ китайскимъ праздникомъ.

Для этого праздника китайцы сохраняютъ свои лучшіе наряды и тѣ изъ мелкихъ торгашей, которые кой какъ перебиваются изо дня въ день мелочнымъ торгомъ, тоже имѣютъ на этотъ мѣсяць (новый годъ празднуется цѣлый мѣсяць) приличную и чистую одежду. Посѣщая русскихъ, каждая китайская фуза даритъ каждому русскому комисіонеру подарки: маленькіе ящики цвѣточнаго чаю, шелковыя матеріи, ящики китайскихъ фруктовъ; хотя по большей части эти фрукты такого низкаго качества, что ихъ не всякій и ѣсть будетъ.

Русскіе купцы встрѣчаютъ гостей съ радушіемъ и вмѣстѣ съ ними празднуютъ наступленіе китайскаго новаго года, — такъ сливаются двѣ національности и горячій чай, разведенный на половину ромомъ, приводитъ за частую празднующихъ къ взаимнымъ поцѣлуямъ. Въ обменъ за полученные отъ китайцевъ подарки, русскіе дарятъ ихъ въ свою очередь сукномъ, плисомъ, платками и проч.

Къ 11 часамъ утра поздравленія обыкновенно оканчиваются и китайцы отправляются обратно въ Маймайтчинь.

Въ продолженіе бѣлаго мѣсяца улицы Маймайтчина украшаются разноцвѣтными бумажными фонарями и бумажными флагами и значками разныхъ цвѣтовъ; черезъ улицу, съ одной стороны на другую, перекидываются веревки и бумажные значки, развѣшанные по нимъ, представляютъ всю улицу въ какомъ-то странномъ видѣ: точно городъ замаскировался въ шутовской нарядъ и хочетъ разсмѣшить шутками своихъ обитателей.

Внутри фузъ раскидываются широкіе столы и на нихъ разставляются всевозможныя яства; двери открыты для всѣхъ проходящихъ: кто бы ни былъ, знакомый или не знакомый, бѣдный или богатый, — приходи пей и ѣшь: китайцы поблагодарятъ за вниманіе и будутъ очень рады посѣщенію. Въ фузахъ предъ домашними богами стоятъ тоже разнаго рода яства и горятъ разноцвѣтныя свѣчи.

Въ большой маймайтчинской кумирнѣ, предъ громадными идолами, одѣтыми въ дорогія, яркихъ цвѣтовъ, ткани, тоже разставляются жертвы въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ обыкновенное время, свѣчь зажигается безчисленное множество; на улицахъ и въ особенности на перекресткахъ улицъ устраиваются какіе-то домики въ родѣ часовень, внутри ихъ ставятся боги, предъ ними — жертвы и множество горящихъ свѣчей. Вечеромъ городъ надюмнивается и ворота для впуска и выпуска, запираемые въ обыкновенное время съ солнечнымъ затомъ, — въ продолженіи бѣлаго мѣсяца остаются открытыми часовъ до одиннадцати вечера,

На театрѣ продолжаются спектакли, не прерываясь съ утра до вечера, и оглушающій звукъ трубъ и литавръ

далеко несется по узкимъ улицамъ города. Во все продолженіе праздника китайцы и монголы густой толпой лѣзутъ на театральную площадь, на которую выходитъ сцена театра. Входъ, какъ и всегда, бесплатный.

Бѣдный актеръ, за одинъ кирпичъ чая (около 60 коп.) мерзнетъ цѣлый день на 30° холодѣ, выкрикивая, насколько есть силы, какую нибудь историческую драму, про войну одного князя съ другимъ. Занавѣса сцена не имѣетъ и объ окончаніи спектакля публика узнаетъ потому, что актеры, не снимая своихъ княжескихъ костюмовъ, преспокойно садятся къ столу и пьютъ чай, согрѣвая руки у горячей жаровни. Зрители часто смѣняются, одни уходятъ не дождавшися конца, другіе приходятъ въ половинѣ пьесы, постоятъ, покурятъ, побранятся иногда, а то, пожалуй, и подерутся между собой и уйдутъ, замѣняемые другими, новыми зрителями.

На сценѣ, между тѣмъ, идетъ споръ и смятеніе великое: два князя, только что напившіеся кирпичнаго чаю и согрѣвшіе руки, кричатъ одинъ на другаго и ходятъ по сценѣ, дѣлая невообразимо широкіе шаги. По пяти воиновъ, представляющихъ собою силу—несмѣтную рать, стоятъ съ обѣихъ сторонъ, съ деревянными циками. Князья кричатъ все громче, голоса ихъ отъ морозу и отъ утомленія голосовыхъ органовъ дѣлаются хриплыми, но князья не умолкаютъ, и крича размахиваютъ кнутами: размахиванье кнутами даетъ знать, что князья не пѣшкомъ ходятъ, а ѣздятъ на лошадяхъ — публика можетъ дополнить отсутствіе лошадей на сценѣ своимъ воображеніемъ. За спинами у князей цѣлые арсеналы стрѣлъ, и княжескія лица густо намалеваны разнаго цвѣта красками, такъ что видны только одни бѣлки глазъ, которыми князья ворочаютъ во всѣ стороны, доказывая этимъ, что они очень разсержены. Му-

зыка, тутъ же на сценѣ находящаяся, реветъ, и визжитъ и гудитъ, и изъ всего этого выходитъ что-то не вообразимо дикое и нелѣпое.

Но вотъ музыка стихла, войска двинулись въ путь и вмѣстѣ съ князьями, нестройно столпившись въ узкихъ дверяхъ, исчезаютъ наконецъ со сцены. На сценѣ остаются одни музыканты. Черезъ нѣсколько времени изъ дверей выходитъ китаянка, яко-бы жена одного изъ князей. Скрипка пискливо начинаетъ ныть и подъ ея звуки княгиня затягиваетъ слезливую галиматью, о томъ, что князь ея теперь сражается съ непріателемъ и его, пожалуй, чего добраго, могутъ убить. Такъ какъ за отсутствіемъ въ Маймайтчинѣ женщинъ, роль княгини играетъ мужчина, то не очень-то нѣжные звуки вылетаютъ изъ его остывшаго на морозѣ горла. Поплакала, заплакала княгиня, потеряла своими длинными рукавами глаза и поплелась назадъ, справедливо сознавая, что слезами горю не поможешь.

Сцена опять опустѣла, наступилъ антрактъ.

Музыканты, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ на площади публики, стали пить чай и поссорились между собой изъ за чашекъ; не успѣли они выпить по чашкѣ чаю, какъ на сцену торопливо вбѣжали воины. Музыканты поспѣшили схватиться за свои инструменты и снова поднялся шумъ и смятеніе великое. Побѣдитель, — одинъ изъ ссорившихся князей, — важно вошелъ на сцену, откинувъ голову назадъ и выпятивъ впередъ животъ; за нимъ слѣдомъ вошелъ побѣжденный и остановился у дверей, понутивъ голову. Воины притащили откуда-то столъ, поставили его посреди сцены, на столъ взгромоздили стулъ и побѣдитель, подобравъ длинныя полы своего кафтана, похвально это возвышеніе; арсеналь, висѣвшій у него за спиной, тянулъ его назадъ

ионъ-едва могъ взобратся на свой тронъ. Наконецъ забрался и съгъ, подпершись руками въ бока. Побѣжденный подошелъ къ столу и опустился на колѣни...

Бубны, трубы, скрипки, — все это сливается въ отчаянный вой и дереть немилосердно уши. На этомъ оканчивается пѣса и актеры, не разсѣдывая своихъ спинъ, садятся къ столу, пьютъ чай и грѣютъ руки у жаровни.

Черезъ четверть часа снова начинается спектакль и — такъ до ночи.

Въ одинъ изъ дней бѣлаго мѣсяца дзаргучей дѣлаетъ обѣдъ для русскихъ купцовъ и чиновниковъ. Расходовъ по устройству этого обѣда у него, конечно не бываетъ: сдѣлаетъ только распоряженіе, чтобы купцы доставили все, что нужно для стола и покорное купечество съ почтеніемъ все доставить и пожалуй, даже, во время обѣда, прислуживать будетъ, если только дзаргучей прикажетъ. На этотъ официальный обѣдъ русское общество прѣзжаетъ все въ одно время, для чего и собирается предварительно въ домъ кяхтинскаго комиссара. При въѣздѣ въ Маймайтчинъ, ѣдущихъ встрѣчаетъ китайскій маскарадъ, съ музыкой, пѣснями и плясками. Маскарадъ этотъ слѣдуетъ впереди гостей и, проводивъ ихъ до дзаргучейскаго дома, продолжаетъ во дворѣ свои игры и пляски во время обѣда; но часто бываетъ такъ, что уши, не привыкшіе къ дикимъ крикамъ и звукамъ, немогутъ выносить ихъ и потому русское общество проситъ прекратить музыкальное угощеніе. Костюмированныхъ угоняютъ со двора, а такъ какъ, по случаю праздника, они бываютъ достаточно нагружены водкой, то, не смотря на святость мѣста (дворъ начальника!) начинаютъ браниться съ прислугой и лѣзутъ драться.

Обѣдъ продолжается иногда болѣе четырехъ часовъ

*

и состоитъ изъ пятидесяти и болѣе разнообразныхъ китайскихъ явствъ, приправленныхъ уксусомъ, чеснокомъ и проч. и проч. По окончаніи обѣда дзаргучей вмѣстѣ съ гостями отправляется посмотреть на игру актеровъ, и съ наступленіемъ вечера, когда Маймайтчингъ иллюминуется, дзаргучей посѣщаетъ нѣкоторые болѣе достойные ея вниманія фугзы.

Въ продолженіи бѣлаго мѣсяца торговыхъ дѣлъ между русскими и китайцами не бываетъ, это считается грѣхомъ, но не всѣ ведутъ себя безъукоризненно, — и торговля дѣла не прекращаются; впрочемъ обмѣна товаровъ, въ продолженіи бѣлаго мѣсяца, не бываетъ: всѣ торговля обороты только заключаются на бумагѣ или на словахъ, а исполненіе ихъ откладывается до окончанія праздника.

У.

Каждый годъ въ августѣ мѣсяцѣ совершается въ Маймайтчингѣ, въ извѣстный день, отправленіе душъ китайцевъ, умершихъ въ теченіи года. Когда-бы не умѣръ китаецъ, хотя-бы на другой день послѣ отправленія душъ, его душа должна ждать до будущаго года своего возвращенія на родную сторону. Десять тысячъ китайскихъ церемоній предшествуютъ и сопровождаютъ это странное отправленіе душъ умершихъ, въ маймайтчингѣ китайцевъ. Главное основаніе этаго обряда заключается вотъ въ чемъ: заготавливаются къ этому дню столько маленькихъ бумажныхъ повозокъ, сколько въ теченіи года умерло китайцевъ въ Маймайтчингѣ. Всѣ эти повозки, имѣющіе назначеніе везти души умершихъ, вывозятся въ открытое поле и тамъ, по исполненіи различныхъ обрядовъ и церемоній, торжественно сжигаются; дымъ поднимающійся и развѣвающійся по возду-

ху, служить доказательствомъ, что души умершихъ отправились въ путь благополучно.

— Что, ваши умершіе теперь уѣхали на родину? спрашиваютъ русскіе, на другой день послѣ обряда.

— Теперь уѣхали, теперь ужь они дома, съ увѣренностію отвѣчаютъ китайцы.

— Какъ же они дорогу найдутъ?

— Найдутъ, ничего, — впередъ же сюда ѣхали, обратно путь знакомый, объясняютъ они, ломая русскія слова на китайскій ладъ.

На сколько китайцы религіозны, — трудно сказать. Изъ ихъ ламайской и буддійской сектъ образовалось такое множество подраздѣленій, что китаецъ, кажется, совершенно запутался въ этихъ подраздѣленіяхъ и самъ не знаетъ, къ какой онъ сектѣ принадлежитъ. На вопросъ о религіи онъ всегда говоритъ, что это дѣло очень мудреное, да и не любитъ онъ объ этомъ говорить.

— Тута бога дѣло, чево напрасно языка почеши! вотъ его отвѣтъ на религіозные вопросы.

Однажды я увидѣлъ знакомаго китайца, возвратившагося въ свою фузу въ какомъ то длинномъ и широкомъ, страннаго покроя, халатѣ.

— Что это ты такое надѣлъ на себя? спросилъ я.

— Это халатза особлива: за бога молить ходи, небрежно отвѣчалъ китаецъ, стараясь поскорѣе сбросить, видимо-неприятный ему, костюмъ.

— Такъ ты въ кумирню что ли ходилъ?

— Э! молиться ходилъ, съ неудовольствіемъ отвѣтилъ китаецъ.

— Что же ты такъ небрежно объ этомъ говоришь?

— Э! пліатеръ, тута обычай такой есть, я совсѣмъ молиться не хочу, а обычай такой, — нельзя...

И опять уваженіе къ обычаю, ставится выше всего.

Слѣдуя этому обычаю китаецъ наплеваетъ на плечи непріятный для него молитвенный костюмъ и идетъ въ кумирню; тамъ онъ, тоже по обычаю, владетъ предъ богами жертвы: барана, или пшена, или цѣлаго быка, смотря по состоянію и по важности того дѣла, которое привело его къ богамъ; растягивается онъ передъ идолами во всю длину своего тѣла и шепчетъ тѣ слова, которыя привыкъ шептать во время молитвы, не вникая нисколько въ ихъ внутренней смыслъ. Во все продолженіе его моленія, духовное лицо (бонза) звонить въ чугунный колоколь, висящій при входѣ въ кумирню. Окончивъ китаецъ моленіе и спѣшитъ поскорѣе въ свою фузу, чтобы сбросить съ себя молитвенную хламиду и въ ту же минуту позабыть о своихъ молитвахъ, о кумирнѣ и о тѣхъ богахъ, предъ которыми онъ валился расprostертымъ на полу.

— Часто вы молитесь своимъ богамъ? спрашиваю я.

— Зачѣмъ часто? Напрасно ходи не надо...

— Однакожь часто ли?

— Тута обычай есть. Какой время ходи надо,—ну ходи...

— А если несчастіе какое, неудача въ дѣлахъ, нездоровье, тогда молитесь?

— Ну, тута другой дѣла. Тута своя воля, хочешь, ходи,—молиза, барана носи, быка. А здорова,—напрасно ходи нечего... бога не любить, когда ему мѣшаютъ. Дѣла есть,—ходи, молиза; дѣла нѣту—не ходи...

И прекрасно: зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, понапрасну беспокоить боговъ.

Зимомъ 1858 года, во время бывшего луннаго затмѣнія, въ Маймайтчинѣ поднялся такой крикъ, шумъ, стукъ и звонъ въ мѣдные тазы, бубны и литавры, что при общемъ смятеніи забыли даже выстрѣлить изъ пу-

пши, въ знакъ того, что дзаргучей отходилъ ко сну. Да и ему, по всей вѣроятности, не спалось въ эти минуты, потому что, по понятіямъ китайцевъ, затмѣніе луны дѣло весьма крупнаго свойства: драконъ, изволите видѣть, садится на луну и хочетъ помѣшать ей свѣтити на землю; если его не спугнуть, то онъ пожалуй, останется на лунѣ и тогда не увидишь ни одной свѣтлой ночи, а потому китайцы и спѣшатъ принять противъ этого мѣры: самое радикальное средство—испугать его шумомъ, крикомъ и стукомъ и потому-то китайцы такъ усердно хлопчуть объ этомъ; хлопоты ихъ не пропадаютъ по напрасну:—драконъ пугается шума и оставляетъ луну, удаляясь на свое мѣсто.

Землетрясенія, хотя бы и довольно сильныя, по понятіямъ китайцевъ, очень полезны для земли и служатъ предназначенованіемъ хорошаго урожая; но когда, въ 1861 году, съ 30 декабря, начались въ Забайкальской области страшныя землетрясенія и продолжались болѣе недѣли, китайцы просто-таки ошалѣли отъ страха и ужаса и не знали, что дѣлать. Бросились они сначала въ главную кумирню и потащили туда на жертву барановъ, но видя, что боги сами трясутся и падаютъ отъ страха,—они обругали ихъ за трусость и уже не знали, къ кому обратиться за помощію...

— У! Жестоки! говорили они впоследствии,—тута наша бога трясиза была... и бога испугался, все равно человекъ. У! Жестоки!..

— Что же это такое, по вашему, было?

— Тута тоненькій (хитрый) дѣла! таинственно отвѣчали китайцы.

— Что же такое?

И объясняютъ китайцы, что случилось нѣчто необычайное: большой богъ, который тамъ высоко на не-

бѣ живеть, тотъ самый богъ, у котораго всѣ боги кумирни находятся въ прикащикахъ, разсердился на злого духа, а такъ какъ злой духъ живеть подъ землей, то богъ во гнѣвѣ своемъ и потрясъ землю, для того, чтобы злой духъ почувствовалъ его могущество и на будущее время велъ себя умнѣе.

— Отъ кого же вы узнали такія подробности?

— Книга такой есть.

— Какая же это книга?

— У! Книга умная, — всякое слово тамо писано...

— Кто же написалъ?

— Философа! Учена люди. У! Книга умна! Жестоки!

Слѣдовательно, нечего и спорить и объяснять, когда существуетъ такая вѣра въ умныхъ людей философовъ, сочиняющихъ такія умныя книги.

Но китайское правительство, въ послѣднее время, вѣроятно не очень-то вѣрить своимъ умнымъ философамъ и потому распорядилось, по согласію съ русскимъ правительствомъ, въ 1861 году, отправить изъ Пекина въ Маймайтчинъ нѣсколько десятковъ военныхъ чиновниковъ, для изученія военнаго искусства.

Учителями ихъ назначены были русскіе офицеры, присланные для этого изъ Петербурга. Начали они первые уроки съ объясненія силы электричества и примѣненія его къ военному дѣлу. Не смотря на то, что переводчикъ по два битыхъ часа долговалъ имъ и, указывая на производимые въ ихъ присутствіи опыты, объяснялъ, что отъ чего происходитъ, — китайцы не вѣрили рассказамъ. Что бы удостовѣрить ихъ въ силѣ электричества, инструкторы нашли необходимымъ показать примѣръ на дѣлѣ: поставили всѣхъ учениковъ въ рядъ, заставили ихъ взять другъ друга за руки,

образовали, такимъ образомъ, непрерывную цѣпь и крайнимъ дали въ руки проволоки: когда электрическій токъ былъ пущенъ и всю эту братію мгновенно передернуло, — они бросили проволоки и уѣхали отъ своихъ учителей, говоря, что не имѣютъ ровно никакого желанія имѣть дѣло съ нечистой силой.

Начались потомъ длинные переговоры и едва едва могли уговорить перетрусившихъ китайцевъ продолжать ученіе.

Это ученіе, какъ извѣстно, продолжалось только около двухъ мѣсяцевъ и было прервано тѣмъ, что англичане, желая покрѣпче осѣдлатъ китайцевъ, предложили ихъ правительству бесплатное обученіе войска въ Тяньдзинѣ. Ученики были весьма рады поскорѣе уѣхать изъ Маймайтчина, потому что ихъ, жителей южнаго Китая, сибирскіе морозы пробирали порядочно. Вслѣдъ за ними было отправлено оружіе и пушки, обшпанная русскимъ посланникомъ при заключеніи тяньдзинскаго трактата.

Дзаргучей успѣлъ и тутъ нагрѣть себѣ руки: инструкторы объяснили, что пушки нужно везти на другихъ колесахъ, сдѣланныхъ въ размѣръ колеи монгольскихъ дорогъ, иначе — могутъ испортиться колеса и въ Китаѣ такихъ не сдѣлать. Дзаргучей официально отвѣчалъ полнымъ согласіемъ, но колесъ не сдѣлалъ, а отправилъ пушки на тѣхъ же колесахъ, на которыхъ ихъ получилъ; между тѣмъ въ его отчетѣ по отправкѣ орудій былъ выставленъ расходъ на колеса; это мошенничество было случайно открыто и о немъ донесли въ Пекинъ. Не знаю, чѣмъ покончилъ дзаргучей за эту штуку. Можетъ быть, заплатилъ хорошій кушъ большимъ чиновникамъ, а можетъ быть, раззорившись на уплату за взятки взятками, не имѣлъ средствъ запла-

тить, по приговору суда, должный штрафъ и попался подъ удары бамбука: въ Китаѣ чиновъ не разбираютъ, есть деньги — откупайся, плати штрафъ, нѣтъ—вздуютъ такъ, какъ и простаго земледѣльца.

Кромѣ штуцеровъ и пушекъ къ китайцамъ отправили, въ подарокъ, маленькій телеграфный аппаратъ и химическіе вѣсы, — кто знаетъ, какое примѣненіе сдѣлаютъ они изъ этихъ двухъ вещей; всего скорѣе случится то, что, въ силу китайской бережливости, поставятъ они и вѣсы, и телеграфный аппаратъ, куда нибудь повыше въ шкафъ, чтобы руками не хватать, и будутъ издали посматривать на подаренныя русскими диковинки.

Вообще говоря, аккуратность и бережливость китайцевъ изумительна. Носить онъ свой костюмъ по пяти и болѣе лѣтъ; появленіе на его плечахъ новаго платья составляетъ чуть ли не эпоху въ его жизни. Случится, на примѣръ, несчастіе, — умереть родственникъ, нужно траурный костюмъ надѣть: поморщится китаецъ, покупая себѣ черный халатъ, бѣлый кушакъ, бѣлые сапоги и по окончаніи траура спрячетъ все это въ сундукъ, думая, дескать кто знаетъ, пожалуй опять тамъ какой нибудь дальній родственникъ богу душу отдастъ, такъ пригодится, чѣмъ покупать новый траурный костюмъ.

Трауръ у нихъ соблюдается строго и называютъ они его по русски: «печали поноси». Если умираетъ близкій родственникъ, то трауръ бываетъ продолжительнѣе и иногда тянется болѣе года; если умираетъ отецъ или мать, то китаецъ перестаетъ брить волосы на головѣ; нашиваетъ на верхъ шапки, вмѣсто красныхъ кистей, бѣлую заплатку и во время продолженія траура голова его обростаетъ длинными волосами. Иногда бѣдный китаецъ не имѣетъ средствъ, чтобы

купить себѣ траурный костюмъ, тогда приобрѣтаетъ его на прокатъ и охраняетъ самымъ тщательнымъ образомъ изъ опасенія не заплатить штрафа за поврежденіе.

Бережливость и расчетливость китайцевъ характеризуется слѣдующимъ случаемъ.

Одинъ русскій купецъ подарилъ китайцу, главному хозяину фузы, четыре жестяныхъ коробки со спичками и объяснилъ при этомъ, что каждая коробка имѣетъ въ себѣ по пяти сотъ спичекъ. Китаецъ очень благодарилъ за подарокъ, потому что у нихъ нѣтъ деревянныхъ спичекъ, а есть только бумажныя, которыя зажигаются отъ угля. Ушолъ онъ весьма довольный подаркомъ, но часа черезъ три возвратился къ купцу и съ укоризной началъ выговаривать, что такъ дарить не хорошо, что обманывать грѣшно и проч. и проч.

— Что ты мнѣ наговариваешь? Развѣ я тебя чѣмъ обманулъ? спрашивалъ удивленный купецъ.

— Какъ же не обманулъ? говорилъ то, а вышло другое...

— Да чѣмъ? когда?

— А спичками-то: говорилъ, что въ каждой коробкѣ по пяти сотъ спичекъ, а ихъ меньше, — цѣлой сотни не достаесть.

— Такъ ты ихъ пересчитывалъ, что ли? едва могъ спросить купецъ, надрываясь отъ хохота.

— Чево напрасно смѣешься? Три раза посчиталъ, съ отчаяніемъ говорилъ китаецъ: — три раза повѣрилъ, все нѣту, цѣленькій сотня недостани.

И этимъ пересчитываньемъ спичекъ занимался не прикащикъ какойнибудь, получающій въ годъ сто рублей серебромъ жалованья, а главный акціонеръ фузы, на долю котораго доставалось можетъ быть, тысячъ пять, шесть рублей годоваго дохода.

VI.

Каждый прикащикъ китайской торговой фузы съ каждымъ годомъ возвышается въ своихъ должностяхъ, смотря по своимъ заслугамъ и поведенію. Перейдя отъ низшихъ должностей къ высшимъ, а именно къ продажѣ и покупкѣ товаровъ, прикащикъ, бывшій до того времени на жалованьи, получаетъ уже нѣкоторую долю прибыли отъ годовыхъ оборотовъ торговой фузы. Жалованье прикащички получаютъ весьма ограниченное, такъ что, на наши деньги, въ годъ будетъ не болѣе 150 и 200 р. сер. Большой суммы прикащички никогда не получаютъ, а именно потому, что имѣютъ возможность увеличить свои доходы отъ годовой прибыли фузы. Въ продолженіе мсей пятилѣтней жизни на китайской границѣ, многіе изъ моихъ знакомыхъ китайцевъ изъ простыхъ прикащичковъ, сдѣлались акціонерами фузы, за свои заслуги, принесенныя торговому дѣлу.

У китайцевъ женятся рано и потому большая часть живущихъ въ Маймайтчинѣ люди семейные, семейства которыхъ живутъ на родинѣ, — мужья посылаютъ имъ свое скудное жалованье, а сами истрачиваютъ не болѣе десятой части изъ получаемого вознагражденія. Рѣдкій случай видѣть китайца неразсчетливаго, не берегущаго денегъ, а еще рѣже услышать о какомъ нибудь китайцѣ, который не посылаетъ домой денегъ, получаемыхъ имъ въ Кяхтѣ. Не знаю, на сколько сильна любовь дѣтей къ отцу, въ какомъ отношеніи находятся одни къ другимъ члены китайской семьи; но уваженіе къ старости между китайцами чрезвычайно развито и мнѣ часто случалось видѣть, какъ молодые, богатые люди, при видѣ идущаго мимо нихъ старика, вставали съ своихъ мѣстъ и привѣтствовали его; а старикъ этотъ, между тѣмъ, былъ не болѣе, какъ мелочной торго-

вещь, перебивавшийся изо дня въ день продажею мороженныхъ яблоковъ, винограду и проч.

Чинопочитаніе между старшими и младшими прикащиками фузы доведено до того, что когда въ фузѣ остается только два младшихъ прикащика, то старшій изъ нихъ пользуется тѣмъ же уваженіемъ, какимъ пользовался хозяинъ, когда былъ дома. Если хозяина нѣтъ въ фузѣ, то его мѣсто занимаетъ старшій прикащикъ; если и его нѣтъ, то его мѣсто замѣняетъ другой прикащикъ, стоящій степенью ниже перваго; если, напримѣръ, онъ встанетъ со стула въ то время, когда остальные прикащики сидятъ на своихъ мѣстахъ, то они всѣ поднимутся со своихъ мѣстъ и не сядутъ на нихъ до того времени, пока не сядетъ вставшій или не прикажетъ имъ сѣсть. Въ присутствіи хозяина въ особенности строго соблюдаются эти церемоніи; по уходѣ его, хотя тоже никто ихъ не нарушаетъ, но все дѣлается какъ-то свободнѣе, вольнѣе.

Когда прикащикъ фузы отправляется въ гости, то его провожаютъ съ различными церемоніями, а также устраиваютъ не менѣе официальную встрѣчу при его возвращеніи, хотя бы онъ возвращался порядочно выпивши. Ко времени его прихода домой, всѣ прикащики фузы усаживаются на свои мѣста: бывшій въ гостяхъ входитъ въ фузу, поднимаетъ обѣ руки къ верху и подходитъ въ такомъ положеніи къ шкафику, въ которомъ стоятъ боги — домашніе пенаты; отдавъ имъ подобающую честь, онъ кланяется сидящимъ, тѣ, въ свою очередь, тоже поднимаютъ руки кверху и опускаютъ ихъ внизъ, не сгибая въ локтяхъ. Такое подниманіе и опусканіе рукъ дѣлается нѣсколько разъ; вся церемонія происходитъ молча и затѣмъ уже, по окончаніи ея, пришедшій рассказываетъ товарищамъ о своихъ походе-

ніяхъ. Случается такъ, что возвратившійся съ обѣда едва въ состояніи окончить церемонію возвращенія, и то только благодаря тому, что она совершается молча, иначе онъ бы ее не выполнилъ, ибо языкъ его не можетъ произносить членораздѣльныхъ звуковъ, а только заплетается между зубами, и вмѣсто извѣстій о томъ, каковъ былъ обѣдъ, товарищи слышатъ отъ возвратившагося только одно мычаніе. Такое послѣобѣденное состояніе не считается предосудительнымъ.

Вообще же встрѣтить между китайцами завятаго пьяницу, да еще буяна какого нибудь—такая же рѣдкость, какъ у насъ встрѣтить на улицѣ мертвое тѣло. Точно такъ же, говорятъ, въ южномъ Китаѣ легко встрѣтить у городскихъ воротъ умирающаго съ голоду, какъ у насъ на улицѣ пьянаго буяна. Въ Маймайтчинѣ существуетъ всего только одинъ кабачекъ съ продажею ханьшина (рисовой водки); въ этомъ кабацкѣ всего чаще бываютъ русскіе рабочіе, охотники до китайскаго, теплаго вина. Выпьютъ рабочіе и ужь непременно затѣютъ съ китайцами ссору: «потому, что ты, теперичка, все равно паръ, души въ тебѣ настоящей нѣтъ и молишься ты деревяннымъ идоламъ». Китайцы изъ-за религіозныхъ вопросовъ ссоры не поднимаютъ, а обидѣть себя по напрасну не дадутъ, а потому ссора часто оканчивается дракой; а такъ какъ русскіе сильнѣе и ловчѣе китайцевъ, то и побѣда остается на сторонѣ первыхъ, хотя лица этихъ первыхъ, послѣ битвы съ китайцами, оказываются испарাপанными до крови. До судебного разбирательства дѣло рѣдко доходитъ, изъ боязни судебныхъ издержекъ...

Прикащикъ китайской фузы, получившій отказъ отъ должности, если не находитъ достаточныхъ причинъ къ этому отказу, можетъ искать суда у торговыхъ

старшинъ. Эти торговые старшины въ Маймайтчинѣ каждый годъ выбираются самимъ торговымъ обществомъ изъ своей среды; выбираются всегда десять старшинъ и на нихъ лежитъ обязанность наблюдать за правильностію торговыхъ дѣлъ; къ нимъ обращаются для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ. Къ нимъ можетъ обратиться и прикащикъ, получившій отказъ отъ мѣста.

Эта аппеляція къ торговымъ старшинамъ очень важна для прикащика, потому, что если отказъ его хозяина не имѣетъ уважительныхъ причинъ, то старшины, или уговорятъ его хозяина взять прикащика назадъ, или дадутъ ему отъ себя удостовѣреніе, что онъ предъ хозяиномъ своимъ ни въ чемъ не виноватъ. Съ этимъ удостовѣреніемъ прикащикъ всегда найдетъ себѣ мѣсто въ другой, торговой фузѣ. Если же отказъ отъ службы имѣетъ какую нибудь уважительную причину, то прикащику бываетъ весьма трудно найти себѣ другое мѣсто: онъ долженъ или уѣхать на родину, или поселиться въ предмѣстьи ынгороза и заняться какой нибудь мелочной торговлей. Случаи такого рода бываютъ очень часто, но замѣчательный, по своей трагической развязкѣ, фактъ, совершившійся въ 1850 годахъ, бросаетъ яркій свѣтъ, какъ на китайскую жизнь вообще, такъ и на положеніе прикащика торговой фузы. Разкажемъ этотъ фактъ съ нѣкоторыми, незначительными подробностями.

Одна маймайтчинская торговая фуза отказала, почему-то, своему прикащику отъ мѣста. Прикащикъ, не считая себя виновнымъ, тотчасъ же отправился къ торговымъ старшинамъ искать себѣ защиты въ ихъ правосудіи.

Старшины собрались у хозяина фузы и началось разбирательство дѣла. Сначала говорилъ обвинитель,

отказавшій отъ мѣста своему прикащику. Старшины молча слушали и покуривали, по обыкновенію, изъ своихъ маленькихъ трубочекъ. Хозяинъ кончилъ свои обвиненія. Прикащикъ, во все время его рѣчи молча стоявшій посреди фузы, началъ говорить въ свое оправданіе и доказывать свою невинность. (Дѣло было очень сложное и запутанное, извѣстно только, что въ основаніи его былъ фактъ вотъ какой: отъ одного русскаго купца была вымѣнена на чай партія горностаевъ, прикащикъ, принимавшій эту партію, ошибочно или умышленно, принялъ нѣсколько десятковъ шкуръ фальшиваго горностаея. Долго говорилъ прикащикъ, горячо размахивая руками и захлебываясь отъ торопливости рѣчи. Старшины слушали молча.

Прикащикъ, наконецъ, окончилъ свою защитительную рѣчь.

Старшины видимо затруднились рѣшить дѣло. Начался споръ и, въ тихой до того времени фузѣ, поднялся ужасный шумъ. Кричалъ хозяинъ, кричали старшины, кричалъ сначала и обвиненный прикащикъ; но потомъ онъ, видя, что его поле сраженія все болѣе проигрывается, перемѣнилъ тактику и сталъ просить у хозяина пощады, не ради его, а ради старыхъ его родителей и малыхъ дѣтей. Хозяинъ не измѣнилъ своего рѣшенія; старшины же не оправдали прикащика и не обвинили хозяина: вопросъ, какъ видитъ читатель, остался неразрѣшеннымъ. Такое окончаніе дѣла нисколько не улучшаетъ положенія прикащика, потому что другой хозяинъ затруднится принять его на службу, зная о темномъ дѣлѣ. Оставалось прикащику одно — вымаливать себѣ у хозяина милости: онъ долго кланялся ему въ ноги, стучался головой о полъ, плакалъ, рыдалъ... Но потерявъ надежду на милость хозяина, онъ

въ виду всѣхъ присутствовавшихъ схватилъ со стола ножъ, распоролъ себѣ животъ и, свалившись на полъ, въ предсмертныхъ судорогахъ началъ выдергивать изъ себя кишки...

Это — мщеніе китайца за обиду!

Это самое страшное мщеніе, какое только могъ онъ сдѣлать, потому что онъ, во первыхъ, отнималъ этимъ счастье у фузы и клалъ на нее дурную тѣнь; во вторыхъ, — подвергалъ своего хозяина неизбежному суду и страшнымъ послѣдствіямъ этого суда: китайскіе чиновники, заслышавъ о такомъ событіи, цѣлаго быка передъ идолами положить, потому что такой счастливый случай даетъ имъ возможность содрать съ хозяина фузы хорошую взятку.

Случилось мнѣ слышать еще о нѣсколькихъ несчастныхъ случаяхъ, бывшихъ при торговыхъ сношеніяхъ китайцевъ съ русскими: два или три главные акціонера какихъ-то китайскихъ торговыхъ фирмъ покончили свою жизнь самоубійствомъ. Причиной этихъ несчастныхъ случаевъ была неуплата русскими купцами долговъ китайцамъ. Такъ какъ по прежнему трактату кредитъ между русскими и китайцами не дозволялся, то китайцы, лишенные возможности искать своихъ правъ законнымъ образомъ, не находили себѣ другаго исхода, какъ только распоротъ свои желудки. Въ этомъ случаѣ не жажда къ деньгамъ и не скорбь по нимъ была поводомъ къ самоубійству, а то, что, вслѣдствіе неуплаты долга русскими, китайцы не могли оправдать своего кредита: дѣла фирмы рушились и на головы акціонеровъ падали всѣ послѣдствія банкротства. Конечно и теперь, при новомъ трактатѣ, дозволяющемъ кредитъ, возможна несостоятельность, а вмѣстѣ съ нею и неуплата дол-

говъ, но теперь китайцамъ можетъ служить утѣшеніемъ то, что все дѣлается «на законномъ основаніи».

Впрочемъ, въ последнее время китайцы стали очень осторожны и большаго кредита русскимъ не дѣлаютъ.

VII.

Теперь Маймайтчинъ опустѣлъ и больше никогда ему не оживиться, хотя наши торговыя дѣла съ Китаемъ и развились. Маймайтчинъ—это наше прошлое и, какъ всякое прошлое, невозвратенъ: дѣла съ Китаемъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ они были въ Кяхтѣ, болѣе не повторятся, потому что и отношенія наши съ Китаемъ теперь другія и купечество наше стало умнѣе и сообразительнѣе, чѣмъ прежде.

Но, начавъ нашу статью историческимъ очеркомъ развитія торговли, мы и окончимъ ее послѣдовательнымъ рассказомъ о паденіи Маймайтчина.

Во время перевода таможи въ Иркутскъ, былъ разрѣшенъ въпускъ кантонскаго чая чрезъ петербургскую таможду. Русскіе купцы, получивъ сбавку пошлины на чай, сначала были довольны и надѣялись на то, что будутъ въ состояніи конкурировать съ чаями, привозимыми въ Россію моремъ. Китайцы, глядя на нихъ, тоже потирали себѣ руки и ждали большаго развитія торговли. Но немного прошло времени, и на Кяхтѣ вмѣстѣ восторга была скорбь и стenanіе великое, китайцы крѣпко призадумались: во многихъ фузахъ были большіе запасы чаевъ, которыхъ продать было некому, потому что Нижегородская ярмарка огрѣла кяхтинцевъ и ихъ довѣрителей двадцатью рублями убытка на каждый ящикъ чаю. Дѣла многихъ китайскихъ фузъ пошатнулись, чай пришлось продать въ убытокъ, кредитъ они свой внутри Китая оправдать къ сроку не могли, — ну, словомъ, все пошло врозь. Такъ мало помалу, въ

продолженіи нѣкотораго времени, китайцы вытряхивали изъ кармановъ часть барышей, прибрѣтенныхъ ими во время вѣковаго существованія торговли. Они, хотя и находились въ печальномъ положеніи, но все таки не унывали, потому что надѣялись на поправленіе дѣлъ въ будущемъ: «перемелется, молъ, все мука будетъ.» Дѣло между тѣмъ перемололось дѣйствительно и муки для китайцевъ не вышло, а вышло то, что вслѣдствіе договора тяньдзинскаго, мы, русскіе, получили право ѣздить внутрь Китая и производить тамъ торговлю.

Это было для маймайтчинскихъ китайцевъ страшнымъ ударомъ.

Не смотря на всевозможныя хитрости и препятствія, которыя они устраивали для того, чтобы помѣшать водворенію русскихъ внутри Китая, но все таки не могли помѣшать этому, и русскіе караваны двинулись въ невѣдомый до того времени Китай.

Маймайтчинскіе торговцы, стали посылать гонцовъ къ своимъ главнымъ акціонерамъ въ Калганъ и Саньсинъ, писали имъ объ опасности, которой подвергается маймайтчинское дѣло, и предлагали свои совѣты. Тѣ, въ свою очередь, хлопотали предъ главными начальниками въ Пекинѣ и предлагали взятки за то, чтобы не дозволить русскимъ ѣздить съ товарами внутрь страны. Чиновники брали деньги, притѣсняли сначала русскихъ, какъ только могли и какъ умѣли, но не могли открыто дѣйствовать и остановить движенія каравановъ. Въ продолженіе трехъ лѣтъ русскіе до того ознакомились съ Китаемъ, что образовали тамъ свои постоянныя конторы.

Маймайтчинскіе китайцы совсѣмъ упали духомъ. Стали они по немногу выбираться изъ Маймайтчина,

*

предчувствуя невозможность вести дѣло по прежнему.

А по прежнему дѣла идти не могли по слѣдующимъ причинамъ:

Съ разрѣшеніемъ проѣзда внутрь Китая, русскимъ открылась возможность знать, какая цѣна существуетъ на чай на мѣстѣ его приготовленія, какія цѣны на китайскихъ рынкахъ русскимъ товарамъ, какія въ Китаѣ пошлины и сколько расходуется на провозъ чая изъ Китая до русской границы. До открытія свободной торговли никто изъ русскихъ не имѣлъ этихъ свѣдѣній, да никто о нихъ и не заботился. Духовная пекинская миссія занималась своими дѣлами въ Пекинѣ; кромѣ миссіи никто не могъ доставить какія либо свѣдѣнія о китайскихъ торговыхъ дѣлахъ, а миссію объ этомъ не просили, да конечно никому и въ голову не приходило мысли, разъзнавать о китайскихъ торговыхъ дѣлахъ, благо, кяхтинская торговля шла хорошо, давала большіе барыши, оставалось только радоваться, задавать лукулловскіе обѣды и сидѣть сложа руки.

Во время продолженія до-караванной торговли, китайцы очень хорошо знали о полномъ невѣдѣніи русскихъ относительно состоянія торговли внутри, Китая, и старались, на сколько было возможно, обращать это невѣдѣніе въ свою пользу. Получались, напримѣръ, ими торговые свѣдѣнія изъ Китая, они не обнародывали ихъ до вечера, то есть до того времени, пока всѣ китайцы не возвратятся изъ Кяхты въ Маймайтчинъ и потомъ уже, заперши ворота, дѣлали общее собраніе, на которомъ сообща, рѣшали какъ вести себя въ отношеніи къ русскимъ, въ какомъ смыслѣ передавать имъ тѣ или другія новости о торговыхъ дѣлахъ въ Китаѣ, чтобы

не повредить своимъ интересамъ, и дѣйствовали въ этомъ случаѣ съ рѣдкимъ единодушіемъ.

Иногда даже нарочно они выдавали ложныя свѣдѣнія за истину, говоря, на примѣръ, о возвышеніи цѣнъ на чай въ Калганѣ, или всѣ въ одно время начинали говорить объ упадкѣ цѣнъ на русскіе товары внутри Китая, или о пониженіи курса на серебро и золото.

Повѣрять эти свѣдѣнія было конечно невозможно, оставалось вѣрить на слово китайскимъ рассказамъ!

Русскіе купцы, въ свою очередь, не могли противустоять, китайской хитрости, потому что никогда не умѣли сохранить въ секретѣ получаемыхъ изъ Россіи свѣдѣній и, по свойственной русскому человѣку откровенности, на другой же день рассказывали все китайцамъ. Китайцы, кромѣ того, что знали о русской откровенности, всегда старались разузнавать о русскихъ дѣлахъ подробнѣе, чрезъ русскихъ прикащиковъ и наконецъ сами вслушивались въ разговоры купцовъ между собою, притворяясь непонимающими русскаго разговора.

Впрочемъ, невозможности скрыть получаемыя свѣдѣнія были и другія причины: русскіе купцы сознавали, что удерживать въ секретѣ получаемыя свѣдѣнія бесполезно, потому что нѣтъ никакой возможности дѣйствовать всѣмъ единодушно. Изъ всего торговаго кяхтинскаго населенія было не болѣе трехъ-четырехъ торговыхъ домовъ, которые вели свои собственныя дѣла, а остальные всѣ были комисіонеры, обязанные по своей должности исполнять безъ разсужденій приказанія своихъ довѣрителей; довѣрители же жили внутри Россіи и не знали хода кяхтинскихъ дѣлъ въ данное время. Напишетъ, на примѣръ, довѣритель въ Кяхту, чтобы промѣнять такіе-то и такіе-то товары на извѣстный

сортъ чая по существующимъ цѣнамъ и отправить чай, непременно на такой-то мѣсяцъ, въ Москву или Нижегородную ярмарку. Гдѣ же тутъ возможность соображаться съходомъ дѣлъ и выдерживать цѣны? Есть ли какая нибудь возможность противостоять единодушному дѣйствию китайцевъ въ торговомъ дѣлѣ?

Въ Кяхтѣ до сего времени сохранились разсказы про разные торговые продѣлки китайцевъ.

Узнавали они, напримѣръ, что такого-то товару получено русскими незначительное количество, товаръ привезенъ въ Кяхту въ первый разъ въ видѣ опыта, — и вотъ начинали китайцы усердно вымѣнивать его на чай, давая хорошую цѣну. Русскіе купцы, промѣнявъ выгодно товаръ; писали своимъ довѣрителямъ, что товаръ китайцамъ понравился и есть надежда на хорошій сбытъ его въ будущемъ. Довѣрители, осмываясь на полученныхъ сообщеніяхъ; посылали товаръ въ большемъ количествѣ; получался онъ на слѣдующій годъ въ Кяхтѣ, но китайцы на отрѣзъ отъ него отказывались.

— Почему же вы его не берете? спрашивали удивленные коммисіонеры.

— Потому, что не нужно.

— Да вы же брали его охотно въ прошломъ годѣ.

— Да, брали! Нужно было — потому и брали!

— Почему же теперь не хотите брать?

— Потому что больше не нужно. Въ Китаѣ онъ теперь не требуется...

Коммисіонеры вздыхали, жалѣли, что много выписали этого товару, а горю помочь не могли.

Товаръ складывали въ пакгаузъ гостиннаго двора, лежалъ онъ тамъ годъ, другой, третій; китайцы предлагали за него половину той цѣны, за которую онъ былъ купленъ русскими. Коммисіонеры писали своимъ довѣри-

телямъ о прекращеніи требованія на этотъ товаръ и получали разрѣшеніе, сбытъ его съ рукъ почемъ ни попало: что же дѣлать, — не вози же его назадъ въ Москву за 6,500 верстъ.

Обмѣнъ совершался. Китайцы задавали русскимъ обѣдъ, откармливали ихъ своими разнообразными яствами, крысыимъ и собачьимъ мясомъ, угощали горячимъ виномъ — «майгулу» и были очень довольны, что дешево вымѣняли хорошій товаръ.

Такие случаи бывали не рѣдко и исключенія не составляютъ, никто только не замѣчалъ этого въ свое время, но вотъ пришло другое время — и все рушилось. Китайцы, не смотря на то, что всѣми силами старались мѣшать русскимъ въ изученіи Китая, не смотря на то, что ихъ правительство не позволяло ни одному изъ своихъ подданныхъ ѣхать на границу безъ знанія русскаго разговорнаго языка, чтобы не дать русскимъ возможности изучать китайскій языкъ, — русскіе все-таки пробрались въ Китай и хотя плоховато, но тѣмъ не менѣе настойчиво ведутъ свои дѣла внутри Китая. Бяхтинское училище китайскаго языка не принесло, конечно, никакой пользы, и русскимъ, уѣхавшимъ въ Китай, приходится изучать китайскій языкъ на мѣстѣ.

Въ то же время, когда русскіе караваны двинулись внутрь Китая, нѣкоторые изъ небогатыхъ китайцевъ стали пробираться въ наши владѣнія. Сначала они свободнѣе и чаще стали ѣздить въ Троицкосавскъ, потомъ даже стали возить туда свои товары, чай, сахаръ леденецъ проч. За ними слѣдомъ потянулись мелочники изъ предмѣстья Уингорова и стали оглашать улицы русскаго города своими невнятнымъ криками: обло! обло! (яблоки). Черезъ нѣсколько времени китайецъ въ городѣ Троицкосавскѣ построилъ харчевню и поселился въ ней на постоянное жительство.

Китайцы покороче познакомились съ русскими женщинами извѣстнаго поведенія и, по всему вѣроятію, въ Забайкальской области скоро появится новый смѣшанный типъ.

Черезъ годъ нѣсколько китайцевъ добрались до Иркутска, открыли тамъ магазинъ съ чаями и шелковыми матеріями, завели китайскій трактиръ, довольно грязненькій и плохонькій. Впрочемъ, дѣла ихъ идутъ въ денежномъ отношеніи не очень плохо и вѣроятно въ такомъ же состояніи будутъ продолжаться. Маймайтчинъ изъ рынка, снабжавшаго чаями всю Россію, превратился въ рынокъ, съ котораго чай расходуется только по Забайкалью и восточной Сибири; въ западной Сибири онъ уже встрѣчается съ чаемъ кантонскимъ и не можетъ съ нимъ конкурировать: — кантонскій стоитъ дешевле.

Въ послѣднюю мою поѣздку въ Сибирь, я встрѣтилъ знакомыхъ китайцевъ въ иркутской таможнѣ.

Восторгамъ и радости не было конца.

— Митерь! Митерь!

— Стара пліатеръ!

— Э!

— Како пожива!

— Пліатеръ!

— Э!.. Джо та на! (Вотъ какъ).

— Пліатеръ! Сардечна! Э!..

— Митерь!.. Э!..

Чуть не плачутъ — обрадовались.

— Ну какъ ваши дѣла идутъ?

— Худа!.. Како можно.

— Пржеши времи маймайтчински хырошанни были!

— Теперь худа!

Погоревали о дѣлахъ и разговоръ перешолъ на г. Иркутскъ.

— Ну какъ онъ вамъ нравится?

— Печински лучше...

— А телеграфъ-то? У васъ въ Пекинѣ телеграфъ нѣтъ.

— Э! Тута чорта дѣла.

— Нама за чорта пліятеръ нѣту...

На другой день они явились въ мою квартиру.

— Здравсту, Митеръ!

— Стара пліятеръ!

Послѣ обычныхъ привѣтствій, распросовъ о здоровьѣ, погоревали китайцы о Маймайтчинѣ и потомъ попросили меня написать для нихъ депешу, которую они хотѣли отправить въ Кяхту къ одному изъ русскихъ комисіонеровъ, съ передачею въ Маймайтчинъ.

— Какъ же вы хотите посылать депешу по телеграфу, когда онъ по вашему есть дѣло чортово?

— Э, нужды нѣту! Ты пиши. Нама чай фамильный сюда надо. Пиши.

— Тута ярова почта (телеграфъ), мы сами отдаемъ...

Зная разсчетливость китайцевъ, я спросилъ, извѣстно ли имъ, сколько стоитъ посылка депеши изъ Иркутска въ Кяхту.

— Нѣтъ, не извѣстна.

— То-то, смотрите. Телеграмма стоитъ не дешево.

— А сколько плимѣрна? спросили старые знакомые, навостривъ уши.

— Полтора рубля.

— Како можно такой слова? закричали китайцы и отъ удивленія привсвочили на своихъ мѣстахъ.

— Джо! (Ахъ!) Какой цѣна! кричали они, широко

раскрывъ свои черныя глаза. — Чего напрасна? Тута дѣла легоньки, только мало, мало постукать — полтора рубля!

— Жестоки!..

— Да ты, Митеръ, я подумай, врешь?

— Правда. Зачѣмъ мнѣ врать?

— Яй боха? (ей богу)?

— Зачѣмъ божиться, говорю — правда.

Китайцы задумались, но однако порѣшили послать депешу.

Это было мое послѣднее свиданіе съ китайцами.

Изъ послѣднихъ извѣстій, полученныхъ съ китайской границы, мы знаемъ, что Кяхтинская торговая слобода почти вся сгорѣла, сгорѣла и часть Маймайтчина; но имѣвшая Нижегородская ярмарка дала значительную пользу на кяхтинскій чай и это заставляетъ насъ остановиться въ промъшленіи приговора о невозможности существованія Кяхты. Самыя послѣднія извѣстія, полученные по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ со дня пожара, истребившаго Кяхту, знакомятъ насъ уже не съ обгорѣлыми пепелищами кяхтинскихъ торговыхъ домовъ, а съ новою планировкой улицъ, съ планами будущихъ зданій, которыя предполагается построить изъ кирпича и камня, а не изъ дерева, какъ это было прежде.

Слѣдовательно нельзя заранѣе сказать, что ожидать нашу чайную торговлю и въ какія отношенія станемъ мы къ нашимъ сосѣдямъ китайцамъ. Прежняго Маймайтчина конечно уже не будетъ, такой пользы на чай, какую прежде драли съ насъ китайцы, конечно имъ не получить; да и наши купцы тоже должны про-

ститься съ прежними громадными барышами, но чайная торговля съ Китаемъ можетъ принять большіе размѣры, только не на границѣ, а внутри Китая. Слѣдовательно наша старуха Кяхта можетъ снова помолодѣть, сдѣлавшись главнымъ складочнымъ пунктомъ, чрезъ который неминуемо должны проходить товары въ Китай и изъ Китая. Можно надѣяться, что горькія послѣдствія ошибокъ прежнихъ лѣтъ послужатъ хорошимъ урокомъ нашему купечеству.

ОТЪ КЯХТЫ ДО БЛАГОВЪЩЕНСКА.

I.

Путь изъ Кяхты на Амуръ заставляетъ насъ вернуться нѣсколько назадъ. Мы снова на той дорогѣ, по которой ѣхали въ Кяхту. Опять передъ нами бѣдный городъ Селенгинскъ, степная, лишенная видовъ дорога; снова бурятская кумирня, одиноко стоящая посреди безлюдной степи, наводитъ насъ на прежнія впечатлѣнія.

При проѣздѣ въ Кяхту, мы свортели съ почтовой дороги за 20 верстъ отъ г. Верхнеудинска. Теперь намъ нельзя миновать этотъ городъ и потому мы должны сказать о немъ нѣсколько словъ.

Верхнеудинскъ ничѣмъ не замѣчательнѣе Селенгинска, развѣ только тѣмъ, что стоитъ онъ при р. Селенгѣ, тогда какъ Селенгинскъ отстоитъ отъ рѣки этого имени на нѣсколько верстъ; впрочемъ, такъ называемый старый Селенгинскъ стоитъ тоже на берегу рѣки, но только въ немъ (т. е. въ старомъ городѣ) осталось очень мало жителей, потому что большая часть изъ нихъ переселилась на новое мѣсто.

Населеніе Верхнеудинска значительно болѣе, чѣмъ населеніе Селенгинска. Первый имѣетъ хотя какую нибудь будущность, потому что съ того времени, какъ открылся путь на Амуръ, городъ этотъ начинаетъ нѣ-

сколько оживляться: то обозы тянутся чрезъ него, то проѣзжающіе ѣдутъ. Селенгинскъ же не имѣетъ никакой будущности, и съ того времени, какъ чайная торговля на Кяхтѣ ослабѣла, этотъ городишко окончательно пустѣетъ. Что же еще сказать о Верхнеудинскѣ? Да болѣе и сказать о немъ нечего, даже и почтмейстера, подобнаго селенгинскому, въ Верхнеудинскѣ не оказалось, т. е. пожалуй, почтмейстеръ-то и есть, но онъ политикой совсѣмъ не занимается и думаетъ только о томъ, какъ бы доказать проѣзжающему, что лошади всѣ въ разгонѣ...

Въ Верхнеудинскѣ бываетъ ярмарка, на которую съѣзжаются торговцы со всего Забайкалья. Начало этой ярмарки въ январѣ; но случается такъ, что Байкаль замерзаетъ позднѣе обыкновеннаго и товары, слѣдующіе изъ Иркутска, приходятъ на ярмарку послѣ ярмарки. Такимъ образомъ ярмарка оказывается безъ многихъ товаровъ; но это нисколько не вредитъ дѣлу: купцы, опоздавшіе на ярмарку, вносятъ гильдейскія деньги и открываютъ свои лавки. Со стороны купцовъ было ходатайство о томъ, чтобы время, назначенное для Верхнеудинской ярмарки, измѣнили и вмѣсто января назначили ее въ февралѣ. По всей вѣроятности это ходатайство теперь уважено.

Изъ Верхнеудинска путь идетъ по Бурятской степи до г. Читы (на разстояніи болѣе 500 верстъ). По этой степи кочуютъ буряты, обладающіе громадными стадами барановъ и безчисленными табунами лошадей. Селенія очень рѣдки; рѣки отъ почтоваго тракта далеко; ключи, орошающіе степь, встрѣчаются довольно часто, вода въ нихъ мягкая, свѣтлая и холодная.

Чита—городъ безъ жителей; въ немъ не болѣе ты-

сячи человекъ всего населенія. Этотъ городъ, вѣроятно, скоро заселится, потому-что съ открытіемъ свободы золотопромышленности, открывается обширное поле дѣятельности для частныхъ лицъ. Отъ воспоминаній о Читѣ всего болѣе остается въ памяти песокъ; самый городъ представляется мнѣ теперь какой-то необыкновенной массой песку, — песокъ вездѣ: при въѣздѣ, внутри города, въ квартирахъ и при выѣздѣ — все песокъ и поэтому Читѣ справедливо называютъ песчанымъ городомъ.

Издъ Читы въ Нерчинскъ дорога гористая и сколько верстъ, столько подъемомъ и спускомъ по горамъ (расстоянія 300 верстъ). Добраться отъ Читы до Нерчинска — подвигъ; но за то зимняя дорога превосходна: путь по горамъ остается въ сторонѣ, а ѣдутъ по льду рѣки Ингоды, которая называется Шилкой при слияніи своемъ съ р. Онономъ.

Наконецъ мы въ Нерчинскѣ.

Нерчинскъ лучше и многочисленнѣе Читы. Стоитъ онъ при р. Нерчѣ, впадающей въ р. Шилку; эта р. Шилка (т. е. Ононъ, соединившійся съ Ингодой) имѣетъ въ своемъ округѣ много горныхъ заводовъ, для проплавки серебра и свинца.

Отъ Нерчинска намъ оставалось всего сто верстъ пути до станицы Срѣтенской, гдѣ мы могли расстаться съ экипажемъ и пересѣсть на пароходъ.

Въ станицѣ Срѣтенской мы прожили съ 25 апрѣля по 1 мая, въ ожиданіи пока очистится рѣка Шилка отъ льда. Почти всѣ избушки казаковъ были заняты проѣзжающими на Амуръ и потому, волей—неволей, приходилось платить по рублю въ сутки за помѣщеніе въ дымной, вонючей и тѣсной избушкѣ. Хотя въ станицѣ Срѣтенской есть гостинница, но она была за додро до нашего пріѣзда набита проѣзжающими.

Немноголюдная, бѣдненькая станица въ это время приняла какой-то суетливый характеръ, — по грязнымъ улицамъ съ утра до вечера торопливо сновали фигуры офицеровъ и чиновниковъ: въ это время жилъ въ станицѣ генераль-губернаторъ, въ ожиданіи пути на Амуръ, и его присутствіемъ объяснялась эта суетливая бѣготня по улицамъ. Вообще же преобладающій элементъ былъ на сторонѣ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, частныя лица какъ-то ступшеывались въ массѣ эполетъ и свѣтлыхъ пуговицъ. Чѣмъ болѣе очищалась рѣка Шилка отъ льда, тѣмъ суетливѣе дѣлалось въ станицѣ, торопливѣе ходили соскучившіеся отъ ожиданія провѣжающіе и хлопотали о полученіи билетовъ для проѣзда на казенномъ пароходѣ.

Начальство предполагало отправить два парохода. На одномъ отправлялся генераль-губернаторъ, а другой назначили для частныхъ пассажировъ. Мѣсть оказалось мало и опоздавшіе достать билеты должны были дожидаться недѣлю или двѣ до слѣдующаго парохода; нѣкоторые съ горечью на сердцѣ выпрашивали себѣ мѣста на купеческихъ баржахъ, отправлявшихся съ товарами на Амуръ.

Перваго мая рѣка совершенно очистилась отъ льда и вслѣдъ за нимъ тронулся первый пароходъ, на которомъ поѣхалъ генераль-губернаторъ съ своимъ штатомъ. Конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы на томъ пароходѣ, на которомъ изволилъ отправиться его высокопревосходительство, — могли быть частныя пассажиры... Черезъ нѣсколько часовъ и мы отправились въ путь. По Шилкѣ мы проплыли превосходно, но у станицы Покровской, при сляніи Шилки съ Аргунью (*),

(*) Амуръ, какъ извѣстно, начинается отъ соединенія Шилки и Аргуни.

насъ встрѣтилъ аргуньскій ледъ и отчасти задержалъ наше плаваніе. У этой станицы мы догнали тотъ пароходъ, на которомъ плывъ генераль-губернаторъ. Несмотря на то, что этотъ пароходъ уже снова отправился въ путь, — мы остановились у берега: это сдѣлано было для того, чтобы дать время губернаторскому пароходу уйти подальше, такъ какъ нашъ пароходъ былъ гораздо быстрее на ходу, а обгонять начальство и уйти впередъ капитанъ не рѣшился...

Путешествіе до Благовѣщенска не представляло ничего замѣчательнаго кромѣ пустынности и малаго заселенія береговъ. Болѣе или менѣе похожія одна на другую станицы поочередно смѣнялись, оставляя по себѣ воспоминаніе своимъ казеннымъ видомъ, одинаковымъ и всегда большимъ разстояніемъ одной избенки отъ другой и отсутствіемъ прочной осѣдлости. На пути отъ Срѣтенской станицы до г. Благовѣщенска всего двѣ-три станицы болѣе другихъ населены, и видимо, ихъ экономическое положеніе лучше. Албазинская станица, на примѣръ, смотритъ настоящимъ русскимъ селомъ: раскинулась она на высокомъ берегу, на мѣстѣ прежняго города Албазина; деревянная, весьма порядочнаго размѣра церковь, построена на первомъ планѣ, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, вблизи окоповъ прежняго города. Кромѣ Албазинской станицы, только одна станица Черняева имѣетъ нѣчто напоминающее объ осѣдлости; въ ней тоже во время нашего проѣзда строилась церковь; а остальные станицы, какъ я сказалъ выше, сливаются въ общую массу казенныхъ поселеній, плохо устроенныхъ и за частую не на мѣстѣ поставленныхъ...

На пятый день пути, подплывая къ Благовѣщенску, мы опять догнали пароходъ, на которомъ ѣхалъ гене-

раль-губернаторъ, и такимъ образомъ подошли къ берегу въ одно время съ пароходомъ начальника края. На берегу тѣснилась небольшая толпа любопытныхъ, налили пушки, народъ ждалъ выхода на берегъ генераль-губернатора... Линь только пароходъ остановился противъ губернаторскаго дома и начальникъ края вышелъ на берегъ, какъ толпа закричала: ура! Генераль-губернаторъ сдѣлалъ толпѣ подъ козырель и отправился, вмѣстѣ съ благовѣщенскимъ губернаторомъ, въ колескѣ, осматривать молодой городъ.

Наконецъ пришла и наша очередь пристать къ берегу. Вышли мы, стали осматриваться кругомъ, отыскивая глазами извозчиковъ, но не видѣли ничего подобнаго имъ. Такимъ образомъ первое впечатлѣніе было самое невыгодное для г. Благовѣщенска.

Стали мы наводить справки и оказалось, что въ Благовѣщенскѣ объ извозчикахъ конечно никогда не было и помину; на берегъ, для перевозки багажа, явилась только одна телѣга. Я пошелъ отыскивать сначала пристанище и попалъ на квартиру къ одному чиновнику. Возвратившись въ пароходу, я увидѣлъ весь берегъ преобразившимся: на разстояніи сажень ста лежали груды чемодановъ, подушекъ, узелковъ, картоновъ и всякой дорожной всячины, ожидающей перевозки съ берега на квартиры. Одинокая телѣга, принадлежавшая, какъ оказалось, переселенцу молакану (*), уже совершила нѣсколько перевозовъ отъ парохода въ пустынные улицы города и обратно. Только-что она возвращалась къ пароходу, какъ ее снова заваливали снизу до верху багажемъ и усталая лошадь снова плелась по пустыннымъ улицамъ молодаго города. Предъ окон-

---

(*) Секта молаканъ переселена на Амуръ изъ Таврической губерніи.

чаіемъ перевозки явилась на выручку какая-то колесница, служившая для перевозки бревенъ, и такимъ образомъ способъ передвиженія улучшился. Съ грѣхомъ пополамъ наконецъ дошла очередь и до моего багажа и кой-какъ я перебрался на квартиру..

Жена чиновника, моего квартирнаго хозяина, просила извиненія, что не успѣла въ мое отсутствіе привести въ порядокъ комнаты: на полу, на столѣ и на окнахъ валялись кусочки лентъ, обрывки кружевъ и разныя принадлежности дамскаго туалета. Оказалось, что хаосъ происходилъ отъ предстоящаго бала: въ городѣ заранѣе знали, что начальникъ края долженъ быть на первомъ пароходѣ, и балъ, въ ожиданіи его пріѣзда, былъ, какъ говорится, на чужу, — въ день нашего пріѣзда онъ и устроился. Передъ вечеромъ мужъ чиновницы принарядился въ полную форму, пригладился и принялъ праздничный видъ; только одно не гармонировало въ его фигурѣ съ общимъ праздничнымъ видомъ — это тревожныя и частыя посматриванья въ окно на небо.

— Что это вы такъ тревожно посматриваете въ окно? спросилъ я, занятый его озабоченностію.

— Видите, въ чемъ вся суть, отвѣчалъ чиновникъ, — намъ съ женой непременно нужно быть сегодня на балѣ, нельзя — служба: балъ дается въ честь главнаго начальника края и манкировать такимъ приглашеніемъ конечно никакъ невозможно.

— Ну такъ что же тутъ общаго съ вашимъ безпокойствомъ?

— Да вотъ небо что-то хмурится, какъ бы дождь не прыснулъ; извозчиковъ вѣдь у насъ нѣтъ, а явиться на балъ мокрымъ опять не хорошо...

— Жаль мнѣ васъ!

— Что дѣлать, — нельзя!..

Черезъ нѣсколько времени чиновникъ съ супругой отправились на балъ пѣшкомъ, и такъ какъ туча дѣйствительно подвигалась, то они и спѣшили скорымъ шагомъ, не переставая ежеминутно посматривать на небо и вѣроятно подумывали, какою-то Богъ дастъ погоду на обратный путь.

На слѣдующій день въ девять часовъ утра на берегу снова громыхали пушки, возвѣщая объ отъѣздѣ начальника края. Онъ уѣхалъ далѣе внизъ по Амуру...

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о самомъ городѣ.

Благовѣщенскъ, какъ и всѣ вообще поселенія по Амуру, очень растянутъ вдоль берега; сразу видно, что городъ за уши вытянутъ въ длину, что бы казался многолюднѣе; но не смотря на это, онъ еще долго не достигнетъ до своей цѣли. Цѣль эта—устье рѣки Зеи, впадающей въ Амуръ съ лѣвой стороны, въ двухъ верстахъ отъ города. Препятствіемъ къ достиженію этой цѣли служить главнымъ образомъ, во первыхъ, ошибка при основаніи города, застроеннаго въ 4-хъ верстахъ отъ устья Зеи, а во вторыхъ, малочисленность населенія и въ третьихъ — станица Нижнеблаговѣщенская, построенная при самомъ устьѣ Зеи.

Описывать Благовѣщенскъ я считаю совершенно лишнимъ, потому что съ того времени, какъ писалъ о немъ г. Максимовъ, городъ почти нисколько не измѣнился,—прибыло два дома на берегу, да уничтожилось нѣсколько землянокъ, замѣненныхъ лачугами, построенными на второй улицѣ.

Вслѣдъ за пароходами стали приплывать къ Благовѣщенску и баржи съ товарами. Интересно и поучительно это плаваніе баржъ. Отправляются они изъ г. Читы тотчасъ же по вскрытіи р. Шилки и выгода каждаго купца, конечно, проплыть по Амуру первымъ:—лучше

шоторгуеть. Сколько усилій употребляетъ каждый, чтобы плыть впереди, сколько затаенныхъ желаній неудачи своему собрату кипить на его сердцѣ! Стеченіе этихъ неуклюжихъ барокъ, сильно оживляетъ городъ въ особенности по набережной улицѣ.

Около берега стоятъ пять-шесть баржъ и идетъ въ нихъ торговля. Чиновники съ супругами, казаки, казачки, манчурь и манчурки,—всѣ спѣшатъ къ баржамъ и производятъ въ нихъ нѣчто подобное толчевъ. Только къ полудню около баржъ толпа рѣдѣетъ и дѣлается посвободиѣе.

Я пошелъ посмотрѣть на торговлю, зашелъ въ одну изъ баржъ,—покупателей было очень немного, да и тѣ, видимо, зашли полюбопытствовать; только манчуръ съ своей женой засматривался на занимавшіе его часы съ кукушкой; какъ на грѣхъ часы начали бить двѣнадцать и кукушка припрыгивая начала куковать. манчурка раскрыла ротъ отъ удивленія и дергала за полы своего мужа; манчуръ, замѣтно, и самъ изумился кукушкѣ и хотѣлъ приобрѣсть ее въ собственность, но чувствовалъ, что она должна стоить не дешево.

— А сколько пятаки тута часа стоита? спрашиваетъ онъ купца.

— Много пятаки, улыбаясь, отвѣчаетъ купецъ: рублями считать надо, пятаками не сочтешь.

— Ну плимѣрно сколько бумажки? (ассигнаціи).

— Десять бумажки.

— Пять бумажка! сердито сказалъ манчуръ и хотѣлъ идти изъ баржи, во избѣжаніе соблазна, но умоляющій взглядъ манчурки остановилъ его.

Публика изъ баржи поубралась, стало еще свободнѣе. Манчуръ началъ торговаться съ купцомъ, предлагалъ ему устроить мѣшу на овесъ, рисъ, гречу, но купецъ мѣнять не соглашался. Наконецъ торгъ порѣ-

шли на восьми бумажкахъ, купецъ уложилъ часы въ ящикъ и манчуръ бережно понесъ ихъ въ свою лодку, такъ-же бережно, какъ Плюшкинъ несъ полученные отъ Чичикова кредитные билеты.

Дней шесть продолжалась оживленная торговля на баржахъ, а потомъ, въ одинъ день, одна за одной отчалили отъ берега, стараясь не давать одна другой преимущества приплыть къ станицѣ ранѣе. Вслѣдъ за баржами, уплывшими внизъ съ красными товарами, стали приплывать къ берегу Благовѣщенска баржи съ бакалейными товарами—сыръ, икра, манароны, горошекъ, варенье, стеариновые и сальные свѣчи, мыло и русское масло изъ Забайкалья, нѣсколько лучше и дешевле манчжурскаго. Опять спѣшатъ жители закупать такъ давно не видѣнные продукты, потому что въ городскихъ лавкахъ (Юдина и Амурской комп.) еще сначала зимы все уже было распродано и, по словамъ жителей, зимою выписывали изъ Читы, съ почтой, стеариновые свѣчи.

Май мѣсяцъ самое оживленное время для Благовѣщенска. Кромѣ баржъ, приходящихъ изъ Читы, въ городѣ строятся свои баржи; мѣстные капиталисты (все тѣ же: Юдинъ, Амурская К^о, Людорфъ и Кандинскій) закупаютъ у манчжуръ быковъ, просо, ячмень, рисъ, овесъ, гречу и все это сплавляется въ Николаевскій портъ для удовлетворенія жителей, насидѣвшихъ во время зимы на солонинѣ да на замороженномъ мясѣ, продаваемомъ по 16 руб. пудъ, да и то въ видѣ милости, ради знакомства.

Въ июнѣ мѣсяцѣ по набережной улицы города, по распоряженію мѣстнаго начальства, начались работы. Предполагалось протянуть во всю длину города береговую аллею и около одного изъ домовъ, высунувшагося

на самый край берега безъ кола и двора, — разсадить цѣлый лѣсъ — иѣчто въ родѣ парка, въ миниатюрѣ конечно. Полицеймейстеръ цѣлые дни наблюдалъ за этой работой и былъ оторванъ отъ нея только страшнымъ убійствомъ двухъ человѣкъ, сдѣланнымъ въ домѣ купца Пахолкова. Этотъ ужасный случай встревожилъ весь городъ, забыли про паркъ, и про аллеи. Дѣло было такимъ образомъ: вечеромъ въ восемь часовъ, купецъ Пахолковъ, возвратившись домой, увидѣлъ убитыми своего кучера и мальчика лѣтъ 15-ти; въ домѣ все было перерыто, изъ гардероба повыбрано платье, чемоданы разрѣваны и брошены посреди комнаты, но такъ какъ у чемодановъ было двойное дно съ секретнымъ помещеніемъ для кредитныхъ билетовъ, то убицы, совершивъ преступленіе, не могли найти денегъ. Сумма же, находившаяся на днѣ чемодановъ, была около тридцати тысячъ рублей. Наряжено было слѣдствіе и преступленіе въ продолженіи двухъ недѣль открылось: убицы были два плотника, работавшіе на сосѣднемъ домѣ батальонаго командира Языкова. Дѣло, вмѣстѣ съ преступниками, переслали въ Забайкальскую область.

II.

Въ Благовѣщенскѣ, каждый мѣсяцъ двѣ недѣли, продолжается манчжурская ярмарка. Много было заботъ и хлопотъ для начальства, при выборѣ мѣста для этой ярмарки. Три раза ее устраивали на различныхъ мѣстахъ, три раза торговцы русскіе и манчжурскіе разбирали свои лавки и переносили ихъ съ одного мѣста на другое, потому что все отчего-то некрасиво вышло и казалось неудобнымъ. Переселившись съ лавками на третье мѣсто, манчжуры начали громко говорить, что если еще разъ заставятъ ихъ переносить свои лавки, то они и торговать въ русскомъ городѣ не будутъ,

а уѣдутъ къ себѣ домой, на родной лѣвый берегъ. Къ счастію, лавки остались на третьемъ мѣстѣ, по близости котораго соорудили изъ стараго дома, ранѣе бывшаго помѣщеніемъ для губернатора, — гостинный дворъ и надъ нимъ, водрузили коммерческій флагъ. По странному стеченію обстоятельствъ, флагъ повѣсили на оборотъ, верхнимъ концомъ книзу, и дня три онъ прови сѣлъ такимъ образомъ, потому кто-то замѣтилъ, и ошибку исправили. Въ гостиномъ дворѣ, во время моего приѣзда въ Благовѣщенскъ, лавокъ никто не занималъ да и не кому было: у купцовъ лавки настроены около своихъ домовъ.

Манчжурская ярмарка начиналась обыкновенно съ девяти часовъ утра; десятки разнообразныхъ, болѣе или менѣе фигурныхъ лодокъ приставали къ русскому берегу. Манчжуры выгружали свои товары и таскали ихъ на ярмарку на своихъ собственныхъ плечахъ. Нойонъ (чиновникъ) ударялъ нѣсколько разъ въ бубны и ярмарка съ этого момента считалась открытой. Ъхали городскія барыни, болѣею частію жены чиновниковъ и офицеровъ, закупать провизію; шли казаки и поселенцы, кто за мукой, кто за табакомъ или аракой; появлялась въ толпѣ народа, присущая исключительно только Амурскому краю, обдерганная, оборванная, грязная и пьяная фигура казака-сынка (*), получившаго на Амурѣ званіе *голтитака*. Торговля начиналась, Манчжуры безпокойно поводили глазами, стараясь поймать значеніе русскихъ словъ, размахивали руками, показывая пальцы и безжалостно ломали и

(*) *Казакъ-сыннокъ* — это штрафной солдатъ, переселенный на Амуръ. Сынками называютъ ихъ потому, что, не имѣя ни кола, ни двора, они розданы были по одному на казацкую семью въ дѣти, для исправленія нравственности и изученія сельскаго хозяйства.

коверёжи руссiя слова, перемѣшивая ихъ съ своей родной рѣчью.

— Анда! (другъ!) говорилъ пошатывался гольтипакъ, протягивая руку къ панюнкъ табаку.

— Шолоро! (уйди!) кричалъ манчжуръ махая, руками:—шолоро! Лакамча (худо)!

— Сколько пятаки? бормоталъ пьяный, бессмысленно выпучивая осоловѣвшие глаза.

— Шолоро! Мангу ачи ты (денегъ нѣтъ утебя), снова кричалъ манчжуръ, выпроваживая пьянаго гольтипака изъ своей лавчонки.

Гольтипакъ, вѣрный самому себѣ, начиналъ сыпать отчаянную брань на неповинную голову манчжура и хотѣлъ драться, но, сознавая собственное безсилie, пошатываясь и ругаясь, уходилъ далѣе, гдѣ снова началась та же исторiя съ другимъ манчжуромъ.

Торговались покупатели такимъ образомъ: поселенецъ подходитъ къ лавкѣ и высматриваетъ, что ему нужно, потомъ беретъ извѣстный продуктъ въ руки и показываетъ его манчжуру. Манчжуръ поднимаетъ пальцы къверху, означая ими количество пятаковъ, требуемое имъ за покупаемую вещь.

— Пять пятаковъ што-ли тебѣ? спрашивалъ поселенецъ, поднимая всю ладонь къверху.

— Айя! Айя! (хорошо!) кричалъ весело манчжуръ отъ радости, что его повиди. Поселенецъ показывалъ четыре пальца. Манчжуръ отрицательно качалъ головой и, не имѣя силы выдержать молчанiе, принимался говорить по манчжурски, несмотря на то, что поселенецъ не понималъ ни слова. Поселенецъ наконецъ выкладывалъ на прилавокъ извѣстное количество денегъ, и торгъ оканчивался.

Далѣе, около одной изъ лавокъ, манчжуръ, повиди

тому очень бѣдный и уже довольно старый, въ дырявомъ кафтанншкѣ, держалъ въ рукахъ дикаго гуся и старался объяснить опружавшимъ его казакамъ, какъ онъ поймалъ его. Онъ представлялъ своей фигурой птицу, идущую по степи, тревожно и торопливо поворачивалъ своей старческой головой въ разные стороны, какъ будто высматривая, нѣтъ ли гдѣ врага-человѣка, и потомъ вдругъ начиналъ дергать правой ногой, доказывая этимъ, что гусь попался въ петлю, разставленную въ полѣ. Манчжуръ окончилъ свою пантомиму и глупо улыбался, вопросительно смотря на публику.

Цѣлый день около лавожъ тѣснится толпа казаковъ и поселенцевъ, безцѣльно передвигающаяся отъ одной лавки къ другой. Къ полудню начинаютъ показываться пьяныя фигуры казаковъ, къ вечеру слышатся тамъ и слышны пѣсни, слышатся крикомъ, бранью и доходятъ наконецъ до драки. Часамъ къ семи раздается снова ударъ въ бубны. Торопливо начинаютъ бѣгать и суетиться манчжуры, собирая свои товары; они спѣшатъ къ своимъ лодкамъ, боясь опоздать и подвергнуться за это справедливому гнѣву своего вѣйона, присутствующаго на ярмаркѣ съ утра до вечера, въ качествѣ охраняющей силы; въ сущности же эта охраняющая сила имѣетъ характеръ карающей и ищетъ только удобнаго случая содрать съ охраняемыхъ штрафъ въ собственную пользу. Быстро таскаютъ манчжуры съ ярмарки къ своимъ лодкамъ товары, быстро укладываютъ ихъ и отплываютъ отъ русскаго берега. Всюду по рѣкѣ поднимается свистъ и визгъ: манчжуры, распустивъ паруса, вымываютъ своимъ свистомъ бога вѣтровъ, прося его помощи и попутнаго вѣтра. На слѣдующее утро снова лодки являются у русскаго берега, заботливый вѣйонъ конечно опять присутствуетъ на ярмаркѣ и

нѣсколькими ударами въ бубны возвѣщаетъ о позволеніи начать торговлю и вечеромъ снова такими же ударами возвѣститъ о закрытіи ярмарки и тѣмъ заставить торговцевъ суетливо бѣгать отъ лавокъ къ лодкамъ, укладывать свои товары и уѣзжать обратно, до слѣдующаго дня.

Обороты Благовѣщенской ярмарки конечно ничтожны. Впродолженіи двухъ недѣль каждодневной торговли всѣ манчжурскія лавки вмѣстѣ выручатъ не болѣе двухъ тысячъ рублей кредитными билетами. Всѣ эти билеты потомъ переходятъ чрезъ руки манчжуръ въ карманы мѣстныхъ русскихъ купцовъ, вымѣнивающихъ билеты на русское серебро, считая каждый рубль въ 1 р. 50 к. и 1 р. 45 к. Со времени заселенія Амурацѣна на серебро была за каждый серебряный рубль два бумажныхъ рубля, но возрастающая конкуренція на эту выгодную (лично для купца) торговлю понизила курсъ на серебро до 1 р. 40 к. Благовѣщенскіе купцы ведутъ съ манчжурами дѣла отдѣльно отъ ярмарочной торговли; эта послѣдняя, такъ сказать, мелочная, розничная торговля, имѣющая отношеніе только къ мѣстнымъ жителямъ. Торговля же мѣстныхъ купцовъ съ манчжурами ведется просто на дому. Купцы закупаютъ у манчжуръ большими партіями быковъ, муку и проч. и сплавляютъ означенные продукты внизъ по Амуру до Николаевского порта, гдѣ нерѣдко продаютъ часть своихъ товаровъ на иностранные корабли или вымѣниваютъ ихъ на джинъ, портеръ и т. п. Иностранные корабли покупаютъ или мѣняютъ только въ такомъ случаѣ, когда имъ необходимо имѣть балластъ. Кромѣ отправки изъ Благовѣщенска партій живыхъ быковъ, нѣкоторые изъ купцовъ отправляютъ внизъ по Амуру значительное количество солонины въ боченкахъ, по-

жупая быковъ тоже отъ манчжуръ и засаливая мясо на мѣстѣ. Боченки заготавливаются молаканами изъ сосѣдняго съ городомъ селенія, расположеннаго около рѣки Зеи.

Получая отъ манчжуръ всѣ вышеозначенные предметы, русскіе купцы въ замѣнъ ихъ выдаютъ большею частію русскую серебряную монету. Русскіе товары конечно тоже идутъ къ манчжурамъ, но сравнительно въ весьма незначительномъ количествѣ, болѣе всего плизь, даба, нанки, иглы и отчасти сукна. Кромѣ торговли съ купцами манчжуры закупаютъ много скота въ казну и получаютъ за это звонкой монетой.

Сентябрь и октябрь въ Благовѣщенскѣ снова оживляются торговлей. Всѣ спѣшатъ покупать заграничные товары, и на Амурѣ успѣла развиться страсть къ заграничнымъ предметамъ, конечно, только въ высшихъ слояхъ общества. Въ 1862 году Людорфъ имѣлъ въ такомъ ничтожномъ по населенію городѣ, каковъ Благовѣщенскъ, иностранныхъ товаровъ на тридцать тысячъ рублей серебромъ; но да не подивится читатель этой цифрѣ — большая часть товаровъ заключалась въ винахъ, а остальная, менѣе значительная, въ мануфактурныхъ издѣліяхъ, въ сахарѣ, сигарахъ, въ бакалейныхъ товарахъ и косметическихъ вещахъ. Стеариновыя свѣчи на Амурѣ предпочитаютъ покупать русскія, потому что привозимыя чрезъ Николаевскъ гамбургскія свѣчи невыносимая дрянь, издающія вонь и отекающія хуже салныхъ. Папиросы привозятся изъ Иркутска, Нерчинска и Читы отъ пятидесяти копѣекъ до рубля за сотню; частію онѣ приготавливаются на мѣстѣ изъ привозимаго русскими турецкаго табаку. Осенью 1863 года, когда уже не было болѣе надежды получить товары изъ Забайкалья, одинъ изъ благовѣщенскихъ купцовъ скупилъ весь имѣвшійся въ городѣ табакъ и на-

чалъ дѣлать сквернѣйшія папіросы, подмѣшивая въ турецкій табакъ мамчжурскій листовою, и эту смѣсь изволилъ продавать по чудовищной цѣнѣ. Публика конечно была весьма недовольна такой продѣлкой, бранила въ глаза и за глаза лавочника, но все таки покупала папіросы его фабрикаціи. Всѣ означенные товары — вино, портеръ, сахаръ и сигары, провозятся въ Забайкалье, а въ Иркутскъ они не попадаютъ, по причинѣ пошлины, взимаемой въ Иркутской таможенѣ со всѣхъ иностранныхъ товаровъ, провозимыхъ чрезъ Амуръ. Мѣра эта конечно уменьшаетъ привозъ товаровъ и отчасти тормозитъ развитіе торговли на Амурѣ. Многие изъ торговыхъ людей оправдываютъ эту мѣру, говоря, что иначе американцы забрали бы на Амурѣ всю торговлю въ свои руки, что и теперь они подавляютъ русскую торговлю, но если американцы удачно ведутъ дѣла на Амурѣ, то отчего же этаго не могутъ дѣлать русскіе, что же смотрѣла и чѣмъ занималась Амурская компанія во время своего существованія на Амурѣ?

Всѣ эти пресловутые—управляющіе, деректора, ревізоры, что могутъ отвѣчать на прямой вопросъ о причинѣ разстройства дѣлъ компаніи? У Амурской компаніи былъ очень солидный основной капиталъ и при этомъ капиталъ поначи не менѣе почтенный кредитъ; была даже поддержка нравственная со стороны сибирской администраціи; къ ней, къ этой знаменитой компаніи весьма сочувственно относились въ Россіи;—слѣдовательно, что же разстроило ее? Чего недоставало ей для того, чтобы полновластно господствовать на Амурѣ и конкурировать съ мелкими американскими торговцами? Крупныхъ неудачъ и несчастій у ней ни разу не было,—слѣдовательно гдѣ-же причина упадка дѣлъ? Чего недоставало для успѣха? Извѣстно, чего недостаетъ

намъ—самаго главнаго, безъ чего никакія сочувствія, никакія деньги ничего не значать, — недоставало знаніе, — вотъ чѣмъ была больна Амурская компанія! И эта болѣзнь, эпидемически заѣдавшая весь составъ управленія съ верхняго края до нижняго, начиная съ послѣдняго прикащика до маститаго старца — послѣдняго ревизора ком.,—эта болѣзнь, какъ и слѣдовало ожидать, довела компанію до того, что дѣло прекратилось скандальною распродажею оставшагося имущества товаровъ по 7/8 за рубль.

Единственная польза, которую принесла умершая компанія на Амурѣ, это то, что большая часть служащихъ въ ней лицъ составили себѣ благопріобрѣтенные капиталы и завели свои собственныя дѣла; компанія въ этомъ случаѣ, конечно, играла страдательную роль...

Всего болѣе, какъ я сказалъ выше, продается въ Благовѣщенскѣ вина, большею частію низкаго и отчасти средняго достоинства. Портеръ продается отъ 90 к. до 1 р. 25 к. бутылка. Коньякъ отъ 10 р. до 15 р. за ящикъ—дюжина бутылокъ, и отъ 1 р. до 1 р. 50 к. за бутылку. Джинъ отъ 60 к. до 1. 20 р. бутылка. Шерри Кордіаль отъ 9 р. до 10 рублей ящикъ, —дюжина бутылокъ, и отъ 80 к. до 1 р. за одну бутылку. Шерри Кордіаль это нѣчто похожее на вишневую наливку, сносное—при первомъ глоткѣ, непріятное при второмъ и отвратительное до гадости, до омерзѣнія на третьемъ. Эта пресловутая наливка настаивается на однихъ только вишневыхъ косточкахъ: ягоду догадливые нѣмцы (изъ Альтона, около Гамбурга) употребляютъ на варенье, а изъ косточекъ стряпаютъ наливку съ примѣсью въ нее немовѣрнаго количества сахару. Эта наливка исключительно предназначена для шанхайскихъ китайцевъ и въ Японію, для чего каждая бутылка украшена золотыми и раскрашенными, во вкусъ китайцевъ, ярлычка-

ми, но съ занятіемъ Амура русскими она нашла себѣ новый, отличный сбытъ въ средѣ русскаго казачества...

Цѣны на жизненные припасы въ Благовѣщенскѣ по нѣкоторымъ продуктамъ много разнятся зимой и лѣтомъ, потому я считаю нелишнимъ выставить и тѣ, и другія. Товары получаются изъ двухъ источниковъ. Такимъ образомъ:

Ц ѣ н ы .

Отъ мангжуръ получается:	Зимой.		Лѣтомъ.	
Мясо..... запудъ	1 р. 80	и 2 р.	3 р. 50	к. и 4 р. 20 к.
Пшеничная мука...	1 » 50	1 » 75	2 » —	2 » 30 »
Осетрина свѣжая...	1 » 80	2 » —	2 » —	— —
Икра свѣжая осетр.	2 » —	2 » 50	2 » 50	— —
Фазаны мороженые пара:	— —	— 50	зимой только.	
Масло коровье..... п.	12 » —	— —	14 р. —	— —
Сало коровье..... »	4 » 50	— —	6 » —	— —
Овесъ..... »	— —	— 35	— —	— 50 »
Греча..... »	— —	— 40	— —	— 40 »
Рисъ..... »	2 » —	— —	— —	2 » —
Табакъ листовый . . . »	6 » —	7 » —	6 » —	7 » —

Отъ русскихъ покупается:

Ржаная мука.....	80	1 р. —	80 к.	1 »
Соленая капуста за ведро...	2 » 50	3 » —	— —	— —
Свѣж. капуста 100 вилокъ.	— —	— —	10 р.	— —
Дровъ сажень.....	2 » 75	3 » —	2 » 75	к. и 3 »
Сѣна возъ.....	1 » 50	— —	1 » 50	» —
Свѣчи салныя изъ Читы..	10 » —	— —	8 » —	— —
Мыло изъ Читы.....	8 » —	— —	6 » —	— —

Кромѣ огурцовъ на Благовѣщенскомъ базарѣ мнѣ не случалось никогда встрѣчать другихъ овощей. Нѣкоторые изъ хозяевъ имѣютъ огороды, но на продажу овощей никто не отдаетъ, а пользуются сами плодами своихъ трудовъ. Въ послѣднее время, благодаря малаканамъ, на базарѣ стала появляться свѣжая капуста и арбузы, на капусту, какъ видно изъ таблицы, цѣна существуетъ ужасная, но это потому, что она очень плохо родится, а на арбузы я цѣны не помню.

III.

Въ Благовѣщенскѣ мнѣ нужно было прожить, по моимъ

собственными дѣламъ болѣе года и потому волей неволей нужно было мириться со скукой и бездѣйствіемъ. Общественной жизни въ городѣ нѣтъ и помину(*). Небольшое общество чиновниковъ и офицеровъ, сначала такъ хорошо и дружно жившее, чрезъ полгода, подъ вліяніемъ сплетней и дамской хлестаковщины, перессорилось между собой и раздѣлилось на отдѣльные кружки. Общество купцовъ г. Благовѣщенска составляетъ особенный кружокъ, гдѣ спокойствіе эралаша, преобладающаго въ чиновномъ кругу, замѣняется тревожнымъ штосомъ, стуколкой и звономъ бутылокъ и стакановъ. Къ этой средѣ примкнула часть холостаго чиновничества и между ними, во время моей жизни въ Благовѣщенскѣ, занималъ первое мѣсто какой-то молодой фельдшеръ. Онъ пользовался полнѣйшимъ авторитетомъ по части опустошенія купеческихъ кармановъ...

Объяснять эту глупую жизнь безусловно конечно нельзя. Люди, не приготовленные ни воспитаніемъ, ни жизнію къ другой, болѣе здоровой и полезной дѣятельности, все же скучаютъ, и противъ этой скуки нѣтъ для нихъ никакого средства, кромѣ картежной игры или пустой, ни къ чему не ведущей болтовни. О книгахъ, на примѣръ, тутъ и помину нѣтъ. Знаютъ, что въ благоустроенномъ городѣ должна же быть хоть какая нибудь бібліотека, — ну заводятъ бібліотеку, даютъ ей мѣсто гдѣ-то на чердакѣ подъ самой крышей дома, куда идти не всякій рѣшится, да и идти туда не зачѣмъ. Средства Благовѣщенской бібліотеки очень скудны и помѣщается она, какъ я сказалъ выше, на чердакѣ, куда нужно

(*) Народонаселеніе Амурской и Приморской областей всего 60,000 д., а пространство, занимаемое ими—43,890 квад. миль; слѣдовательно на квад. милью приходится менѣе чѣмъ 1½ д.

пройти по грязному воняющему крыльцу, на которомъ безъ зазрѣнія совѣсти солдаты выливаютъ и выбрасываютъ всякія нечистоты; потомъ путь лежитъ по душному корридорѣ, гдѣ проходящаго обдаетъ запахомъ махорки и прогорѣлаго масла, слышатся пѣсни и шумъ солдатъ, живущихъ въ первомъ этажѣ, и наконецъ путешествіе въ бібліотеку оканчивается темной шатающейся лѣстницей, ведущей на чердакъ въ маленькую комнату. Вотъ гдѣ бібліотека! Гдѣ теперь она помѣщается? Дали-ли ей болѣе лучшее и приличное мѣсто? не знаю.

Въ мое время въ Благовѣщенскѣ поговаривали частенько объ устройствѣ клуба, но дѣло тѣмъ и кончилось, что поговорили и пошумѣли, — впрочемъ клубъ не можетъ создать общества, когда его нѣтъ...

«У насъ есть такъ называемый свѣтъ,
Есть даже люди, но общества нѣтъ:
Русская мысль въ одиночку созрѣла,
Да и гуляетъ безъ дѣла.»

Въ одинъ изъ теплыхъ вечеровъ, я по обыкновенію вышелъ гулять. Пустынно было по улицамъ, давно замолкъ стукъ топоровъ, раздававшихся тамъ и сямъ въ продолженіи дня, прекратились выстрѣлы артиллерійскаго ученія и баталіонные солдаты возвращались уже съ работъ по постройкѣ новаго деревяннаго собора, только военные музыканты наигрывали еще свои марши противъ губернаторскаго дома. Былъ четвергъ (*).

Публика лѣнливо и какъ-то сонно двигалась по на-

(*) Въ Благовѣщенскѣ по четвергамъ и воскресеньямъ въ продолженіе всего дня на берегу играла военная музыка.

бережной улицѣ; видно было, что всѣ другъ другу давно наснучили и не знаютъ, куда дѣваться отъ бездѣйствія и тоски. Какъ радость, какъ Богъ знаетъ какое необыкновенное счастье, — оживилъ долетѣвшій издали пароходный свистъ, всѣ засуетились, ожили и спѣшили скорыми шагами къ мѣсту пароходной пристани. «Пароходъ идетъ! пароходъ!» слышалось всюду. На берегу начала собираться толпа; появились купцы; за ними слѣдомъ манчжуры, слышался разговоръ.

— Что же вы, берете у меня рубли-то? спрашивалъ купецъ.

— Модоне ачи (не понимаемъ), отвѣчали манчжуры.

— Рубли, рубли! объяснялъ купецъ и, соединивъ большой палецъ правой руки съ указательнымъ, изобразилъ кружкомъ серебряный рубль.

А, анда! модонэ (А, другъ: поняли!) тута десяти тысяча есь! закричали манчжуры, поназывая пальцами на пароходъ.

Купецъ началъ увѣрять, что серебра на пароходѣ быть не можетъ, что серебро изъ Россіи уже все вывезли и только у него одного осталась еще небольшая часть, но манчжуры не вѣрили его розсказнямъ и махали руками.

— Э! Анда! Знама! каждая парохода серебро вези много есь!

Съ парохода начали сходить пассажиры, кто торопливо вертѣлъ головой въ разныя стороны, осматривая городъ, кто грусно шагаль, не обращая ни на кого и ни на что вниманія. Одинъ офицеръ велъ подъ руку даму. Дама плакала и утирала платкомъ слезы. Замѣтно было, что Благовѣщенскъ порадовалъ даму до слезъ своими длинными пустынными улицами.

Изъ толпы, стоявшей на берегу, выдвинулась впе-

редь высокая фигура поселенца съ клеймами на щекахъ и на лбу; онъ старался какъ возможно съежиться и принять жалобный видъ.

— Батюшка! пропищаль онъ разбитымъ голосомъ, подходя ко мнѣ, — нѣтъ ли, родимый, копѣчки на бѣдность! Подайте убогому, несчастному.

Я промолчалъ. Поселенецъ сталъ поочередно подходить ко всѣмъ стоявшимъ на берегу и корчилъ самую плачевную фигуру; получая отказъ, онъ шелъ далѣе и снова начиналъ выводить заунывнымъ голосомъ о своей бѣдности и убожествѣ.

Кто-то отвѣтилъ ему, что готовъ бы дать милостыню, да не имѣеть при себѣ мелкихъ. Поселенецъ еще съежился и пропищаль самымъ жалобнымъ голосомъ: да нѣтъ ли, батюшка, хоть цѣлковинькаго? Сказаль онъ эту фразу, и самъ не могъ удержаться отъ улыбки. Публика конечно засмѣялась и кто-то спросилъ, откуда и куда пробирается онъ?

— Я, батюшки мои, отцы кормилицы, возвращаюсь изъ холодныхъ странъ Николаевскихъ, съ Чиныраховской крѣпости, гдѣ былъ въ работѣ за не почтеніе родителей; возвращаюсь я въ теплыя области Забайкальскія, не имѣю дневнаго пропитанія и ради его приѣмлю отъ рукъ человѣческихъ подаваніе. Ваше высокоблагородіе! закричалъ онъ, вдругъ возвышая голосъ на цѣлую октаву: — отцы благодѣтели, не откажите несчастному!

Замѣчая, что плачевный тонъ не достигъ своей цѣли, поселенецъ вдругъ потрянулъ головой, выпрямился во весь свой длинный ростъ и гаркнулъ.

— Ваше высокоблагородіе! Я вамъ сказочку скажу.

— Пошелъ прочь! крикнулъ офицеръ, противъ котораго стоялъ поселенецъ.

Поселенецъ снова преобразился. Онъ разгладилъ усы, подперъ руки въ бокъ и грубо отвѣтилъ:

— Да ты не больно, братъ, кричи, я и самъ съ усамъ, вотъ что! Потомъ помолчалъ нѣсколько времени, обвелъ пьяными глазами толпу, взглянулъ на пароходъ, выпускавшій послѣдніе пары и, сдѣлавъ публикѣ подъ козырекъ, пошелъ по направленію къ мелочнымъ лавочкамъ, далеко дающимъ знать о себѣ запахомъ отвратительной араки.

Скоро публика разбрелась по домамъ, совершенно довольная, что приходъ парохода отчасти нарушилъ общее однообразіе. Я прошелъ далеко въ поле и возвращался назадъ, когда уже совершенно стемнѣло. По улицамъ не было уже болѣе видно ни одного человѣка; кой-гдѣ лѣниво бродили коровы или лошади. Далеко стояли одинъ отъ другаго маленькіе домики жителей, соединенные между собою длинными плетнями, замѣняющими заборъ. Около плетней лежали свиньи. Пройдя длинную улицу, я вышелъ къ берегу рѣки. На рѣкѣ было тоже безмолвно и тихо, на пароходѣ не было видно души, кромѣ дежурнаго матроса; городъ спалъ, только за рѣкой въ манчжурской деревнѣ изрѣдка мелькали огоньки, да изъ губернаторскаго дома, въ раскрытое окно, неслись звуки шубертовской серенады. Только-что я прошелъ домъ губернатора, какъ встрѣтилъ ѣдущаго въ одноколѣ казака, онъ окликнувъ меня. Я остановился и спросилъ, что ему нужно. Казакъ остановилъ свою тощую лошаденку и почти шопотомъ какъ-то таинственно спросилъ.

— Вы, ваше почтеніе, не купецъ ли?

— Да, купецъ, отвѣчалъ я, а что тебѣ?

— Такъ-съ... мучицы вотъ вамъ не сподручно ли взять?

*

Я удивился этой ночной торговлѣ и заглянулъ въ одноколку, въ ней дѣйствительно лежалъ маленькій мѣшокъ муки. « Неужели украдъ? » подумалъ я и пригласилъ казака ѣхать на мою квартиру.

— Отчего же ты ночью привезъ продавать? спрашивалъ я.

— Вѣдь не украдъ же ты ее: всего-то, я думаю, у тебя нуда полтора?

— Пошто, ваше почтеніе! Какъ можно, помилуйте!

— Отчего-же ночью, скажи пожалуйста!

— Да такъ... такъ точно, что... какъ быдто и не ловко немного... да ужъ такъ...

— Такъ и нужно бы днемъ.

— Да что ужъ таиться, ваше почтеніе, началъ казакъ, махнувъ рукой, — дѣло-то все выходитъ въ томъ, что мы здѣсь какъ то есть отъ казны получали провіантъ, примѣрно хлѣбъ, такъ значить теперь въ уплату нудятъ, а дѣлишки-то все еще плоховаты; деньжонками-то бѣдно... Вотъ теперь бы этотъ самый мѣшокъ въ складъ казенный надо бы везти, хлѣбушко-то отдать, а я грѣшнымъ дѣломъ свое-то добро крадучи продаю.

— Не ладно, братъ.

— Оно точно, ваше почтеніе, не со всѣмъ-то ладно, ничего тутъ какъ есть хорошаго нѣту, да вѣдь достатки-то наши больно жидковаты, тоже вотъ примѣрно и по хозяйству все въ неустройствѣ... Другіе вонъ наши тоже забайкальцы, которые снялись съ старыхъ-то мѣстовъ богатыми, имъ и здѣсь не хуже прежняго пожалуй, а бѣдняку вездѣ едино: все нужда да нужда...

Я купилъ хлѣбъ у казака по рублю за пудъ и на прощанье спросилъ его, гдѣ они поселены.

— Станица-то наша за Зеей... Вотъ теперича, и

надежи-то насъ тоже донимають крѣпко, — скотъ часто валится. Я вотъ лоньскимъ годомъ двухъ мериновъ сволокъ въ рѣку, только и видѣлъ, какъ ихъ унесло по рѣкѣ, а какіе жеринны-то были хорошіе да работающіе! — по двадцати пяти бумажекъ купилъ у манчжура, чистыми деньгами отвалилъ пятьдесятъ-то рублей, — да вотъ что станешь дѣлать-то? старикъ вздохнулъ, поблагодарилъ за покупку и уѣхалъ со двора.

Въ іюль мѣсяцъ пристали къ берегу до пятнадцати лодокъ, на каждой сидѣло человекъ по пяти крестьянъ, народъ все рослый, здоровый и румяный. Жители города были удивлены причаливавшей флотиліей и на берегу стала собираться толпа любопытныхъ.

— Что вы за люди такіе! Что вамъ такое здѣсь нужно? спрашивали горожане.

Изъ лодокъ вышло на берегъ нѣсколько стариковъ, помолились они на востокъ и обратились къ публикѣ съ вопросомъ.

— Почтенные господа! скажите намъ гдѣ здѣсь поселились молаканы?

— А на что это вамъ?

— Мы переселенцы и хочется намъ съ ними пови-
даться, и можетъ быть, коли Господь благословить, и поселиться съ ними по сусѣдству.

Молаканы поселены по Зеѣ, вскорѣ послѣ занятія Амура, кажется, черезъ полтора года. Они вышли изъ Таврической губерніи, и по ихъ рассказамъ, за то ихъ переслали на Амуръ, что однажды во время посѣщенія ихъ селенія архіереемъ, — старики что-то крупно говорили о вѣрѣ, расхваливая свою секту. Народъ они весьма трудолюбивый и честный, бѣдныхъ между ними нѣтъ, а о сборѣ милостыни между ними и не слышно. Однажды случилась въ городѣ Влагоевѣщенскѣ покража,

у одного изъ мелкихъ торгашей подрылись воры подъ лавчонку и выкрали товару рублей на пятьсотъ или шестьсотъ. Началось слѣдствіе и по розысканію оказался виновнымъ одинъ изъ молаканъ, да еще старикъ, весьма почтенныхъ лѣтъ, имѣвшій свой собственный домъ и торговлю мясомъ. Нужно было видѣть, какъ это поразило молаканъ, какъ они озлились на укравшаго старика и отшатнулись отъ своего собрата по вѣрѣ. Не марай, говорили они, нашу не замаранную честь, а если ты послѣ всего, чему тебя учили съ дѣтства до старости, оказываешься собакой, — то и пусть тебѣ будетъ собачья смерть.

Изъ гражданскихъ переселенцевъ есть еще, тоже около Благовѣщенска, поселившіеся вблизи архіерейскаго дома скопцы, но ихъ не много, всего семей шесть или семь и кромѣ молочнаго хозяйства да отчасти птицеводства они ничѣмъ не занимаются. Молаканы же доставляютъ въ городъ дрова, дѣлаютъ боченки для отправки внизъ по Амуру солонины, доставляютъ съ своихъ огородовъ овощи, хотя пока и въ очень незначительномъ количествѣ. Они же первые начинаютъ пробовать пшеницу, которая почему-то очень плохо родится у русскихъ, подвергаясь почти каждый годъ болѣзни, извѣстной подъ названіемъ помпы, — красная сыпь на колосьяхъ. Въ манджурскомъ же хозяйствѣ за сѣвается всего болѣе пшеница и никогда не сѣется ни ржи, ни ярицы. Нѣкоторые изъ молаканъ, болѣе состоятельные, строятъ въ Благовѣщенскѣ свои дома и отдаютъ ихъ подъ квартиры. Одинъ построилъ верстахъ въ 20-ти отъ города рѣчную мельницу, но при отсутствіи необходимыхъ занятій, дѣло не доведено до конца. Одинъ артиллерійскій офицеръ предложилъ свои услуги молакану и взялся поправить у него мель-

ницу. Но импровизованный механикъ еще больше напортиль, такъ что молаканъ—хозяинъ мельницы вынужденъ былъ просить услужливаго механика оставить его въ покоѣ.

— Ужъ я тѣ, ваше высокое благородіе, самыхъ что ни на есть лучшихъ арбузовъ предоставлю, только ужъ ты значить пожалуйста ослобони меня отъ твоей работы.

Офицеръ закусилъ губы и долженъ былъ оставить мельницу въ покоѣ. При основаніи города, задумали наши русскіе механики устроить конную мельницу; мельницу-то выстроили, а работать на ней нельзя, не дѣйствуетъ значить! Такъ теперь и стоитъ на берегу уродливое зданіе, крытое соломой. О вѣтряныхъ мельницахъ никто и не думалъ, а они, кажется, были бы очень полезны Благовѣщенску,—онъ стоитъ на ровной безлѣсной мѣстности и вѣтры въ немъ бываютъ очень часты и продолжительны. Сосѣди—манчжуры не имѣютъ ни рѣчныхъ, ни вѣтряныхъ мельницъ, — одни только ручныя и конныя, и потому цѣна на пшеничную муку въ Благовѣщенскѣ не бываетъ дешевле 1 р. 50 к. за пудъ, доходя иногда до 2 рублей съ половиной.

Въ Благовѣщенскѣ, въ первыя два года его существованія, затѣвалось многое, но ничего не сдѣлалось. Устроилось было общество огородничества, выпросили и землю, и работы начались, да потомъ все забросили, не собравъ плодовъ даже съ одного посѣва. Потомъ одинъ изъ докторовъ проектировалъ кожевенный, салотопенный и мыловаренный заводы, но сочувствія въ публикѣ не оказалось, хотя дѣло это дѣйствительно было бы выгодное. Въ заключеніе, архитекторъ предложилъ образовать компанію для устройства пивовареннаго завода, но это уже конечно само по себѣ не могло

нойдти при дороговизнѣ и недостаткѣ хлѣба. Около Благовѣщенска принимались устроить хозяйство на рациональныхъ началахъ два фермера. Одинъ полякъ, нарочно для этого переселившійся изъ Забайкалья, а другой мѣстнаго баталіона офицеръ, промѣнявшій шпагу на плугъ; но дѣло у обоихъ рухнуло самымъ плачевнымъ образомъ. Полякъ началъ первый. Онъ поселился по Зеѣ, приплавилъ изъ Забайкалья скотъ (въ то время не было еще разрѣшено покупать скотъ у манчжуръ), сдѣлалъ постройки и принялся за дѣло, но наступившая прибыль воды затопила его хлѣбъ, а скотъ весь палъ отъ заразной чумы. Собравъ свои послѣдніе крохи, бѣдный полякъ, отецъ многочисленнаго семейства, принялся снова за дѣло и на будущую весну погорѣлъ. Пожаръ, случившійся по неосторожности рабочаго, лишилъ его послѣднихъ средствъ и возможности продолжать хозяйство. Неизвѣстно, что случилось съ нимъ впоследствии. Во время моей жизни въ Благовѣщенскѣ я его видѣлъ скорбленнымъ и истомленнымъ. Исторію другаго фермера неимѣетъ такого грустнаго характера. Единственный фермеръ уложилъ на свою ферму все, что у него было, надѣлалъ долговъ и снова промѣнялъ плугъ на шпагу. Но въ исторіи амурскаго фермерства есть замѣчательный по своей безтолковости ходъ дѣла фермы господина Р., о которомъ самъ Р. подъ именемъ «Амурскаго хлѣбопашца» печаталъ двѣ статьи въ Русскомъ Вѣстникѣ «О вольно-наемномъ трудѣ на Амурѣ» и «Изъ амурской жизни» (Русскій Вѣстникъ 1863—1866 года.) Но какъ извѣстно, что правильный и безпристрастный судъ надъ самимъ собой не всякій можетъ произнести, то и г. Р., рассказывая о ходѣ своей фермы, скромничалъ предъ читателями и не рассказалъ своихъ хозяйственныхъ промаховъ. Я потому говорю

открыто о промахахъ г. Р., что дѣло имъ заведенное на Амурѣ принадлежало все цѣло мнѣ. Тутъ была положена вся моя жизнь, всѣ мои средства и самая колоссальная ошибка была, конечно, съ моей стороны, такъ какъ я забылъ о баснѣ Крылова, что не бываетъ добра, когда пироги печеть сапожникъ. Теперь уже отъ этой фермы осталось только одно воспоминаніе. Господинъ Р. такъ запутался въ своихъ дѣлахъ, что не имѣлъ возможности получить выписанныя мною кругомъ свѣта сельско-хозяйственныя машины, — онѣ, кажется, до сей поры лежатъ въ Николаевскомъ портѣ, какъ уведомялъ меня частнымъ образомъ торговый домъ Есипова и К°, я же съ своей стороны получить ихъ не могу, потому что всѣ акты, доказывающіе о принадлежности ихъ мнѣ, переданы г. Р., уѣхавшему впоследствии съ Амура Богъ знаетъ куда (*).

Много было говору о странномъ выборѣ мѣста для постройки города и не мало удивлялись этому выбору; нѣкоторые даже дѣлали такой смѣлый выводъ, «что для города Благовѣщенска старались найдти по всему Амуру худшее мѣсто и хуже того, на которомъ онъ построенъ, найдти трудно»; конечно это шутка, но тѣмъ не менѣе нельзя догадаться о причинахъ, руководившихъ въ этомъ случаѣ основателями города. Строевой дѣсъ далеко, го-

---

(*) Въ последнее время, въ отвѣтъ на эту статью (она была, съ сокращеніями, напечатана въ журналѣ «Дѣло» 1867 г.), я получилъ вѣсточку отъ г. Р. который очень огорченъ моими отзывами о немъ, а болѣе всего тѣмъ, что я будто бы умышленно написалъ о неизвестности его мѣста жительства. Съ великимъ удовольствіемъ заявляю, по желанію г. Р., что онъ превосходѣйшій адвокатъ и можетъ (какъ увѣряетъ) меня же отдать подъ судъ; но также считаю нелишнимъ сказать, что никакъ не могу признать его хорошимъ хлѣбопашцемъ... Обвинять же его въ чемъ бы то ни было, я не думаю и не думаю: что прошло, того не воротить!

родъ Айгунъ въ тридцати верстахъ, Зея въ трехъ верстахъ, пристань неудобна, мѣстность песчаная и подвержена частымъ вѣтрамъ— вотъ неудобства города и, по всему вѣроятію, они были извѣстны основателямъ, слѣдовательно изъ нихъ многіе могли быть устранены. Городъ могъ быть построенъ противъ Айгуна, гдѣ 30 т. населенія и отъ этого сосѣдства могла выиграть торговля, такъ какъ обмѣнъ совершался бы быстрѣе и преимущество быть городу при устьѣ заключается въ томъ, что тогда ненужно было бы заводить вверхъ по Амуру лѣсъ, сплавляемый съ верховьевъ Зеи, и наконецъ какъ ни разсуждайте о безлюдности Амура, но въ будущемъ, очень важно значеніе города, стоящаго при двухъ громадныхъ рѣкахъ,

Для рубки лѣса назначаются зимой изъ Благовѣщенска цѣлая экспедиціи отъ мѣстнаго начальства подъ предводительствомъ офицера, а иногда и двухъ. Эти экспедиціи уходятъ верстъ за 500 и лѣтомъ возвращаются на плотахъ съ строевымъ лѣсомъ. Точно такъ же и жители города составляютъ между собой компаніи, нанимаютъ казаковъ и отправляются тоже вверхъ по Амуру или по Зеѣ. Цѣна на бревна въ Благовѣщенскѣ, четырехъ саженные, въ шесть и семь вершковъ толщины, отъ 50 до 70 к., смотря по количеству приплава лѣсу. Восьми вершковые въ пять сажень длины отъ 70 до 1 руб. за бревно.

Какъ-то однажды, когда берегъ заваленъ былъ лѣсомъ, я шелъ по набережной улицѣ и, замѣтивъ на одной грудѣ бревенъ нѣскольکو мужиковъ, спустился внизъ къ рѣкѣ. Мужички сидѣли за починкою своихъ зипунишковъ; поярковыя шляпы, лежавшія около нихъ, давали знать, что мужички російскіе. Я подошелъ къ нимъ и попривѣтствовалъ ихъ. Мужики подняли голо-

вы, въ недоумѣніи посмотрѣли на меня и потомъ какъ-то робко, нерѣшительно отвѣчали:

— Добро жаловать, поштенный.

— Откуда вы? спросилъ я.

Мужики помолчали и, почесавъ затылки, переспросили.

— Кто? мы-то?

— Да. Откуда, говорю.

— Мы изъ подъ Хабаровки-и, отвѣчали они растягивая послѣдній слогъ.

— Родомъ-то откуда?

— Кто? мы-то? опять переспросили мужики, переглядываясь между собой.

— Да. Откуда, говорю, родомъ-то?

— Родомъ-то?

— Да.

— Гм!

Нѣсколько времени прошло въ молчаніи. Я опять спросилъ.

— Откуда же вы, добрые люди?

— Кто? мы-то?

— Ну да, конечно вы, съ вами, вѣдь, я рѣчь веду.

— Да родомъ-то, мы выходить, есть перемски, есть вотъ тоже и вячки, нолинскова уѣзду, нехотя отвѣчали мужики.

— Земляки вѣдь вы мнѣ! сказалъ я и сѣлъ рядомъ съ ними на бревна. Мужики, придвинулись плотнѣе другъ къ другу, перестали чинить свои зипуны и обратили все вниманіе на меня.

— Да вы, братцы неробейте, я вѣдь простой человекъ, не чиновной, я купецъ.

— Ой, ли? такъ ты, дѣло выходить, тоже вячкой? оживляясь, спрашивали мои новые знакомцы.

— Вятской, вятской: я изъ города Елабуги.

— А—а! кака штука!.. Ну, землячекъ, такъ ты чево ино, сосланъ што-ли сюды?

— Нѣтъ, зачѣмъ сосланъ. Я здѣсь по своимъ дѣламъ. Вотъ, Богъ дастъ, покончу ихъ, да и назадъ поѣду, на свою сторону.

— Вотъ оно што! та-а-къ, Назадъ... Неладится што-ли здѣся?

— Да не больно ладится, да и далеко отъ свой стороны тоже.

— Правда, братъ землячокъ, совсѣмъ твоя правда, грустно сказали вятичи и вздохнули, глубоко вздохну́ли.

Всѣ мы замолчали и долго продолжалось это молчаніе, каждому вспоминалась своя родная сторона, милые сердцу образы возставали въ воображеніи и грустно какъ-то стало на сердцѣ.

— Какъ-же вы, братцы, изъ подъ Хабаровки-то сюда попали, спросилъ я, послѣ молчанія.

— Изъ подъ Хабаровки-то?

— Ну, да.

— Изъ подъ Хабаровки-то мы, землячекъ, правду тѣ коли сказать, мы братъ оттуда убѣгли, вотъ што!

— Какъ убѣгли! удивилъ я.

— Да такъ вотъ, поди ты, убѣгли, братецъ, да и кончено дѣло и весь сказъ тутъ.

— Что вы, ребятушки! да какъ же? затѣмъ-же вы убѣгли-то?

— Эхъ землячокъ, землячокъ! самъ ты посуди, отъ добра разѣ человекъ убѣжить. Значить ужъ худо было, коли убѣгли, — вотъ она штука-то какая! Исправникъ, вишь ты, насъ все непускалъ. Мы значить у него спервоначалу-то просилися и молилися, пустите молъ ваше

благородіе. Нѣтъ, говоритъ, мордва вы, говоритъ не-
крещеная; поселилися здѣсь, такъ и живите, говоритъ.
А какъ тутъ жить? Земля, все равно теперь, что голая
глина, жить совсѣмъ не въ моготу было...

— Ну и что-же вы сдѣлали? какъ устроили свой
побѣгъ-то?

— Да чево мы? мы ничево. Подумали, подумали,
прохажали да погоревали, а потомъ перекрестились да
благословясь и порѣшили задать деру изъ подъ Хаба-
ровки-то. Пришли вотъ тутъ, отсюда верстъ тридцать
отъ городу-то, рѣчоночка такая малехонькая есть, За-
витая, бають, зовется, какъ ли ино, — Богъ ее знаетъ;
только мы на ней и сѣли поселкомъ, запахали земли
десятинъ семь видно. Теперь вотъ сюды въ городъ при-
шли на заработки; управились значить съ своимъ дѣ-
ломъ-то.

— А какъ же, братцы, спрашиваю я: — если васъ по-
лиція узнаеть, да какъ бродягъ безпаспортныхъ за-
береть всѣхъ?

Земляки мои засмѣялись и, видимо, были довольны:
«декать ты простота, ничего не смыслишь, какъ нужно
дѣла-то обдѣлывать».

— Нужды нѣтъ, землячекъ, ничево. Теперь ужъ мы
никого не боимся. Полиція ужъ насъ всѣхъ знаетъ на-
перечетъ; теперь ужъ хабаровской-то исправникъ насъ
не достанетъ — вотъ что! мы, видишь ли, какъ теперя
пришли сюды, такъ прямо, перво дѣло — землю пахать.
Какъ только убрались, значить, съ работой, сейчасъ
въ городъ къ энаралу и — въ ноги ему упали да голосомъ
и завыли. Что такое, говоритъ, что такое, что за люди?
Энаралъ-то это спрашиваетъ. — А вотъ, молъ, такъ и
такъ, баемъ, у хабаровскаго исправника просилися, мо-
лилися — не пускалъ исправникъ; — бѣжали, молъ, тай-

комъ, радучи. Ну и опять ему въ ноги бухъ и слезно просимъ, чтобы значить намъ нашихъ жонъ и ребятишекъ по бумагѣ выписали сюды.

— Ну и что же вамъ генераль сказалъ?

— Что энараль? Энараль ничево. Сперво-то на перво, было, закричалъ, затопалъ ногами, ну а какъ мы ему втолковали, что, молъ, землю запахали, хлѣбъ посѣяли,—такъ онъ инда засмѣялся. Ну, говоритъ, ребята, хитрой, говоритъ, народъ всячной.

— Ребята хвачки, подхватилъ одинъ изъ вятичей и всѣ засмѣялись.

— Что же онъ про ваши семьи вамъ: обѣцалъ хлопотать?

— Энараль-то? какъ же, обнадежилъ, бумагу, говоритъ, туда пошлю, по бумагѣ, говоритъ, вышлютъ безпремѣнно вашихъ жонъ и дѣтей. Такъ вотъ какъ, землячекъ, теперь мы никого и не трусимъ. Мы было энаралу-то за земляковъ своихъ словечко молвили; ну да онъ ничево не сказалъ, самимъ, говоритъ, имъ надо хлопотать — вотъ что!

— Ну дай вамъ Богъ, земляки, здоровья да въ дѣлѣ подспорья.

Я поднялся съ бревенъ и хотѣлъ идти, но вятичи меня остановили вопросомъ, когда я поѣду, и стали заказывать порученія на родину.

— Будешь коли въ Нолинскомъ уѣздѣ, заѣзжай въ нашу деревню; скажи, что худо молъ переселяться,—больно худо. Жили молъ подъ Хабаровкой со всячиной, всякаго горя натерпѣлись; дома-то молъ пшеничной не умѣли ѣсть, а подъ Хабаровкой моченой да тухлой арженой жевали да и то не всегда, иной разъ безъ хлѣба и безъ соли сиживали,—рыбищу эту амурскую ловили да варили—не сладко безъ соли-то. Скажи, землячокъ,

что теперь вотъ около Благовѣщенскова, молъ, дѣло ладится и бумажки тоже, мало дѣло, завелись запазухой, потому работа есть, — скажи, мотри, да ладнѣе.

— Скажу, скажу. Только я еще на свою сторону не скоро доберусь.

— Ну да когда будешь, все же живой человѣкъ, скажешь, а они чай объ насъ ничего и не слыхивали, не знаютъ, поди, живыли нѣтъ-ли.

Я простился съ своими земляками и пошелъ далѣе. Поднимаясь на берегъ, я посмотрѣлъ ихъ временное помѣщеніе въ балагашкѣ, прилѣпившемся у крутаго, песчанаго берега. Балаганъ сдѣланъ изъ древесной коры и похожъ отчасти на шатеръ: дождемъ не мочить, отъ вѣтра не очень продуваетъ — и ладно.

Вотъ, Богъ дастъ, по осени уберутся бѣглые переселенцы на свой новый поселокъ, сколотятъ себѣ срубъ; за первымъ явится другой, тамъ третій, потомъ, Богъ дастъ, жоны съ ребятишками *по бумагъ* возвратятся и образуется деревенька.

И такъ изъ Приморской Области начинаютъ по многу переселяться въ Амурскую. Это доказываетъ, что земли, лежащія за ст. Хабаровской по р. Амуру (про р. Уссури въ нашихъ запискахъ нѣтъ рѣчи), для хлѣбопашества неудобны и по общимъ отзывамъ извѣстно, что начиная отъ Хабаровки, чѣмъ ближе къ Николаевскому порту, тѣмъ болѣе почва дѣлается хуже и хуже и наконецъ совершенно переходитъ въ тундристую, болотистую, ни на что непригодную мѣстность. На этомъ 800—верстномъ пространствѣ, какъ будто сама природа назначила жить только гольдамъ да гилякамъ, печальнымъ пасынкамъ природы, съ ихъ тощими и легкими для бѣга собаками.

V.

Наступила осень. Съ послѣднимъ рейсомъ парохода возвратился изъ путешествія по своей обширной епархіи его преосвященство, амурскій епископъ. Онъ поселился въ своемъ большомъ загородномъ домѣ. Пароходные рейсы прекратились и почта болѣе не получалась, — стали терпѣливо ждать того времени, когда Амуръ покроется льдомъ и образуется путь по рѣкѣ. Холодный сѣверный вѣтеръ началъ безцеремонно пробираться во всѣ пазы благовѣщенскихъ зданій, явилось большое требованіе на коноплю и желѣзныя печи. Его преосвященство, изъ дюжины комнатъ, едва могъ выбрать для себя одну, въ которой возможно было жить, не рискуя замерзнуть. Чиновники ежились въ казенныхъ квартирахъ и кричали на работавшихъ солдатъ, что плохо конопатили стѣны и мало наваливали земли на завалинки. Успѣвшіе заpastись изъ казеннаго склада листовымъ желѣзомъ торжествовали въ ожиданіи будущаго тепла отъ желѣзныхъ печей и подсмѣивались надъ прозѣвавшими. Въ Благовѣщенскѣ ни подъ однимъ домомъ нѣтъ фундамента, объ отысканіи извести до сей поры идутъ только разсужденія и она покупается отъ манчжуръ по дорогой цѣнѣ. Нѣтъ въ городѣ пожарной машины, хотя каланча внушительно красуется надъ одной изъ баталіонныхъ казармъ. Осенью какъ-то случился пожаръ и домъ сгорѣлъ до основанія; погода стояла тихая, огонь точно свѣчка догоралъ въ виду стоявшихъ передъ нимъ безпомощныхъ гражданъ; всѣ, конечно благодарили Бога что была такая тихая погода... впрочемъ, можетъ быть, и во время вѣтра пожаръ ограничился бы однимъ домомъ — такъ далеко они одинъ отъ другаго построены. А пожарную машину, кажется, очень нетрудно и достать: въ Нико-

лаевскѣ есть механическое заведеніе и пароходы между Благовѣщенскимъ и Николаевскимъ ходять по крайнѣй мѣрѣ въ мѣсяць разъ. Кое кто изъ неуспѣвшихъ уѣхать на пароходѣ остались ждать въ Благовѣщенскѣ зимняго пути и между прочими, чехи, депутаты отъ американскихъ славянъ, вздившіе по Амуру осматривать мѣсто для предполагавшагося ихъ переселенія. Сопровождавшій ихъ чиновникъ, отчаянный театраль, ничѣго лучшаго не придумалъ какъ устроить въ городѣ спектакль, да еще съ какою цѣлю-то: *для основанія фонда на устройство въ Благовѣщенскѣ постоянного театра!* Какъ разъ во-время выдумалъ, не справившись о недостаткахъ города, тогда какъ они при самомъ бѣгломъ, поверхностномъ наблюденіи были явственно видны и кололи глаза многимъ. Не говоря уже о пожарной машинѣ, о грязномъ и неудобномъ помѣщеніи городской библіотеки, о ея позорной бѣдности, — кромѣ этого, въ городѣ не было порядочной аптеки; при лазаретѣ казенная аптека не имѣла многихъ необходимыхъ медикаментовъ, даже — странно сказать — чувствовался постоянный, для каждаго больнаго ощутительный недостатокъ въ аптечныхъ склянкахъ! Случалось ли кому заболѣвать и посылать въ аптеку рецептъ доктора, больной при этомъ отправлялъ изъ дому бутылку или полуштофъ. Вотъ чего не доставало! Считаю при этомъ долгомъ сказать, что благодаря почтенному доктору Т. благовѣщенская лазаретная аптека имѣла кой какіе медикаменты въ дополненіе къ казеннымъ, которые были выписываемы по его содѣйствію изъ Иркутска. — Спектакль сошелъ благополучно, хотя и не совсѣмъ сносно. Разъохотившіеся артисты задумывали уже о другомъ спектаклѣ, но одна изъ дамъ раскапризничалась, повздоривъ на репетиціи, и въ пику всѣмъ арти-

стамъ, устроила у себя въ домѣ спектакли—лишь для одной избранной публики. Въ городѣ оказалось разомъ два театра. «Вотъ тебѣ и штука, дивились жители: не было копейки, да вдругъ—алтынъ». Такъ какъ посѣщавшіе спектакли, назначенные для избранной публики, кромѣ удовольствія получали еще, нѣкоторымъ образомъ, расположеніе дамы-актрисы, то театръ въ зданіи манежа, не имѣя силы конкурировать, смиренно прекратилъ свои представленія. Да наконецъ и то, по всему вѣроятію, было причиной, что запросъ на спектакли былъ всего болѣе въ высшемъ слоѣ общества, а предложеніе явилось для обоихъ слоевъ и потому фiasco было неизбѣжно. Кромѣ того въ спектакляхъ для избранной публики показывались живыя картины и дама-актриса каждый разъ представляла изъ себя «Агарь, изгнанную Авраамомъ». Авраамъ, вѣроятно, по старости лѣтъ, находилъ неприличнымъ показываться, да еще въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ изгнаніе любимой женщины, но Агарь при сильномъ освѣщеніи была просто обворожительна и вызывала каждый разъ тысячи аплодисментовъ и самыхъ льстивыхъ восклицаній. Спектакли, какъ и слѣдуетъ быть, оканчивались хорошимъ ужиномъ, на которомъ впрочемъ участвовали только избранные изъ избранныхъ, такъ сказать—смакъ общества.

Сборъ отъ спектаклей на устройство постояннаго театра былъ очень скудный, театраль-чиновникъ для подкрѣпленія фондовъ затѣялъ подписку, но подписка достигла только до пятисотъ рублей. Общее собраніе всѣхъ сочувствовавшихъ театру, порѣшило употребить эту сумму на выписку изъ Москвы париковъ и прочихъ театралныхъ принадлежностей для будущихъ спектаклей. Лучшаго употребленія для этой суммы никто

изъ всего состава общаго собранія не могъ придумать и театраль-чиновникъ, увъзжая въ Москву, увезъ эти несчастные пятьсотъ рублей съ собой, на которые вѣроятно потомъ и выслалъ въ Благовѣщенскъ всякой театральной дребедени.

Осень въ Благовѣщенскѣ бываетъ почти постоянно сухая и холодная, а о той пасмурной погодѣ и продолжительныхъ дождяхъ, которыми такъ богаты нѣкоторые изъ русскихъ губерній, — въ Благовѣщенскѣ и понятія не имѣютъ. Осень наступаетъ незамѣтно, уменьшаются лѣтніе жары, въ воздухѣ дѣлается все свѣжѣе и свѣжѣе, постепенно наступаютъ зимніе морозы, рѣка покрывается льдомъ и все чаще начинаютъ завывать вѣтра. Снѣгъ въ Благовѣщенскѣ не держится, хотя для этого частенько предпринимаютъ искусственныя мѣры, — отправляютъ цѣлый баталіонъ солдатъ по улицамъ, рассчитывая, что тысяча человекъ, во время своей официальной прогулки, могутъ помочь горю и снѣгъ примятый двумя тысячами ногъ, удержится на улицѣ для саннаго пути. Но искусственныя мѣры не достигаютъ своей цѣли, — прогулка солдатъ остается просто за просто прогулкой и снѣгъ черезъ день или два разносится по открытой мѣстности на всѣ четыре стороны. Тянется зима съ своими скучными безконечными вечерами. Счастливъ тотъ смертный, который по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, захавъ въ такую глухую и безлюдную даль, — можетъ примириться съ потребностями общества и находить утѣшеніе и отраду въ ералашѣ, пикетѣ и преферансѣ, и горе тому, кто не захочетъ послѣдовать благоразумному совѣту опытныхъ людей — заложить его благовѣщенская зима вконцеъ. Почта, получаемая въ продолженіи лѣта два раза въ мѣсяць, съ прекращеніемъ пароходныхъ рей-

*

совъ не получается до закрытія рѣки льдомъ — извольте ждать съ 15 сентября до 20 ноября.

На Благовѣщенской манчжурской ярмаркѣ появляются съ наступленіемъ морозовъ заледенѣвшіе яблоки, виноградъ, груши и фазаны, привозимые изъ Чичикара, за восемь сотъверстъ отъ Благовѣщенска, на югъ.

— Айя ябло! Айя! нахваливаютъ манчжуры обледенѣвшіе, твердые какъ камень плоды.

— Да ужъ худы ли, хороши ли, а нужно видно брать, когда лучшаго ничего нѣтъ, говорятъ покупатели, сомнительно постукивая ледяными яблоками о стѣны манчжурскихъ лавокъ.

Ожидавшіе въ Благовѣщенскѣ зимняго пути, обыкновенно, уѣзжаютъ. Городъ становится совсѣмъ пустъ. Наконецъ и карты теряютъ свою обаятельную силу, кой гдѣ начинаютъ прорываться жалобы на скуку. Господи! Да хоть бы скандалъ какой нибудь устроился, говорятъ скучающіе. Въ мое время вездѣ слышались жалобы на медленность и неаккуратность въ полученіи почты, но лишь только получалась она, городъ оживалъ дня на два, на три, забывая про перенесенную тоску ожиданія. Одна изъ зимнихъ почтъ привезла, между прочимъ, интересную для жителей Благовѣщенска новость — книжку журнала «Время», въ которой была напечатана статейка подъ заглавіемъ: «Изъ путевыхъ замѣтокъ по Амуру». Надѣлала эта статейка горя! Содомъ и гоморъ образовался вдругъ изъ мирнаго города, — каждый узнавалъ себя и бѣсился, ругая автора. Одинъ почтенный господинъ, названный въ статейкѣ обладателемъ бороды, похожей на половую щетку, до того зарайпоровался въ своемъ безграничномъ озлобленіи, что серьезно началъ подумывать о протестѣ противъ автора, и если унялся, то благодаря исключитель-

но совѣтамъ своихъ товарищей, доказавшихъ разгнѣванному пріятелю опасность печатной само-защиты: «смотри, дружокъ, говорили они, будешь защищаться острымъ оружіемъ, какъ бы не обрѣзаться тебѣ».

Къ январю мѣсяцу мѣстная полиція стала составлять статистическія свѣдѣнія о числѣ жителей, лавокъ, и проч. Въ свѣдѣніяхъ этихъ между прочимъ было означено, что въ г. Благовѣщенскѣ есть свѣчной, заводъ и на этомъ свѣдѣніи прекратились. Кому онъ принадлежитъ, сколько выработываетъ свѣчь, изъ какого матеріала, — объ этомъ составитель статистическихъ свѣдѣній благоразумно умолчалъ. Однажды, при разговорѣ съ однимъ изъ чиновниковъ полиціи, я спросилъ, гдѣ же это находится свѣчной заводъ въ городѣ.

— У васъ, отвѣчалъ мнѣ чиновникъ.

— Какъ, говорю, у меня? Что вы, Христось съ вами!

— Да вы же льете свѣчи на дому—значить у васъ и заводъ!

« Вотъ тебѣ и разъ, » подумалъ я.

У меня, дѣйствительно, были при квартирѣ два станочка съ дюжиною свѣчныхъ формъ, на которыхъ мы вдвоемъ съ мальчикомъ практиковались въ выдѣлкѣ свѣчей. и вдругъ неожиданно, негаданно попали въ заводчики. И вотъ такого сорта статистическія свѣдѣнія, вѣроятно, печатаются потомъ для назиданія публики и нашего ученаго міра.

Теперь мнѣ сдѣлалось понятно, какъ нѣкогда писали о какихъ-то десяткахъ кораблей, плававшихъ по Амуру и существовавшихъ только въ воображеніи автора; писали же, что Иркутскъ получаетъ по баснословной дешовой цѣнѣ сахаръ и чуть ли не все продукты черезъ Амуръ, тогда какъ въ дѣйствительности въ Ир-

кутскъ сахару черезъ Амуръ не привозится, потому что привозъ по Амуру вверхъ и сухимъ путемъ по Забайкальской области стоитъ очень дорого, да и пошлина въ Иркутскъ на амурскіе товары самая почтенная.

Надо замѣтить, что наша хлестаковщина въ отдаленныхъ захолустьяхъ переходитъ въ чисто миѣическое творчество.

Наступилъ новый манчжурскій годъ, въ началѣ февраля (онъ считается у манчжуръ, какъ и у китаевъ, по теченію луны). Многіе изъ жителей Благовѣщенска отправились въ Айгунь на праздникъ. Манчжуры, такъ же, какъ и китаевы, чрезвычайно радушны и хлѣбосольно проводятъ дни своего новаго года, такъ же иллюминуютъ и украшаютъ разноцвѣтными фонарями свои улицы, дома, лавки, также щедро угощаютъ проходящихъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Во время этого праздника, одинъ изъ русскихъ чиновниковъ, считавшійся другомъ и пріятелемъ анбана (начальника города), пробираясь по улицѣ послѣ сытнаго обѣда и весьма солидной выпивки отъ знакомыхъ манчжуръ, — мимоходомъ заглянулъ въ одиноко стоявшій посреди улицы манчжурскій экипажъ и, увлекшись красотой сидѣвшей въ экипажѣ молодой манчжурки, влѣпилъ въ ея сахарныя уста нѣсколько горячихъ поцѣлуевъ. Крикъ и шумъ поднялся ужасный. Сибирскій Ловеласъ хотѣлъ задать поскорѣе тягу, но сбѣжались манчжуры и какъ ни увертывался въ толпѣ чиновникъ, но его поймали, связали назадъ руки и повели на судъ анбана. Молоденькая манчжурка была его родная дочь. Привели чиновника къ Анбаню и бѣдный старикъ удивился, увидя своего закадычнаго друга въ такомъ позорномъ положеніи.

— Ну братъ, Дмитрій, сказалъ анбанъ: — жалко

миѣ тебя, да нечего дѣлать, нельзя—самъ ты виноватъ. Только я для тебя сдѣлаю облегченіе: я напишу твоему начальнику, чтобы онъ тебя высѣкъ полегче, а все таки высѣчь надо—безъ этого, братъ, народъ балуется.

Анбанъ дѣйствительно написалъ офиціально губернатору, что вотъ такого-то русскаго чиновника, за нарушение приличій и оскорбленіе его дочери, онъ просить, согласно существующимъ у манчжуръ законамъ, высѣчь бамбуками, но такъ какъ этотъ чиновникъ пріятель его самого, анбана, то было бы жалко слишкомъ сильно подбивать бамбуками друга и потому офиціальное посланіе заключалось просьбой: *сѣчь не очень больно*.

Долго смѣялись въ Благовѣщенскѣ надъ этимъ посланіемъ, черезъ мѣсяць анбанъ самъ посѣтилъ Благовѣщенскъ и, встрѣтившись съ чиновникомъ у губернатора, заботливо спросилъ: а что, вы, ваше превосходительство, не очень больно его сѣкли? Губернаторъ объяснилъ, что по русскому закону тѣлесное наказаніе существуетъ не для всѣхъ, что даже есть слухи о совершенномъ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія. Задумался анбанъ, крѣпко задумался надъ даннымъ объясненіемъ и долго молчалъ, вспоминая, можетъ быть, какъ иногда ему попадало въ спину десятковъ пять—шесть хорошихъ бамбуковъ.

— А хорошо это у русскихъ, сказалъ онъ, вздыхая:—очень хорошо,—только чтобы не избаловался народъ, и потомъ, подойдя къ своему другу чиновнику, ласково потрепалъ его по плечу, приговаривая:—нойонъ айя! (чиновникамъ хорошо!)

VI.

Пятнадцатаго апрѣля тронулся ледъ по Амуру. Все населеніе отъ стараго до малаго высыпало на бе-

регъ, смотрѣть на движущуюся массу льда. На другой день двинулся ледъ по Зеѣ и заперъ ходъ Амуру. Трескъ пошелъ по рѣкѣ отъ напора льдинъ, громоздившихся одна на другую; высокія горы догоняли одна другую и, съ шумомъ разрушаясь, замѣнялись еще большими горами льдинъ. Изъ манчжурской деревни слышался визгъ и свистъ: манчжуры вызывали бога вѣтровъ на помощь спертому льду. Дня три продолжалась борьба и амурскій ледъ побѣдилъ ледъ Зеи:—онъ заперъ въ свою очередь ходъ зейскому льду. Черезъ недѣлю рѣка совершенно очистилась отъ льда, манчжуры, не бывшіе такъ долго на русскомъ берегу, при первой возможности переплыли рѣку и поспѣшили навѣстить своихъ пріятелей купцовъ.

— А что, пліятеръ, скоро порохода придетъ, селеберо привезетъ? спрашивали они.

— Скоро, скоро. Какъ обыкновенно бываетъ, къ шестому или седьмому мая—утѣшали купцы.

Но прошло и десятое мая—а пароходъ не приходилъ. Отчего онъ замедлилъ и что съ нимъ за оказія случилась—никто не могъ рѣшить. Жители стали чаще рассказывать по берегу и тоскливо смотрѣли вверхъ по рѣкѣ, ожидая парохода. Почта не получалась тоже уже болѣе двухъ мѣсяцевъ—городъ находился въ какомъ-то изолированномъ положеніи,—точно онъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ одинъ одинехонекъ существуетъ и кругомъ его на необозримое пространство — пустота. Дѣйствительно непріятное положеніе ждаты изо дня въ день парохода и не имѣть о немъ никакихъ свѣдѣній, но непріятнѣе всего не знать даже, будетъ ли начальникъ края на Амурѣ, или нѣтъ. Впрочемъ, на всякій случай, благовѣщенскими властями всѣ необходимыя мѣры были приняты...

Не знаю, почему, при воспоминаніи объ этомъ времени, мнѣ постоянно представляется гоголевскій городничій съ своими распоряженіями по случаю пріѣзда ре-визора...

Прошло три недѣли самаго ужаснаго, томительнаго ожиданія и двадцатаго числа, вмѣсто парохода, приплыли двѣ лодки — съ почтой. Вышло, слѣдовательно, что «гора родила мышь», но за неимѣніемъ лучшаго, жители были рады и лодкамъ. По распросамъ оказалось, что въ Шилкѣ воды мало, по рѣкѣ бродятъ куры, и бабы пѣшкомъ переходятъ съ одного берега на другой. Зима въ Забайкальѣ была безснѣжная, и въ маѣ въ Шилкѣ оказалось воды менѣе фута. Черезъ нѣсколько дней еще приплыли лодки частныхъ лицъ и получили тѣ-же неутѣшительныя извѣстія. Тоскливо тянулся май, манчжуры и тѣ повѣсили свои бритыя головы, они тосковали, что давно не покупали русскаго серебра. Торговля вообще была тиха, всѣ ждали новыхъ товаровъ, свѣжихъ колониальныхъ продуктовъ, а главное—русской серебряной монеты, безъ которой, какъ извѣстно, на Амурѣ ничего не подѣлаешь. Странная однако же вещь! Манчжуры, падкіе до русскаго серебра, — почти не берутъ золотой монеты и во все время моей жизни на Амурѣ я ни разу не встрѣтилъ нигдѣ ни одного полуимперіала. Чѣмъ объяснить это непонятное пренебреженіе къ золоту? А между тѣмъ, по рассказамъ людей, плававшихъ внизъ по Амуру и по Уссури, — тамъ находятъ слѣды прежнихъ золотыхъ приисковъ, веденныхъ, какъ замѣтно, въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Слѣдовательно китайское правительство знаетъ цѣну золоту, да и на Кяхтѣ его постоянно сбывалось громадное количество, сначала контрбандой, а потомъ, по разрѣшеніи свободной торговли, открыто. Вотъ

туть какъ хочешь, такъ и добирайся до причинъ, какими руководствуются манчжуры въ дѣлахъ торговли!

Пароходъ пришелъ въ Благовѣщенскъ только 6-го юня, а баржи добрались до города къ 20-му и 25-му числу. Лѣто слѣдовательно наступило очень поздно.

Въ юнѣ по распоряженію мѣстнаго губернатора былъ отправленъ внутрь Манчжуріи въ качествѣ посланника въ Чичикаръ г. Малевичъ, мѣстный судья, отличавшійся, какъ говорили, дипломатическими способностями. Его сопровождали два переводчика: г. Перемобовъ и монгольскій князь Гантимуръ. Причины посольства состояли въ томъ, чтобы сократить лишнюю переписку, веденную между Русскимъ и Манчжурскимъ начальствомъ, отъ Чичикара чрезъ Айгунь и устроить прямыя отношенія прямо съ Чичикаромъ. Кромѣ этого его превосходительство рассчитывалъ на уступку манчжурскаго острова, находящагося противъ Албазинской станицы и части сѣнокоса на правомъ берегу. Манчжуры, заслышавъ о посольствѣ, пронесли по всей Манчжуріи вѣсть, что ѣдетъ посолъ изъ Петербурга, покупать часть Манчжуріи — шумъ такой пошолъ, что не приведи Создатель! Однако-жъ эта сказка очень повредила г. Малевичу. Въ Чичикарѣ его дѣйствительно приняли за настоящаго посланника, отвели ему роскошное помѣщеніе и поставили почетный караулъ въ двѣсти челоувѣкъ манчжурскихъ офицеровъ. Г. Малевичъ даже струсиль, не смотря на свои дипломатическія способности. На утро пригласили его пожаловать въ Таймунь (верховный домъ судилищъ). Г. Малевичъ отправился. Его ввели въ довольно большой залъ, гдѣ на высококомъ стулѣ съ китайскою важностію возсѣдалъ старый, сѣдой и уже дряхлый правитель Манчжуріи, — нѣчто въ родѣ нашего намѣстника. Тихо, едва слышно нача-

лись его старческіе вопросы. Г. Малевичъ прямо объяснилъ, что было нужно, и былъ очень пораженъ грубой переменною обращенія. Манчжуры, видя сами себя одураченными своей собственной довѣрчивостію къ народной молвѣ,—сдѣлались непростительно сухи и холодны съ г. Малевичемъ. Дряхлый, выжившій изъ ума старикъ коротко сказалъ, что по силѣ трактата онъ имѣетъ сношенія только съ генералъ-губернаторомъ восточной Сибири и министромъ резидентомъ, живущимъ отъ русскаго правительства въ Пекинѣ. Г. Малевичъ не сталъ съ нимъ разсуждать и не обращая вниманія ни на какія церемоніи, ушелъ изъ Таймуна; почетный караулъ отъ его квартиры исчезъ и вмѣсто его явился у дверей оборванный манчжурскій солдатъ. Черезъ нѣсколько времени въ помещеніе, занимаемое имъ, явился одинъ изъ анбаней и ласково сталъ извиняться въ своихъ собственныхъ ошибкахъ и довѣрчивости по глупой сказкѣ, распущенной манчжурами, говоря, что дряхлый правитель чуть не отправился въ царство тѣней, такъ какъ его одурачилъ подданный ему народъ. Г. Малевичъ объяснился съ анбанемъ и устроивъ что было возможно, возвратился черезъ двѣ или три недѣли обратно въ Благовѣщенскъ. Айгунскіе анбани были сначала очень недовольны, что русское начальство какъ будто считало низкимъ вести переговоры черезъ нихъ, но потомъ, черезъ нѣсколько времени, дѣло снова уладилось и переговоры стали вести по прежнему черезъ Айгунь. Губернаторъ Амурской области давно хлопоталъ о томъ, чтобы открыть торговлю по рѣкѣ Сунгари, такъ какъ доносились слухи о дешевизнѣ всякаго рода продуктовъ въ селеніяхъ этой многоводной рѣки. Долго шли переговоры объ этой торговлѣ и въ мое пребываніе на Амурѣ они не окон-

чились. Впослѣдствіи, уже почти чрезъ три года, и именно въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года, я прочиталъ въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ описаніе перваго рейса русскаго парохода по Сунгари до города Гирина. Поездка тоже кончилась ничѣмъ, только и узнали то, что населеніе по Сунгари весьма большое, но торговли, по неизвѣстнымъ обстоятельствамъ (вѣроятно манчжурское правительство по обыкновенію сдѣлало строжайшій приказъ не имѣть ни какихъ торговыхъ сношеній съ русскими) манчжуры не хотѣли вести и позволяли русскому пароходу только плавать по рѣкѣ, почти не давая приставать къ берегу. Манчжуры дивились огненной лодкѣ и лѣзли толпами на борты парохода, отгоняемые просто палками; потому-что всякія увѣщанія оказывались недѣйствительными.

Китайское правительство вообще туго поддается на сближеніе съ европейцами, хотя и прикрываетъ свое нежеланіе полнымъ согласіемъ и даже какъ будто радостію; а между тѣмъ спѣшитъ тайно разослать самыя строжайшія приказанія не имѣть съ европейцами никакого дѣла, никакихъ разговоровъ, стараться загоразживать имъ путь, устраивать всѣ возможныя препятствія и какъ можно менѣе давать возможности разбѣжничать что-либо, касающееся ихъ жизни, торговли, постройки городовъ, количества населенія и проч. Всѣ эти строгія приказанія подкрѣпляются угрозами отхлестать неисполнителей самыми толстыми бамбуками. Конечно такая странная политика весьма убыточна въ дѣлѣ торговли и ясно доказываетъ всю глубину невѣжества и близорукость взглядовъ китайскаго правительства. Оно боится сношеній съ европейцами изъ того ложнаго убѣжденія, что эти сношенія будутъ содѣйствовать развитію его подданныхъ и слѣдовательно

открывать имъ глаза на самое эгоистическое и глупое изъ азiятскихъ правительствъ.

Во время моего пребыванiя въ Благовѣщенскѣ Иркутскiй купецъ Пахолковъ первый предложилъ Манчжурамъ привезенное имъ мезерицкое сукно, по этотъ опытъ не представилъ тѣхъ выгодъ, какiя представлялъ сбытъ мезерицкаго сукна на Кяхтѣ. Оно всегда и въ большомъ количествѣ сбывалось въ Майматчинѣ и въ послѣднiе годы кяхтинской торговли покупалось китайцами даже на серебро. По отзывамъ китайцевъ мезерицкое сукно русскихъ фабрикъ лучше англiйскаго, что и доказали сами англичане, обмундировавъ въ Тяньдзинѣ свою армiю сукномъ нашихъ фабрикъ, хотя англiйское сукно въ то время было въ Тяньдзинѣ въ достаточномъ количествѣ. Наши фабриканты немножко только подгадили въ 1860-хъ годахъ одной не совсѣмъ скромной исторiей, случившейся съ сукномъ фабрики Тюляева; но это дѣло, такъ сказать, семейное и говорить о немъ не слѣдъ, тѣмъ болѣе, что при этомъ сбылась русская пословица «сама себя раба бьетъ, когда нечис-то жнетъ»; но китайцы дѣло другое: они давно привыкли къ торговому дѣлу и русскимъ извѣстно было, что нужно привозить на Кяхту. Ангуньскiе же манчжуры далеко ниже ихъ въ торговомъ отношенiи и до появленiя на Амурѣ русскихъ мало видали европейскiхъ товаровъ; они проникали къ нимъ только чрезъ Монголiю. У манчжуръ лишь въ послѣднее время увеличился привозъ кирпичнаго чая, а байховаго почти нѣтъ. Предложилъ мнѣ однажды манчжуръ изъ Сахалина купить у него байховый чай, что-то около пяти ящиковъ, но это была такая труха, какую въ Кяхтѣ китайцы стыдились бы и показать. Вообще торговля на Амурѣ какъ со стороны манчжуръ, такъ и со сто-

роны русскихъ, находится еще въ зародышномъ состояніи.

Кромѣ торговли съ манчжурами нужно желать конечно развитія дѣла съ Америкой и съ этой-то стороны велико значеніе Амура въ будущемъ. Въ будущемъ! Но въ какомъ далекомъ будущемъ? Можетъ быть, только внуки нашихъ правнуковъ увидятъ развитіе этого дѣла; увидятъ то время, когда америкакцы вмѣсто джину, портеру и сигаръ будутъ привозить на Амуръ хлопокъ для сибирскихъ фабрикъ, сахарный песокъ для сибирскихъ заводовъ и прочія произведенія своей страны; когда Сибирь въ обмѣнъ будетъ давать свои произведенія... Но повторяю, далеко еще это хорошее будущее и много, много еще нужно сдѣлать для того, чтобъ оно осуществилось; нужно улучшать пути сообщенія, нужно сдѣлать рѣку Шилку вполнѣ судоходной, устроить желѣзную дорогу отъ Нерчинска до Иркутска... такъ что теперь можно объ этомъ помечтать развѣ отъ нечего дѣлать. Тѣмъ не менѣе мы закончимъ эту главу словами одного писателя, сказанными во время занятія Амура русскими, что «Тихій океанъ, это—средиземное море будущаго».

ОТЪ БЛАГОВѢЩЕНСКА ДО Р. САНГАРИ

I.

Въ іюль мѣсяцѣ слѣдующаго года, т. е. болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ моего пріѣзда въ Благовѣщенскъ, я собрался отплыть внизъ по Амуру, верстъ за пятьсотъ. Парохода ждать было некогда, да и не извѣстно было, когда онъ придетъ: амурскіе пароходы, какъ частные, такъ и казенные, постоянныхъ и правильныхъ рейсовъ не имѣютъ, а двигаются внизъ и вверхъ по рѣкѣ, какъ случится... Не знаю, какъ теперь, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ моего отъѣзда, — быть можетъ, и не приходится больше пассажирамъ сидѣть по двѣ недѣли у берега да ждать погоды.

Нужно было мнѣ отправляться въ лодкѣ, а купить ее на Амурѣ больше не у кого, какъ только у нашихъ необразованныхъ сосѣдей—манчжуръ. Наши русскіе на Амурѣ еще не дошли до той хитрости, чтобы дѣлать лодки лучше манчжурскихъ. Купилъ я лодку и столько мнѣ манчжуръ наговорилъ о достоинствахъ ея, что оставалось только сѣсть въ нее и она сама поплыветъ вверхъ по рѣкѣ... Не шутя,—манчжурскія лодки очень хороши легки, красивы, удобны, а главное, сухи внутри:— вмѣсто пеньки и смолы манчжуры употребляютъ какую-то мастику и ею замазываютъ всѣ щели и пазы лодки.

Въ день моего отъѣзда стояла жаркая погода. Мои

новые пріятели, продавшіе мнѣ лодку, пришли посмотреть на мой отъѣздъ и за ними слѣдомъ привалила толпа манчжуръ. Они безцѣльно, каждый день, приплываютъ на нашъ правый берегъ и, толкаясь изъ дома въ домъ, изъ улицы въ улицу, рады отъ скуки всякому зрѣлищу: скука и бездѣлье привели ихъ и къ моей лодкѣ. Всѣ они тѣснились на берегу, приставаая ко мнѣ съ различными вопросами, — куда я ѣду, да зачѣмъ, да у кого купилъ лодку и сколько далъ за нее и какими деньгами — кредитными, или серебряными? Одни держали меня за рукава, нетерпѣливо желая отвѣта на свои вопросы; другіе лѣзали ближе къ лодкѣ и старались увидѣть, что именно я съ собой везу; на ихъ бритыхъ головахъ колыхались широкія поля соломенныхъ шляпъ и задѣвали краями одна другую.

Говору, толкотни и шуму не было конца.

Наконецъ мы кой какъ собрались въ путь и лодка моя отчалила отъ берега, рулевой началъ править, какъ говорятъ пловцы «въ рѣку», двое гребцовъ заработали веслами и вскорѣ лодка моя выплыла на самую середину широкаго Амура.

Быстро удаляясь, мы оставляли за собой растянутый вдоль берега городъ Благовѣщенскъ: бѣдныя, маленькія избушки и вырытыя въ берегу землянки бѣднѣйшихъ обитателей города; длинныя, однообразныя казармы; не уклюжій, десяти-оконный домъ, занимаемый губернаторомъ, домъ служившій долго предметомъ удивленія пріѣзжихъ иностранцевъ, потому что былъ построенъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ въ то время, когда остальные жители города, имѣвшіе право на казенныя квартиры, тѣснились и жались по нѣскольку семей въ одномъ домишкѣ. Проплыли мы мимо этого дома и мимо массивныхъ пушекъ, стоящихъ противъ

него, на страхъ манчжурамъ... Остался за нами городъ съ огромными казенными амбарами, въ которыхъ хранился хлѣбъ и спиртъ, вывезенные изъ амурской кормилицы—Забайкальской области; осталась назади и высокая каланча, не имѣющая ни шаровъ, ни часоваго, и длинный рядъ балагановъ, составляющихъ собою ярморочные ряды, и нѣсколько домишекъ частныхъ обывателей города,—все это окрашивалось блестящими лучами лѣтняго солнца и издали казалось, пожалуй, даже и красиво и какъ будто многолюдно, тогда какъ вблизи было бѣдно и, пусто и при внимательномъ разсмотрѣннн, доказывало собою всю немудрую искусственность амурской колонизаціи, обращающей слишкомъ много вниманія на красоту внѣшняго вида...

Далѣе за городомъ возвышалась на берегу новая постройка деревяннаго собора, долженствовавшая замѣнить собою ту часовню, въ которой была устроена временная церковь. Этотъ соборъ потому строится за городомъ, что предполагается въ послѣдствіи заселить городъ верстъ на пять въ округности, тогда, слѣдовательно, соборъ будетъ въ самомъ центрѣ города... если только городъ заселится.

Еще далѣе отъ новой постройки собора высунулась на берегъ какая-то крытая соломой, не то избушка, не то манчжурская кумирня, но за избушку этого соломеннаго зданія принять быдо нельзя, потому что на Амурѣ такихъ большихъ построекъ частные жители не дѣлаютъ; а за кумирню—тѣмъ болѣе: на нашемъ лѣвомъ берегу не терпятъ идолопоклонства.

Это доказано было въ первый годъ водворенія русскихъ на Амурѣ,—въ то время торжественно предали сожженію находившуюся около Благовѣщенска кумирню, которая пользовалась особымъ уваженіемъ отъ ко-

чующихъ племенъ (орочонъ, гиликовъ, гольдовъ), собиравшихся въ извѣстное время года къ эточйкумирнѣ для своихъ богослуженій. Не смотря на то, что имъ извѣстно было о преднамѣренномъ сожженіи ихъ кумирни,— они вскорѣ послѣ пожара построили на томъ-же мѣстѣ новую кумирню, надѣясь вѣроятно на русскую доброту, но надежды ихъ не оправдались и новая кумирня тоже была сожжена. Третьей кумирни преслѣдуемые идолопоклонники строить не стали и ушли внутрь страны, подальше отъ русскихъ поселеній. Сдѣлано-ли это отдаленіе кочующихъ племенъ, съ нашей стороны сознательно, для того, что-бы самимъ было просторнѣе, или жгли кумирни ради только 'потѣхи,— неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, мы русскіе дѣйствовали въ ущербъ своимъ интересамъ и, удаляя отъ себя эти племена, лишали нашу торговлю новыхъ потребителей.

И такъ, то зданіе, мимо котораго мы плыли, имѣло другое назначеніе. Оказалось, что это была старая, заброшенная конная мельница: ее строили въ первые года по переселеніи на Амуръ; но строители не имѣли необходимыхъ свѣдѣній въ механикѣ и долго возились съ своимъ дѣтищемъ. Они нѣсколько разъ передѣлывали сдѣланное, нѣсколько разъ мѣняли механиковъ-самоучекъ и въ концѣ концовъ отступили отъ своего намѣренія. Такъ зданіе и осталось въ забвеніи, для доказательства потомству всей бѣдности нашихъ домашнихъ знаній.

Но съ безлѣснаго, почти песчанаго берега, не имѣющаго ни одного деревца, кромѣ тѣхъ, которые искусственно разводятъ по набережной города,— посмотримъ на правый, манчжурскій берегъ.

Тамъ, изъ-за сплошной зелени кустарниковъ и деревьевъ выглядывали своеобразныя постройки манч-

журской деревни «Сахалинъ ула хотонъ». Деревенька эта вся купалась въ зелени и только кой гдѣ прорывалась сплошная масса молодыхъ березъ и выступали на первый планъ деревенскія постройки; за деревенькой показались желтыя, высокія скирды хлѣба, дополняя собой веселую картину. Ниже по рѣкѣ, въ полуверстѣ отъ первой деревни, тоже купаясь въ зелени, промелькнула другая, жители которой, выйдя на берегъ и приложивъ руки къ губамъ въ видѣ рупора кричали къ нашей лодкѣ: анда! (другъ) Рыба купи! Анда! Они были по большей части хлѣбопашцы и рыболовы, тогда какъ первая деревня, при основаніи г. Благовѣщенска заселилась купцами, переѣхавшими въ нее изъ Айгуна для торговли съ русскими.

Въ двухъ верстахъ отъ Благовѣщенска, при устьѣ р. Зеи, тѣснится и жметса по лѣвому, русскому берегу маленькая, казачья станица «Нижне-благовѣщенская»; криво и косо стоятъ плаксивыя избы, явѣ тутъ нитѣни, ни лѣсу, ни скирдѣ съ хлѣбомъ; ходятъ по берегу тощія коровенки да трутея грязными боками свиньи о плетень, въ коонецъ раскачивая эту ветхую изгородь казачьихъ дворовъ. Поселенные на этомъ мѣстѣ казаки уже нѣсколько лѣтъ прислушиваются къ вѣстямъ, доходящимъ изъ города; опредѣленнаго они ничего не слышатъ, но кажется имъ, что вотъ-вотъ выйдетъ откуда слѣдуетъ приказъ переселяться на другое мѣсто и оставить обработанныя поля и огороды. Вѣсти, доходящія изъ города, не смотря на свою неопредѣленность, по всему вѣроятію подтвердятся на дѣлѣ, потому что отъ Благовѣщенска его основатели ожидаютъ большой прыти и пророчатъ ему разширеніе до устья рѣки Зеи. Въ ожиданіи-то этаго, станица ниже-благовѣщенская какъ будто служить препятствіемъ къ увеличенію молодого

*

города, да и самый видъ печальныхъ избушекъ производитъ на нѣкоторыя лица непріятное впечатлѣніе(*)...

Рѣка Зея, равная шириной Амуру, впадаетъ въ него съ лѣвой (сѣверной) стороны и при своемъ впадении взрыла на срединѣ Амура широкую мель, которая, годъ отъ года увеличиваясь, превратится въ послѣдствіи въ песчаный островъ. Амуръ, принявъ въ себя Зею, широко раздвинулъ свои высокіе обрывистые берега и, спокойный, блестящій какъ гладкое стекло, уносилъ свои воды внизъ, отражая въ нихъ и сѣроватая дымчатая облака, и яркіе лучи горячаго лѣтнаго солнца. На правомъ манчжурскомъ берегу выглянули еще двѣ-три бѣдныя деревеньки, съ полунагими ребятишками манчжуренками, бѣгавшими по берегу рѣки, и потомъ потянулись крутые, обрывистые берега съ высоко поднявшеюся травой и изрѣдка пестряющіе перелѣсками.

На половинѣ пути отъ Благовѣщенска до манчжурскаго города Айгуна (на правомъ берегу, въ 30 верст. отъ города) намъ встрѣтился пароходъ съ уродливымъ высокимъ корпусомъ и однимъ большимъ колесомъ, устроеннымъ сзади его. Онъ едва двигался впередъ противъ теченія. На передней палубѣ, или вѣрнѣе, — въ узенькомъ проходѣ между бортомъ и каютами, тѣснились пассажиры всякаго званія и состоянія. Тутъ

(*) Теперь эта станція дѣйствительно перенесена выше по Амуру, за 10 верстъ отъ г. Благовѣщенска. Казаки хотя не имѣли никакого желанія переселиться на другое мѣсто, но имъ были выдааны на подъемъ нѣкоторыя суммы денегъ. Благовѣщенскъ же, не смотря на то, что станція уже болѣе не стоитъ на пути и не препятствуетъ къ его увеличенію, остается въ прежнихъ размѣрахъ и къ устью р. Зея не подвигается.

были и американцы, вездѣ пронюхивающіе свою выгоду и сразу угадывающіе, какой товаръ куда слѣдуетъ везти. Остановимся пока на нихъ.

Лишь только началась наша колонизація ва Амурѣ, лишь только мы успѣли основать Николаевскій портъ, какъ приплыли къ намъ въ гости Американцы и привезли джину, портеру, вишневой наливки и сбытъ этимъ продуктамъ былъ большой, потому что въ то время въ Россіи существовалъ акцизный откупъ и на Амурѣ, кромѣ казеннаго спирта, водки никто не имѣлъ права привозить. Пили мы американскіе напитки и втайнѣ радовались, что даемъ нашимъ сосѣдямъ случай наживать деньги. Впослѣдствіи они привезли намъ сахару и сигаръ и долго объ этомъ послѣднемъ трубили амурскіе публицисты, расписывая въ журналахъ и газетахъ о томъ, какъ въ Николаевскій портъ приплывали одинъ за другимъ американскіе корабли и какъ быстро развивалась наша торговля съ Америкой. На дѣлѣ оказывается теперь то, что привозъ ограничивается, какъ сказано выше, виномъ, сахаромъ да сигарами, за которые мы въ обмѣнъ ничего не можемъ дать, кромѣ русскаго серебра, да и то не въ большомъ количествѣ. Американцы и гамбургскіе нѣмцы это конечно раньше насъ поняли и, пробравшись до Благовѣщенска, завели дѣла съ манчмурами, для того, что бы купленное у нихъ перепродать намъ въ Николаевскѣ (скотъ, рисъ, гречу, пшеничную муку и проч.).

Теперь посмотримъ на остальныхъ пассажировъ парохода. Мы потому такъ внимательно занимаемся ими, что изъ этого знакомства можемъ отчасти составить понятіе объ амурскихъ дѣлахъ.

Стоитъ, напримѣръ, у борта парохода юрковатая

фигура русскаго купческаго прикащика. Одѣтъ онъ въ длиннополый кафтанъ, въ бархатную жилетку съ блестящими пуговицами, и своей фигурой, руками подпертыми въ боки, фуражкой сдвинутой набекрень, ясно даетъ знать, что вспоила и вскормила его Волга, гдѣ онъ на баржѣ командовалъ рабочими и умѣючи сдавалъ хлѣбъ въ Рыбинскѣ. Перебрался онъ на Амуръ, попытать счастья и хоть не командуетъ больше бурлацкой артелью, не обсчитываетъ пріемщика при сдачѣ хлѣба, но остался въ немъ все тотъ же человѣкъ и только дѣятельность его теперь другая. Возвращается онъ изъ Хабаровки, гдѣ накупилъ соболей у манчжуръ на русскіе серебряные рубли и конечно не опустилъ случая зашибить на свой пай копѣйку благонамѣреннымъ образомъ. Соболи эти отправятся въ Москву и оттуда снова поплыветъ на Амуръ русское серебро. Наступитъ весна слѣдующаго года,—снарядитъ его хозяинъ въ Срѣтенской станицѣ баржу, нагрузитъ ее ситцами и платками и нашъ волгарь снова поплыветъ по Амуру, останавливаясь у каждой станицы, для торга съ казаками.

Тутъ же на пароходѣ и офицеръ, конечно весьма молодой человѣкъ, какъ всѣ амурскіе офицеры, которымъ довѣряются большія и серьезныя дѣла. Офицеръ этотъ непремѣнно возвращается въ Иркутскъ, гдѣ и ждетъ его награда за исполненіе труднаго порученія. А трудное порученіе заключалось въ томъ, что онъ погрузилъ на плоты переселенцевъ и рогатый скотъ и сплавилъ внизъ по Амуру, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, съ одинаковыми удобствами.

Въ другой части парохода, вблизи колеса, видѣли мы и заклеянные лица ссыльныхъ поселенцевъ, окончившихъ срокъ каторжныхъ работъ въ нерчинскихъ

заводахъ и получившихъ право гражданства на Амуръ за свое добровольное переселеніе.

Вотъ главные представители амурскаго народонаселенія: американцы, представители сосѣдняго государства, съ которымъ амурцы предполагаютъ имѣть въ будущемъ большія дѣла; русскій прикащикъ, настоящее и будущее амурской торговли, не имѣющей возможности сдѣлать одинъ шагъ безъ помощи русской серебряной монеты; офицеръ, представитель силы охраняющей, сплавающей и расселяющей по всему длинному амурскому побережью тѣхъ лицъ, которыя считаются, по большей части, гуртомъ и слывуть подъ именемъ амурскаго пѣшаго и коннаго казачества; переселенцы изъ ссыльно-каторжныхъ... но объ нихъ что же сказать? эти люди прочной осѣдлости не имѣютъ, какъ и тѣ штрафные солдаты, которыхъ переслали изъ Россіи и пережили въ Иркутскѣ на женщинахъ извѣстнаго поведенія, для того, чтобы поскорѣе внести на Амуръ семейный элементъ...

Пароходъ, такъ долго остановившій на себѣ наше вниманіе, назывался по имени одной изъ сибирскихъ рѣкъ: «Лена». Онъ былъ сдѣланъ такъ, какъ дѣлаются въ Америкѣ вспомогаельныя баржи, которыя ходятъ на буксирѣ за пароходами, помогая ихъ ходу своимъ высокимъ заднимъ колесомъ. На Амурѣ эта американская баржа замѣняетъ собою пароходъ и поднимается вверхъ по рѣкѣ не болѣе 100 верстъ въ сутки. Тоска возьметъ плыть на такомъ пароходѣ и, для того чтобы въ конецъ измучить пассажировъ, эта несчастная «Лена» трещитъ, свиститъ, и пытитъ такъ, что пассажиръ, разъ прокатившійся на этомъ пароходѣ, болѣе никогда не подойдетъ къ нему близко.

Колесо сзади парохода медленно вертѣлось и бурли-

ло спокойную поверхность воды. Мои рабочіе подшучивали надъ парходомъ и называли его убогимъ странникомъ. Къ чести амурскаго парходства, какъ частнаго, такъ и казеннаго, нужно сказать, что такой конструкціи, какъ «Лена», по Амуру плаваютъ только два парохода, остальные пароходы имѣютъ обыкновенное устройство и хотя часто ломаются, но ходятъ по рѣкѣ очень скоро.

Но мы проплыли давно мимо парохода и другіе виды занимаютъ насъ, другія мысли приходятъ въ голову.

Жаръ начиналъ спадать, солнце закатывалось, бросая вдоль рѣки радужно-багровый отблескъ; вдали стали показываться, на высокомъ крутомъ берегу, крыши манчжурскихъ построекъ, — это начало города Айгуна, города, имѣющаго 30 тысячъ населенія и знаменитую крѣпость съ деревянными полусгнившими стѣнами. До города оставалось намъ проплыть версты двѣ. На этомъ разстояніи, по отлогому песчаному берегу, лежали на бокахъ сотни китайскихъ джонокъ (большихъ лодокъ). Эти джонки, по словамъ манчжуръ, могутъ составить могучую флотилію, не смотря на то, что всѣ разохлись и въ щели ихъ свободно могутъ лазить собаки...

Мы подъѣзжали къ городу. На берегу тотчасъ же появились манчжуры съ предложеніемъ рыбы, яицъ, табаку листоваго и проч. Манчжурки, въ широко-рукавыхъ кафтанахъ, возились около рыболовныхъ сѣтей; завидя насъ, онѣ оставили свои работы и съ любопытствомъ всматривались въ нашу лодку, приложивъ руки къ глазамъ, въ видѣ зонтика.

— Анда! Ры-ы-ба-а! Анда-а! Купи-и! неслось съ берега.

— Яичка-а! Таба-а-ки!..

Мы причалили къ берегу и пошолъ разговоръ на только что начинающемъ слагаться русско-манчжурскомъ нарѣчїи. Говорящіе на этомъ нарѣчїи всего болѣе употребляютъ въ дѣло руки, глаза и всего менѣе языкъ. Мой рулевой задумалъ купить табакъ и подошелъ къ манчжурѣ, который давно держалъ въ рукахъ нѣсколько папушекъ и ждалъ покупателя.

— Ну, говорилъ рулевой, тыкая пальцемъ въ табакъ.

— Айя! Айя! (хорошо!) Пліятеръ! заискивающимъ тономъ залепеталъ манчжуръ и умильно взглядывалъ на покупателя.

— Чего айя? Эхъ ты! сердился рулевой, — говори, почему?

— Пліятеръ... а-а! айя! снова вытягивалъ манчжуръ.

— Русскимъ тебѣ языкомъ-то говорю, дубина, говори, почему табакъ!

А! — Табаки! А-а! Изволя... Тута!

И манчжуръ показалъ въ воздухъ два пальца.

— Два пятака что-ли? ну?

— А-а! тута...

И снова два пальца завертѣлись передъ глазами рулевого.

Рулевой вынулъ изъ кармана два пятака и показалъ манчжурѣ. Манчжуръ запрыгалъ, замоталъ головой и смѣялся, довольный тѣмъ, что они другъ друга поняли.

— А-а! Пліятеръ! Изволя-я! Табаки...ха! ха! ха!..

Торгъ кончился. Мы пошли въ лодку.

— Анда! Рыба! Э-э! яичка-а! Э! анда-а! кричали манчжуры, тѣсняя толпой около нашей лодки. Манчжурки робко заглядывали изъ-за толпы на насъ и переговаривались между собой, размахивая своими широ-

кими рукавами. Толпа тѣснилась, тѣснилась и до того нажала стоявшихъ впереди, что двое изъ нихъ повалились въ воду. Шумъ и хохотъ поднялся ужасный; свалившихся не пускали на берегъ, благо не глубоко; крикъ и брань перемѣшивались со смѣхомъ и среди всего этого слышались крики.

— Анда! Купи-и!.. Яичка!..

Мы отчалили отъ берега.

Стемило. Въ двадцати верстахъ отъ Айгуна мы остановились у нашего русскаго берега, у казачьей станицы,—вторая отъ г. Благовѣщенска.

Первая станица построена противъ Айгуна. Она называется «Неожиданной» потому, что строилась ночью и въ одну ночь была построена, къ удивленію манчжурь. Удивляться тутъ собственно нечему: вся станица заключается только въ одной избушкѣ, при которой содержится почтовая станція.

Вторая станица отъ города, у которой мы пристали ночевать,—получила на Амурѣ нѣкоторую особенную извѣстность. Жители этой станицы, въ первый годъ своего заселенія, по чьему-то разумному совѣту, задумали сдѣлать изъ мѣстнаго дикаго винограда вино, что бы поднести его начальнику края, когда онъ будетъ проѣзжать по Амуру. Долго и безуспѣшно трудились казаки, много истребили винограда, много потратили времени на приготовленіе вина, но наконецъ добились-таки своего,—сдѣлали.

Наступилъ извѣстный, нетерпѣливо ожидаемый день. Съ трепетомъ сердечнымъ и съ дрожаніемъ въ ногахъ, выборные отъ станицы старики поднесли начальнику края цѣлую бутылъ какой-то буроватой жидкости.

— Отъ нашего усердія... Вашему высоко...продуе-

ты... такъ сказать, съ покорностію... мямлили выборные, едва удерживая въ рукахъ бутылъ.

— Что? Что такое? въ немаломъ удивленіи спрашивалъ начальникъ.

— Отъ нашего усердія... то есть..., одно слово... продуктъ...

Ничего не понимая, начальникъ обратился съ вопросомъ къ сотенному командиру, непосредственному начальнику выборныхъ.

— Они ваше-ство... мѣстный продуктъ... началъ сотенный и самъ спутался.

— Что вамъ, ребята, нужно? обратился начальникъ края опять къ выборнымъ.

А они стоятъ ни живы, ни мертвы, едва держатъ бутылъ и испуганные строгимъ взглядомъ своего сотскаго командира, думаютъ: пришлоъ намъ послѣдній часъ.

— Что-же вы молчите? снова спросилъ начальникъ.

— Превосх... Лозы виноградныя... мѣстный настой...

— «Продуктъ! Продуктъ!» сердито шепталъ сотенный командиръ, дергая за полу одного изъ выборныхъ.

— Подносимъ... отъ трудовъ... медленно мямлили выборные.

— «Въ память вашего посѣщенія», подшептывалъ сотенный командиръ, по всему вѣроятію, авторъ неудавшіеся рѣчи.

Начальникъ края слушалъ, слушалъ и наконецъ потерялъ всякую надежду что-либо понять изъ безсвязнаго лепета струсившихъ козаковъ. Велѣлъ онъ поставить бутылъ въ комнатѣ, но вина проглотить не могъ, — тутъ же и выплюнулъ, проговоривъ: «Фу ты гадость какая!» Выборные дрожали и низко кланялись, а сами инстинктивно пятались къ дверямъ.

— Благодарю! Можете идти... сказалъ наконецъ начальникъ и казаки торопливо улизнули изъ комнаты.

Долго они вздыхали, стоя на крыльцѣ, и обтирали рукавами своихъ праздничныхъ кафтановъ раскраснѣвшіяся и покрытыя градомъ пота лица.

Разсказывали впоследствии, что знаменитая бутылка «съ мѣстнымъ продуктомъ» была отдана на пароходѣ матросамъ; матросы пили, морщились и ругали казаковъ, за то, что они приготовили такую «бурду»; сотенный командиръ тоже ругалъ ихъ неучами и болванами, за то, что не могли порядочно сказать коротенькой рѣчи; казаки ругали сами себя, ужъ Богъ знаетъ за что, и такимъ образомъ дѣло окончилось взаимными ругательствами.

Простояли мы у этой станицы до разсвѣта. Утромъ казаки подошли къ нашей лодкѣ. Мои рабочіе напомнили имъ о виноградномъ винѣ, о томъ, какъ они представлялись съ нимъ къ начальнику, и казаки принялись ругаться...

Чѣмъ далѣе мы плыли, тѣмъ лучше становилась растительность. Стали попадаться лѣса дубовые, ясеновые, липовые: течение Амура, начиная отъ г. Благовѣщенска, круто поворачиваетъ на югъ и въ такомъ направленіи продолжается верстъ на шестьсотъ, почти до ст. Михайлосеменовской, откуда дѣлаетъ крутой поворотъ къ сѣверу.

На третій день нашего плаванія мы добрались до впаденія рѣки Буреи въ Амуръ. Быстрая и широкая Бурей, впадая въ Амуръ съ лѣвой (сѣверной) стороны, какъ будто раздвигала горы, стоящія съ обѣихъ сторонъ при ея впаденіи. Вода этой рѣки значительно холоднѣе воды амурской и по разсказамъ казаковъ, — она верстъ на десять течетъ самостоятельно, не слива-

ясь съ водой Амура. Я утомился порядочно и, добравшись до ст. Иннокентіевской, остановился въ ней отдохнуть.

II.

Станица Иннокентіевская останавливаетъ на себѣ вниманіе путешественника потому, что она выдается изъ ряда тѣхъ бѣдныхъ станицъ, мимо которыхъ мы проплывали, въ ней не такъ замѣтенъ тотъ казенный характеръ амурскихъ станицъ, домишки которыхъ построены на извѣстное разстояніе одинъ отъ другаго и вытянуты по окраинѣ берега, для того, чтобы станица казалась многолюдной. Иннокентіевская и безъ этихъ искусственныхъ мѣръ — довольно населенная станица. Въ ней есть весьма красивая деревянная церковь, какой до сего времени городъ Благовѣщенскъ не имѣетъ; торговое значеніе этой станицы впоследствии должно упрочиться, какъ средняго пункта между городомъ и хинганскимъ хребтомъ, а за хинганскимъ хребтомъ въ Амуръ впадаетъ съ правой (южной) стороны рѣка Сангури, по берегамъ которой большое населеніе манчжурь. Все это даетъ надежду видѣть впоследствии на мѣстѣ Иннокентіевской станицы городъ.

На второй день моего пріѣзда въ Иннокентіевскую, у берега этой станицы показалось нѣсколько манчжурскихъ лодокъ, и одна изъ нихъ имѣла на себѣ нѣчто въ родѣ каюты. Лодки поднимались вверхъ по рѣкѣ на шестахъ и бичевникомъ; оборванные манчжуры тянули лодки и, проходя по берегу мимо станицы, все оглядывались назадъ, на ту лодку, гдѣ была каюта: они видимо ждали приказанія остановиться. Дѣйствительно изъ каюты высунулась ожирѣвшая фигура краснолицаго манчжура; онъ что-то крикнулъ рабочимъ и лодки пристали къ берегу. Вблизи лодокъ тотчасъ былъ раски-

нута шатерь и краснолицый манчжуръ вылъзъ изъ своей каюты: онъ былъ высокаго роста, держалъ себя важно и, проходя въ раскинутый шатерь, не обращалъ никакого вниманія на раболѣнные поклоны своихъ рабочихъ. Этотъ важный манчжурскій баринъ былъ какой-то чиновникъ, занимавшійся торговыми дѣлами: онъ плавалъ внизъ по Амуру и вверхъ по рѣкѣ Сунгари и теперь возвращался обратно въ Айгунъ послѣ своего торговаго путешествія.

Около шатра задымился костеръ, забѣгали суетливыя фигуры прислуги. Рабочіе сѣли въ сторонкѣ и тоже развели огонь, приготовляясь къ трапезѣ. Я подошелъ къ шатру хозяина, заглянулъ въ него, но войти не хотѣлъ, опасаясь встрѣтить въ немъ негостепріимнаго манчжурскаго нойона; но владѣлецъ лодокъ замѣтилъ меня и весело замоталъ головой. Я вошелъ. Онъ сидѣлъ на коврѣ, сложивъ ноги калачемъ, и курилъ трубку; знакомъ руки онъ пригласилъ меня сѣсть съ нимъ рядомъ и сталъ внимательно разсматривать мой костюмъ. Такъ какъ я не зналъ по манчжурски, а онъ не смыслилъ ни слова по русски, то наши разговоры ограничивались только однимъ: айя да айя. Онъ потреплетъ меня по плечу и улыбаясь скажетъ: «урусъ айя»; я тоже потреплю его по плечу и проговорю: «манчжуръ айя» И — оба довольны, что понимаемъ другъ друга, стало-быть и желать лучшаго не надо. Черезъ нѣсколько времени внесли въ шатерь чай, араку (рисовую водку) и разныя закуски, которыя сразу ударили въ носъ запахомъ чеснока и свинины.

— Урусъ айя! снова говорилъ манчжуръ и показывалъ руками, что надо ѣсть.

— Манчжуръ айя! отвѣчалъ я, показывая на горло, что сытъ.

Манчжуръ замоталъ головой и снова приставалъ ко мнѣ съ неизмѣннымъ: « урусъ айя ». Отказываться было не ловко, но и ѣсть приготовленія манчжурской кухни тоже не доставляло большаго удовольствія. Я крикнулъ своего рабочаго и велѣлъ принести бутылку съ коньякомъ, взятую мною на дорогу. Манчжуръ выпилъ, потеръ себѣ животъ и не зналъ, какъ-бы выразить свое расположеніе ко мнѣ; онъ бралъ меня за руки и подносилъ ихъ къ своей груди, закрывая глаза, потомъ, помолчавъ нѣсколько времени, горячо произносилъ: айя! урусъ айя да айя!

Едва мы могли съ нимъ разстаться, -- полюбили, значить, другъ друга.

Вскорѣ пошелъ маленькій дождь и мой новый пріятель распорядился объ отъѣздѣ.

Вмигъ все было убрано, самъ онъ залѣзъ въ каюту, а рабочіе его снова потянули на бичевникѣ лодки, шагая босыми ногами по сырому берегу рѣки. Казаки Инногентіевской станицы долго стояли на берегу, наблюдая за работой манчжуръ.

— Тоже цѣпки. Гляди, какъ шагаютъ, даромъ, что тонконоги...

— Тонконогому вальготиѣе, потому легко...

— Нѣтъ я, ребята, думаю, манчжуръ этотъ, хозяинъ ихней, настоящимъ бариномъ живетъ.

— Да—а... Силу значить забралъ.

— Деньги-то, видно, вездѣ въ почетъ...

— Какой гладкой да жирной...

— Отъѣлся.

— Спить, чай, тоже много...

И т. д.

Казаки потолковали о богатомъ манчжурѣ и, замѣтивъ мои сборы въ путь, подошли къ моей лодкѣ. За-

жѣтно было, что имъ нечего дѣлать, и стало-быть, приѣздъ или отъѣздъ кого нибудь былъ для нихъ праздникомъ и доставлялъ матеріалъ для разговоровъ.

За Иннокентіевской станицей наше плаваніе нарушалось частыми вѣтрами и мы ждали окончанія ихъ на берегу, около розведеннаго огонька и, переждавъ бурю, пускались снова въ путь. Проплывали мы небогатыя амурскія станицы; казаки кричали намъ съ берега: Эй? причаливай! и махали руками. Лишь только лодка наша приставала къ берегу станицы, тотчасъ собиралась толпа казаковъ съ вопросами: кто ѣдетъ? откуда, куда и за чѣмъ? Спрашивали водки, табаку, товаровъ; прекрасный полъ, вездѣ остающійся вѣрнымъ самъ себѣ, любопытствовалъ о нарядахъ, о клѣтчатыхъ платкахъ и о красныхъ, яркихъ ситцахъ. Получивъ отъ меня отказъ въ продажѣ товаровъ, казаки какъ-то невольно терялись, начинали смириѣе говорить, а нѣкоторые изъ робкихъ спѣшили снять шапки.

— Да вы, ваше высокородіе, можетъ, левизоръ?..

— Нѣтъ. Я ѣду по своимъ дѣламъ.

— Та-а-къ-съ... А то тутъ все ждуть левизора...

Мы думали, не онъ-ли!

— Нѣтъ. Ревизоръ въ лодкѣ не поѣдетъ. Онъ поѣдетъ на пароходѣ, на казенномъ; такъ и ждите.

— Та-а-къ-съ... То-то у васъ товару нѣтъ... Мы думали левизоръ...

И опять пришлось объяснять, что я не ревизоръ, и опять получилось въ отвѣтъ: «Та-а-къ-съ».

— А намъ-бы теперича купцы съ товаромъ, больно-бы намъ надо этого купца, и гдѣ это они тамъ застряли, такъ долго не плывутъ?

У слѣдующей станицы та же исторія.

— Не левизоръ ли?

— Какой тѣ левизоръ,—съ бородой...

— Да вишь спрашивать...

Дѣло объяснялось и разговоръ переходилъ на казацкія нужды.

— Купца бы намъ съ товаромъ...

— Теперича соболь у меня лежитъ, промѣнять бы. Лежитъ, все равно—безъ толку.

— Хозяйка на платье проситъ. Ильинъ день на носу, а купца нѣтъ; ссоры что въ избѣ — не приведи Господи...

— Гдѣ эти купцы застряли? Не нужно ихъ — лѣзутъ, соблазъ одинъ, а когда надо—не дозовешься...

— Каково сѣно, ребята?

— Да сѣно что? Скота у насъ мало, обойдемся...

— Сѣяли много?

— Сѣяли... Извѣстно, по положенію. Сѣмяна казна даетъ...

— Бесплатно?

— Пошто бесплатно! Опосля будемъ выплачивать. Теперь дѣло вновѣ, не обжидись еще. Извѣстно—переселили насъ, должны помочь давать...

— Лѣннывы, говорятъ, вы, мало работаете; все больше въ халатахъ по станицѣ погуливаете, правда это?

— Ретивымъ-то быть не отъ чего. Не веселитъ все; мѣста новыя, дико какъ-то кругомъ... Теперича все отъ казны, а дома за Байкаломъ все свое было...

— Да нѣтъ ли съ вами араки? Спиртъ въ казенномъ складѣ весь вышелъ.

— Нѣту.

— Та-акъ-съ... Плохо дѣло,—купца нѣту...

И казаки, вздыхая, разставались съ нами.

Затридцать верстъ недоѣзжая до хинганскаго хребта,

выглянула высокая сопка, одна изъ хинганскихъ возвышенностей.

— Вонъ она, сопка-то. Видишь, какъ ее выперло, подь самые, что есть, облака закатилась... говорили рабочіе.

— Это Раддевка, пояснилъ Рулевой, — у этой самой горы Раддевка стоитъ, станица. Тутъ, сказываютъ, въ этой Раддевкѣ, жилъ какой-то ученый, собиралъ разныхъ мелкихъ звѣрковъ и пташекъ; цвѣточки собиралъ разные и такъ онъ объ этихъ звѣркахъ и цвѣткахъ заботился, — сказать нельзя. Отъ казны, говорятъ, ѣздилъ. Удивительное дѣло! О козакахъ теперича съ испоконъ вѣку, отродясь такъ не заботились, какъ объ этомъ звѣрѣ. Теперича взять тоже, вотъ топографы всякіе ѣздятъ, рѣчки, горы, все это записываютъ, а станицы расселены кое какъ. Вонъ изъ подь Хабаровки вятскіе крестьяне сбѣжали въ Благовѣщенскъ, потому, говорятъ, земля глинистая... Чево, значитъ, топографъ тутъ... Штрафъ надо за это...

Рулевой воодушевился и ораторствовалъ. Гребцы заслушались и положили весла.

— Ну, чево вы глаза-то пучите? прикрикнулъ рулевой, — налегайте плотнѣе, вотъ скоро въ щеки войдемъ, лежать будете.

— Что это за щеки? спросилъ я.

— А это такъ по нашему Хинганъ прозывается, щеки значитъ, потому онъ такой ужъ есть: горы, это, стоятъ съ обѣихъ сторонъ, высокія, крутыя, все равно кажутъ, будто щеки.

Рулевой закурилъ свою коротенькую трубочку «носогрѣйку» и съ видомъ знатока началъ посматривать въ разные стороны, какъ будто обозрѣвая мѣстность. Онъ и его товарищи, гребцы, были изъ ссыльно-патор-

жныхъ. Окончивъ свои сроки на каторжной работѣ, они переселились на Амуръ и зарабатывали себѣ лѣтомъ хлѣбъ тѣмъ, что плавали на купеческихъ баржахъ бурлаками. Ко мнѣ на лодку они нанялись уже совершивъ плаваніе изъ Благовѣщенска до Хабаровки (800 верстъ), откуда приплыли на пароходѣ, исполняя на немъ обязанность дровоносовъ. Всѣ трое они были люди смиренные, трезвые, въ отношеніи ко мнѣ предупредительны; казалось, клейма, знаки которыхъ еще оставались замѣтными на ихъ лицахъ,—были положены по ошибкѣ... Впрочемъ рулевой изрѣдка какъ-то прорывался и нѣтъ-нѣтъ, да и дастъ о себѣ знать какимъ нибудь рѣзкимъ оборотомъ рѣчи, презрѣніемъ ко всему окружающему, или засмѣется иной разъ надъ тѣмъ, надъ чѣмъ другой человекъ могъ бы скорѣе заплакать. Однажды во время бури мы лежали на берегу, около разведеннаго огонька. Ночь была темная; сзади насъ шумѣлъ и трещалъ густой лѣсъ, впереди—бушевали рѣка, вздымаясь высокими горами, и качала нашу лодку изъ стороны въ сторону. Рулевой сосалъ свою носогрѣйку и задумчиво смотрѣлъ въ темную даль бушевавшей рѣки; гребцы лежали вверхъ спинами и наблюдали, какъ вѣтеръ раздувалъ огонь плаващаго костра.

— Ишь рвется какъ, замѣтилъ рулевой, указывая на лодку, тяжело на привязи-то...

Это мнѣ подало мысль и я началъ спрашивать моихъ рабочихъ о ихъ прошломъ, но ничего добиться толкомъ не могъ. Одинъ началъ было рассказывать о какомъ-то семействѣ стараго священника, но лишь только рассказъ его сталъ подходить къ развязкѣ, а именно къ тому времени, какъ они забрались въ домъ ночью, оторвавъ съ улицы ставни,—какъ онъ прекратилъ его и замолчалъ.

*

— И чѣмъ, же кончилось?

— Известно чѣмъ...

И опять замолчалъ.

— Ограбили вы его?

— Да, ограбили...

— Но не убивали никого?

Отвѣта долго не было. Рулевой поднялся съ своего мѣста, подошелъ къ огню и, толкая ногой головню, смѣясь, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, пошто убивать. Они только поздоровались да простились... Все больше на счетъ амуровъ... то есть не этихъ (онъ указалъ на рѣку), а другихъ, самыхъ вѣжныхъ...

Рабочіе принужденно захохотали.

— Что объ этомъ, баринъ, говорить... Мало-ли что было... Мы приняли свою вину, грѣхъ нашъ до насъ и дошелъ...

— Долго были на заводахъ?

— По двѣнадцати лѣтъ.

Рулевой опять прервалъ разспросы.

— Ну-ка, ребята, будетъ болтать, что тутъ толокно-то толочь, — запѣвайте-ко пѣсню, вспомнимъ старину; по вѣтру-ту оно здѣсь хорошо разнесетъ.

И они затянули пѣсню: «Прощай Томско и Тобольско, прощай Шадринъ городокъ,» но пѣсня, какъ говорится, не выходила и повѣтру не разносилась, а тутъ же у костра и замирала. Рулевой самъ же ее и прервалъ.

— Эхъ вы, коты мурлыки, сказалъ онъ вставая на ноги, и пошелъ въ чащу лѣса, собирать сухой валежникъ.

Вошли мы въ щели. Амуръ съузился на половину; теченіе его было быстро и наша лодка пошла почти съ

удвоенною скоростію. Съ обѣихъ сторонъ рѣки стояли высокой стѣной горы Хинганскаго хребта; хвойный лѣсъ, начинаясь съ подошвы горъ, казалось, высился по нимъ до облаковъ; рѣка извивалась между горъ и, дѣлая крутые повороты, то на право, то на лѣво, невольно заставляла насъ обманываться: окруженные со всѣхъ сторонъ высокими горами, мы плыли точно по какому-то волшебному озеру. Ночи были лунныя, но въ этомъ волшебномъ озерѣ царствовалъ полумракъ и только изрѣдка, кой гдѣ, въ изгибѣ рѣки, блѣдной полосой падалъ свѣтъ луны на воду и снова исчезалъ, освѣщая лица на верху горъ мрачныя сосны и ели. Такъ извивается Амуръ въ Хинганскомъ хребтѣ на протяженіи ста верстъ.

По горамъ сообщенія нѣтъ, развѣ только какой-нибудь смѣлый казакъ пустится верхомъ, да и колесить съ права на лѣво, выбирая удобную тропинку; сообщеніе бываетъ только до заморозковъ, пока не появится на рѣкѣ ледъ, а потомъ прекращается до того времени, пока рѣка не замерзнетъ. Въ лодкахъ, лѣтомъ, противъ теченія трудно идти на веслахъ и въ мѣстахъ удобныхъ для прохода идутъ бичевникомъ или на шеяхъ.

Въ Хинганѣ мы плыли не останавливаясь съ вечера почти до разсвѣта, потому что стояла тихая погода и мы боялись потерять хорошее время; но передъ утромъ рабочіе утомились и просили отдыха. Мы пристали къ берегу, развели огонь, но не успѣли сварить себѣ чаю, какъ лѣсъ надъ нашими головами затрещалъ и закачался; вслѣдъ за этимъ трескомъ раздался отдаленный шумъ въ деревьяхъ, какой-то дикій, страшный крикъ огласилъ тихій ночной воздухъ, эхо откликнулось въ дальнихъ горахъ и потомъ вблизи нашей лодки заплелъ

сталась вода, — большой зѣбрь поплылъ на противоложный берегъ. Какой былъ зѣбрь, нельзя было разглядѣть въ темнотѣ.

Я испугался и велѣлъ поскорѣе отваливать отъ берега. Мои рабочіе тоже струсили и только рулевой хотѣлъ казаться спокойнымъ, но однако же не замедлилъ поскорѣе вскочить въ лодку.

Мы торопливо плыли на середину рѣки, чтобъ быть подалѣе отъ берега.

— Что это такое было? спрашивали рабочіе послѣ продолжительнаго молчанія.

— Зѣбри разыгрались промежь себя, отвѣтилъ рулевой.

— Больно ужъ страшно, крикъ-отъ...

— Давили можетъ кабама какого...

— Боязно...

— Чѣво боязно-то? Мы-то трусимъ, а они насъ трусятъ тово больше...

Такъ мы отъ неудавшейся стоянки и плыли пока совсѣмъ не разсвѣтало, куда и сонъ нашъ пропалъ.

Подплыли къ какой-то маленькой станицѣ, пригнѣвшейся между горъ въ ущельи, «на подушкѣ», какъ рассказывали казаки.

— Мѣсто у насъ здѣсь не завидное, пахатной земли почитай что и нѣту вовсе, ну и луговой тоже не богаты, — на другое-бы перебраться...

— Гдѣ же вы хлѣбъ съете?

— Да вонъ тамъ за горой, поляна такая вышла, подушка опять эдакая, вотъ туда, за этой горой, — тутъ и нашемъ.

— Случное мѣсто, батюшко, скучное, тоскливое; горы, эдакія вокругъ тебя страшенныя, все горы да горы, да лѣсъ дремучей, зѣбрье всякое, поясняла мнѣ какая-то женщина-казачка.

— Ночью, цной разъ, за кабами нашими медвѣдь мычить; барса тутъ какая-то есть, онюгда съ корову задавилъ...

— За то соболей у васъ тутъ много. Казаки, я думаю, добываютъ ихъ? спросилъ я.

— А господь знаетъ, бьютъ видно...

Женщина помолчала, поглядѣла внимательно на лодку и спросила.

— Мнѣ бы на сарафанъ ситцу...

— Нѣту, тетушка, — не торговой я.

Женщина низко поклонилась.

— Простите ужъ вы меня, бабу глупую...

— За что прощать, помилуй?

— А я думала — купецъ съ торгомъ...

И пошла поскорѣе отъ лодки.

— Ишь ты какъ улепетываетъ! подсмѣивались мои рабочіе, — баба такъ баба и есть.

Къ вечеру, къ позднему вечеру, намъ случилось остановиться у небольшой станицы на ночевую. Мы развели на берегу огонь и начали варить ужинъ. На огонекъ подошли казаки и казачки. Сначала завели они разспросы о товарахъ, о купцахъ, а потомъ разговоръ перешолъ на ихъ житье-бытье. Старый, съдой старикъ казакъ долго слушалъ наши разговоры и молчалъ, пошевеливая палочкой огонекъ; рядомъ съ нимъ сидѣла, поджавъ подъ себя ноги, старуха — его жена. Долго шолъ разговоръ о Забайкалѣ, о трудности жизни на новыхъ мѣстахъ, старикъ все побрякивалъ и молчалъ.

— Что же ты, дѣдушца, молчишь?

— Да что, не дородная (не хорошая) сторона!

— Зачѣмъ же ты доѣхалъ сюда?

— Да вотъ ребята... Переселили ихъ, ну и я за ними... Вотъ мы со старухой поживемъ еще годокъ, другой, да поѣдемъ на свою сторону умирать.

— И, и, родимой, захрипѣла старуха, какая здѣсь сторона, — курицы дохнуть, идетъ, идетъ, моя голу-бушка, да какъ трахнется, такъ ей всѣ животики и вы-воротить.

— Это, ваша милость, только съ первоначалу было, теперь ничего, Богъ милуетъ, замѣтилъ старикъ.

— Значить жить можно?

— Можно не можно, а живемъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ... Вотъ сынковъ намъ изъ Расеи понаслали сюды, съ ними справиться силы нѣту...

— Какіе это сынки?

— А штрафные солдаты. Понаслали ихъ сюды, да и дали намъ на каждую семью, какъ будто въ сыновья, — возись съ ними. Народъ озарникъ, балованной, — одно слово ухорѣзы.

— Ягоды здѣсь никакой нѣтъ, брякнула вдругъ какая-то молоденькая казачка.

— А ты за ягодами что-ли приѣхала? спросилъ мой рулевой.

— Не за ягодами... а все же...

— Ну те совсѣмъ съ ягодой-то, перебилъ старикъ, тутъ дѣло говорить а она объ ягодѣ... Есть тебѣ голу-бица, кислой виноградъ есть, — чево еще надо?

— Да я такъ только... сказала...

И застыдилась.

— Вотъ теперичка, ваше почтеніе, обратился старикъ ко мнѣ, — правду ли, нѣтъ ли сказываютъ, что яко бы самъ китайскій императоръ нашему Батюшкѣ Бѣлому Царю слезную грамоту писалъ и униженно молилъ ослобонить его землю, этотъ самой Амуръ, а намъ казакамъ, чтобы оборотить на свою сторону?

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Эхъ ты, вступился въ разговоръ рулевой, самъ-

то ты китайской императоръ и есть, а еще старикъ! Какія тутъ тебѣ слезныя грамоты? Завоевали наши русскіе этотъ Амуръ и шабашъ! Сила оружія значитъ, тутъ ужъ грамоты не помогутъ... Выдумалъ!

Старикъ покосился на рулевого, посмотрѣлъ на меня и, кажется, подумалъ что то въ родѣ того, что «хочется же, молъ, людямъ съ такими головорѣзами ѣздить».

Я попросилъ рулевого не мѣшаться въ нашъ разговоръ и продолжалъ слушать старика.

— Да вы напрасно уши-то развѣсили, право. Чорта-ли ихъ слушать,—наврутъ они вамъ съ три короба, съ хохотомъ говорилъ мой клейменный спутникъ и залѣзъ въ лодку.

Отъ тоски о родной сторонѣ, отъ слезной грамоты китайскаго императора разговоръ перешелъ на охоту.

— Бьемъ мы здѣсь понемногу бѣлку, тоже, мало дѣло, соболишка колотимъ. Съ ноября, этакъ въ началѣ поста рождественскаго, уходимъ въ горы, а къ новому году, либо къ масляной недѣлѣ, домой оборачиваемъ. По счастью да по умѣнью глядя и несемъ кто сколько добылъ, кто десятокъ, а кто и два; которы у насъ вонъ заправски-то стрѣлки, такъ и по три десятка добываютъ. Прежде здѣсь до насъ, гольда да орочонъ жили, они, надо быть, много добывали, потому стрѣляютъ важно; ужъ про то слова нѣтъ, что они только въ головку бьютъ звѣря, въ самую значить маковку,—это ужъ у нихъ за всегда, а то вотъ что еще дѣлаютъ,—близко звѣря не бьютъ, а подальше отъ него отходятъ, для того, чтобы пулька въ головѣ у звѣря осталась, либо упала бы гдѣ по близости, чтобы ее найдти было можно да опять въ дѣло пустить.

— Что же, они богато живутъ?

— Нѣтъ. Бѣдность у нихъ непроходная. Дань, сказываютъ, большую съ нихъ манчжуръ беретъ; поѣдетъ, говорятъ, чиновникъ и оберетъ, почитай, всѣхъ соболей; спрячутъ они другой разъ свое добро-то,—такъ ищеть чиновникъ, бьетъ ихъ, а то и въ Чичикаръ отправитъ, къ самому набольшему чиновнику; другіе, за-слышатъ о пріѣздѣ чиновника, разбѣгутся, кто въ лѣсъ, кто куда,—много грѣха-то у нихъ. По веснѣ какъ-то, они къ нашей станицѣ прикочевали; рѣка-то еще не вскрылась, холодненько гораздо было, а у нихъ шалашикъ изъ липовой коры сдѣланъ, худенькой такой, вездѣ сквозитъ да дуетъ. Зашли мы туда къ нимъ,—оборвыши всѣ до одинаго, чуть чуть только не нагіе; ужъ какъ только они зиму зимовали, — удивленье! Котелокъ въ шалашикѣ-то наогнѣ стоялъ, поглядѣли мы, что они варятъ, поглядѣли да и ахнули: гнилушки да сучья въ котелкѣ-то только, въ нихъ вся и пища — какъ только живы, — вотъ она, такая бѣдность-то! Дали мы имъ хлѣба, — еланыются, мычатъ чево-то по своему, быдто просятъ чево-то, руками размахиваютъ, — што такое, думаемъ. Вытащили откуда-то винтовки, суютъ въ насъ ими, на дуло показываютъ, — показали мы имъ порохъ, — запрыгали всѣ, скачутъ, хохочутъ, сдурѣли ровно. Дали мы имъ понемногу свинцу и пороху. Только рѣка то вскрылась, посмотримъ — посмотримъ, нашихъ орочиновъ и слѣдъ простылъ, только кусочки липовой коры на землѣ валяются, отъ шалаша отъ ихняго остались. Куда они ушли, Господь ихъ знаетъ, боятся ли насъ, чево-ли, али отъ манчжурскихъ чиновниковъ на-ровятъ подальше,—а народъ смиренной, тихой народъ.

— Какого же вы здѣсь еще звѣря бьете, кромѣ бѣлки и соболя?

— Да бьемъ понемногу, кого придется..

— Какого же? Барса? Медвѣдя?

— Попадется, какъ не бить, — бьемъ, да мало. Барса, ваше почтеніе, нынче совѣмъ мало; рѣдко, рѣдко когда увидимъ его, а поначалу-то онъ, проклятой, обижалъ насъ больно. Сколько коровъ передаливъ, — такъ таки среди бѣлаго дня, прямо на станицу и претъ. Силлица же у него непомѣрная, — крѣпкой звѣрь! Однава разу, наши робята казаки пошли бѣлковать. Идутъ это путемъ дорогой, вдругъ видятъ на полянѣ, этакой пригорочекъ маленькой случился, а на пригорочкѣ барса лежитъ, хвостомъ тихо таково пошевеливаетъ, грѣтся. Дѣло-то было въ велико говѣнье, передъ весной. Лежитъ барса на пригорочкѣ. Увидали его наши робята, — струсили; а народу ихъ было человѣкъ пятнадцать и всѣ съ винтовками, у которыхъ тоже и большепультныя винтовки были. Собрались они въ кучку, потолковали, сотворили молитву, да и порѣшили идти прямо на звѣря; а звѣрь лежитъ себѣ грѣтся, да хвостомъ изъ стороны въ сторону пошевеливаетъ и думушки не думаетъ, что передъ его глазами толпа народу. Подошли робята на выстрѣлъ, — бацъ! бацъ! Барса поднялась съ своего мѣста съ пригорочка и пошелъ не торопясь назадъ. Казаки наши такъ на мѣстѣ и окоченѣли отъ страху. Што же это, робята, а? спрашиваютъ другъ у дружки: — неужели мы изъ двадцати-то винтовокъ попасть въ него не могли? Вотъ дѣла-та! Ну, думать нечего, робята, надо — на побѣгъ. Воротились они домой, рассказали товарищамъ, и на другой день опять пошли, ужъ нарочно значить, этого самаго барсу искать. Пришли на старое мѣсто — нѣту, пошли дальше, — тоже нѣту; съ полверсты отошли, смотрятъ, лежитъ онъ подъ кустомъ. Близко подойти не смѣютъ,

ну, да потихоньку опять на выстрѣль подобрались, — баць! баць! а барса лежитъ, головы не поднимаетъ, подохъ значить;—такъ вотъ онъ какъ: съ полверсты ушелъ съ пулями-то...

— И часто вамъ случается барса бить?

— Нѣтъ, теперъ Богъ милуетъ, рѣже сталъ онъ. Ушоль, надо быть, куда подальше, потому, Божій образъ, звѣрье это самое тоже труситъ; да и крупной же это звѣрь,—оборони Богъ. Ину пору, робята видали, скачетъ онъ по полю, что твоя птица летитъ,—по двѣ сажени прыжокъ дѣлаетъ! А и хитрой же какой—бѣда. Опаска беретъ и заправскаго охотника, когда этотъ самой барса начнетъ хитрить: охотникъ наровитъ, какъ бы его выслѣдить, а онъ самъ его выслѣживать и подбирается, какъ бы угодить съ затылку. Медвѣдь вотъ здѣсь, такъ этотъ супротивъ забайкальскаго далеко не родня: забайкальской медвѣдь черной, а здѣсь какой-то, Богъ его знать, не ладной, бурой ли, рыжей ли—не коймешь, да и трусь какой,—все наровитъ, какъ бы на утекъ, а вѣдь забайкальской медвѣдь, сами знаете, сердитой, на заднихъ лапахъ такъ ходенемъ и ходитъ...

— Какіе же еще есть здѣсь звѣри?

— Здѣсь всякаго звѣря много, и большова, и малова. Кабанъ есть, изюбря, коза, этой козы одной не перебьешь чай во всю жисть,—такъ ее много. Повдемъ, яну пору, за станицу,—такъ на глаза и лѣзетъ, уши-то наостритъ, дивится, а тоже осторожна: чуть къ ей поближе, сейчасъ и улизнетъ, только и замѣтишь одну спинку, какъ она въ густой травѣ начнетъ попрыгивать... Опять же, волкъ есть, лиса, ну хорьки и всякая мелюзга; есть еще тутъ у насъ особенной волкъ, красной, Богъ его знать, какой-то онъ не путевой: издали на него глядишь,—какъ есть лиса, а убьешь,—нѣтъ, не

лиса, потому шерсть жесткая, волчья, не путевой со-
всѣмъ...

Отъ разговора про охоту перешли къ начальству.

— Начальства у насъ довольно, сотенныя, бригад-
ныя; лѣтомъ еще большіе начальники проѣзжаютъ, гу-
бернаторъ военной тоже, — службы не много, а ревизіи
частыя, потому строго!

— Кто увасъ здѣсь сотенный командиръ?

Въ нашей станицѣ нѣту сотеннаго, нашимъ началь-
никомъ считается раддевской командиръ, онъ тамъ въ
Раддевкѣ и живетъ, къ намъ не часто ѣздитъ, при-
знаться сказать, не за чѣмъ; лѣтомъ-ту, когда большова
начальства поджидаютъ, завернетъ иной разъ, Смир-
ной человекъ, все больше на счетъ охоты за звѣрьемъ
хлопочетъ, съ манчурами тутъ большую дружбу за-
велъ, они ему дорожки разныя на звѣрья показываютъ,
ну онъ и доволенъ, — ничего, начальникъ доброй. По
станциѣ нашей командуетъ старшой, изъ нашей же
братьи выбирается, для порядку быдто, на случай зна-
чить, ежели левизоръ какой найдетъ, а дѣло тутъ ка-
кое, — нѣту ему дѣла вовсе. Вотъ въ большихъ-то ста-
ницахъ, гдѣ казенные склады находятся, провиантъ,
примѣрно, желѣзо, спиртъ, — тамъ оно точно, хлопотли-
во, а здѣсь спокойно...

Долго еще сидѣли около нашего костра жители ста-
ницы, вспоминали о Забайкальѣ, рассказывали о своей
амурской жизни и только далеко за полночь разошлись.

Начинался разсвѣтъ. Надъ рѣкой поднимался паръ,
гдѣ-то въ станицѣ заливались пѣтухи, темныя очерта-
нія казачьихъ избушекъ, точно въ туманной картинѣ,
становились все яснѣе и яснѣе; сыростью и холодомъ
потянуло въ воздухъ. Мои рабочіе, спавшіе около уга-
савшаго костра, проснулись и стали чесаться; изъ лодки

высунуль свою заклепленную рожу рулевой и, зѣвая во весь ротъ, говорилъ.

— Разсвѣло о!

— Поплывемъ сейчасъ, али чай варить будемъ? спрашивали рабочіе.

— Надо бы горяченькимъ всполоснуться, сказалъ рулевой.

Напились чаю и тронулись въ путь.

— Ну-ко, робята, приналягъ, близко и конецъ нашей путинѣ! Еще станицы двѣ проплывемъ и привалъ. Ну-ко, ну-ко, навались! поощрялъ рулевой и затакнуль пѣсю: «Не будите молоду, раннимъ рано по утру».

Рабочіе подхватили и далеко по тихому зеркалу воды разносились звуки ихъ голосовъ.

III.

Проплыли мы Хинганъ и пристали у высокаго берега богатой амурской станицы***. Станица эта имѣетъ до 180 дворовъ, церковь, казенные склады и проч. Прежде, до занятія русскими Амура, на этомъ мѣстѣ ясно сохранялись слѣды какихъ-то укрѣпленій, рвы въ нѣсколько рядовъ тянулись, какъ замѣтно, на большое пространство. Теперь, съ постройкою казачьихъ избъ, слѣды рововъ дѣлаются все меньше и меньше, на мѣстѣ ихъ строятся избы. Къ какому времени относятся эти укрѣпленія, не извѣстно, всего вѣрнѣе, ко времени Хабарова и существованію гор. Албазина, хотя этотъ городъ отстоялъ отъ описываемаго мѣста почти на тысячу верстъ, вверхъ по Амуру.

Въ этой станицѣ мнѣ нужно было пробыть по собственнымъ дѣламъ съ недѣлю. Я расчиталъ своихъ рабочихъ, лодку велѣлъ затащить на берегъ и поселился въ избушкѣ одного казака. Какъ разъ противъ этой избушки строился домъ; не смотря на то, что этотъ домъ

былъ только еще на половину построенъ, а его уже обносили заплотомъ. Народу работало много, хотя на дворъ былъ праздникъ. Меня это очень удивило. Я сѣлъ къ окну и спросилъ проходившаго мимо казака, что это за постройка дѣлается, такая спѣшная, не смотря даже на воскресный день. Казакъ, по привычкѣ принявъ меня за какого-то начальника, вытянулъ руки по швамъ, остановился и четко проговорилъ.

— Сотенному командиру домъ, ваше высокородіе.

— Отчего въ воскресный день работаютъ?

— Сотенный командиръ попросилъ казаковъ заплоть поставить,—начальство ждутъ, хотятъ къ бригаду ихъ покончить...

Не успѣлъ казакъ договорить своей фразы, какъ къ окну быстро подошелъ сотенный командиръ и турнулъ казака на работу.

— Дуракъ! прикрикнулъ онъ,—что ты тутъ языкомъ-то чешешь?

— Кто вы такой? сердито обратился ко мнѣ сотенный командиръ съ вопросомъ.

Я сказалъ.

— Что вамъ за дѣло тутъ до построекъ, доносы писать что-ли?.. Дайте сюда вашъ видъ.

Я отвѣчалъ, что на улицу своего вида не желаю отдавать, а если угодно будетъ его благородію, то онъ можетъ зайти ко мнѣ на квартиру или поручить своему помощнику, или наконецъ, если ужъ есть такое распоряженіе, чтобы прописывать въ каждой станицѣ паспорта, то я самъ могу зайти въ сотенное правленіе и предъявить свой видъ. Но начальникъ станицы не дослушалъ отвѣта, затопалъ ногами, закричалъ на всю улицу, призывая старшаго. Онъ былъ видимо человѣкъ больной, раздраженный и рѣшительно не умѣлъ

владѣть собой; губы его дрожали и на нихъ показалась уже пѣна, онъ нервически дергалъ рукавъ своего мундира и неистово кричалъ старшаго.

— Да пооди же ты сюда, чортъ тебя возьми! Пооди же сюда, мучитель мой, извергъ, — гдѣ ты тамъ пропадаль?!

Испуганный, запыхавшійся и въ свою очередь дрожащій отъ страха, подбѣжалъ къ командиру казакъ и торопливо сдернулъ съ головы фуражку.

— Что угодно вашескородіе?

— Извергъ! Мучитель! Гдѣ ты тамъ пропадалъ... У! сердился командиръ.

— Я вашескор... заплотъ... на работъ... лепеталь въ испугъ старшой.

— У! Извергъ! Адъ мнѣ съ тобой!..

— Вашескор... Виновать...

— Оглохъ!.. У!.. Чортова скотина!..

— Вашеско...

— Молчать... Не дыши!..

— Слушаю-съ.

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на все происходившее и отъ души жалѣлъ сотеннаго командира, такъ его бѣднаго передергивало. Наконецъ онъ нѣсколько успокоился и справедливый свой гнѣвъ обратилъ на меня въ слѣдующемъ приказѣ къ старшому.

— Пойди сейчасъ, сію минуту къ этому господину и принеси мнѣ въ квартиру его видъ; если онъ тебѣ вида своего не отдастъ, то веди его въ сотенное правленіе и оставь тамъ до моего распоряженія.

«Вотъ тебѣ на!» подумаль я и поскорѣ сталъ справляться, при мнѣ ли мои бумаги.

Разгнѣванный начальникъ ушелъ вдоль улицы. Старшой посмотрѣлъ ему въ слѣдъ и хитро улыбнулся.

— Видѣли, ваше почтеніе, каковъ нашъ командеръ грозной? шопотомъ проговорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Отчего онъ у васъ такой раздражительный?

Казакъ махнулъ рукой, посмотрѣлъ вдаль на уходящаго начальника и пошелъ въ ворота моей квартиры.

— Добраго здравія! говорилъ онъ, входя въ избу и помолвившись на образъ, опять повторилъ привѣтствіе.

— Добро жаловать, привѣтствовалъ и я его.

Взялъ онъ мой видъ, прописалъ его въ сотенномъ правленіи и вечеромъ возвратилъ мнѣ. Мы сѣли за чай. Старшой рассказывалъ про своего командира слѣдующее.

— Было дѣло такое. Около нашей станицы, въ двадцати верстахъ живетъ одинъ баринъ, займку тамъ себѣ устроилъ и занимается хлѣбопашествомъ. Только они съ перваго дня, какъ увидались другъ съ дружкой, что-то не поладили. Сотенный ли нашъ поссорился, али баринъ пахарь,—Богъ ихъ знаетъ, а надо быть такъ, что оба задиры. Ну ладно. Только лоньскимъ (прошлымъ) годомъ, этому самому барину-пахарю привезли изъ Благовѣщенска сѣмена для посѣвовъ. Сотенный нашъ трахъ на лодку, «что привезли»? То-то, говорить.—«Кому»?—Тому-то. — «Стой! Надо свидѣтельствовать. Развязывай мѣшки». Прикащикъ пахаря заспорилъ. «Ка-а-къ! Грубіянить?! Взять его подъ арестъ». Прикащикъ туды-сюды, — нѣтъ! Посадили. Прошла ночь, сидитъ человекъ въ ямѣ. У насъ здѣсь габвахты нѣту, а яма просто, такъ сказать, погребъ. Бумаги прикащика сотенный забралъ къ себѣ. Только на другой день поутру бѣжить ко мнѣ въ избу казакъ,—иди, говорить, живѣе, сотенный зоветъ. Бросился я сломя голову, думаю, что за оказія, рано такъ проснулся. Прихожу, что, говорю, приказать изволите?—Выпусти,

говорить, арестанта, — онъ дворянинъ. Я такъ и ахнулъ, ну, думаю, теперь мы влопались по самыя уши. Пошелъ выпускать. — Пожалуйста, говорю, вашескорodie, на волю, извините, жоль, ошибка вышла, думали, вы простой человекъ. Тотъ молчитъ — хоть бы слово! Вышелъ изъ ямы, то, нанялъ лошадей, да и маршь прямо въ бригаду. Пошелъ судъ да дѣло, допросы да показанія. Изъ Благовѣщенска выѣхалъ на слѣдствіе чиновникъ. Нашъ сотенной было трухнулъ порядкомъ, ну да какъ-то всеобдѣлали. Чиновникъ городской удружилъ, потому онъ дока, да и на пахаря золь былъ. А пахарь, сказываютъ, нарочно подвелъ дворянина-то этого. Такъ какой-то тамъ въ городѣ былъ не мудрящій, онъ его и нанялъ къ себѣ въ услуженіе и навостриль, — дѣйствуй молъ такъ и такъ. Хотѣлъ онъ, значить, сотеннаго столкнуть съ мѣста, а вишь не удалось, — городской чиновникъ помогъ...

— Ну, а съ вами-то сотенный ладить? Не обижаютъ васъ?

— Ничего, живемъ пока. Человекъ-то онъ и ничего бы, да горячъ больно, чтобы все ему въ секундъ. А такъ, трезвой и не картежникъ. Въ другихъ станицахъ ину пору бывало хуже. Теперь вотъ въ городѣ трое или четверо судились за растрату казенныхъ денегъ, въ Якутскую область на поселеніе ушли, по тому — скука имъ здѣсь, дѣла нѣту, ну вотъ и поигрываютъ въ картишки, — что станешь дѣлать, сторона дальняя, глухая... Про нашего сказать этого нельзя, — человекъ степенной. Конечно, иной разъ и не безъ грѣха. Вотъ хоть-бы теперь, работали заплоть, почитай, всей станицей, — попросилъ, отказать не ловко, хошь и праздникъ. Мы, правду сказать, такого человекъ и невидывали, — чудной какой-то. Приѣхалъ онъ сюда по веснѣ

и сейчас распорядился, чтобы мы, казаки оставили ему на своих огородах по полугрядѣ для овощу. Ну мы и оставили, думали, найдемъ ного итбудь, что бы посадить сѣмена, а на повѣрву-то вышло, что ему и по сѣй, и собери, и пренеси. Да еще послѣ выговоръ сдѣлалъ, урожай, говоритъ, у васъ плохъ... Однако по чаркѣ спирту подалъ.

— Что же вы нынче для него, посѣяли?

— Нѣ-ѣ-тъ. Уже теперь добраго здоровья, — просимъ не взыскать, теперь уже эти порядки кончились. Раскрылись его штуки-то. А раскрылись они опять таки черезъ барина-пахаря. Грызуются они другъ съ дружкой. Нашъ-то все нарывать его всяко, — то рабочихъ потребуетъ въ станицу, — казаки молъ, повѣрку имъ хочу сдѣлать, всѣ ли цѣлые; то контракты не свидѣтельствуесть, — условія, молъ, тяжелыя, — моя обязанность защищать казаковъ. А баринъ-пахарь, чуть чево не тажъ, — въ бригаду жалобу; пренюхать чево — жалобу! А то какъ-то разъ въ книжкѣ пропечаталъ. Выло шуму-то у нашего начальства...

Старшой оказался разговорчивый человекъ. Изъ бесѣдъ съ нимъ я узналъ, что въ станицѣ есть сельдшеръ, но такъ какъ въ его медицинскихъ знаніяхъ никто изъ казаковъ не нуждается, то онъ, по распоряженію сотеннаго командира, исполняетъ должность сельскаго учителя и исполняетъ ее, нужно сказать, по своему: его методъ преподаванія разнится отъ другихъ тѣмъ, что ученики по этому методу могутъ не только не заучивать урока наизусть, но и совсѣмъ его не читать, такъ какъ преподаватель, вмѣсто школы, каждое утро заходитъ въ казенный складъ и выпиваетъ тамъ по чаркѣ спирту; не успѣетъ онъ выйдти изъ склада, что бы отправиться въ школу, какъ ему приходитъ въ голову

*

мысль: »А что? Не повторить ли?» — и возвращается обратно въ складъ. Такіе входы и выходы повторяются до того времени, пона въ карманѣ фельдшера есть нѣсколько копѣекъ; на слѣдующій день то же. Заслышитъ сотенный о дурномъ поведеніи педагога-фельдшера и обязанности, лежащей на немъ, дѣлаетъ распоряженіе — «внушить». Внушенія обыкновенно состоятъ въ томъ, что изъ склада спирту не даютъ, а если не даютъ спирта одному, то другому, дадутъ и вотъ начинаются хитрости: подговариваетъ фельдшеръ какого нибудь казака и посылаетъ за спиртомъ, а такъ какъ посылаемому нужно же дать какое нибудь вознагражденіе, то порція увеличивается, спирту берутъ вдвое. Такимъ образомъ, обходя «внушеніе», поощряютъ промышленность и пьютъ въ компаніи. Однажды я увидѣлъ этого педагога-фельдшера въ желтыхъ панталонахъ и бѣломъ скюртучкѣ. Онъ былъ еще достаточно крѣпокъ на ногахъ и хотя немного покачивался, но языкомъ владѣлъ свободно что и можно было замѣтить изъ разговоровъ его съ самимъ собой. Проходя мимо моей квартиры, онъ пріободрился, и стараясь казаться непринужденнымъ, раскланялся съ ловкостью парижскаго франта. Я принялъ его за писаря сотеннаго правленія и конечно нисколько не удивился его поклону, потому что въ деревнѣ новому человѣку, какъ свѣтлому празднику, всегда рады. Черезъ нѣсколько дней эта желтоногая фигура встрѣтилась мнѣ на берегу рѣки, свѣсивъ ноги внизъ съ крутаго обрыва берега и находясь, какъ говорится, на послѣднемъ взводѣ, желтоногий фельдшеръ мурлыкалъ что-то себѣ подъ носъ и отчаянно клевалъ носомъ впередъ. Я подошелъ, предупредилъ пьянаго человѣка, что онъ можетъ свалиться внизъ, но получивъ въ отвѣтъ: — «Эт-то не можетъ быть», не успѣлъ я

отойдти двухъ шаговъ, какъ на обрывѣ уже не показывалась болѣе его фигура, — она покачнулася такъ, что черезъ нѣсколько минутъ была уже подъ горой у самаго берега рѣки. Не смотря на то, что крутой берегъ былъ песчаный, но онъ до того былъ крутъ, что только счастливое паденіе спасло отъ увѣчья упавшаго человѣка. Я пошелъ и передалъ видѣнное казакамъ, но это ихъ нисколько не удивило. — «Онъ у насъ заколдованный, — брось его въ рѣку съ камнемъ, — не потонетъ, потому вода его въ себя не приметъ,» — шутили казаки.

Домъ, строившійся противъ моей квартиры, быстро прибывалъ. Съ утра до вечера на немъ работали баталіонные солдаты. Не знаю, оцѣнятъ ли въ послѣдствіи всѣ труды, лишенія и ту пользу, которую принесли на Амуръ эти баталіонные солдаты строители. Большая часть казенныхъ амурскихъ построекъ сработана ихъ руками и въ какихъ концахъ эти постройки? Одни въ Албазинѣ, другіе въ Благовѣщенскѣ, третьи въ Хабаровкѣ, — разстоянія по тысячѣ, по двѣ тысячи верстъ! и эти амурскіе строители странники, окончивъ работы въ одномъ мѣстѣ, были пересылаемы на другое, и такъ начинается съ ранней весны и кончается глубокой осенью. Однажды какъ-то во время работъ завернулъ ко мнѣ на квартиру мой пріятель старшой.

— Однако, ваше почтеніе, они чай васъ беспокоятъ? спросилъ онъ, кивая головой на постройку.

— Нѣтъ, ничего. Я уже привыкъ къ этому шуму.

— Ну однако... День деньской орутъ... Стукъ какой идетъ...

— Да, покрикиваютъ изрядно...

— Эй! Эй! Наваливай! Тяни! Чтобъ те разорвало! слышалось съ постройки.

— Эхъ-эхъ-эхъ, долетали равномерные, отрывистые вздохи, слѣдовавшіе за ударами топора.

Среди общего крика и шума, слышалась какая-то пѣсня, наидый куплетъ которой оканчивался извѣстнымъ припѣвомъ: «Дубинушка ухни» я спросилъ моего собесѣдника, что это за пѣсню такую поютъ плотники. Собесѣдникъ хитро улыбнулся, осторожно оглядѣвъ комнату, какъ будто опасаясь, чтобы кто не подслушалъ, и потомъ проговорилъ.

— Это бревна, ваше почтеніе, поднимаютъ, такъ пѣсню поютъ...

Но не договорилъ. Видимо хотѣлъ сказать не то, что сказалось.

— Знаю, что пѣсню поютъ. Да какія же слова этой дѣвки? Откуда же она взялась, кто ее сочинилъ? Отчего въ ней слышатся знакомыя фамиліи?

Старшой оглянулся и шопотомъ проговорилъ.

— Это про Амуръ пѣсня сложена, какъ его значить заселяли.

→ Ну-ко расскажи.

— Нельзя, ваша милость...

— Отчего нельзя?

→ Ей-богу не могу...

— Да вѣдь поютъ же ее!...

— Малоли что! Поютъ—это вѣрно. Только вѣдь въ пѣснѣ слова-то можно какъ угодно вытягивать да проглатывать...

Долго я просилъ старшаго рассказать содержаніе пѣсни, но онъ все-таки не рассказалъ; сколько я ни вслушивался въ пѣніе работавшихъ солдатъ, но понять не могъ, только и разслышалъ: «командиръ-то нашъ плѣшивый выдаетъ приказъ салышивый», да еще отрывки какой-то пѣсни: «Аргунь восхваляли, Амуръ проклинали».

Вечеромъ, какъ-то, опять сидѣлъ у меня старшой.

Мы пили чай. Я угостилъ его коньякомъ, желая узнать содержаніе амурскихъ пѣсень, но ничего не узналъ, потому что старшой самъ едва помнилъ ихъ. Разговоръ перешелъ на хлѣбопашество и старшой рассказывалъ объ отношеніи ихъ казачьей жизни къ командирамъ.

— Въ прошедшемъ году, по осени какъ-то, слышали мы, что начальникъ ѣдетъ внизъ по рѣкѣ, ревизовать область. Онъ взаправду-то и не поѣхалъ, а мы перетрусили. Дѣло-то, видите-ли, было передъ уборкой хлѣба, а урожай какъ на грѣхъ былъ плоховать... Не наливайте, будетъ... благодарствую... Ухъ, много махнули, — хмѣльное вѣдь...

— Ну-съ, такъ вотъ какъ. Сотенный нашъ присмирѣлъ и голову повѣсилъ, — потому плохой урожай насъ совсѣмъ допекъ, — бѣда: начальство что скажетъ? Хорошо. Думалъ нашъ сотенный и порѣшилъ. Позвалъ меня и велѣлъ оповѣстить казаковъ, чтобы хлѣбъ жали съ толкомъ, снопики дѣлалибы потоньше, суслоны ставили поменьше да почаще, чтобы хлѣба на десятинѣ казалось съ виду больше. Такъ мы и сдѣлали, только надо вамъ сказать, трудъ нашъ по напрасну пропалъ: никто нашихъ суслоновъ не считалъ и усердія нашего не похвалилъ...

— Да на что вамъ похвалы? Отъ нихъ вѣдь хлѣба не прибудеть.

— Оно точно что .. Иначе только нельзя, потому такъ ведется...

Черезъ полчаса мой собесѣдникъ началъ заплетать языкомъ.

— Служба моя, ваше почтеніе, тяжелая, потому... Сотенный у насъ горячій...

— Просись на смѣну.

— Эт-то не возможно...

— Почему же?

— А пы-та-му... Однако, ваше почтеніе, у васъ ромъ. то тово... разобрало меня до жилочекъ.. Если бы этого рому еще чашечку голенькаго...

— Что же бы тогда?

— Рай земной бы...добавилъ старшой торопливо, — а,ваше потчение, пошутилъ.Я не тово,по тому полно до краевъ. Счастливо остав...

И, покачнувшись на косякъ, мой собесѣдникъ вышелъ изъ избы.

На другой день онъ зашелъ ко мнѣ съ извиненіемъ, что переложилъ чрезъ край, оправдываясь тѣмъ, что я противъ его желанія, много подливалъ въ его стаканъ коньяку.

— У насъ здѣсь, ваше потчение, и безъ меня пьющихъ много. Не даромъ по Амурской области запрещено продавать ханьшинъ (манчжурскую водку).

— Это почему же?

— А потому же все. Запрещено и кончено. Если теперича къ берегу пристанетъ купецъ или другой какой торговый человекъ, то сейчасъ я могу на его лодку явиться и осмотрѣть, нѣтъ ли ханьшину, а если онъ есть, такъ, Господи благослови, да и въ воду его.

— На какомъ же основаніи?

— А на такомъ же. Ханьшинъ—ну и въ воду его! Такой приказъ данъ.

Я сказалъ старшому, что начиная отъ станицы Хабаровской до самаго Николаевского порта дозволена по Амуру свободная торговля, чѣмъ кому угодно.

— Это мы знаемъ чудесно, отвѣчалъ старшой, — тамъ дозволена, но у насъ не дозволена. Тамъ свое начальство, а у насъ свое.

— Рѣка же вѣдь одна и одного Царя бѣлаго здѣсь царство?

— Царство одно, объ этомъ что говорить. Начальство только разное: въ Николаевскомъ-то порту адмиралъ, а у насъ военной губернаторъ,—вотъ оно и различа. Опять то надо сказать что, въ порту можетъ статья и больше пьютъ, да все Богъ милуетъ, а у насъ здѣсь неблагополучно: вонъ по запрошлый годъ одинъ казакъ съ манчжурской- то водки опился,—вотъ съ той поры и запретили манчжурскую водку.

— А развѣ казеннымъ, спиртомъ нельзя опиться?

— Спиртомъ нельзя, потому онъ изъ казеннаго склада дается....

— Да развѣ мѣрой выдается на человѣка?

— Не мѣрой. Сколько хочешь, за деньги купи...

— Такъ значить все равно?

— Нѣтъ пошто? Все же, если который казакъ заматается, то ему можно не давать спирту (*).

— Вонъ у васъ фелдшеръ заматался, что же вы его не исправляете?

— Кого? желтоногаго? Да какой чортъ его исправить! Его къ намъ изъ Россіи въ сынки прислали,—какое ужъ тутъ добро будетъ. Да онъ насъ всѣхъ измучилъ — смоталась съ нимъ половина станицы,—кто его исправить. Въ первой-то день, какъ пригнали ихъ сюда, онъ у насъ чуть избу не сожеть. Натаскалъ онъ въ баню щепокъ да и запалилъ ее, мы и не замѣтили. Глядимъ, изъ бани дымъ повалилъ. Что такое? Черты, говоритъ, тамъ сидятъ, я, говоритъ, ихъ хочу сожечь! Вотъ онъ каковъ! Вадули мы его проклятаго, однако

(*) Теперь эта охранительная система трезвости въ Амурской области рухнула, потому что, съ уничтоженіемъ откуповъ, на Амурсь свободу ввозится водка частными лицами.

ловно. Три недѣли лежалъ, а вѣдь отлежался опять,— думали околѣветъ,—нѣтъ ожилъ!..

IV.

Я окончилъ свои дѣла въ станицѣ и мнѣ оставалось только дожидаться парохода, чтобы на немъ вернуться назадъ въ Благовѣщенскъ. Дождаться пришлось очень долго, но другаго выхода въ моемъ положеніи найти было нельзя; подниматься вверхъ по рѣкѣ бичевникомъ или идти на веслахъ, кромѣ продолжительной траты времени, еще слишкомъ бы дорого стоило: казакъ не манчжуръ и за дешевую цѣну не вайнется, а манчжуръ по близости станицы не было, да они и не нанялись бы ко мнѣ въ работу, потому что боятся своихъ чиновниковъ, которые имъ строго запрещаютъ всякое сближеніе съ русскими. Уѣхать на лошадахъ верхами было еще труднѣе, потому что чрезъ Хинганскій хребетъ правильнаго пути не проложено, а если и ѣздить иногда верховые, то во первыхъ, это люди обязанные волей неволей исполнять приказанія старшихъ, а во вторыхъ, они часто кружатъ по горамъ по нѣскольку дней, не зная, какъ выбраться изъ нихъ, и въ то же время рискуютъ наткнуться на барса или медвѣдя. Я не хотѣлъ испытывать ничего подобнаго и покорился необходимости сидѣть у моря и ждать погоды. Лодку свою я продалъ казаку; рабочіе плившіе со мной, на другой же день нашего пріѣзда въ станицу, уплыли въ челнокъ внизъ по Амуру, надѣясь найти работу въ Михайло-Семеновской станицѣ.

Сталъ я ожидать того дня, когда придетъ пароходъ, и ждать очень долго... Дни проходили за днями, а о пароходѣ не было ни слуху, ни духу. Такое продолжительное ожиданіе парохода не было случаемъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, напротивъ, на Амурѣ

оно было совершенно законно и нормально, потому что все амурские пароходы, какъ частные, такъ и казенные, никогда правильныхъ, постоянныхъ рейсовъ не имѣли, а двигались по рѣкѣ или стояли у берега, смотря по распоряженію лицъ, имѣвшихъ власть надъ ихъ движеніями. Казенные пароходы, нужно отдать справедливость, ходили сначала очень часто, до той поры, пока не испортились въ нихъ машины и пока не начали ихъ чинить домашними средствами въ станичныхъ кузницахъ; съ этого несчастнаго времени, т. е. когда машины казенныхъ пароходовъ испытали на себѣ всеразрушающую силу искусства амурскихъ кузнецовъ, — пароходы также рѣдко и неаккуратно стали совершать свои рейсы, какъ и пароходы пресловутой амурской компаніи, такъ позорно окончившей въ настоящее время свою амурскую дѣятельность. Кроме того, тѣ изъ казенныхъ пароходовъ, которые въ данную минуту были удобны для плаванія, часто употреблялись амурскимъ начальствомъ для путешествій въ Ангуны, для изслѣдованій р. Зеи, и по всему вѣроятію эти путешествія были крайне необходимы, потому что почта иногда лежала по нѣскольку дней не отправленной, такъ какъ пароходъ былъ занятъ губернаторомъ...

И такъ засѣлъ я въ станицѣ въ ожиданіи избавителя парохода. Съ каждымъ днемъ мнѣ становилось скучнѣе; съ старшимъ мы уже наговорились вдоволь и даже понаскучили другъ другу, потому что посредникъ, сближавшій насъ, а именно чай съ коньякомъ, истощился, а достать свѣжаго было негдѣ. Съ сотеннымъ командиромъ я, не смотря на все мое желаніе, познакомиться не могъ, онъ, видимо, чуждался меня и вслѣдствіи разъ, когда случалось ему проходить мимо моей

квартиры, — принималъ грозный, неприступный видъ. Священника не было въ станицѣ, онъ куда то уѣхалъ съ тробой, а болѣе знакомиться въ станицѣ было не съ кѣмъ. Баринъ пахарь, жившій за двадцать верстъ отъ станицы, былъ мнѣ хорошо извѣстенъ и я молилъ Бога, чтобы онъ избавилъ меня отъ новаго несчастія встрѣтиться съ нимъ когда нибудь.

Сталъ я безцѣльно ходить въ окрестностяхъ станицы и не видѣлъ ничего, кромѣ лѣсу да виноградныхъ кустарниковъ. Пашни казаковъ и сѣнокосные луга были далеко, верстахъ въ десяти, и дороги, ведущія къ нимъ, были весьма плохо проѣзжены, видно было, что жизнь въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ только что начинается. Однажды только, во время моихъ безцѣльныхъ скитаній, я видѣлъ, какъ ребяташки, играя, загнали изъ лѣсу соболя. Онъ, какъ бѣлка, сначала прыгалъ съ дерева на дерево, но жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ и пропрыгалъ совсѣмъ не туда, гдѣ надѣялся найти для себя спасеніе: деревья, по которымъ онъ дѣлалъ свои прыжки, длиннымъ рядомъ вытянулись по станицѣ и соболя, прыгая по нимъ, сдѣлалъ смертный прыжокъ. Онъ понялъ свое опасное положеніе только тогда, когда не было уже никакого спасенія: при отчаянномъ крикѣ мальчишекъ, казакъ выставилъ дуло винтовки изъ окна своей избы и выстрѣлилъ; соболя свалился на землю и долго трепеталъ онъ, катаясь на спинкѣ, и нервически подергивалъ ножками. Казакъ вышелъ на улицу, взялъ соболя за ножки, хлопнулъ его со всею силою о землю и соболя издохъ. Не успѣлъ еще онъ остыть, какъ казакъ продалъ его своему богатому сосѣду за шесть кредитныхъ билетовъ и за двѣ чарки казеннаго спирта.

Всего болѣе я ходилъ по берегу Амура.

Однажды, рано утромъ, я поднялся съ постели и пошелъ, по обыкновенію, на берегъ, посмотрѣть не видать ли вдали парходной мачты. Утро было жаркое. На противоположномъ берегу рѣки, широко разлившейся противъ станицы, сидѣли громадной стаей дикіе гуси, визгливый крикъ ихъ не ясно долеталъ въ станицу, какъ будто поддразнивая казаковъ. Нѣсколько казачьихъ лодокъ пустились чрезъ рѣку на островъ, чтобы тамъ изъ за кустовъ устроить засаду и сдѣлать за разъ выстрѣлъ изъ нѣсколькихъ винтовокъ, но это не удалось: осторожные гуси смѣтили, что имъ угрожаетъ опасность, и поднялись темной тучей въ воздухъ. Вообще охота на нихъ сопряжена съ большими трудностями. Манчжуры придумали для ловли ихъ особаго рода сѣти и петли, которыя и раскидываютъ на открытыхъ мѣстахъ.

Внизу, подъ крутымъ обрывомъ берега, я замѣтилъ толпу казаковъ и спустился къ нимъ. Оказались рыболовы, возвратившіеся съ добычей. Изъ нихъ нѣсколько человекъ разрубали сажонную рыбу, другіе мыли лодку, складывали канатъ; маленькіе ребяташки-казаченки вертѣлись вдали, боязливо посматривая на окровавленную массу.

— Помогай Богъ! сказалъ я, подходя.

— Благодарствуйте, коротко отвѣчали казаки.

— Какая эта рыба?

— По нашему. калужина, а по вашему не знаемъ, не оборачиваясь, отвѣчалъ одинъ, распарывая рыбъ животь.

Окончивъ эту операцію, онъ вытащилъ изъ рыбы начинавшаго разлагаться аршиннаго осетра и выбросилъ его въ рѣку.

— Ишь обжора, какого слопала!

— Матерой же и осетръ то, ребята! подсказаль кто то изъ работавшихъ.

— Попадись ей на зубъ чловѣкъ, не побрезгуеть и его, слопаеть.

— Что толковать, — рыба машина!

Казаки разрѣзали всю рыбу отъ головы до хвоста и раскинули по землѣ; раскинулась она точно какой багровый коверъ и снова испугала мальчишекъ, убѣжавшихъ отъ этой кровавой массы сажень на двадцать.

— Не бойтесь, дураки! Что вы, — вѣдь она мертвая! уговаривали казаки.

— Да... мертвая... нерѣшительно говорили дѣти и стояли по одаль, переминаясь съ ноги на ногу.

Черезъ нѣсколько времени они подошли поближе и прятались за спинами казаковъ.

— Тятка! А, тятка! робко пицала дѣвочка, держа отца за полу.

— Ну что тебѣ?

— Это рыба рука, что ли, висить на деревѣ то?

Казаки засмѣялись.

— Дура ты дѣвка! сказалъ улыбаясь отецъ, — какія у рыбы руки, — это визига.

Дѣвочка отошла отъ отца и съ удивленіемъ разсматривала висѣвшую на сучкѣ дерева, свернутую въ нѣсколько рядовъ визигу.

— Сколько же вѣсу можетъ быть въ этой рыбѣ? спросилъ я.

— Да кто ее знать... чай пудовъ съ тридцать будетъ.

— А больше этой вамъ не случалось ловить?

— Намъ то не случалось, а сказываютъ, — тамъ пониже лавливали и въ шестьдесятъ пудовъ. Ладно же и

эта насъ поводила, одного канату саженъ съ двѣсти мы на нее выпустили. Вчера еще съ вечера попала, да вотъ только сегодня вытянули; на крючокъ то зацѣпилось, да какъ побѣжала въ глубь, чуть лодку то совсемъ не опрокинула и пошла и пошла, знай только канатъ давай; долго, это, все стрѣлой летѣла, ну потомъ потише, потише пошла и перестала канатъ тянуть,—на дно значить легла, умаялась. Было ужъ далеко за полночь, когда она легла то, мы ужъ и порѣшили не трогать ее до разсвѣту. Вотъ съ утра то раняго до сей поры все ее вытягивали, — ишь какая машина.

— Какъ же вы раздѣляете добычу?

— А по частямъ дѣлимъ. Кому что полагается по расчету. Сотенному командиру тоже часть слѣдуетъ, потому, хоть трудовъ то его и не было, да онъ на канатъ вложилъ рублей кажись съ пятнадцать.

— Какая же еще рыба ловится вами?

— Да разная рыба бываетъ.

— Какая же?

— Обыкновенно, какая рыба.. всякая есть.

— Ну, а на примѣръ.

— Да что на примѣръ. Другой ужъ такой большой рыбы тутъ нѣтъ, одна она только калужина, а другая не въ примѣръ мельче.

— Какая же остальная то?

— Ну, осетрина, сазанъ, лещъ, карась, щука... разная рыба... Ну ко, ребята, нечего время терять, дорубайте, да и по несемъ...

Казакъ разрубилъ рыбу на части и стали носить ее въ станицу; на помощь явились женщины, дѣти; всѣ таскали куски рыбы и всѣ были довольны.

Я пошелъ вдоль берега и сталъ собирать кусочки

сердолика, которымъ обильно усыпанъ берегъ Амура. Между многими сердоликами мнѣ случилось найти нѣсколько окаменѣлостей дуба и сосны и замѣчательный по своей рѣдкости окаменѣлый глазъ, который я и сохранилъ у себя до настоящаго времени.

Вечеромъ у низенькой деревянной церкви звонилъ колоколъ ко всенощной. Была суббота, я отправился въ церковь. Тѣсно и бѣдно было внутри: иконостасъ былъ окрашенъ только одной буроватой краской, безъ всякихъ украшеній. Молящихся въ церкви никого не было, только одна дряхлая старуха стояла сторбившись у стѣны и по временамъ клала земные поклоны; дьячокъ, изъ мѣстныхъ казаковъ, стоялъ на клиросѣ въ полосатомъ халатѣ и, гнусли читая, покашливалъ себѣ въ ладонь. Дьякона въ станицѣ не было и священникъ одинъ совершалъ службу.

Послѣ всенощной священникъ встрѣтился со мной на берегу.

— Вы, смѣю думать, изъ города? ласково, тихо и какъ то таинственно спросилъ онъ.

— Да, изъ Благовѣщенска.

— Фамилія ваша?

Я сказалъ.

Батюшка помолчалъ нѣсколько времени, оглядѣлъ меня съ ногъ до головы и опять таинственно спросилъ.

— По частнымъ дѣламъ, или имѣете казенное порученіе?

— По своимъ дѣламъ, отвѣчалъ я.

Батюшка внимательно оглядѣлъ меня, потомъ помолчалъ нѣсколько времени и снова спросилъ.

— Скучаете?

— Да, парохода долго нѣтъ.

— Медленно, медленно... задумчиво проговорилъ онъ, — утомительно это ожиданіе.

— Да, не весело.

— Истинно такъ. Это томленіе даже душевный недугъ производитъ.

Мы опять помолчали.

— Вы куда то уѣзжали? спросилъ я.

— Съ требой отлучался. Верстъ за шестьдесятъ разстоянія. Женщина тамъ изнемогала, теперь уже преставилась...

Батюшка вздохнулъ и замолчалъ.

— Да не угодно ли ко мнѣ? вдругъ оживляясь сказалъ онъ.

Я поблагодарилъ.

— Чтожъ! покориѣйшее прошу. Побесѣдуемъ...

Мы пошли.

Для священника, близъ церкви, былъ построенъ небольшой домикъ; у оконъ этого домика были ставни, что составляло рѣдкость среди избышекъ, но заплота и двора не было; замѣтны были около дома только слѣды плетня, который вѣроятно давно былъ израсходованъ на топку, потому что оказался не нужнымъ, да и держаться не могъ, — свиньи чесали объ него бока и сваливали всю изгородь. Въ прихожей валялась солома и на ней лежалъ теленокъ. Въ зальцѣ стоялъ старенькій, съ клочками оборваннаго ситцу, диванъ и дубовый некрашенный столъ; на бревенчатой стѣнѣ висѣло небольшое зеркальце и около него фотографическій портретъ священника съ супругой, сидящихъ рядомъ, держа другъ друга за руку.

— Это мое изображеніе, съ матушкой, пояснилъ священникъ.

Я подошелъ поближе къ портрету.

— На вѣчную любовь, такъ сказать, добавилъ онъ.

— Хорошая, говорю, фотографія.

— Да-съ. Вотъ скажите, до чего доведено. Удивленія достойно и представьте, какъ быстро производится, всего минутъ нѣсколько. Искусно, очень искусно...

Батюшка подошелъ къ портрету и началъ внимательно разсматривать, какъ будто видѣлъ его въ первый разъ.

— Гдѣ это вы снимали? спросилъ я.

— Въ губернскомъ городѣ Иркутскѣ. Тамъ господинъ фотографъ весьма изобрѣтательный человекъ и, какъ рассказываютъ, яко-бы въ настоящее время онъ сугубо увеличилъ свои капиталы...

Мы съѣли и помолчали.

Босоногая оборванная дѣвчонка, въ грязномъ сарафанѣ, вошла въ комнату и подала намъ чай. Батюшка началъ рассказывать о трудностяхъ амурской жизни и объ ужасной, подавляющей тоскѣ. Я заговорилъ было о школѣ, упомянувъ между прочимъ о пьяномъ фельдшерѣ.

— Школа, вы изволите говорить. Какая же можетъ быть тутъ школа,—возьмите во вниманіе. Я готовъ съ великимъ усердіемъ, но повѣрьте, чистосердечно вамъ говорю, нѣтъ никакой возможности устроить что либо подобное.

— Отчего же?

— Неразвитіе, великое неразвитіе. Возьмите во вниманіе, я говорю на примѣръ: Законъ Божій, а мнѣ отвѣтствуютъ: — пусть мальчишка коровъ пасеть... Окаменѣніе какое-то!

На столѣ явилась закуска. Пришелъ старшой и, помолвившись, подошелъ подь благословеніе.

— Съ наступающимъ праздникомъ!

— Садитесь, покорно прошу! пригласилъ священникъ.

Старшой сѣлъ, сложилъ руки и началъ перебирать пальцами.

— Что вашъ начальникъ? Здравствуеть ли?

— Ничего-съ, теперь, слегъ; давеча на работѣ раскричался,—лежить теперь...

— Строгій ужь очень. Такъ сказать, даже не почину строгій, съ улыбкой замѣтилъ батюшка.

— Это точно что...

Попадья, шумя новымъ, яркаго цвѣта, ситцевымъ платьемъ, вошла въ комнату и поставила на столъ тарелку съ вареной рыбой. Батюшка отрекомендовалъ меня и потомъ обратился съ вопросомъ, не былъ ли я на заимѣ у барина-пахаря. Я отвѣчалъ—что не былъ.

— Посмотрѣть стоитъ, — назидательно... Только знаете, любостяжатели онъ очень.

— Отчего же это?

— Не вѣдаю. По всей вѣроятности, сребролюбіе овладѣло его душой.

— Да скупъ, онъ, это точно, подтвердилъ старшой.

— Ему бы, знаете, по всей справедливости, надлежало тамъ у себя построить церковь, вотъ и господинъ старшой такъ же думаетъ... соотвѣтственно...

— Церковь, извѣстно, храмъ Божій, —отчего не построить?

Батюшка воодушевился и всталъ на ноги, приложивъ руку къ сердцу.

— Я вамъ изъясню вотъ что: господинъ Нелѣповъ, пахарь то нашъ, въ вѣрѣ слабъ и потому у нихъ эти козни съ господиномъ сотеннымъ командиромъ...

— Да вотъ я имъ рассказывалъ, перебилъ старшой.

— Враждуютъ, истинно что враждуютъ, козни такіа другъ другу строятъ, что только Господи помилуй.

Священникъ подошолъ къ столу.

*

— Приступите, пригласилъ онъ, показывая рѣкой на закуску.

Мы выпили.

— Вотъ рыбки моего уженья. Я, какъ и апостолы Христовы, тоже рыболовствую...

Разговоръ оживился. Опять заговорили о николѣ. Священникъ доказывалъ, что ему невозможно принять какое либо участіе въ обученіи мальчиковъ, потому что у него слишкомъ большая паства, что онъ одинъ на пять станицъ, и закончилъ свои доказательства слѣдующими словами.

— Да и то сказать, возьмите во вниманіе, изъ-за чего же я, такъ сказать, буду распинаться? Трудись, трудись, а поощренія нѣтъ, все только на одномъ жалованьи и сидишь...

— Оно точно... трудновато, поддакнулъ старшой.

Попадья, молчаливая во все время, подошла къ столу, поправила тарелки и, обращаясь къ мужу, сказала.

— А ты скажи-ко вотъ имъ, какіе у насъ доходы-то...

— Ахъ, матушка! Позвольте, я изложу все самъ, съ достодожною подробностію.

Попадья не обратила вниманія на слова мужа.

— Нѣтъ, я говорю, милостивый государь, обратилась она ко мнѣ,—то есть повѣрите ли, никогда, никто изъ казаковъ, то есть вотъ, какалъ есть крошка хлѣба...

И матушка показала на пальцѣ крошку.

Въ такомъ тонѣ долго продолжался разговоръ. Но прошло съ полчаса и всѣ разговоры, за отсутствіемъ матеріаловъ, прекратились. Батюшка сидѣлъ у стола и, грустно опустивъ, голову напѣвалъ «Безсѣмennaго зачатія». Старшой, достаточно убитавшійся спиртомъ,

клевалъ носомъ впередъ и, держа въ рукахъ пустую рюмку, постукивалъ по ней ногтемъ. Попадья сидѣла у окна и смотрѣла на темное звѣздное небо, находясь, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ недавняго разговора о недостаткѣ доходовъ. Сальная свѣча едва пиликала оплавывая на весь столъ. Я перелистывалъ книжку «Странника» 1860 года, единственную книжку во всемъ домѣ.

Растались мы холодно, потому что батюшка былъ въ мрачномъ расположеніи духа...

На слѣдующій день однообразіе столичной жизни нарушилось: купецъ съ товарами причалилъ къ берегу.

Быстро собралась около лодки толпа и пошла торговля. Шумъ, крикъ, говоръ долго слышались на берегу. Часа черезъ два, черезъ три, всѣ, у кого были деньги, понакупились и около лодки остались только зѣваки, да бабы, желавшія промѣнять поросятъ и яйца на платки. Казакъ, съ трубкой въ зубахъ, стоялъ впереди всѣхъ и, лѣниво поплеывая на сторону, разговаривалъ съ купцомъ.

— Не на что, господинъ торгующій купецъ, покупать теперь, и надо бы мнѣ на рубаху кумачу, да не на что... Лоньскимъ годомъ мы съ тобой, кажись, соболи мѣняли?

— Може статья, небрежно отвѣчалъ купецъ.

— Такъ ты мнѣ по знакомству въ долгъ не отпустишь ли? спросилъ казакъ.

Купецъ мотнулъ отрицательно головой и, развертывая яркаго цвѣта ситецъ, нахваливалъ его назачкѣ, грустно смотрѣвшей въ плутоватые глаза торговца.

— Товаръ первый сортъ! Какъ жаръ птица горить!

— Нѣтъ ужъ, родимой, гдѣ тебѣ до купца Чуринова...

— Эка сравня-я-ла! съ злобнымъ смѣхомъ перебилъ купецъ.

— Ужь какой у него яркой ситець...

— Много ты смыслишь, — чушка!

— И самъ-то онъ какой ласковой, продолжала нахваливать казачка.

— Да ну те къ чорту и съ Чуриновымъ то... берешь что ли? сердито крикнулъ купецъ.

— Да вотъ ужь разѣ за поросеночка то...

— Поди ты совсѣмъ! Куда мнѣ съ поросятами, клѣть что ли у меня въ лодкѣ то?

Дѣвочка, запыхавшись и зарумянившись, сбѣжала подь гору къ берегу, въ рукахъ у ней была деревянная чашка съ кислымъ виноградомъ.

— Купецъ... мнѣ бы ты... платочекъ какой, робко предложила она, къ общему смѣху публики.

— Ишь догадливая, кто у тебя эту кислятину возьметъ, смѣялся купецъ.

Дѣвочка еще больше покраснѣла и грустно опустила глаза въ чашку, на синія, мелкія ягоды амурскаго винограда.

Издѣлка сквозь толпу смѣло проталкивались. покупатели, слышалось: «пусти,пусти, покупать иду» и всѣ давали дорогу, — значить человѣкъ шелъ задѣломъ. Купившій развертывалъ покупку на показъ передъ публикой. Одна баба промѣняла на два десятка яицъ маленькій платокъ и тоже развернула его на показъ.

— Гляди, гляди, ребята, — какой большущій, цѣлое поле, хоть ярицу сѣять...

— Ну-ко тета, развертывай, развертывай, — паря, дайте дорогу, она его сичасъ роскинетъ...

— Да я ужь роскинула, — весь тутъ...

— Это за два десятка яицъ то? Ну онъ те облопошилъ!..

Баба испугалась, приставала къ купцу съ распро-

сами; купецъ сердился, публика была довольна и хохотала...

Лодка простояла цѣлый день. Вечеромъ около моей квартиры, въ казачьей избушкѣ, слышался шумъ и пѣсни. Купецъ дѣлалъ вечеринку. Изъ оконъ избушки долеталъ ко мнѣ пискъ дѣвокъ, неистово оравшихъ своими пискливыми голосами: «Со вьюномъ я хожу, съ животомъ гуляю»...

— Да ты што? покрывалъ ихъ визгъ дикій мужской голосъ, — ты понимать должонъ, — у насъ сичасъ по начальству: сотенной, бригадной, — понимаешь?

— Паря, погоди, не ори!..

— Береги морду!

— Пей! раздалось тономъ выше.

И снова все затихло, — слѣдовательно пили.

«Со вьюномъ я хожу,

Съ животомъ гуляю;

Я не знаю, куда вьюна положить,

Я не знаю, — живота подарить»...

Слышался снова пискъ дѣвчиныхъ голосовъ.

Долго за полночь продолжалась вечеринка. То слышался пискъ изъ избы, то казаки спорили и споръ оканчивался отчаяннымъ крикомъ: «Пей! Да пей же, чортова образаина»; но потомъ крикъ слышался съ улицы, кто то бранился и угрожалъ начальствомъ.

Я не спалъ цѣлую ночь...

Начинало свѣтать. Изъ за кустовъ смѣжныхъ съ домомъ, гдѣ была вечерка, торопливо выбѣжала какая-то женщина и скрылась въ проулкѣ... Около забора пробирался весь вывалившійся въ грязи казакъ и, пошатываясь изъ стороны въ сторону, безсвязно бормоталъ: «со вьюномъ я... съ животомъ»...

На слѣдующій день рано утромъ примчался нарочный изъ сосѣдней станицы съ извѣстіемъ «отъ пріятеля» къ сотенному командиру, что на пароходѣ ѣдетъ какой то важный баринъ. Станица встрепелулась и поднялась такая суета въ ней, какъ будто вотъ - вотъ сейчасъ наступитъ страшный судъ. Сотни метель шаркали улицы, бабы подбирали своихъ свиней и поросятъ, ребятишки таскали щепки и листья отвалившіеся отъ дубовъ, растущихъ по набережной улицы станицы; казаки перебѣгали изъ квартиры сотеннаго командира въ казенные амбары и обратно; старшой, точно угорѣлый со вчерашняго гулянья на вечеркѣ, бросался во всѣ стороны и нашептывалъ: «Помяни Господи царя Давида и всю кротость его».

Черезъ нѣсколько времени сотенный командиръ, въ папахѣ и полной формѣ, расхаживалъ по берегу, обдергивая полы своего сюртука.

— Эй, старшой!... Послать сюда старшаго! крикнулъ онъ на всю улицу.

Старшой какъ изъ земли выросъ.

— Что угодно, вашескородіе? вытягиваясь въ струнку, спрашивалъ онъ.

— Какъ у тебя тамъ? заботливо освѣдомлялся сотенный командиръ.

— Все благополучно...

— А что каптенармусъ? Вычистилъ ли онъ замки, какъ я говорилъ, уксусомъ съ пескомъ?

— Вычистилъ. Теперь чудесно стало, — такъ и блестять...

— Въ цейхаузѣ мель?

— Чисто вымель, вашескородіе.

— Фельдшара прибрали?... У, это животное! измучилъ онъ меня.

— Въ кѣтъ заперли...

— Свиной загнали ли?... а то они опять высунуть свои рыла съ берегу. Стражъ!

— Не извольте беспокоиться, ни одна свинья не посмѣетъ рыла показать,—всѣхъ загнали. Съ фельдшеромъ въ одной кѣтти, на замкѣ... Ключъ у меня, не выскочать...

— Ну ступай... вздыхая, сказалъ сотенный.

Я стоялъ на берегу въ ожиданіи парохода. Шумъ отъ колесъ и отъ вылетавашаго изъ трубы дыма доносился по рѣкѣ въ станицу. Вскорѣ изъ за кустовъ показалась мачта парохода съ развѣвающимся флагомъ.

— Пароходъ! пароходъ! кричали мальчишки, припрыгивая на одной ногѣ, обрадованные Богомъ знаеть чему.

Толпа казаковъ собралась на берегу. Впереди ихъ стоялъ сотенный командиръ. Пароходъ, нагоняя волны на берегъ и плавно покачиваясь изъ стороны въ сторону, подходилъ къ станицѣ. Раздался звукъ цѣпи отъ брошеннаго якоря. Сотенный командиръ стрѣлой бросился подъ гору и первый вбѣжалъ на пароходъ.

Важный господинъ, напустившій оловомъ проѣздомъ такого страху на жителей станицы, сидѣлъ на капитанскомъ балконѣ и, прищуривъ глаза, рассматривалъ собравшихся на берегу казаковъ. Казаки стояли въ вытѣжку, безъ оуражекъ. Сотенный командиръ влетѣлъ на балконъ и почтительно докладывалъ что то важному господину, при этомъ докладѣ корпусъ сотеннаго былъ наклоненъ нѣсколько впередъ и руки висѣли какъ двѣ плети. Важный господинъ, положивъ ногу на ногу, слушалъ докладъ сотеннаго и потомъ кивнулъ головой; сотенный постоялъ еще съ минуту въ наклоненномъ положеніи; важный господинъ сдѣлалъ подъ позырѣть, и сотенный повернулъ на лѣво кругомъ.

Я стоялъ на берегу и упрасивалъ капитана при-
нять меня на пароходъ.

— Нѣтъ мѣстъ, лаконически отвѣчалъ англичанинъ
не выпуская изо рта сигары.

— Хотя на палубу...

— Нѣтъ мѣстъ.

— Ну на баржу хотя...

Капитанъ задумчиво посматривалъ на противопо-
ложный берегъ, пропустивъ сквозь зубы: О зѣсть!

Я бросился за багажемъ, не чувствуя подъ собо
ногъ. Часть казаковъ и казачекъ таскали по сходнямъ
дрова, остальные по прежнему безъ шапокъ стояли на
берегу; важный господинъ сидѣлъ все въ томъ же по-
ложеніи и молча разсматривалъ толпу.

— Здорово, ребята, сказалъ онъ наконецъ, послѣ про-
должительнаго молчанія.

Съ берега дружно гаркнули во всѣ рты. Звукъ про-
гудѣлъ въ воздухѣ, уносясь внизъ по рѣкѣ. Важный го-
сподинъ прислушивался къ улетающему звуку и, каза-
лось, былъ доволенъ, потому что, черезъ нѣсколько вре-
мени онъ снова спросилъ.

— Всѣмъ ли вы довольны?

Толпа онять что то гаркнула, но понять было нельзя
только и слышалось: во-во-во-во-о-о...

— Подите по домамъ. Благодарю! сказалъ важный
господинъ.

— Рады стараться... во-во-о!.. разнеслось въ по-
сѣдній разъ по рѣкѣ и толпа отшатнулась отъ берега

Пароходъ набиралъ пары. Черезъ полчаса мы трону-
лись въ путь. Я сидѣлъ прикурнувшись на баржѣ около
мачты и былъ совершенно доволенъ своимъ незатѣйли-
вымъ помѣщеніемъ. Кругомъ меня тѣснились солдаты
съ ружьями; слышались звуки дѣшей:—возвращали

изъ Николаевска ссыльно-каторжныхъ обратно въ Нерчинскіе заводы, по причинѣ развившейся у нихъ цынготной болѣзни. Брань, ссоры, грубый говоръ... запахъ махорки... Но за эту непріятную обстановку наградой была возможность наблюдать жизнь тѣхъ людей, о которыхъ мы такъ много шумимъ и которыхъ совсѣмъ не знаемъ.

Тѣ впечатлѣнія, которыя я вынесъ изъ путешествія на палубной баржѣ, послужили мнѣ началомъ новыхъ литературныхъ работъ; но придется ли мнѣ когда нибудь ихъ окончить—я и самъ не знаю, потому что не знаю, куда бурная волна жизни занесетъ мой утлый челнокъ, не знаю, въ какія положенія я буду поставленъ роковою, неотразимою силою внѣшнихъ вліяній, рабомъ которыхъ считаю я cadaго человѣка, не признавая за нимъ собою части той самостоятельной воли, которую онъ себѣ приписываетъ; не признаю я этой воли потому, что образованіе и происхожденіе ея зависятъ опять таки отъ роковой и неотразимой силы внѣшнихъ вліяній...

* К О Н Е Ц Ъ .

HARVARD UNIVERSITY

<http://lib.harvard.edu>

If the item is recalled, the borrower will
be notified of the need for an earlier return.

Thank you for helping us to preserve our collection!

HDI
HW 6E6U J

